

ISSN 2618-9100

2022 • № 1

ИСТОРИЧЕСКИЙ КУРЬЕР

НАУЧНЫЙ ЭЛЕКТРОННЫЙ
ЖУРНАЛ

ISSN 2618–9100

ИИ СО РАН

Исторический курьер
2022. № 1 (21)

2021. № 1 (21)

Издается с октября 2018 г.

Выходит 6 раз в год

Учредитель:

Федеральное государственное
бюджетное учреждение науки
Институт истории
Сибирского отделения
Российской академии наук

Адрес редакции:

Россия, 630090, Новосибирск,
ул. Николаева, 8,
Институт истории СО РАН.
В редакцию журнала
«Исторический курьер»

Тел.: +7 (383) 363-03-24

Факс: +7 (383) 333-24-37

E-mail: mail@istkurier.ru

<http://istkurier.ru/>

Над выпуском работали:

выпускающий редактор –
д-р ист. наук Н.Н. Аблажей,
секретарь номера –
канд. ист. наук Н.А. Потапова;
корректор – Т.В. Велигжанина;
верстальщик – В.В. Введенский;
администратор сайта – К.А. Васильев.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА

Главный редактор

Комлева Евгения Владиславовна, доктор исторических наук, Институт истории СО РАН, Новосибирск, Россия

Заместитель главного редактора

Туманик Екатерина Николаевна, кандидат исторических наук, Государственная публичная научно-техническая библиотека СО РАН, Новосибирск, Россия

Ответственный секретарь журнала

Введенский Владимир Викторович, Институт истории СО РАН, Новосибирск, Россия

Редакторы и ответственные секретари выпусков

Аблажей Наталья Николаевна, доктор исторических наук, Институт истории СО РАН, Новосибирск, Россия – выпускающий редактор

Ананьев Денис Анатольевич, кандидат исторических наук, Институт истории СО РАН, Новосибирск, Россия – выпускающий редактор

Дашинамжилов Одон Борисович, кандидат исторических наук, Институт истории СО РАН, Новосибирск, Россия – ответственный секретарь

Журавлёв Вадим Викторович, кандидат исторических наук, Институт истории СО РАН, Новосибирск, Россия – выпускающий редактор

Кириллов Алексей Константинович, кандидат исторических наук, Институт истории СО РАН, Новосибирск, Россия – выпускающий редактор

Лапердин Вячеслав Борисович, кандидат исторических наук, Институт истории СО РАН, Новосибирск, Россия – ответственный секретарь

Петров Станислав Геннадьевич, кандидат исторических наук, Институт истории СО РАН, Новосибирск, Россия – выпускающий редактор

Потапова Наталья Анатольевна, кандидат исторических наук, Институт истории СО РАН, Новосибирск, Россия – ответственный секретарь

Резникова Мария Александровна, кандидат исторических наук, Институт истории СО РАН, Новосибирск, Россия – ответственный секретарь

Романов Роман Евгеньевич – кандидат исторических наук, Институт истории СО РАН, Новосибирск, Россия – ответственный секретарь

Савин Андрей Иванович, кандидат исторических наук, Институт истории СО РАН, Новосибирск, Россия – выпускающий редактор

Семёнов Михаил Александрович, кандидат исторических наук, Институт истории СО РАН, Новосибирск, Россия – выпускающий редактор

Чернова Ирина Сергеевна, Институт истории СО РАН, Новосибирск, Россия – ответственный секретарь

Члены редакционной коллегии

Блаховска Катажина, профессор, Институт истории Варшавского университета, Варшава, Польша

Гагкуев Руслан Григорьевич, доктор исторических наук, Институт истории РАН, Москва, Россия

Дай Цзяньбин, доктор исторических наук, профессор, Хэбэйский педагогический университет, Шицзячжуан, Китай

Данилович Вячеслав Викторович, кандидат исторических наук, Институт истории НАН Беларуси, Минск, Республика Беларусь

Дацышен Владимир Григорьевич, доктор исторических наук, профессор, Сибирский федеральный университет, Красноярск, Россия

Ильиных Владимир Андреевич, доктор исторических наук, Институт истории СО РАН, Россия

Исупов Владимир Анатольевич, доктор исторических наук, Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина, Новосибирск, Россия

Кабульдинов Зиябек Ернуханович, доктор исторических наук, профессор, Институт истории и этнологии им. Ч.Ч. Валиханова, Алматы, Казахстан

Катионов Олег Николаевич, доктор исторических наук, профессор, Института истории, гуманитарного и социального образования, Новосибирский педагогический университет, Новосибирск, Россия

Коцонис Янни, профессор, Нью-Йоркский университет, Нью-Йорк, США

Куперштох Наталья Александровна, кандидат исторических наук, Институт истории СО РАН, Новосибирск, Россия

Манчестер Лори, профессор, Университет штата Аризона, США

Плеханова Анна Максимовна, доктор исторических наук, Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, Улан-Удэ, Россия

Побережников Игорь Васильевич, доктор исторических наук, Института истории и археологии УрО РАН, Екатеринбург, Россия

Разгон Виктор Николаевич, доктор исторических наук, профессор, Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия

Рольф Мальте, доктор исторических наук, профессор, Университет Бремена, Бремен, Германия

Сабурова Татьяна Анатольевна, доктор исторических наук, Индианский университет, Блумингтон, США

Урбански Серен, кандидат исторических наук, Германский исторический институт, Вашингтон, США

Шелегина Ольга Николаевна, доктор исторических наук, Институт истории СО РАН, Новосибирск, Россия

Шиловский Михаил Викторович, доктор исторических наук, Институт истории СО РАН, Новосибирск, Россия

Щеглова Татьяна Кирилловна, доктор исторических наук, профессор, Алтайский государственный педагогический университет, Барнаул, Россия

ИСТОРИЧЕСКИЙ КУРЬЕР. 2022. № 1 (21)**Тема выпуска:****История и память: потенциал взаимодействия****СОДЕРЖАНИЕ***От редактора*7*From the Editor*8***История и память: потенциал взаимодействия****С.А. Красильников.* История и память в контексте политических интересов9–21*Д.О. Никулин.* Борьба с мифотворчеством в изучении Первой мировой войны как ответ на социальный запрос22–29*Д.Н. Москаленская.* Освещение советской репрессивной и дискриминационной политики в постсоветских школьных учебниках30–38*Ушакова С.Н.* Коллективная и индивидуальная историческая память о событиях российской и советской истории в коллекции Холокоста Архива визуальной истории Фонда «Шоа»39–44*Е.А. Ерохина.* Институты публичной памяти в дискурсивном пространстве неотрадиции: новосибирский кейс45–54***Память и забвение****Е.Н. Наземцева.* «Перехваченные судьбы»: переписка русских эмигрантов в фондах Центрального архива ФСБ России55–71*А.А. Кружалаина.* «Дело Бейлиса» в рефлексиях «еврейской советской интеллигенции» (на материалах наследия А.Я. Кагана)72–76*В.А. Фисюков.* Использование технологий карающего забвения на примере легитимации исключения Л.Д. Троцкого из ВКП(б)77–88*С.А. Папков.* Вивиан Итин на партийной чистке 1929 года: очередной шаг к гибели89–97*Т.К. Алланиязов.* История вооруженных выступлений и повстанческих движений 1929–1931 годов в Казахстане в новейшей литературе (2001–2021 годы) ...98–115*М.Ю. Шматов.* Мобилизованное прошлое: политика памяти и ее восприятие в идеологических кампаниях в Западной Сибири (1934–1939)116–123*А.Д. Дерендяева* Голод 1930-х годов в Казахской (Казахской) АССР: влияние современного кинематографа на конструирование идентичности124–132

Память о войне

- А.С. Жанбосинова.* Историческая память о Великой Отечественной войне в пространстве Казахстана133–144
- С.В. Смирнов, И.И. и А.Н. Серебренниковы* в строительстве «нового порядка» в Восточной Азии145–153
- И.В. Реброва.* Места памяти 214 детей с инвалидностью из Ейского детского дома Крайсо: публикация устного интервью с очевидцем событий 1942 года154–171
- А.В. Власов.* Поиск собственной идентичности: коммуникативная и культурная память в мемуарах сотрудников Советской военной администрации в Германии172–183

Историческая альтернатива в реальном пространстве и времени

- А.М. Аблажей, Н.Н. Аблажей.* Эвенкийская ГЭС: «за» и «против» (к истории обсуждения мегапроекта)184–216
- Е.Н. Крякин.* «Евреям в Советском Союзе быть!» Проблема выбора жизненного пути советского еврейства в годы поздней перестройки217–225
- С.С. Падалко.* Материальное еврейское наследие Краснодара226–232

Ad memoriam

- Ушла из жизни профессор Виктория Сливовская233–235
- Памяти Наталии Николаевны Родигиной236–237

HISTORICAL COURIER. 2022. No. 1 (21)**Issue Topic:
History and Memory: the Potential for Interaction****CONTENTS**

<i>From the Editor (Rus.)</i>	7
<i>From the Editor</i>	8

History and Memory: the Potential for Interaction

<i>S.A. Krasilnikov. History and Memory in the Context of Political Interests</i>	9–21
<i>D.O. Nikulin. Struggling Against Myth-Creating in The Study of the First World War as an Answer to a Social Reques</i>	22–29
<i>D.N. Moskalenskaya. Coverage of Soviet Repressive and Discriminatory Policies in Post-Soviet School Textbooks</i>	30–38
<i>S.N. Ushakova. Collective and Individual Memory about the Events of the Russian and Soviet History in the Holocaust Collection of University of Southern California Shoah Foundation's Visual History Archive</i>	39–44
<i>E.A. Erokhina. Institutes of Public Memory in the Discursive Space of Neotradition: The Novosibirsk Case</i>	45–54

Memory and Oblivion

<i>E.N. Nazemtseva. "Intercepted Fates": Correspondence of Russian Emigrants in the Funds of the Central Archive of the FSB of Russia</i>	55–71
<i>A.A. Kruzhalina. "The Beilis Case" in the Reflections of the "Jewish Soviet Intelligentsia" (on the materials of A. Kagan's heritage)</i>	72–76
<i>V.A. Fisyukov. The Use of Techniques of Repressive Oblivion as an Example of the legitimization of the Exclusion of L.D. Trotsky from the VKP(b)</i>	77–88
<i>S.A. Papkov. Vivian Itin during the Party Purge of 1929: Another Step Towards Ruin</i>	89–97
<i>T.K. Allaniyazov. The History of Armed Uprisings and Rebel Movements in 1929–1931 in Kazakhstan in the Latest Studies (2001–2021)</i>	98–115
<i>M.Yu. Shmatov. The Mobilized Past: the Memory Policy and Its Perception in Ideological Campaigns in Western Siberia (1934–1939)</i>	116–123
<i>A.D. Derendyaeva. The Famine of the 1930s in the Kazak (Kazakh) ASSR: Influence of Modern Cinema on the Identity Construction</i>	124–132

Memory of the War

<i>A.S. Zhanbosinova. Historical Memory of the Great Patriotic War in the Space of Kazakhstan</i>	133–144
<i>S.V. Smirnov. I.I. and A.N. Serebrennikov in the Construction of "New Order" in East Asia</i>	145–153

- I.V. Rebrova.* Memory Sites of 214 Children with Disabilities from the Yeysk Orphanage: an Oral History Interview with an Eyewitness of the 1942 Crime154–171
- A.V. Vlasov.* The Search for One's Own Identity: Communicative and Cultural Memory in the Memoirs of Employees of the Soviet Military Administration in Germany172–183

Open Archives

- A.M. Ablazhey, N.N. Ablazhey.* Evenki Hydroelectric Power Station: “For” and “Against” (to the History of the Debates on This Mega-Project)184–216
- E.N. Kryakin.* “Jews in the Soviet Union to Be!” The Problem of Choosing the Path of Life of Soviet Jewry in the Years of Late Perestroika217–225
- S.S. Padalko.* The Material Jewish Heritage of Krasnodar226–232

Ad memoriam

- Professor Victoria Slivovskaya has Passed Away233–235
- In Memory of Natalia Nikolaevna Rodigina236–237

ИСТОРИЧЕСКИЙ КУРЬЕР. 2022. № 1 (21)**Тема выпуска:****История и память: потенциал взаимодействия***От редактора*

В последнее десятилетие в информационном и научном пространстве появились устойчивые словосочетания «историческая память», «государственная политика памяти». Дискурс вокруг памяти, с одной стороны, говорит о том, что общество нуждается в переосмыслении, пересмотре, переоценке исторического прошлого, и одновременно свидетельствует о том, что с помощью исторического прошлого власть пытается консолидировать общество и выстраивать для него идентичность.

Распад СССР привел к переоценке эпохи. Хотя в советской эпохе, как и в любой другой, в одном ряду с событиями, которые консолидируют общество, находятся и те, которые остаются болезненными, порождают чувство несправедливости, вызывают споры и неоднозначные оценки.

К сожалению стоит констатировать, что сегодня перед историками фактически сформулирован заказ не столько на «правдивую», сколько на «славную» версию исторического прошлого, что подразумевает использование технологий «стирания памяти» и насаждения официальных стандартов в данной сфере. Попытка конструировать исключительно позитивную идентичность неизбежно ведет к формированию деформированной исторической памяти. В отношении многих «болезненных» сюжетов курс взят на табуирование, отрицание и мифологизацию. Эту линию на беспамятство очень метко обозначил Павел Полян, предложив метафору «историомор», понимая под этим торжество политики, пропаганды и анти-историзма (беспамятства) над собственно историей.

На историю сегодня очень давит политика, заставляющая подстраивать прошлое под сегодняшнее настоящее. Хочется надеется, что «победа» все равно останется за историей, а не за политикой.

*Н.Н. Аблажей***НАД ВЫПУСКОМ РАБОТАЛИ:**

выпускающий редактор – д-р ист. наук *Н.Н. Аблажей*;
ответственный секретарь – канд. ист. наук *Н.А. Потапова*;
корректор – *Т.В. Велигжанина*;
верстальщик – *В.В. Введенский*;
интернет-верстальщик – *К.А. Васильев*.

HISTORICAL COURIER. 2022. No. 1 (21)**The Theme of the Issue:
History and Memory: the Potential for Interaction***From the Editor*

In the last decade, the set phrases “historical memory”, “state policy of memory” have appeared in the information and scientific space. The discourse of memory, on the one hand, suggests that society needs to rethink, revise, reassess the historical past, but at the same time it also indicates that with the help of the historical past, the authorities are trying to consolidate society and build an identity for it.

The collapse of the USSR led to a reassessment of the era. Although in the Soviet era, as in any other, along with the events that consolidate society, there are also those that remain painful, give rise to feelings of injustice, cause controversy and ambiguous assessments.

Unfortunately, it should be noted that today historians are commissioned with not so much a “truthful” vision of the historical past but rather with a “glorious” one, which implies the use of “memory erasure” technologies and the imposition of official standards in this area. An attempt to construct an exclusively positive identity inevitably leads to formation of a deformed historical memory. With regard to many “painful” subjects, the course is taken to taboo, denial and mythologization. This line of forgetfulness was very aptly outlined by Pavel Polyan, who proposed a metaphor – “historiomor”, meaning by this the triumph of politics, propaganda and anti-historicism (forgetfulness) over history proper.

History today is under a lot of pressure from politics, forcing the past to be adjusted to today’s present. I would like to hope that the the battle will be won by history, not by politics.

*N.N. Ablazhey***THE ISSUE’S TEAM:**

Executive editor – Doctor of Historical Sciences *N.N. Ablazhey*;

Executive secretary – Candidate of Historical Sciences *N.A. Potapova*;

Corrector – *T.V. Veligzhanina*;

Layout designer – *V.V. Vvedenskiy*;

Web designer – *K.A. Vasil’ev*.

С.А. Красильников*

S.A. Krasilnikov*

**История и память в контексте
политических интересов****History and Memory in the Context
of Political Interests**

doi:10.31518/2618-9100-2022-1-1

doi:10.31518/2618-9100-2022-1-1

УДК 94 (47+57)

Выходные данные для цитирования:

How to cite:

Красильников С.А. История и память в контексте политических интересов // Исторический курьер. 2022. № 1 (21). С. 9–21. URL: <http://istkurier.ru/data/2022/ISTKURIER-2022-1-01.pdf>

Krasilnikov S.A. History and Memory in the Context of Political Interests // Historical Courier, 2022, No. 1 (21), pp. 9–21. [Available online: <http://istkurier.ru/data/2022/ISTKURIER-2022-1-01.pdf>]

Abstract. In the Soviet era, the authorities tried to construct an identity for society based on ideology, while sacrificing the rest of the basic identities (ethnic, confessional, cultural, settlement/community, family). This resulted in formation of the phenomenon of ‘chopped off’, deformed historical and social memory. The next round of the search for an identity uniting society prompted the post-Soviet authorities to use the potential of the historical past through “memory management” (state policy of historical memory). Historians are now being given an “order” not so much for a proven, as for a “glorious” version of historical past, which implies the use of “memory erasure” technologies and the imposition of memory standards. There is a contradiction between the nature and goal-setting of social memory and scientific reflection on the past (“history” is historical knowledge, “memory” is based on values). “Historical memory” is the applied application of historical knowledge, the movement of history towards the demands and requirements of social memory; in a narrow and instrumental sense, it is the involvement and responsibility of professional historians for the formation and transformation of all types of memory. Coverage of the historical process should imply and take into account the presence of three components in it – state-centric, socio-centric and personality-centric. The social function of a historian to a large extent consists in reviving interest in the civic aspects of the past and thereby helping to fill the deficit of their identity by various communities and personalities. An important and potentially very productive field is competent professional interaction with carriers and keepers of social / cultural memory in the field of collecting oral memories, their adequate fixation, preservation and popularization of the latter.

Keywords: history, scientific reflection, social memory, state policy of memory, political interests.

The article has been received by the editor on 01.12.2021.

Full text of the article in Russian and references in English are available below.

Аннотация. В советскую эпоху государство попыталось выстроить идентичность для социума на основе идеологии, пожертвовав при этом остальными базовыми идентичностями (этническими, конфессиональными, культурными, поселенческими/земляческими, семейными). В итоге сформировался феномен «обрубленной» деформированной исторической и социальной памяти. Очередной виток поиска объединяющей общество идентичности побудил постсоветскую власть использовать потенциал исторического прошлого через «управление памятью» (государственная политика исторической памяти). Перед историками ныне формулируется «заказ» не столько на доказательную, сколько на «славную» версию исторического прошлого, что подразумевает использование технологий «стирания памяти»

* **Красильников Сергей Александрович**, доктор исторических наук, Институт истории Сибирского отделения Российской академии наук, Новосибирск, Россия, e-mail: krass49@gmail.com

Krasilnikov Sergey Aleksandrovich, Doctor of Historical Sciences, Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russia, e-mail: krass49@gmail.com

и насаждения стандартов памяти. Между природой и целеполаганием социальной памяти и научной рефлексией о прошлом существует противоречие («история» – это историческое знание, «память» же основана на ценностях). «Историческая память» – это прикладное применение исторических знаний, движение истории навстречу запросам и требованиям социальной памяти; в узком и инструментальном значении – причастность и ответственность профессиональных историков за формирование и трансформацию всех разновидностей памяти. Освещение исторического процесса должно подразумевать и учитывать присутствие в нем трех составляющих – государственно-центричное, социо-центричное и личностно-центричное. Социальная функция историка в значительной мере состоит в возрождении интереса к гражданским аспектам прошлого и тем самым содействовать восполнению различными общностями и личностями дефицита своей идентичности. Важное и потенциально весьма продуктивное поле – это грамотное профессиональное взаимодействие с носителями и хранителями социальной / культурной памяти в сфере сбора устных воспоминаний, их адекватной фиксации, сохранении и популяризации последних.

Ключевые слова: история, научная рефлексия, социальная память, государственная политика памяти, политические интересы.

В постсоветский период можно наблюдать своего рода волнообразность внимания российского социума к своему историческому прошлому. В 1990-е гг. кризис «советскости» преломлялся в массовом общественном сознании в глобальное переосмысление и переоценку прежних мировоззренческих ценностей, сформировавшихся в советскую эпоху. Запрос на упомянутое выше переосмысление находил выход в валовом росте работ историко-публицистического характера, начиная от формата газетно-журнальных публикаций до выпуска значительными тиражами полупрофессиональных, а нередко и квазипрофессиональных работ на тему «исторического пути России», где событиям советского периода отводилось знаковое место.

Всплеск разножанровых публикаций в дальнейшем только закреплялся, что свидетельствовало об устойчивости потребности со стороны социума, отдельных его групп и общностей в выстраивании собственной идентичности, и с определенного момента (с так называемых нулевых годов) *попал* в поле интереса институтов власти. В информационном поле, особенно после 2010 г., появляются устойчивые словосочетания «историческая память», «государственная политика памяти» как очевидные свидетельства того, что государственные институты оценили потенциал исторического прошлого в качестве одного из важных факторов укрепления своей легитимации, с одной стороны, и ресурса социальной мобилизации – с другой.

Ввиду многозначности терминологического словосочетания «историческая память» следует договориться о его природе, смыслах и границах применения. В профессиональной исторической науке на этот счет есть несколько отрефлексированных позиций. По одной из них следует четко отграничивать понятия «история» и «память». «История» по своей природе – это *историческое знание*, или отрефлексированная, закреплённая и упорядоченная информация о прошлых событиях, явлениях, процессах. «Память» по своей природе и формам существования – социальная, коллективная, групповая. Социальная память основана на *ценностях*. Можно говорить и о культурной памяти, которая также выражается в ценностях, символах, нарративах. Социальная или культурная память – это тоже рефлексия о прошлом, но формируемая, закрепляемая и передаваемая по иным основаниям, нежели историческое знание. Отсюда и проистекает интеллектуальная традиция разведения понятий «история» и «память».

Среди историков данная позиция в наиболее завершённом виде формулируется французским исследователем Пьером Нора: «Память – явление всегда современное, это переживаемая связь с вечным настоящим; история же – представление о прошлом. Так как память эмоциональна и легковерна, ее устраивают только те детали, которые ее упрочивают...

История же, будучи операцией интеллектуальной и секуляризаторской, требует анализа и критического дискурса. Память помещает воспоминание в разряд священного, история же выгоняет его оттуда... память по своей природе является многосложной и делимой, коллективной, множественной и индивидуализированной. История же, наоборот, принадлежит всем и никому, что сообщает ей устремленность ко всеобщему»¹.

Его соотечественник, Антуан Про, выступая, безусловно, на стороне П. Нора, размышляя о том, как найти выход из противоречия между природой и целеполаганием социальной памяти и научной рефлексией о прошлом, ищет поле разумного взаимодействия между социальным и научным обращением к прошлому. Его он находит в следующем: «Наше... общество боится уже не утонуть в прошлом, а потерять его... Охватившая нас “мемориальность”, требующая от историков компетентного и авторитетного участия, сопровождается беспрецедентным подъемом интереса к культурному наследию»². Однако профессиональные приоритеты должны быть соблюдены: «...история не должна идти в услужение к памяти; она должна, конечно, считаться со спросом на память, но лишь для того, чтобы превратить этот спрос в историю»³.

В соответствии с вышесказанным, коль скоро речь идет о принципах и границах взаимодействия истории и памяти, тогда словосочетание «историческая память» должно иметь определенную оговорку или допущение: историческая память (ИП) – это прикладное, или практико-ориентированное, применение исторических знаний, движение истории навстречу запросам и требованиям социальной памяти. *Тогда ИП в ее узком и инструментальном значении – это причастность и ответственность профессиональных историков за формирование и трансформацию всех разновидностей памяти – социальной, национальной, культурной, этнической и др.*

Другая принципиальная грань проблемы ИП – это ее субъектность: кто выступает создателем/хранителем/интерпретатором при упорядочении информационного корпуса, называемого исторической памятью в ее практическом приложении. Здесь мы вступаем в пространство информационно-коммуникационных связей, для понимания механизмов действия которых следует воспользоваться знаменитой формулой американского социолога Г. Лассуэлла: *кто – что – как – кому – с каким эффектом* сообщает/передает информацию.

Нейтральной социальной информации практически не бывает: она всегда ценностно окрашена. Отсюда вырастает ценность обладания информацией и механизмами ее распространения. Следовательно, субъектность «мемориальности» является ключевой. Отсюда знаменитая формула из не менее знаменитого романа Дж. Оруэлла «1984» об одном из постулатов тоталитаризма: «Кто управляет настоящим – тот управляет прошлым»⁴. Отсюда и проблема «управляемой памяти», или институциональный аспект: политика в области исторической памяти. Нужна ли она, и если да, то далее содержательные аспекты: возможности и границы/пределы воздействия на ИП. Какой была/есть/может быть государственная политика памяти (ГПП) – жесткой/директивной/прямой или мягкой/косвенной, опосредованной?

Здесь может быть уместен пример из раннесоветской эпохи, когда, придя к власти и удержав ее в период Гражданской войны, большевики решали задачу упрочения нового режима. Проблема прямого контроля над прошлым напрямую в первой половине 1920-х гг. не стояла, однако для политического руководства насущной задачей выступали стратегия и тактика овладения культурным наследием или овладения мировоззренческими «высотами». В наиболее отчетливой форме партийно-государственная линия оказалась выражена в публицистической статье Л.Д. Троцкого «Партийная политика в искусстве» (1923): «*Есть области, где партия руководит непосредственно и повелительно. Есть области, где она контролирует и содействует. Есть области, где она только содействует. Есть, наконец,*

¹ Цит. по: Про А. Двенадцать уроков по истории. М., 2000. С. 313.

² Про А. Двенадцать уроков по истории... С. 314–315.

³ Там же. С. 319.

⁴ Оруэлл Дж. 1984. М., 1989. С. 36.

области, где она только ориентируется. Область искусства не такая, где партия призвана командовать. Она может и должна ограждать, содействовать и лишь косвенно – руководить».

Далее Троцкий высказывает весьма актуальные мысли о партийной политике и практике ее реализации в сферах культуры в широком смысле, включая сюда науку, литературу, искусство. Здесь он выступает за разумное сочетание твердости и гибкости: «Критерий наш – отчетливо политический. Но именно поэтому он должен ясно очерчивать пределы своего действия. Чтобы выразиться еще отчетливее, скажу: при бдительной революционной цензуре – широкая и гибкая политика в области искусства, чуждая кружкового злопыхательства.

Совершенно очевидно, что и в области искусства партия не может ни на один день придерживаться либерального принципа *laissez fair, laissez passer* (предоставьте вещам идти своим ходом). Весь вопрос только в том, с какого пункта начинается вмешательство и где его пределы; в каких случаях – между чем и чем партия обязана делать выбор. И этот вопрос вовсе не так прост...»⁵.

Очевидно, что в позиции Троцкого можно увидеть определенный универсальный механизм государственной политики не только управления и регулирования культурными процессами как таковыми, но и технологии внесения и утверждения государственных приоритетов в общественное сознание с целью формирования мировоззренческих основ и ориентиров. Будучи как теоретиком, так и практиком большевистской государственности, Троцкий предлагал достаточно широкий арсенал средств регулирования, в широком смысле, государственной гуманитарно-мировоззренческой политики и практики ее реализации. Впрочем, государственная политика памяти с привлечением профессиональных историков на институциональной основе началась с середины 1930-х гг., уже вне влияния Л.Д. Троцкого и в достаточно жесткой директивной форме. В то же время подход Троцкого к пониманию того, что диктатура в культуре может привести к деструктивным последствиям (а в нашем случае речь идет о диктатуре памяти), оказывается весьма актуальным в современных условиях, когда «историческая память» становится элементом конструирования идентичности – государственной и гражданской.

Советская эпоха была масштабным мировоззренческим экспериментом, где громадные средства были брошены на достижение сверхцели – в рамках так называемой социальной инженерии сконструировать и закрепить для воспроизводства новый тип личности («советский человек») и общность («советский народ как новая историческая общность»). Считалось, что выстроенная на мировоззренческой/идеологической основе социальная идентичность будет базовой, доминирующей, определяющей. В жертву были принесены как минимум две базовые традиционные идентичности – этническая и конфессиональная, а также две другие не менее корневые – культурная и территориально-поселенческая (земляческая).

Сегодня с очевидностью можно констатировать, что данный советский государственный проект оказался тупиковым и на свое место вернулись традиционные идентификаторы – этнические, конфессиональные, культурные, поселенческие и т.д. Это своего рода историческое предупреждение – государственные проекты/программы должны иметь четкие границы, или коридор возможностей, когда речь идет о воздействии, влиянии на органические процессы, идущие объективно, имеющие свой ритм, логику.

В социально-гуманитарных дисциплинах используется терминологическое понятие – «горизонты памяти»: они могут быть короткими и длинными, продолжительными. Пропаганда и идеология всегда имеют в своем арсенале два горизонта «управляемой памяти» – короткий и длинный. И теми и другими можно управлять, а следовательно, и манипулировать. Известный российский демограф Анатолий Вишневский не так давно очень удачно подметил технологии «стирания памяти» – вычеркивание из советской государственной официальной памяти целых народов. Достаточно взять в руки Большую

⁵ Троцкий Л.Д. Литература и революция. М., 1991. С. 170–172.

советскую энциклопедию (БСЭ), выходящую в первой половине 1950-х гг. Там нет статей «калмыки», «чеченцы», «ингуши», так как на тот момент они относились к категории «депортированных народов» с маркировкой «навечно». Под этим углом зрения чрезвычайно полезным было бы проанализировать БСЭ как историко-культурный источник, причем на предмет не только того, что там представлено, но и в большей даже степени того, что было «стерто», вычеркнуто.

Применительно к советскому историческому прошлому мы имеем дело с феноменом «обрубленной» деформированной травматичной памяти. На первую половину XX в. в России / СССР пришлось экстремальная полоса войн, революций, массовых репрессий, где трудно выделить хотя бы одно «спокойное» пятилетие. Все это сопровождалось колоссальными по своим масштабам и последствиям социально-демографическими перемещениями, которые сказались на судьбах социальных слоев, этносов, конфессиональных и других общностей. Историки и социологи описывают эти события в рамках трех «М»: мобильность – миграции – маргинальность. При наложении друг на друга они давали кумулятивный эффект, носивший для отечественного социума избыточно катастрофичный характер. Катастрофы эпохи войн, революций и тоталитарного режима – это не только обрушение социальной структуры и иерархии социальных статусов, когда вертикальная мобильность действует одновременно в двух направлениях, нисходящем и восходящем, следствием чего становится нивелирование, «огрубление», упрощение социальной структуры, связей и отношений. «Перепахиванию» подверглись те «точки роста», которые аккумулировали прогрессивный социальный капитал пореформенной России, своего рода «протоклассы» (профессиональные рабочие, предприниматели, интеллигенция). Сюда же попали и традиционные сословия, идентичность которых оказалась окрашена отрицательной политико-идеологической коннотацией (дворянство, священнослужители, крестьянство, казачество). В итоге социально-профессиональные общности оказались переформатированы в рамках советского общества таким образом, что возникла символическая модель «народного общества» из трех составных частей (рабочие – крестьяне – служащие). Сформированные за краткий исторический промежуток времени перечисленные общности оказались в ситуации, когда акцентировалось внимание на идентификационной новизне, а не на преемственности с прошлым.

Отсюда сложился феномен «обрубленной» деформированной памяти, и не только на уровне социальной памяти тех или иных групп, общностей, но прежде всего на уровне семьи, поколений. Для громадной массы семей их семейная память ограничивается, как правило, несколькими поколениями, выпавшими на XX век. Глубже – хотя бы в пореформенном периоде России – отыскать, зафиксировать семейные корни крайне трудно. И дело здесь не только в банальной причине – зачастую попросту нет документальных свидетельств, источников, семейных архивов. Самый популярный, с точки зрения массового спроса, в региональных архивах сегодня источник – это метрические книги дореволюционного периода. Громадный интерес и тяга к поиску своих семейных родословных, т.е. корней, свидетельствует о социальной востребованности, спросе на историческое прошлое. И это поле реального взаимодействия профессиональных историков с людьми – консультации, экспертные рекомендации, нацеленные на то, чтобы оказать содействие желающим найти нужную персональную информацию. Но это только один из аспектов участия историков в возвращении памяти.

Более сложным является пространство взаимодействия профессиональных историков с представителями консолидированных по разным основаниям общностей. Достаточно ярко проявившимися группами, обращающимися к прошлому в поисках своей идентичности, выступают в современных условиях казачество, конфессиональные и этнические образования и др. К этому следует присоединить и стремление к восстановлению своей «корневой» системы профессиональных, корпоративных групп, начиная от представителей силовых структур и кончая священнослужителями, банкирами и др. В данном случае перед историками встает дилемма «заказа» на историю, когда с точки зрения интересов той или

иной общности или корпорации это может быть не столько «правдивая», сколько «славная» версия ее исторического прошлого. Наибольшую активность проявляют представители силовых структур и РПЦ, корпоративные истории которых поддерживаются на институциональном уровне, отсюда возникают периодические коллизии в трактовках событий истории XX в. между «корпоративными» и «гражданскими» исследователями. Необходимо признать, что наиболее толерантные и конструктивные взаимодействия выстроены и поддерживаются между профессиональными историками и носителями этнических и конфессиональных общностей вокруг истории государственных репрессий сталинской эпохи, где потребность в настоящей исторической реконструкции трагических событий признается безоговорочной ценностью. Позитивным моментом следует считать то, что такого рода исследовательской и просветительной деятельностью профессиональные историки реализуют одно из своих важнейших предназначений – способствовать восполнению различными общностями недостатка идентичности.

Вместе с тем, как справедливо заметил А.Б. Рогинский в своем известном выступлении на Первой Международной конференции по истории сталинизма в 2008 г. «Память о сталинизме», если население страны после 1991 г. испытало недостаток идентичности, то власть, новая элита обратилась к прошлому из-за дефицита собственной легитимности: «Образ счастливого и славного прошлого был нужен для консолидации населения, восстановления непрерывности авторитета государственной власти, укрепления собственной вертикали и т.д.»⁶. Государственная политика памяти стала в последующие годы действенным инструментом властных институтов, и здесь Рогинский оказался прозорливо прав в том, что «постепенно и подспудно концепция великой России прирастала советским периодом, в частности, сталинской эпохой... это не результат установки на идеализацию Сталина, а побочное следствие другой задачи – утверждение заведомой правоты государственной власти»⁷.

Вряд ли найдутся возражения против тезиса о громадной роли государственной власти как одного из базовых факторов существования и развития страны, ее граждан. Вопрос заключается в том, где находится грань, перейдя которую, политическая власть может подменять интересы граждан своими собственными, корпоративными, выдавать осуществление собственной охранительной политики за государственные интересы и безопасность, где гражданское начало подменяется принципом державности, где государственное величие объявляется высшей ценностью в сравнении с интересами человеческими и общественными.

Здесь мы имеем дело с новым изданием тоталитарного принципа контроля над прошлым в интересах собственной легитимации. Государственная мемориализация решает не до конца решенную в 1990-е гг. задачу увековечения отечественной государственности в форме памятников династического характера (князю Владимиру в Москве, Ивану Грозному в Орле), зондируется почва для возвращения на пьедесталы и в топонимику деятелей советской государственности (И. Сталина, Ф. Дзержинского). В своем недавнем острополемиическом эссе культуролог и историк Виталий Куренной отмечает особенности современной фазы политики памяти: «Эти памятники про пространство, а не про историческое время. Можно выделить три аспекта этой пространственной логики: геополитическую, милитаристски-географическую и эстетическую.

Установление памятника князю Владимиру в центре Москвы прочитывается в первую очередь как ответ на сложившуюся ситуацию конфликта с Украиной и изменение конфигурации отношений с Киевом... Изменилась геополитическая ситуация – изменяется и конфигурация пространственного расположения памятников... Пространственная интерпретация истории выходит на первый план и в других громких событиях, связанных с установкой памятников в последнее время. Здесь пространство – по формуле “собирания” или “защиты” земель – выступает уже как основной масштаб деятельности исторического

⁶ Рогинский А.Б. Память о сталинизме // История сталинизма: итоги и проблемы изучения. Материалы междунар. науч. конф. (Москва, 5–7 декабря 2008 г.). М., 2011. С. 23.

⁷ Там же. С. 27.

лица, ключевой аргумент признания его военно-исторической роли. ...Вопросы исторической памяти превращаются здесь в вопросы пространственного расположения территориальных границ и оборонительных линий, что и выступает как самодостаточный аргумент с точки зрения инициаторов установки памятника... Подобная редукция истории к пространству означает архаизацию исторического мышления и исторического чувства. Это возвращает нас в досовременный период, где монументы царей и полководцев создавались с одной целью – навечно превознести их великие свершения и покорение новых территорий»⁸.

Мы разделяем мнение В. Куренного в том, что современные нам действия по актуализации исторического прошлого в чьих-либо интересах, в том числе путем мемориализации, несут в себе потенциал антиисторизма, поскольку нацелены на то, чтобы время остановилось «здесь и сейчас», создавая барьеры для развития исторического знания, которое по своей природе является не застывшим, а подвижным, изменчивым.

На наш взгляд, освещение исторического процесса (в ракурсах исторического знания, образования и просвещения) должно иметь не одну, а несколько доминант, как минимум три: *государственно-центричную, социо-центричную и лично-центричную*. В историческом образовании и просвещении наблюдается абсолютное доминирование государственно-центричной интерпретации прошлого. В какой-то весьма специфической мере присутствует так называемый личностный фактор, да и то он выражен в фигурах государственных лидеров и деятелей, военачальников, реже ученых, корифеев культуры. Социумный аспект практически низведен до уровня статистического, демографического измерения. Разнообразие и многообразие социумной жизни находится на периферии: выше уже отмечалось, что государственно-политическая идентичность фактически в XX в. подмяла и деформировала другие базовые основания для идентичности (этнические, конфессиональные, культурные). И возрождение интереса к гражданским аспектам прошлого может и должно найти свое место в деятельности профессиональных историков. Тем более что здесь поле для естественного формирования исторической памяти. Напрашивается также сравнение с природным явлением – растением, травой, деревом. Продолжая аналогию, заметим, что в случае с феноменом патриотизма мы можем наблюдать разнонаправленность – он может быть органичным, а может быть и искусственным, спускаемым сверху вниз. Но растения и деревья растут снизу вверх, а не наоборот. Попытка же искусственно вмешаться и ускорить эти процессы чаще всего оказывается контрпродуктивной.

Соответственно, если говорить о политике в области формирования исторического самосознания, образования и просвещения, то она может и должна носить взвешенный характер, учитывающий характер и особенности социальной, культурной, этнической и других форм памяти. Памятуя о прозорливом замечании Л. Троцкого, политике пристало опираться здесь на так называемую триаду: *содействие – взаимодействие – воздействие*. Следует четко определять те границы, методы работы в сфере памяти, где используются технологии *содействия* (скажем, поддержка гражданских инициатив), *взаимодействия* (площадки для диалогов, координация различного рода программ, проектов), *воздействия* (сфера правоприменения в отношении проявлений национализма и различного рода фобий). Первые два вектора создают условия для *роста и развития памяти*. Воздействие «сверху» при определенных условиях грозит выродиться в *политику насаждения стандартов памяти*.

У феномена государственной «политики памяти», помимо перечисленных аспектов, есть еще одно из важных измерений, с которым сплошь и рядом сталкиваются в своей деятельности профессиональные историки – это «присвоенное прошлое». В данном случае речь идет о двух взаимосвязанных сторонах информации о прошлом, которая остается по прошествии той или иной эпохи, в нашем случае – сталинской. Одна из них – это *символическая история*, созданная технологиями индоктринации и действиями идеолого-пропагандистских

⁸ Куренной В. «Это взгляд не историков, а полководцев» [Электронный ресурс]. URL: https://www.gazeta.ru/gazeta/authors/vitalii_kurennoi.shtml (дата обращения: 15.11.2022).

институтов. Она носит заведомо тенденциозный, но в то же время и весьма укорененный характер, поскольку вошла в государственную институциональную политику и практику (символика, праздники, топонимика). И хотя «после Сталина» исчезли наиболее явные упоминания о нем и его окружении, остались существенные атрибутивные черты тоталитарной эпохи – персонализация и сакрализация Первого лица, идеократический характер власти, господство этатизма, охранительно-мобилизационные технологии воздействия государства на социум и т.д. Вторая из сторон – это собственно *разновидовая информация о прошлом*. Государственные институты сохраняют монополию на информацию, создававшуюся ими самими, монополию на доступ к ней и ее инструментальное использование. Сложился эффект двойного «присвоенного прошлого» – символической истории и документальных и нарративных ресурсов.

Отсюда реальная реконструкция событий и процессов сталинской и, шире, советской эпохи не просто крайне затруднена, но и встречает ряд почти непреодолимых препятствий. При очевидной тенденциозности советской официальной «картины мира» исследователи сталкиваются сплошь и рядом с явлением столь же глубокой тенденциозности, заданности и даже прямой фальсифицированности самих документальных источников, поскольку циркулировавшая в системе власти информация выполняла присущие ей функции. Классические приемы источниковедческого анализа здесь также бывают трудноприменимы, поскольку желательное выявление и сопоставление информации из разных источников, ее перепроверка часто оказываются невыполнимыми; статистические ряды за разные периоды могут быть выстроены по различным основаниям, а потому и несопоставимы; первичная, «низовая» социальная информация чаще всего не сохранялась или намеренно уничтожалась и т.д.

Историки стремятся преодолеть трудности такого рода, работая с доступным для них корпусом источников. Существуют успешные апробированные технологии, в частности, связанные с реконструкциями механизмов принятия и реализации важных государственно-политических решений. Когда и если в распоряжении историков оказывается комплекс источников, содержащих не только причину и инициацию конкретного постановления, но и его корректировку в ходе практической реализации, то задача научной реконструкции события может быть выполнена. Об этом, в частности, свидетельствует опыт работы над рядом серийных изданий, в которых отражена советская репрессивно-дискриминационная политика в отношении различных групп постреволюционного социума («Архивы Кремля», «Трагедия советской деревни», «История сталинского ГУЛАГА» и др.).

Изучение репрессивной системы в целом дает историкам возможность для исторических реконструкций, поскольку в своем «ядре» она содержит с той или иной степенью полноты и достоверности информацию о технологиях насилия. И хотя гражданские историки (в отличие от корпоративных) ныне все более отсечены от ведомственных архивов, однако за прошедшие после 1991 г. два десятилетия накоплен и обобщен эмпирический материал, дающий ответы на вопросы о функционировании репрессивной системы в СССР («Что и как это было»). Особенно значительные сдвиги произошли в изучении «анатомии Большого Террора»: с выходом серии документальных и аналитических публикаций ныне с достаточной достоверностью установлены масштабы, технология репрессий, состав репрессированных и другие существенные параметры этого феномена. Достаточно высоким следует считать уровень разработки проблемы принудительных миграций, хотя пока не все депортационные кампании, коих в разном формате насчитывалось в советскую эпоху около 50, изучены с необходимой полнотой, но динамика научных исследований этого сегмента репрессий достаточно позитивна. Безусловно, в репрессивных кампаниях есть еще свои «серые» зоны, которые касаются изучения технологий и последствий тех из них, которые происходили в форме «Указов», и здесь значительная и кропотливая изыскательская работа еще впереди. Столь же «серой» зоной следует считать технологии и последствия амнистийонных кампаний, приуроченных к различным юбилейным датам и по другим основаниям в 1920 – середине 1950-х гг. Статистика советских государственных репрессий раннесовет-

ской и сталинской эпох с достаточной определенностью выделяла виды наказаний, связанных с лишением свободы, и наказания, связанные с отработкой на производстве без лишения свободы (исправительные работы). Во втором случае историкам известны масштабы наказаний такого рода, но не институциональная и технологическая сторона их практического осуществления.

Существование ряда тематических полей, не вполне разработанных отечественными российскими историками (здесь логично кооперирование с ныне зарубежными, а ранее – с исследователями из республик, входивших до 1991 г. в состав СССР), поднимает очень важную проблему профессионального взаимопонимания и необходимости оперировать в одном формате такими категориями, как «геноцид», «террор», «депортации», «сопротивление» и др. Взаимный опыт конструктивной работы куда более важен и ценен, нежели открытие очередных «битв за историю».

Между тем мы являемся современниками и участниками достаточно отчетливо выраженного процесса утверждения государственной монополии, или «командных высот» в сфере изучения и трактовки событий Великой Отечественной войны и, шире, оценок причин, хода и итогов Второй мировой войны. Причины государственного интереса в данной области очевидны, поскольку касаются проблем особенно чувствительных как для внешней, так и для внутренней политики руководства страны, и связаны со стремлением выстроить более прочные основания для идентификации населения России вокруг рубежного события прошлого, выдвинувшего страну в разряд сверхдержавы.

Уместно напомнить, что интересы государственных структур лежат в плоскости обеспечения и использования ресурсов знаний о прошлом в необходимом и систематизированном, подконтрольном власти направлении. С этой целью применяются идеологические и организационные усилия для того, чтобы выстроить не только систему исторического образования всех ступеней, от школьного до поствузовского, но и создать платформу для распространения государственных установок в сфере деятельности негосударственных, некоммерческих организаций, прямо или опосредованно работающих в области патриотического воспитания детей, подростков, молодежи. В данном случае речь идет о различного рода АНО, НКО, нацеленных на сферу сохранения и популяризацию памяти о прошлом, функционально работающих в воспитательно-мировоззренческой сфере. Существует значительный канал институциональной поддержки деятельности данных организаций через различные фонды, прежде всего Фонд президентских грантов (ФПГ) для НКО, одним из приоритетных направлений для которого выступает именно направление поддержки развития и сохранения исторической памяти.

Вместе с тем трудно не заметить, что в грантовом пространстве среди принятых к поддержке заявок сложилась тенденция преобладания инициатив, направленных на сферу сохранения и пропаганды памяти о событиях Великой Отечественной войны, т.е. с ориентацией на формирование военно-патриотического воспитания и мировоззрения подрастающих поколений. Цель, безусловно, благая, которая требует необходимой государственной и общественной поддержки. При этом очевидным выступает то явление, что в данном сегменте исторической памяти, помимо здорового потенциала, связанного не только с расширением информационных каналов получения сведений о Большой войне и доступности открывшихся ресурсов фондов Министерства обороны о боевых действиях и награждениях солдат и офицеров или возможностей активации потенциалов семейной памяти о войне, а также привлечение современных информационных возможностей популяризации событий военной эпохи (интерактивные технологии, визуализация источников, виртуальные музейные и выставочные экспозиции и т.д.), налицо проявление и прагматической тенденции, основанной на конъюнктурном желании использовать память о событиях военного времени.

Речь в данном случае может идти о явных, а часто и неявных намерениях использования тренда государственной политики памяти о войне как о трагедии и жертвах, принесенных во имя достижения победы и независимости страны, государства, народа. Сохранение и

увековечивание памяти о жертвах и трагедии Большой войны рискует превратиться в описание памяти о жертвенности и подвигах, которые не требуют значительных усилий для подтверждения приверженности военно-патриотической тематике (организация и проведение фестивалей и смотров военно-патриотических песен; пропаганда памяти о героях Отечественной войны, уже увековеченных государством в названиях улиц, школ; школьные конкурсы по изучению фронтовых писем, хранящихся в музеях и архивах и т.д.). Здесь есть, безусловно, и использование освоенных в советскую эпоху форм и технологий сохранения памяти о военной эпохе (мемориальные комплексы, школьные музеи боевой славы, движение по поиску мест захоронений павших воинов, походы по маршрутам боевых действий в конкретном регионе), ибо памятники и мемориалы требуют поддержки, реставрации, а где-то и восстановления, реконструкции; то же касается школьных музеев и уголков, поддержки участников Отечественной войны. Однако нельзя не заметить, что часть мероприятий по сохранению памяти о войне приобретает формально-деятельностный и поверхностный характер, где в обоснование положен тезис о необходимости противостояния «искажению памяти о событиях Второй мировой и Отечественной войн». Далее у заявителей присутствуют рассуждения о необходимости видеосъемок интервью и встреч подростков с ныне живущими участниками боев и битв, которые помогут этому противостоять, формируя непредвзятые и объективные оценки событий Отечественной войны, хотя нетрудно предположить, что сами воевавшие уже ранее неоднократно делились своими воспоминаниями и военным опытом, а в современной ситуации возраст воевавших приближается к столетнему рубежу и их участие в мемориальных мероприятиях таит значительные риски.

Между тем совершенно вне отмеченного выше приоритетного направления памяти о событиях Отечественной войны оказывается «незнаменитая память» о громадной массе населения страны, оказавшейся «на обочине войны», по меткому выражению П. Поляна и Н. Поболя, историков, инициировавших в издательстве РОССПЭН серию из 11 книг документов и воспоминаний людей воевавших и невоенных, оказавшихся в условиях военного плена, а затем в фильтрационных лагерях и пунктах, в штрафных частях, в отечественных местах заключения, на оккупированных территориях, затем на принудительных работах в Германии, послевоенных репатриантов и др.⁹

Мы солидарны с пусть и полемически заостренным, но верным по сути высказыванием П. Поляна в публикации 2016 г., где он указывает на очевидные «прорехи» живучести и воспроизводства в современных условиях «Главпуровского» наследия трактовок памяти об Отечественной войне: «...сохранена главпуровская стратагема – установка на искусственное и несправедливое идеологическое противостояние между ветеранами 1-го сорта (уцелевшими красноармейцами, воевавшими на полях сражений и не попавшими в плен) и всеми прочими – эвакуированными, жителями тыла (это 2-й сорт, их заслуги не оспариваются) и теми, кто оказался под оккупацией, был угнан в Германию или взят в плен (3-й сорт). Это противостояние – искусственное, оно – рудимент внутренней холодной войны, которую ГлавПУР вел со своими неуважаемыми воображаемыми врагами – “предателями”, “пособниками”, “подстилками” и прочими “недобитками”. Противостояние это мобилизовывало социальную агрессию и разрушало основу восстановления взаимоуважения в стране и консолидации доверия в обществе. Так что неудивительно, что и спустя 70 лет и военнопленные, и оstarбайтеры, и ставшие жертвами геноцида евреи снова оказалась даже не на обочине, а на невидимой стороне войны и Победы»¹⁰.

Нам не так давно довелось подготовить для издательства «Нестор История» отзыв на рукопись книги «Если только буду жив...»¹¹, составленной из документов личного проис-

⁹ «Нам запретили белый свет...» Альманах дневников и воспоминаний военных и послевоенных лет. М., 2006; Оккупированное детство: Воспоминания тех, кто в годы войны еще не умел писать. М., 2010.

¹⁰ ГлавПУР бессмертный. Павел Полян об особенностях глорификации 70-летия Победы [Электронный ресурс]. URL: <https://www.colta.ru/articles/literature/11505-glavpur-bessmertnyy> (дата обращения: 15.11.2022).

¹¹ Полян П. «Если только буду жив...»: 12 дневников военных лет. СПб., 2021.

хождения (ныне часто именуемых эго-документами), которые автор-составитель П.М. Полян без преувеличения характеризует как «уникальные дневники военного времени участников и жертв войны», принадлежащих самому широкому их спектру – от особиста в действующей Красной армии 1941 г. до военнопленных и коллаборантов, оказавшихся в условиях плена и оккупации. Данная «сборка» личных судеб и восприятия ими «Большой Войны» в одном издании также само по себе уникальное явление в публикации источников нашей, российской стороной. В этом следует видеть и результат длительных, медленно, но верно происходивших в отечественном массовом и историческом сознании сдвигов в восприятии и переосмыслении той громадной гуманитарной катастрофы, которая сопутствовала этой войне. Каждый из дневников – это и индивидуальное, личностное восприятие событий, или «будней в катастрофе» (удачная метафора И. Нарского, исследователя другой, Гражданской войны в России), тех, кто вел эти дневниковые записи, но это и частица отражения жизни и судьбы тех сотен тысяч людей, которые в войне оказались на разных ее полюсах, хотя и очевидно, в основном не по своей воле.

Типовое, но слишком канцелярское слово «составитель» здесь не вполне применимо к автору и реализатору самой идеи – выявить, подобрать, проанализировать, подготовить документы к публикации, снабдив дневники необходимым справочным аппаратом, – Павлу Поляну. На наш взгляд, его выбор для читателей дневниковых «ликот войны» вне зависимости от официальной линии фронта и обозначения «свой – чужой» имеет право на обоснование и принятие читателями, за исключением, возможно, очень ангажированных, которые усмотрят в этом покушение на устои патриотизма в казенном его понимании.

Издание имеет очень четкую и выверенную длительным общением с текстами «матрицу» для каждого из 11 дневников (вводную информацию, своего рода «визитную карточку» судеб людей, превращенных в расходный материал «Большой войны», а также емкие комментарии). П.М. Полян обладает чертами, соединяющими в себе публикатора, аналитика, а также публициста, умеющего дать читателю необходимый импульс для внимательного прочтения. Он же, как публикатор, снабжает дневниковые тексты необходимыми примечаниями: работа тщательная, кропотливая, основанная на знании нескольких языков, а также бытовых сленгов, на которых общались люди в условиях несвободы. Это сродни погружению нас, современников, в глубины незнакомых нам миров, где каждый прожитый отрезок жизни отдалял от прежней, предвоенной, и приближал к развязке, неведомой самим авторам дневников.

Дневники в своей совокупности выстраиваются в одну очень важную линию. Каждый из ее авторов, находясь в зависимости от неизбежных для него окружающих обстоятельств, не просто фиксирует повседневность, но и находит силы описывать ее, и во многом благодаря именно этим дневниковым записям продлевает себе жизнь. Дневники превращаются в способ существования, когда у авторов отняты основные неотъемлемые человеческие основы, кроме одной – возможности и права на собственные мысли.

Представляется, что сложившееся своего рода параллельное сосуществование государственно утвержденной и возведенной фактически в разряд идеологии установки на регламентированную память об Отечественной войне как «одну на всех» и той многоликой и многоаспектной жизни нашего общества военной эпохи, отразившейся в источниках, неподконтрольных официальной политике (устные и зафиксированные в какой-либо форме воспоминания, собранные в негосударственных хранилищах, фольклор, художественные произведения, документальное и художественное кино и т.д.), отражает ту неизбежную реальность, которая прямо или опосредованно влияет на позиции и оценки профессиональных историков, общественных и государственных деятелей.

Проблема «управляемой памяти», политики в области исторической памяти была, есть и будет. Пропаганда и идеология всегда имеют в своем арсенале два горизонта «управляемой памяти» – короткий и длинный. И теми и другими можно управлять, а следовательно, манипулировать, использовать технологии «стирания памяти» или *насаждения стандартов памяти*. Однако у памяти свой ритм и логика функционирования. На наш взгляд, освещение истори-

ческого процесса (в ракурсах исторического знания, образования и просвещения) должно иметь не одно, а как минимум три измерения: *государственно-центричное, социо-центричное и личностно-центричное*. Вряд ли среди отечественных гуманитариев найдутся возражения против тезиса о роли государства в истории страны. Вопрос заключается в том, где проходит грань между интересами человеческими, общественными (гражданскими) и государственными. Государственная политика памяти не должна быть исключительно инструментом для власти. Социальное предназначение специалиста-гуманитария – возродить интерес к гражданским аспектам прошлого и тем самым способствовать восполнению различными общностями и группами дефицита своей идентичности. Одно из важнейших и потенциально наиболее продуктивное поле взаимодействия профессиональных историков с носителями и хранителями социальной / культурной памяти – это грамотное научное взаимодействие в сфере сбора устных воспоминаний, их адекватная фиксация, сохранение и популяризация последних.

Литература

ГлавПУР бессмертный. Павел Полян об особенностях глорификации 70-летия Победы [Электронный ресурс]. URL: <https://www.colta.ru/articles/literature/11505-glavpur-bessmertnyy> (дата обращения: 15.11.2021).

Куренной В. «Это взгляд не историков, а полководцев» [Электронный ресурс]. URL: https://www.gazeta.ru/gazeta/authors/vitalii_kurennoi.shtml (дата обращения: 15.11.2021).

«Нам запретили белый свет...»: альманах дневников и воспоминаний военных и послевоенных лет / сост. Н. Поболь, П. Полян. М.: РОССПЭН, 2006. 414 с.

Оккупированное детство: воспоминания тех, кто в годы войны еще не умел писать / сост. Н. Поболь, П. Полян. М.: РОССПЭН, 2010. 379 с.

Оруэлл Дж. 1984. М.: ДЭМ, 1989. 320 с.

Полян П. «Если только буду жив...»: 12 дневников военных лет. СПб.: Нестор-История, 2021. 992 с.

Про А. Двенадцать уроков по истории. М.: Изд. центр РГГУ, 2000. 333 с.

Рогинский А.Б. Память о сталинизме // История сталинизма: итоги и проблемы изучения. Материалы междунар. науч. конф. (Москва, 5–7 декабря 2008 г.). М.: РОССПЭН, 2011. С. 21–27.

Троцкий Л.Д. Литература и революция. М.: Политиздат, 1991. 399 с.

References

GlavPUR bessmertniy. Pavel Polyan ob osobennostyakh glorifikatsii 70-letiya Pobedy [Glavpur is Immortal. Pavel Polyan on the Peculiarities of Glorification of the 70th Anniversary of Victory]. Available at: URL: <https://www.colta.ru/articles/literature/11505-glavpur-bessmertnyy> (date of access 15.11.2021).

Kurennoy, D. *Eto vzglyad ne istorikov, a polkovodtsev* [This is Not the View of Historians, But of Warlords]. Available at: URL: https://www.gazeta.ru/gazeta/authors/vitalii_kurennoi.shtml (date of access 15.11.2021).

Orwell, D. (1989). 1984. Moscow, DEM. 320 p.

Pobol', N., Polyan, P. (Comp.). (2006). "Nam zapretili belyy svet..." : al'manakh dnevnikov i vospominaniy voennykh i poslevoennykh let ["The White Light was Forbidden to Us...": Almanac of Diaries and Memoirs of the War and Post-War Years]. Moscow, ROSSPEN. 414 p.

Pobol', N., Polyan, P. (Comp.). (2010). Okkupirovannoe detstvo: Vospominaniya tekhn, kto v gody voyny eshche ne umel pisat' [Occupied Childhood: Memoirs of Those Who did Not Know How to Write During the War]. Moscow, ROSSPEN. 379 p.

Polyan, P. (2021). "Esli tolko budu zhiv...": 12 dnevnikov voyennikh let ["If Only I'm Alive...": 12 Diaries of the War Years]. Saint Petersburg, Nestor-Istoriya. 992 p.

Pro, A. (2000). *Dvenadtsat' urokov po istorii* [Twelve History Lessons]. Moscow, Ed. Centre of RSHU. 333 p.

Roginskiy, A.B. (2011). Pamyat' o stalinizme [Memory of Stalinism]. In *Istoriya stalinizma: itogi i problemy izucheniya. Materiali mezhdunar. nauch. conf. Moscow, 5–7 dec. 2008 g.* Moscow, ROSSPEN, pp. 21–27.

Trotsky, L.D. (1991). *Literatura i revolutsiya* [The Literature and Revolution]. Moscow, Politizdat. 399 p.

Статья поступила в редакцию 01.12.2021.

Д.О. Никулин*

D.O. Nikulin*

**Борьба с мифотворчеством
в изучении Первой мировой войны
как ответ на социальный запрос**

**Struggling Against Myth-Creating
in The Study of the First World War
as an Answer to a Social Request**

doi:10.31518/2618-9100-2022-1-2

doi:10.31518/2618-9100-2022-1-2

УДК 94:327+32.019.51

Выходные данные для цитирования:

How to cite:

Никулин Д.О. Борьба с мифотворчеством в изучении Первой мировой войны как ответ на социальный запрос // Исторический курьер. 2022. № 1 (21). С. 22–29. URL: <http://istkurier.ru/data/2022/ISTKURIER-2022-1-02.pdf>

Nikulin D.O. Struggling Against Myth-Creating in The Study of the First World War as an Answer to a Social Request // Historical Courier, 2022, No. 1 (21), pp. 22–29. [Available online: <http://istkurier.ru/data/2022/ISTKURIER-2022-1-02.pdf>]

Abstract. In the present day the problem of using historical knowledge for the needs of society is more urgent than ever: the collapse of the Soviet propaganda and historical paradigm led the Russian society to the search for a new identity, naturally turning to the past. Firstly, both cultural works and historical research turned to the themes of the Civil War, remaining familiar from the Soviet era, but in the recent years, in connection with the past centenary of the First World War, interest in that has naturally increased as well. The presence of a certain lack of information and clichéd formulations in Soviet historiography on the subject has set the task of combating what is perceived as Soviet “myths”: allegations of the imperialistic, predatory nature of the war, not disclosing some of the military successes and the patriotic impulse at the beginning of the war etc. The article deals with the shortcomings and contradictions of this struggle, expressed in the replacement of old historiographic myths with new ones, which are caused by the need of the state and society for a new identity; also, differences of the authors’ perception of the tasks they face, including obviously different opinions on which myths should be fought exactly, and the status of authors and their publications. From our own point of view, the most dangerous element of a professional historian’s interaction with the needs of society is the deformation of historical knowledge under the influence of the social demand of the current moment; being thus anchored in historical science, short-term social demand gets to directly influence historical memory.

Keywords: World War I, myth-making, propaganda, distortion of historical knowledge, social need.

The article has been received by the editor on 01.12.2021.

Full text of the article in Russian and references in English are available below.

Аннотация. В наши дни проблема применения исторического знания для нужд социума является как никогда актуальной: крушение советской пропагандистской и исторической парадигмы привело к поиску обществом новой идентичности, естественным образом обращенный в прошлое. В первую очередь как культурные произведения, так и исторические исследования обратились к привычной с советской эпохи тематике Гражданской войны, но в последние годы в связи с прошедшим столетним юбилеем Первой мировой войны закономерно возрос интерес и к ней. Наличие в советской историографии по тематике этой войны определенного недостатка информации и клишированных формулировок поставило перед исследователями задачу борьбы с тем, что было воспринято как советские «мифы»: утверждения об империалистическом, грабительском характере войны, замал-

* **Никулин Даниил Олегович**, кандидат исторических наук, Институт истории Сибирского отделения Российской академии наук, Новосибирск, Россия, e-mail: nikdanya@mail.ru

Nikulin Daniil Olegovich, Candidate of Historical Sciences, Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russia, e-mail: nikdanya@mail.ru

чивание некоторых успехов военных действий и патриотического порыва в начале войны и пр. Статья посвящена недостаткам и противоречиям этой борьбы, выражающейся в замене прежних историографических мифов новыми, вызванными потребностью государства и общества в новой идентичности, также различиям в восприятии авторами стоящей перед ними задачами и того, с каким же мифом надлежит бороться, статусу их самих и их публикаций. С точки зрения автора, самым опасным элементом взаимодействия профессионального историка с нуждами общества является деформация исторического знания под воздействием социального запроса текущего момента; будучи таким образом закреплён в исторической науке, краткосрочный социальный запрос начинает непосредственно влиять и на историческую память.

Ключевые слова: Первая мировая война, мифотворчество, пропаганда, искажение исторического знания, социальная потребность.

Советская историография Первой мировой войны обладала рядом известных недостатков: значительная часть военных успехов недостаточно освещалась в литературе, война признавалась империалистической, изначально не отвечавшей интересам и желаниям народа, который с самого ее начала выражал свой сознательный классовый протест. В современной России в связи с политическими изменениями и большей доступностью исторических источников, включая труды русских эмигрантов, многие из которых были участниками войны, началась большая работа по исправлению этих недочетов. В некоторых случаях она получила название борьбы с «мифотворчеством». Кроме исключительно научно-исторической среды, свое развитие эта борьба получила и в более популярном направлении, рассчитанном на просвещение общества, ранее мало что знавшего о войне. Толчком к развитию этой проблематики и появлению большого количества новых публикаций стал столетний юбилей со дня начала войны. Тем не менее деятельность по борьбе с «мифотворчеством» не обошлась без недостатков. Авторы публикаций стали отходить от, казалось бы, незыблемых принципов, таких, например, как озвученный В.П. Любиным в публикации о работе немецкого историка Г. Крумайха: «историку должно удастся... понять людей в их времени 1914 г. и постараться не рассматривать их с высоты наших знаний о тотальной войне»¹.

Анализ историографии Первой мировой войны, созданной за прошедшее десятилетие, остается еще не до конца реализованной, хотя и очень актуальной задачей. Среди тех, кто обращался к этому вопросу до нас, отметим К.А. Пахалюка и Б.И. Колоницкого, посвятивших ему несколько статей, в которых были отмечены роль правительства в реализации социального запроса, тенденция к героизации войны, использование элементов пропаганды времен самой войны². Н.Н. Баранов отметил сложности во взаимодействии академической науки, исторической политики и практик мемориализации, важную роль СМИ в трансляции исторической памяти³. Заслуживает упоминания и статья Е.С. Сенявской⁴. Отдельно отметим сборник статей, посвященных проблеме сохранения памяти Первой мировой войны, авторы которых (включая вышеупомянутого К.А. Пахалюка) имели самые различные мнения как о самой войне, так и увековечении ее памяти⁵. Среди прочих мнений, высказанных относительно попыток популяризации истории Первой мировой войны, нам особенно

¹ Первая мировая война: современная историография: сб. обзоров и реф. М., 2014. С. 17.

² Колоницкий Б.И. «Забытая война»? Политика памяти, российская культура эпохи Первой мировой и культурная память // Наше прошлое: ностальгические воспоминания или угроза будущему? СПб., 2015. С. 321–332; Пахалюк К.А. Дискурсивные основания юбилейной коммеморации Первой мировой войны в современной России // PolitBook. 2016. № 4. С. 109–131; Пахалюк К.А. Первая мировая война и память о ней в современной России // Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре. 2017. № 1. С. 106–128.

³ Баранов Н.Н. Первая мировая война в популярной культуре памяти // Вестник Пермского университета. Сер.: История. 2018. № 4 (43). С. 31–39.

⁴ Сенявская Е.С. Историческая память о Первой мировой войне: особенности формирования в России и на Западе // Вестник МГИМО-Университета. 2009. № 2 (5). С. 31–37.

интересным представляется точка зрения О.Ю. Малиновой, усомнившейся в пригодности истории Первой мировой войны как инструмента пропаганды с учетом неоднозначности ее характера⁶.

Тем не менее авторы указанных публикаций обратили внимание прежде всего на деятельность и взгляды властей, а также характеристику советской политики по отношению к памяти Первой мировой войны, в то время как конкретные публикации современных нам как профессиональных историков, так и авторов-любителей остались без надлежащей характеристики.

Итак, перейдем к анализу работ, наиболее четко поставивших перед собой задачу именно борьбы с мифотворчеством. К числу наших наиболее опытных коллег, чьему перу принадлежат такие работы, относится А.В. Сперанский. В двух статьях, вышедших в 2014 г., он писал в контексте советской исторической «мифологии» о формировании штампов, базирующихся на идеологической конъюнктуре, искусственном сохранении «белых пятен» при исследовании истории Первой мировой войны и пр. Как он пишет, «Россия в первую очередь защищала себя, спасала от агрессора свои земли, а это значит, ее война носила национально-освободительный характер»⁷. Далее он совершенно справедливо отмечает, что военные успехи будущих белых генералов недостаточно освещались советской историографией, после чего утверждает, что «Первая мировая война стала trampлином для развития военного таланта и замечательных полководцев Великой Отечественной войны»⁸. На наш взгляд, trampлином для карьеры полководцев Великой Отечественной войны стала в первую очередь служба в РККА в годы Гражданской войны. Вероятность того, что унтер-офицер Г.К. Жуков стал бы генерал-фельдмаршалом, не столь уж велика. Что же касается национально-освободительного характера, то патриотический настрой, который, вне всякого сомнения, имел место вопреки утверждениям советской историографии, был характерен в первую очередь для первого года войны, после чего постепенно сошел на нет в массовых народных кругах. Здесь уместно привести цитату еще одной исследовательницы, затронувшей проблематику мифотворчества, Н.Е. Болдыревой: «хотелось бы отметить, что отношение к войне в рабочей среде было несколько иным, чем среди более обеспеченных слоев населения... Хотелось бы избежать мифологизации Первой мировой войны, какой бы героической она не была, и представить события во всем их многообразии и объективности»⁹. Таким образом, Н.Е. Болдырева говорит о мифологизации войны уже в рамках новых, постсоветских исследований. С этой новой мифологизацией борется Е.Ю. Белаш в своей монографии с говорящим названием «Мифы Первой мировой». В целом его монография написана на высоком уровне и достаточно объективна, но, в первую очередь, основана на исследовательской литературе и опубликованных источниках с недостаточным вниманием к архивным данным. Е.Ю. Белаш также не является профессиональным историком.

Но и один из наиболее авторитетных профессионалов, О.Р. Айрапетов, предостерегает от мифологизации войны. Еще в 2010 г., т.е. до столетнего юбилея начала войны, в своей статье он предвидел, что с наступлением юбилея в историографии станет популярной тема развенчания мифологии войны. Сама же его статья посвящена критике работы военно-промышленных комитетов, которую автор считает малополезной и нацеленной в первую очередь на саморекламу промышленников, завышавших цены на свою продукцию. Автор

⁵ Проблемы сохранения памяти и мемориализации наследия Первой мировой войны: мат-лы науч.-практ. круглого стола (12 октября 2017 г.). М., 2019.

⁶ Малинова О.Ю. Увековечивание памяти о «забытой войне» и дилеммы российской политики идентичности // Говорят эксперты МГИМО [Электронный ресурс]. URL: <https://mgimo.ru/about/news/experts/258341/> (дата обращения: 30.11.2021).

⁷ Сперанский А.В. «Вторая отечественная война»: мифы, реалии, исторические параллели // Известия Уральского федерального университета. Сер. 3: Общественные науки. 2014. № 4 (134). С. 20–21.

⁸ Там же. С. 24.

⁹ Военная история России: проблемы, поиски, решения: мат-лы Междунар. науч.-практ. конф., посв. 100-летию Первой мировой войны (г. Волгоград, 26–27 сент. 2014 г.). Волгоград, 2014. С. 328.

указывает, что «для государства Российского в 1914–1917 годах основную опасность представляли... нерешенные проблемы и союз тех, кто готов был воспользоваться ими для достижения собственных целей»¹⁰, и утверждает даже, что промышленники «строили миф, который вскоре вынесет их к власти»¹¹, т.е. к Февральской революции. В целом статья О.Р. Айрапетова служит примером более осторожного подхода к истории Первой мировой войны, лишенного тенденции заменять мифы советской историографии новым мифотворчеством.

Одним из более амбициозных изданий, посвященных мифу в контексте рассматриваемой нами войны, является «Первая мировая: война и миф», в рамках которой было опубликовано множество иллюстративных источников. В отличие от упомянутых выше работ, публикация борется с мифами не историографическими, а пропагандистскими, причем времен самой войны. Это обусловлено тем, что, как утверждают составители, мифологизация войны в историографии и общественном мнении проистекает в том числе из некритического восприятия пропагандистских источников вроде лубков и плакатов. Между тем «в лубке могли находить отражение только успехи... Миф и реальность существовали в тот момент в неразрывном единстве»¹². Эти взгляды авторов-составителей созвучны выводам К.А. Пахалюка, который в своей статье отмечал, что пропагандистские материалы начала XX в. вновь используются в наше время журналистами и деятелями искусства¹³. Хотя эта публикация носит в первую очередь иллюстративный характер, во вводной части кратко рассказана история Первой мировой войны. Она справедливо считается авторами «следствием сложившейся системы союзов и глубоких противоречий интересов между государствами»¹⁴. Работе не хватает обобщения, поставленный авторами вопрос «Как работала пропаганда, кто создавал мифы и в каких источниках стоит искать правду?»¹⁵ не вполне получил ответ, тем не менее работа представляет значительную ценность благодаря большому объему иллюстративного материала, а критика пропаганды времен войны как исторического источника вполне убедительна.

Значимая доля статей, посвященных годовщине начала войны, написана не историками и носит публицистический характер. Особенности таких статей являются апелляция к эмоциям читателей, резкость формулировок. Так, Р.А. Илющенко пишет о том, что неготовность к войне – байка, иронизирует о желании армии брататься с врагом, как контраргумент положению о технической отсталости армии упоминает новые образцы техники, не принятые, по его признанию, на вооружение, хотя отсутствие этих изобретений на вооружении сыграло ключевую роль. В другой подобной публикации за авторством Н.С. Леонова говорится, что Россия в 1914 г. не готовилась к войне, которая началась из-за «взаимопомощи с братской Сербией». Опять-таки, это весьма поверхностное описание ситуации. Во-первых, в 1914 г. Россия как раз готовилась к войне, начав в 1913 г. «Большую программу» модернизации армии, которая есть не что иное, как подготовка к войне. Во-вторых, Россия все-таки могла не заступаться за Сербию. Тем не менее стоит признать, что Н.С. Леонов достаточно объективно описывает положение России в 1917 г.

Последним рассмотрим главный труд, изданный в годовщину начала войны и направленный на борьбу с мифотворчеством: сборник «Первая мировая война: историографические мифы и историческая память».

Глава коллектива авторов О.В. Петровская в предисловии отмечает «интерес к событиям 1914–1918 гг., обусловленный подъемом национализма»¹⁶, что «политическая элита лишь

¹⁰ Айрапетов О.Р. Снарядная демагогия. Слова и дела русских либералов // Родина. 2010. № 7. С. 122.

¹¹ Айрапетов О. Снарядная демагогия. Слова и дела русских либералов // Родина. 2010. № 8. С. 76.

¹² Первая мировая: война и миф. Печатная графика из собрания Ивановского историко-краеведческого музея имени Д.Г. Бурлыкина, фотографии из коллекций Рыбинского музея-заповедника и Национального музея Республики Коми. М., 2014. С. 91.

¹³ Пахалюк К.А. Первая мировая война и память о ней в современной России...

¹⁴ Там же. С. 60.

¹⁵ Там же. С. 10.

¹⁶ Первая мировая война: историографические мифы и историческая память. М., 2014. Т. 1. С. 7.

задает направления конструирования памяти в зависимости от потребностей настоящего, но бремя выполнения заказа ложится на плечи историков. Именно они ответственны за... создание мифов – идейных конструкторов понимания мира, являющихся механизмом отражения исторической реальности... каждое новое поколение исследователей претендовало на то, чтобы разоблачить ложную мифологию своих предшественников»¹⁷. Таким образом, О.В. Петровская сама наилучшим образом описала причины и сущность нынешней «борьбы с мифотворчеством», которая принимает, как мы могли убедиться выше, самые разнообразные формы, при этом напрямую затронув и проблему роли историка в формировании исторической памяти, которая может принять форму мифа. Важно здесь и то, что она прямо признает роль политической элиты в запросах социума к профессиональным историкам. Сборник же, составленный коллективом авторов под ее руководством, являет собой яркий пример такого запроса.

В обзоре советской историографии, с которого начинается непосредственно текст первого тома, упоминается «предательство большевиками интересов своей страны в 1918 г.»¹⁸, но в целом он объективно раскрывает ее недостатки: «всякие выступления против войны трактовались как революционные, преувеличивался рост сознательности масс, воевавших якобы только потому, что их обманули. Преувеличивались также роль и влияние на события В. Ленина, большевиков, рабочего движения»¹⁹. В обзоре современной литературы наибольший интерес вызывает упоминание авторами работ О.С. Поршневой, совершенно справедливо, на наш взгляд, писавшей, что патриотический подъем начала войны был обусловлен внешней опасностью, пропагандой и традиционалистской психологией крестьянства²⁰.

В целом авторами-составителями сборника проделана огромная работа по изучению накопленного историографического материала о войне. К сожалению, содержащийся в третьем томе текст непосредственно по истории войны за авторством П.В. Мультипули очень политизирован: подчеркивается «отечественность» войны для России, миролюбие России рассматривается само по себе, без раскрытия причин. Автор апеллирует к пропагандистским заявлениям лиц, не имеющих прямого отношения к исторической науке. В частности заявляется, что «России никогда не был свойственен западный прагматизм, в своих действиях она руководствовалась в первую очередь Высшей Правдой»²¹, основания для подобного вывода в тексте отсутствуют. Автор утверждает, что «если бы Россия отдала бы на растерзание Сербии, то ее престиж и позиция на Балканах были бы потеряны, а война началась бы все равно, только в еще менее выгодных для Российской империи условиях»²², но и эта позиция является спорной с учетом Большой программы (и автор знает о ней, упоминая ее на с. 47) по модернизации армии, которая должна была быть завершена в 1917 г. и поставила бы русскую армию на один уровень с германской. О территориальных претензиях России автору также отлично известно – он пишет о них на с. 158–159.

В Февральской революции автор винит союзников России по Антанте, ставших, по его мнению, организаторами заговора. Он заявляет о том, что «нести миллионные потери, терпеть и страдать армия могла только во имя Царя и Святой Руси»²³, хотя бывшие солдаты и офицеры той самой армии воевали позже на разных сторонах Гражданской войны. Кроме того, он утверждает, что «Царская Россия, оказавшись в числе победителей, никогда не допустила бы ни грабительского Версальского мира, ни унижения германского народа, ни ликвидации монархий»²⁴. С последним мы можем согласиться, но неясно, на чем автор основывается, утверждая о более мягких условиях Версальского мира. На наш взгляд, ситуация скорее противоположна – как писал и сам автор, у России имелись свои территориальные

¹⁷ Первая мировая война: историографические мифы и историческая память... Т. 1. С. 7.

¹⁸ Там же. С. 29.

¹⁹ Там же. С. 30.

²⁰ Там же. С. 56.

²¹ Там же. Т. 3. С. 32.

²² Там же. С. 33.

²³ Там же. С. 173.

²⁴ Там же. Т. 3. С. 174.

претензии к Германии, которые союзники готовы были удовлетворить, имея возражения лишь по вопросу территорий Австро-Венгрии.

Последняя глава, «Первая мировая война и революция», за авторством М.Б. Смолина является философским, а не исторически-научным трудом. Кроме того, она еще более ангажирована, чем работы П.В. Мультиатули в рамках этого же сборника, и содержит чрезмерное преувеличение роли церкви в событиях. Этот философский труд выглядит лишним в трехтомной монографии, все прочие составляющие которой исключительно исторические.

Таким образом, в результате рассмотрения ряда исторических работ, так или иначе направленных на «борьбу с мифотворчеством», мы вынуждены констатировать, что среди них наличествует огромное количество противоречий. В первую очередь, авторы по-разному понимают, с каким именно мифотворчеством необходимо бороться – советской историографии ли, современным ли, или же с мифами пропаганды времен войны. Кроме того, одни авторы предостерегают против создания новых мифов, некритического восприятия пропаганды, другие же стоят на позициях борьбы с недостатками советской историографии, противопоставляя ей диаметрально противоположную апологетическую характеристику Российской империи, созвучную с тезисами той самой пропаганды, против которой предостерегают их коллеги. Публикации, имеющие общественно-публицистическую направленность, подают уже известные исторической науке факты как нечто кардинально новое и до того запретное, создавая у неподготовленных читателей неправильное впечатление об истории Первой мировой войны в частности и исторической науке в целом.

На наш взгляд, причиной подобных глубоких противоречий являются не только и не столько новые исторические источники, бывшие недоступными в советское время, но, в первую очередь, социальные процессы современной России. Наше общество все еще находится в поиске новой идентичности, и историческая наука под его воздействием предпринимает попытки поиска этой идентичности в прошлом; при этом, как мы могли наблюдать, значительная часть обратившихся к этой деятельности авторов – как профессиональных историков, так и особенно любителей – сама принадлежит к тем общественным кругам, которые сформировали этот социальный запрос, что и приводит к разному пониманию ими этой задачи. Результаты же их работы очень противоречивы, что неизбежно влияет на целостность картины прошлого в исторической памяти.

Применительно к Первой мировой войне исторической науке необходимо определиться, с какими же именно мифами нужно бороться, какие точки зрения и аргументы допустимы, а какие – нет, добиться единства и принять меры против создания новых мифов взамен старых и лишь потом брать на себя непростую задачу создания новой картины прошлого в исторической памяти под громким лозунгом борьбы с мифотворчеством.

Литература

Айрапетов О.Р. Снарядная демагогия. Слова и дела русских либералов // Родина. 2010. № 7. С. 122–126.

Айрапетов О.Р. Снарядная демагогия. Слова и дела русских либералов // Родина. 2010. № 8. С. 73–76.

Баранов Н.Н. Первая мировая война в популярной культуре памяти // Вестник Пермского университета. Сер.: История. 2018. № 4 (43). С. 31–39.

Белаш Е.Ю. Мифы Первой мировой. М.: Вече, 2012. 416 с.

Военная история России: проблемы, поиски, решения: мат-лы Междунар. науч.-практ. конф., посв. 100-летию Первой мировой войны (г. Волгоград, 26–27 сент. 2014 г.). Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2014. 562 с.

Илющенко Р.А. Потерянная победа // Русский Дом. 2014. № 9. С. 18–19.

Колоницкий Б.И. «Забытая война»? Политика памяти, российская культура эпохи Первой мировой и культурная память // Наше прошлое: ностальгические воспоминания или угроза будущему? / ред.-сост. О.Б. Божков. СПб.: Эйдос, 2015. С. 321–332.

Леонов Н.С. Великая война: геополитическая катастрофа вместо близкой победы // Русский Дом. 2014. № 8. С. 18–19.

Малинова О.Ю. Увековечивание памяти о «забытой войне» и дилеммы российской политики идентичности // Говорят эксперты МГИМО [Электронный ресурс]. URL: <https://mgimo.ru/about/news/experts/258341/> (дата обращения: 30.11.2021).

Пахалюк К.А. Дискурсивные основания юбилейной коммеморации Первой мировой войны в современной России // PolitBook. 2016. № 4. С. 109–131.

Пахалюк К.А. Первая мировая война и память о ней в современной России // Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре. 2017. № 1. С. 106–128.

Первая мировая война: историографические мифы и историческая память / под ред. О.В. Петровской. М.: Рос. ин-т стратег. исслед., 2014. Т. 1. 305 с.

Первая мировая война: историографические мифы и историческая память / под ред. О.В. Петровской. М.: Рос. ин-т стратег. исслед., 2014. Т. 3. 313 с.

Первая мировая война: современная историография: сб. обзоров и реф. / отв. ред. В.П. Любин, М.М. Минц. М.: РАН. ИНИОН, Центр социал. науч.-информ. исслед., Отд. истории, 2014. 231 с.

Первая мировая: война и миф. Печатная графика из собрания Ивановского историко-краеведческого музея имени Д.Г. Бурылина, фотографии из коллекций Рыбинского музея-заповедника и Национального музея Республики Коми. М.: Программа «Первая публикация» Некоммерческой благотворительной организации «Благотворительный фонд В. Потанина», 2014. 400 с.

Проблемы сохранения памяти и мемориализации наследия Первой мировой войны: материалы науч.-практ. круглого стола (12 октября 2017 г.). / ред.-сост. С.А. Мозговой. М.: Институт Наследия, 2019. 162 с.

Сенявская Е.С. Историческая память о Первой мировой войне: особенности формирования в России и на Западе // Вестник МГИМО-Университета. 2009. № 2 (5). С. 31–37.

Сперанский А.В. «Вторая отечественная война»: мифы, реалии, исторические параллели // Известия Уральск. федер. ун-та. Сер. 3: Общественные науки. 2014. № 4 (134). С. 20–25.

Сперанский А.В. Первая мировая война в контексте мифов и исторических параллелей // Вестник Южно-Уральск. гос. ун-та. Сер.: Социально-гуманитарные науки. 2014. Т. 14, № 4. С. 45–48.

References

Ayrapetov, O.R. (2010). Snaryadnaya demagogiya. Slova i dela russkikh liberalov [Shell Demagoguery. Words and Deeds of Russian Liberals]. In *Rodina*. No. 7, pp. 122–126.

Ayrapetov, O.R. (2010). Snaryadnaya demagogiya. Slova i dela russkikh liberalov [Shell Demagoguery. Words and Deeds of Russian Liberals]. In *Rodina*. No. 8, pp. 73–76.

Baranov, N.N. (2018). Pervaya mirovaya vojna v populyarnoy kul'ture pamyati [World War I in Popular Culture of Memory]. In *Vestnik Permskogo universiteta. Seriya Istoriya*. № 4 (43), pp. 31–39.

Belash, E.Yu. (2012). *Mify Pervoy mirovoy* [The Myths of the First World War]. Moscow, Veche. 416 p.

Ilyushchenko, R.A. (2014). Poteryannaya pobeda [The Lost Victory]. In *Russkiy Dom*. No. 9, pp. 18–19.

Kolonitskiy, B.I. (2015). “Zabytaya vojna”? Politika pamyati, rossiyskaya kul'tura epokhi Pervoy mirovoy i kul'turnaya pamyat' [The Forgotten War? The Politics of Memory, Russian Culture of the First World War and Cultural Memory]. In *Nashe proshloe: nostalgicheskie vospominaniya ili ugroza budushchemu?* St. Petersburg, pp. 321–332.

Leonov, N.S. (2014). Velikaya vojna: geopoliticheskaya katastrofa vmesto blizkoy pobedy [The Great War: A Geopolitical Catastrophe Instead of the Imminent Victory]. In *Russkiy Dom*. No. 8, pp. 18–19.

Lyubin, V.P., Mints, M.M. (Eds.). (2014). *Pervaya mirovaya voyna: Sovremennaya istoriografiya: sb. obzorov i ref.* [The First World War: Contemporary Historiography: A Collection of Reviews and Abstracts]. Moscow, RAN, INION, Tsentr sotsial. nauch.-inform. Issled., Otd. istorii. 231 p.

Malinova, O.Yu. Uvekovechivanie pamyati o “zabytoy voyne” i dilemmy rossiiskoy politiki identichnosti [Perpetuating the Memory of the “Forgotten War” and the Dilemmas of Russian Identity Politics]. In *Govoryat eksperty MGIMO* [The experts of MGIMO Speaking]. Available at: URL: <https://mgimo.ru/about/news/experts/258341/> (date of access 30.11.2021).

Mozgovoy, S.A. (Ed.). (2019). Problemy sokhraneniya pamyati i memorializatsii naslediya Pervoy mirovoy voyny. Materialy nauchno-prakticheskogo kruglogo stola 12 oktyabrya 2017 g. [Problems of Memory Preservation and Memorialization of the Legacy of the First World War. Materials of the scientific and practical round table on October 12, 2017]. Moscow, Institut Naslediya. 162 p.

Pakhalyuk, K.A. (2016). Diskursivnye osnovaniya yubileynoy kommemoratsii Pervoy mirovoy voyny v sovremennoy Rossii [Discursive Structures of WWI Centenary Commemoration in Modern Russia]. In *PolitBook*. No. 4, pp. 109–131.

Pakhalyuk, K.A. (2017). Pervaya mirovaya voyna i pamyat' o ney v sovremennoy Rossii [The First World War and Its Memory in Modern Russia]. In *Neprikosnovennyy zapas. Debaty o politike i kul'ture*. No. 1, pp. 106–128.

Petrovskaya, O.V. (Ed.). (2014). *Pervaya mirovaya voyna: istoriograficheskie mify i istoricheskaya pamyat'* [The First World War: Historiographic Myths and Historical Memory]. Moscow, Ros. in-t strateg. issled. Vol. 1. 305 p.

Petrovskaya, O.V. (Ed.). (2014). *Pervaya mirovaya voyna: istoriograficheskie mify i istoricheskaya pamyat'* [The First World War: Historiographic Myths and Historical Memory]. Moscow, Ros. in-t strateg. issled. Vol. 3. 313 p.

Senyavskaya, E.S. (2009). Istoricheskaya pamyat' o Pervoy mirovoy voyne: osobennosti formirovaniya v Rossii i na Zapade [Historical Memory of the First World War: Notes on its Shaping in Russia and in the West]. In *Vestnik MGIMO*. No. 2, pp. 31–37.

Sidorov, S.G. (Ed.). (2014). *Voennaya istoriya Rossii: problemy, poiski, resheniya: materialy Mezhdunar. nauch.-prakt. konf., posvyashch. 100-letiyu Pervoy mirovoy voyny, g. Volgograd, 26–27 sent. 2014 g.* [Military History of Russia: Problems, Searches, Solutions: materials of Intern. scientific-practical conf., dedicated to the 100th anniversary of the First World War, Volgograd, 26–27th September, 2014]. Volgograd, Izd-vo VolGU. 562 p.

Speranskiy, A.V. (2014). “Vtoraya otechestvennaya voyna”: mify, realii, istoricheskie paralleli [“The Second Patriotic War”: Myths, Realities, Historical Parallels]. In *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Seriya 3: Obshchestvennye nauki*. No. 4 (134), pp. 20–25.

Speranskiy, A.V. (2014). Pervaya mirovaya voyna v kontekste mifov i istoricheskikh paraleley [The First World War in the Context of Myths and Historical Parallels]. In *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Sotsial'no-gumanitarnye nauki*. Vol. 14, No. 4, pp. 45–48.

Vyazova, E.S. (Ed.). (2014). *Pervaya mirovaya: voyna i mif. Pechatnaya grafika iz sobraniya Ivanovskogo istoriko-kraevedcheskogo muzeya imeni D.G. Burylina, fotografii iz kollektsii Rybinskogo muzeya-zapovednika i Natsional'nogo muzeya Respubliki Komi* [The First World War I: War and Myth. Printed Graphics From the Collection of the Ivanovo Museum of History and Local Lore Named after D.G. Burylin, Photographs From the Collection of the Rybinsk Museum-Reserve and the National Museum of the Komi Republic]. Moscow, Programma “Pervaya publikatsiya” Nekommercheskoy blagotvoritel'noy organizatsii “Blagotvoritel'nyy fond V. Potanina”. 400 p.

Статья поступила в редакцию 01.12.2021 г.

Д.Н. Москаленская*

D.N. Moskalenskaya*

Освещение советской репрессивной и дискриминационной политики в постсоветских школьных учебниках**Coverage of Soviet Repressive and Discriminatory Policies in Post-Soviet School Textbooks**

doi:10.31518/2618-9100-2022-1-3

doi:10.31518/2618-9100-2022-1-3

УДК 372.894(47)

Выходные данные для цитирования:

How to cite:

Москаленская Д.Н. Освещение советской репрессивной и дискриминационной политики в постсоветских школьных учебниках // Исторический курьер. 2022. № 1 (21). С. 30–38. URL: <http://istkurier.ru/data/2022/ISTKURIER-2022-1-03.pdf>

Moskalenskaya D.N. Coverage of Soviet Repressive and Discriminatory Policies in Post-Soviet School Textbooks // Historical Courier, 2022, No. 1 (21), pp. 30–38. [Available online: <http://istkurier.ru/data/2022/ISTKURIER-2022-1-03.pdf>]

Abstract. This article analyzes the coverage of the topic of Soviet repressive and discriminatory policies in school textbooks since the 1990s and up to the present. Of particular interest is the comparison of textbooks by the same authors, but at different times of publication. As a result, the author concludes that the amount of material on repression in the new textbooks has been reduced in comparison with the editions of the 1990s and early 2000s. However, the description of discriminatory measures, in particular, compulsory voting rights, appears in new textbooks, and more attention is paid to anti-religious policies. In general, for textbooks of the 1990s – early 2000s, more emotionally colored presentation of the material is characteristic, and repression is considered as part of a totalitarian system. Over time, the term “totalitarianism” disappears from textbooks, and the newest editions are characterized by more cautious and restrained approach. Some authors try to minimize the coverage of this problematic topic. Excerpts from historical sources that could help in the perception of this complex topic are not present in most of the latest editions. The reasons for the repression remain on the list of “difficult issues” that have not been properly addressed in the textbooks.

Keywords: repression, discrimination, school textbook, “Great Terror”.

The article has been received by the editor on 01.12.2021.

Full text of the article in Russian and references in English are available below.

Аннотация. В данной статье предпринят анализ освещения темы советской репрессивной и дискриминационной политики в школьных учебниках начиная с 1990-х гг. и до настоящего времени. Отдельный интерес представляет сравнение учебников одних авторов, но разного времени издания. В результате автор приходит к выводу о сокращении объема материала о репрессиях в новых учебниках по сравнению с изданиями 1990-х – начала 2000-х гг. Тем не менее в новых учебниках появляется описание дискриминационных мер, в частности лишение избирательных прав, уделяется больше внимания антирелигиозной политике. В целом для учебников 1990-х – начала 2000-х гг. характерна более эмоционально окрашенная подача материала, репрессии рассматриваются как часть тоталитарной системы. Со временем термин «тоталитаризм» исчезает из учебников, для новейших изданий характерен более осторожный и сдержанный подход. Некоторые авторы стараются сократить до минимума освещение данной проблемной темы. Выдержки из исторических источников, которые могли бы помочь в восприятии этой сложной темы, присутствуют далеко не во всех

* Москаленская Дарья Николаевна, кандидат исторических наук, учитель истории, частное общеобразовательное учреждение «Православная гимназия во имя Преподобного Сергия Радонежского», Новосибирск, Россия, e-mail: darmosk@mail.ru

Moskalenskaya Dar'ya Nikolaevna, Candidate of Historical Sciences, Teacher of History, Orthodox Gymnasium in the Name of St. Sergius of Radonezh, Novosibirsk, Russia, e-mail: darmosk@mail.ru

новейших изданиях. А причины репрессий остаются в списке «трудных вопросов», не получивших должного раскрытия в учебных изданиях.

Ключевые слова: репрессии, дискриминация, школьный учебник, «Большой террор».

Представления об исторических процессах и событиях закладываются еще в детстве, поэтому сложно переоценить значение школьных учебников по истории в формировании исторической памяти подрастающего поколения. «Социальное значение преподавания истории огромно. Велика роль исторического образования в формировании личности, в сохранении и передаче социального и духовного опыта предшествующих поколений»¹.

Тема политических репрессий, проводимых советской властью, является одной из сложнейших проблем в исторической науке. В Концепции нового учебно-методического комплекса по отечественной истории, принятой в 2013 г., в числе «трудных вопросов истории России» причины репрессий значатся наряду с причинами, последствиями и оценками установления однопартийной диктатуры и единовластия И.В. Сталина².

В историографии к данной теме уже обращались некоторые исследователи. Так, О.Ю. Репухова³ рассматривает в своей статье освещение репрессивной советской политики в школьных учебниках 1990-х – начала 2000-х гг. Автор сетует на отсутствие анализа фактов, приводимых в изданиях. Другой автор, Н.Н. Глухарев, делает вывод о том, что освещение данной проблемы в школьных учебниках нельзя назвать полностью удовлетворительным. Хотя автор признает, что в новых учебниках устранены наиболее спорные вопросы, но принципиального улучшения не произошло⁴.

В статье предполагается провести более предметный и детальный анализ школьных учебников по истории с точки зрения освещения темы советской репрессивной и дискриминационной политики. Отдельный интерес представляет сравнение учебников одних авторов, но разного времени издания.

Как составляющая часть тоталитарного режима репрессии представлены в учебнике В.П. Островского и А.И. Уткина⁵. Авторы сравнивают «красный террор» и «Большой террор», который датируют 1935–1938 гг.⁶ Большое внимание уделяют системе ГУЛАГа, а также ее влиянию на культуру и общество: «незримо шла криминализация сознания и подсознания»⁷.

В учебнике В.П. Дмитренко, В.Д. Есакова, В.А. Шестакова «Большому террору» отведен отдельный параграф. По сравнению с изданием 1995 г., в издании 2002 г. в параграфе произошли сокращения, а именно – авторы сократили раздел, посвященный поискам классовых врагов. Также в издании 2002 г. исчезли документы и материалы, сопровождавшие раздел учебника, посвященный «Сталинскому повороту»⁸.

Подробно описывая репрессии, авторы не уделяют внимание «открытым» судебным процессам. Упомянув несколько раз о «Шахтинском деле», авторы даже кратко не раскрывают его суть, школьникам остается только догадываться, что под этим подразумевается.

¹ Донин А.Н. Учебники истории: прошлое и настоящее // История и историческая память. 2010. № 1. С. 31–32.

² Концепция нового учебно-методического комплекса по отечественной истории [Электронный ресурс]. URL: <https://historyrussia.org/images/documents/konsepsiyafinal.pdf> (дата обращения: 10.11.2021).

³ Репухова О.Ю. Советская репрессивная политика в освещении постсоветских школьных учебников // Актуальные вопросы современной науки. 2009. № 5-1. С. 7–15.

⁴ Глухарев Н.Н. Проблема отражения «трудных» вопросов истории советского общества в современных школьных учебниках на примере освещения причин массовых репрессий 1930-х гг. // Историческое место советского общества: мат-лы Всерос. науч. конф. М., 2016. С. 212.

⁵ Островский В.П., Уткин А.И. История России XX век. 11 класс. Учебник для общеобразовательных учебных заведений. М., 1995.

⁶ Там же. С. 232.

⁷ Там же. С. 233.

⁸ Дмитренко В.П., Есаков В.Д., Шестаков В.А. История Отечества. XX век: 11-й кл.: учеб. пособие. М., 1995. С. 249–257.

В отличие от этого, в учебнике Л.А. Кацва «Шахтинское дело» достаточно подробно описано как «первый опыт театрализованного политического процесса»⁹, также автор подробно рассматривает и дело Промпартии. Такое внимание к «открытым» судебным процессам в школьных учебниках является скорее исключением. В целом учебник Л.А. Кацва отличается подробным изложением материала: автор повествует о процессе «раскулачивания», приводит примеры о трагических судьбах спецпереселенцев, упоминает о дискриминационных мерах в отношении духовенства. «Большому террору» и ГУЛАГу посвящены отдельные полноценные параграфы¹⁰.

В учебнике А.А. Левандовского для политики репрессий не выделяется отдельного параграфа: репрессивная политика в отношении крестьян рассматривается в параграфе, посвященном коллективизации, а «Большой террор» помещен в параграф об общественно-политической и культурной жизни. При этом в издании 2010 г. произошли сокращения по сравнению с учебником 2002 г., где постановочные открытые судебные процессы рассматривались хотя и немного, но подробнее¹¹. Сократились незначительно разделы, посвященные «Новому витку внутрипартийной борьбы» и «Большому террору». Но при этом в новом издании появляется хотя и совсем небольшой, но отдельный раздел о гонениях на религию и церковь¹². Кроме того, появляется отрывок из Секретного отчета правительственной комиссии по обследованию лагерей спецпереселенцев, в издании 2002 г. он отсутствует. Также в издании 2010 г. ученикам предлагается ответить на вопрос: «Почему советское государство проводило политику репрессий?»¹³.

В изданиях Н.В. Загладина теме репрессий отведен отдельный параграф. Достаточно кратко излагаются основные события, а «открытые» судебные процессы и ГУЛАГ лишь упоминаются. При сравнении изданий 2007 и 2013 гг. оказывается, что в новом учебнике произошли сокращения¹⁴. Особенно важно, что в раннем издании приводились различные мнения на причины массовых репрессий¹⁵, а в позднем издании они отсутствуют.

Учебник А.А. Данилова отличается попыткой последовательного рассмотрения политики репрессий. Так, выделяются три этапа в репрессивной политике: во время революции и Гражданской войны, конец 1920-х – начало 1930-х гг. и «Большой террор» 1937–1938 гг.¹⁶. Подобная периодизация должна помочь школьнику более комплексно представить политику репрессий, чем в том случае, когда повествование о них разбросано по разным параграфам. Авторы не обходят вниманием показательные процессы и репрессии против крестьян при коллективизации. Делается важный вывод, что «с позиций общечеловеческой морали гибель и сломанные жизни людей не могут быть оправданы»¹⁷. Несомненным плюсом издания являются иллюстрирующие параграф отрывки из документов.

Одним из немногих учебников, где хотя бы частично раскрывается понятие «лишенцы», является учебник О.В. Волобуева. Лишение избирательных прав рассматривается как «внеэкономический способ борьбы с политическими противниками в деревне»¹⁸. При этом

⁹ Кацва Л.А. История России. Советский период: 1917–1941 гг. Учебник для 10–11 классов средней школы. М., 2002. С. 334.

¹⁰ Там же. С. 343–369.

¹¹ Левандовский А.А., Щетинов Ю.А. Россия в XX веке: учебник для 10–11 классов общеобразовательных учреждений. М., 2002. С. 211–212.

¹² Левандовский А.А., Щетинов Ю.А., Мироненко С.В. История России, XX – начало XXI века. 11 класс. М., 2010. С. 170.

¹³ Там же. С. 165.

¹⁴ Загладин Н.В., Козленко С.И., Минаков С.Т., Петров Ю.А. История России. XX век. Учебник для 9 класса общеобразовательных учреждений. М., 2007. С. 149–157; Загладин Н.В., Козленко С.И., Минаков С.Т., Петров Ю.А. История России. XX – начало XXI века. Учебник для 9 класса общеобразовательных учреждений. М., 2013. С. 122–127.

¹⁵ Загладин Н.В., Козленко С.И., Минаков С.Т., Петров Ю.А. История России. XX век... С. 152.

¹⁶ История России, 1900–1945. 11 класс: учебник для общеобразовательных учреждений. М., 2012. С. 254–255.

¹⁷ Там же. С. 257.

¹⁸ Волобуев О.В. История России, XX – начало XXI века. Учебник для общеобразовательных учреждений (базовый уровень). М., 2009. С. 147.

из сопутствующих дискриминационных мер указаны только ограничения в получении образования, а сам список лиц, лишаемых избирательных прав, крайне неполон. Отдельного параграфа, посвященного репрессиям, в этом издании нет. В разделе под заголовком «враги народа» авторы показывают, что репрессии затронули все социальные слои¹⁹.

Значительно подробнее о «лишенцах» пишут авторы учебника под редакцией А.О. Чубарьяна: в нем отдельный раздел параграфа посвящен дискриминационным и репрессивным мерам в отношении «бывших»²⁰. Особенно стоит подчеркнуть, что авторы уделили внимание феномену отречения: под давлением комплекса дискриминационных и репрессивных мер дети были вынуждены отречься от родителей, жены от мужей, священники от сана. Авторы в подтверждение трагического положения выселенных «кулаков» приводят отрывок из письма к М.И. Калинину²¹. При этом фактическое изложение материала о политике репрессий достаточно краткое и уместилось в четыре абзаца²².

Отдельно необходимо остановиться на учебнике А.Ф. Кисилева. В нем репрессиям не выделен не только параграф, но нет даже отдельного раздела. В параграфе «Строительство социализма в отдельно взятой стране» репрессии упоминаются в контексте обеспечения высоких темпов индустриализации²³. А далее следует цитата И.В. Сталина «Репрессии... являются необходимым элементом наступления»²⁴. Краткое дальнейшее повествование о ГУЛАГе заканчивается выводом о трудовом использовании изолированных в лагерях в соответствии с промышленными планами²⁵. О репрессиях 1937–1938 гг. упоминается вскользь, все повествование укладывается в два предложения. В следующем параграфе, посвященном коллективизации, авторы не могли обойти вниманием процесс «раскулачивания» и высылки, но вся информация уместилась в нескольких предложениях²⁶. О репрессиях авторы вновь упоминают, обращаясь к теме развития науки и культуры, указывая, что ученые и деятели искусства подвергались репрессиям. Также, говоря о создании новой идеологии, авторы затронули проблему антирелигиозной политики и гонений на церковь²⁷. В целом данный учебник выделяется на фоне остальных крайней скудностью информации.

Остановимся более внимательно на современных изданиях, которые вошли в федеральный перечень учебников за 2020 г. В учебнике О.В. Волобуева в параграфе «Индустриализация и коллективизация» авторы выносят «Шахтинское дело» в отдельный список наравне с понятиями «коллективизация», «раскулачивание», «великий перелом» и др.²⁸ Данному процессу посвящен отдельный абзац. Очень кратко авторы характеризуют систему исправительно-трудовых лагерей, но при этом даже само понятие ГУЛАГ не используется. В разделе, посвященном коллективизации, упоминается о раскулачивании, приводятся данные о количестве спецпереселенцев²⁹. В следующем параграфе о СССР во второй половине 1930-х гг. выделен раздел, посвященный «Машине террора»³⁰. В нем очень сжато перечислены категории лиц, пострадавших от репрессий, и дана расшифровка термину ГУЛАГ. Правда, среди заданий к параграфу ученикам предлагается подготовить сообщения о судьбах репрессированных, основываясь на воспоминаниях³¹. При этом информация об антире-

¹⁹ Волобуев О.В. История России, XX – начало XXI века... С. 157.

²⁰ История России, XX – начало XXI века. 11 класс. Учебник для общеобразовательных учреждений: профильный и базовый уровни. М., 2011. С. 103–104.

²¹ История России, XX – начало XXI века... С. 104.

²² Там же. С. 93.

²³ Кисилев А.Ф. История России. XX – начало XXI века. 11 класс. М., 2012. С. 101.

²⁴ Там же.

²⁵ Там же. С. 102.

²⁶ Там же. С. 110–111.

²⁷ Там же. С. 121.

²⁸ Волобуев О.В., Карпачев С.П., Клоков В.А. История России: начало XX–XXI века. 10 класс: учебник: базовый уровень. М., 2021. С. 100.

²⁹ Там же. С. 105.

³⁰ Там же. С. 116–117.

³¹ Там же. С. 117.

лигиозной политике, рассматриваемой в параграфе о советском обществе, представлена хотя и кратко, но достаточно упорядоченно, начиная с ареста патриарха Тихона и до массового закрытия церквей в 1930-х. Можно было бы предположить, что в учебнике для углубленного изучения истории репрессиям будет уделено больше внимания, но при сравнении оказывается, что текст не претерпел изменений, но в конце главы появились дополнительные материалы и задания. Одно из них предлагает учащимся объяснить парадокс сосуществования в СССР демократической конституции и репрессий³². По сравнению с учебником 2016 г. изменились данные по количеству арестованных (в 2016 г. указывалось, что их было примерно 1,6 млн, а в учебнике 2021 г. – более 1,5 млн человек)³³.

Массовым репрессиям выделен отдельный раздел в параграфе «СССР во второй половине 1930-х годов» в учебнике под редакцией В.Р. Мединского³⁴. В отличие от учебника О.В. Волобуева, репрессивной и дискриминационной политике в нем уделено несколько больше внимания. В частности, авторы дают краткую характеристику «лишенцам», называя их изгоями системы³⁵. Но при этом, в отличие от издания О.В. Волобуева, практически не отражена антирелигиозная политика советской власти.

В учебнике под редакцией А.В. Торкунова о лишении избирательных прав говорится в связи с принятием Конституции 1918 г. Авторы вновь упоминают «лишенцев», говоря о перевыборах в Советы в 1925 г.³⁶ Вскользь упоминается об ограничениях в правах зажиточных крестьян и предпринимателей³⁷. Отдельный раздел посвящен взаимоотношениям Советского государства и Русской православной церкви, в котором перечисляются дискриминационные меры в отношении духовенства³⁸. Репрессиям посвящен один раздел в параграфе о политической системе³⁹. А вот упоминание о «чистках», проходивших в советских учреждениях, в данном издании, по сравнению с учебником 2016 г.⁴⁰, исчезло, оно сохранилось в издании для углубленного изучения⁴¹.

Таким образом, в настоящее время во всех трех учебниках, вошедших в федеральный перечень и предназначенных для базового уровня, не выделяется отдельного параграфа для освещения политики репрессий. Если обратимся к учебникам для углубленного изучения, то обнаружим схожую картину⁴².

Таким образом, можно сделать вывод, что в учебниках более поздних изданий произошли сокращения по сравнению с их предшественниками. Поэтому невозможно согласиться с выводом О.Ю. Репуховой, утверждающей, что «безусловно, фактического материала в учебниках излагается больше, чем в учебниках, выпущенных и используемых в 90-х годах»⁴³. Учитывая, что в списке литературы к данной статье присутствуют только четыре учебника и только один из них 1990-х гг., данный вывод выглядит неубедительно. Следует констатировать, что если в ранних изданиях репрессиям мог выделяться отдельный параграф или

³² История России. Начало XX – начало XXI века. 10 класс: углубленный уровень: учебник. М., 2021. Ч. 2. С. 232.

³³ Волобуев О.В., Карпачев С.П., Романов П.Н. История России: начало XX – начало XXI в. 10 класс: учебник. М., 2016. С. 115; Волобуев О.В., Карпачев С.П., Клоков В.А. История России: начало XX–XXI века... М., 2021. С. 117.

³⁴ История России. Начало XX – начало XXI века. 10 класс: базовый уровень: учебник. М., 2021. С. 132.

³⁵ Там же. С. 122.

³⁶ Там же. С. 110.

³⁷ Там же. С. 113.

³⁸ История. История России, 1914–1945: 10 класс: базовый уровень: учебник для общеобразовательных организаций: в 2 ч. М., 2021. Ч. 1. С. 83.

³⁹ Там же. С. 145–146.

⁴⁰ История России. 10 класс: учебник для общеобразовательных организаций: в 3 ч. Ч. 1. М., 2016. С. 127.

⁴¹ История России. 10 класс: учебник для общеобразовательных организаций: в 3 ч. Ч. 1. М., 2021. С. 127.

⁴² Никонов В.А., Девятков С.В. История. История России. 1914 г. – начало XXI в. 10 класс. Базовый и углубленный уровни: в 2 ч. Ч. I: 1914–1945. М., 2019; Измозик В.С., Журавлёва О.Н., Рудник С.Н. История России: 10 класс: базовый и углубленный уровни: учебник: в 2 ч. М., 2021.

⁴³ Репухова О.Ю. Советская репрессивная политика в освещении постсоветских школьных учебников... С. 9.

упоминание о них выносится в заголовок параграфа, то в современных изданиях информация о них уместается в один раздел.

Отчасти можно согласиться с выводом Н.Н. Глухарева, что принципиального улучшения в освещении репрессий в новых школьных учебниках, подготовленных в рамках Единого историко-культурного стандарта, не произошло⁴⁴. Тем не менее в новых учебниках появляется описание дискриминационных мер, в частности лишение избирательных прав, уделяется больше внимания антирелигиозной политике. В целом для учебников 1990-х – начала 2000-х гг. характерна более эмоционально окрашенная подача материала, репрессии рассматриваются как часть тоталитарной системы. Со временем термин «тоталитаризм» исчезает из учебников, для новейших изданий характерен все более осторожный и сдержанный подход. Некоторые авторы стараются сократить до минимума освещение данной проблемной темы. Выдержки из исторических источников, которые могли бы помочь в восприятии этой сложной темы, присутствуют далеко не во всех новейших изданиях. А причины репрессий остаются в списке «трудных вопросов», не получивших должного раскрытия в учебных изданиях.

Литература

История России. 10 класс. учебник для общеобразовательных организаций: в 3 ч. Ч. 1 / М.М. Горинов, А.А. Данилов, М.Ю. Моруков и др.; под ред. А.В. Торкунова. М.: Просвещение, 2016. 175 с.

Волобуев О.В. История России, XX – начало XXI века. Учебник для общеобразовательных учреждений (базовый уровень) / О.В. Волобуев, С.В. Кулешов; под ред. И.Н. Данилевского. 4-е изд., стер. М.: Мнемозина, 2009. 335 с.

Волобуев О.В., Карпачев С.П., Клоков В.А. История России: начало XX–XXI века. 10 класс: учебник: базовый уровень. 2-е изд., перераб. М.: Просвещение, 2021. 368 с.

Волобуев О.В., Карпачев С.П., Романов П.Н. История России: начало XX – начало XXI в. 10 класс: учебник. М.: Дрофа, 2016. 367 с.

Глухарев Н.Н. Проблема отражения «трудных» вопросов истории советского общества в современных школьных учебниках на примере освещения причин массовых репрессий 1930-х гг. // Историческое место советского общества: мат-лы Всерос. науч. конф. М.: МПГУ, 2016. С. 212–218.

Дмитренко В.П., Есаков В.Д., Шестаков В.А. История Отечества. XX век: 11-й кл. Пособие для общеобразовательных учебных заведений. 6-е изд., стер.. М.: Дрофа, 2002. 608 с.

Дмитренко В.П., Есаков В.Д., Шестаков В.А. История Отечества. XX век: 11-й кл.: учеб. пособие. М.: Дрофа, 1995. 640 с.

Донин А.Н. Учебники истории: прошлое и настоящее // История и историческая память. 2010. № 1. С. 31–39.

Загладин Н.В., Козленко С.И., Минаков С.Т., Петров Ю.А. История России. XX – начало XXI века. Учебник для 9 класса общеобразовательных учреждений. 11-е изд. М.: Русское слово – РС, 2013. 328 с.

Загладин Н.В., Козленко С.И., Минаков С.Т., Петров Ю.А. История России. XX век. Учебник для 9 класса общеобразовательных учреждений. 6-е изд. М.: ТИД Русское слово – РС, 2007. 400 с.

Измозик В.С., Журавлёва О.Н., Рудник С.Н. История России: 10 класс: базовый и углубленный уровни: учебник: в 2 ч. Ч. 1 / под ред. В.А. Тишкова. 3-е изд., стер. М.: Просвещение, 2021. 320 с.

История России, 1900–1945. 11 класс: учебник для общеобразовательных учреждений / А.А. Данилов, А.С. Барсенков, М.М. Горинов и др.; под ред. А.А. Данилова, А.В. Филиппова. 2-е изд. М.: Просвещение. 2012. 447 с.

⁴⁴ Глухарев Н.Н. Проблема отражения «трудных» вопросов истории советского общества... С. 218.

История России, XX – начало XXI века. 11 класс. Учебник для общеобразовательных учреждений: профильный и базовый уровни / А.О. Чубарьян, А.А. Данилов, Е.И. Пивовар и др.; под ред. А.О. Чубарьяна. 5-е изд., дораб. и доп. М.: Просвещение, 2011. 302 с.

История России. Начало XX – начало XXI века. 10 класс: базовый уровень: учебник / А.В. Шубин, М.Ю. Мягков, Ю.А. Никифоров и др.; под общ. ред. В.Р. Мединского. М.: Просвещение, 2021. 431 с.

История России. Начало XX – начало XXI века. 10 класс: углубленный уровень: учебник / О.В. Волобуев, С.П. Карпачёв, В.А. Клоков и др. М.: Просвещение, 2021. Ч. 2. 368 с.

История. История России, 1914–1945: 10 класс: базовый уровень: учебник для общеобразовательных организаций: в 2 ч. / М.М. Горинев, А.А. Данилов, Л.Г. Косулина и др.; под ред. А.В. Торкунова. М.: Просвещение, 2021. Ч. 1. 176 с.

Кацва Л.А. История России. Советский период: 1917–1941 гг. Учебник для 10–11 классов средней школы. М.: МИРОС, Антиква, 2002. 448 с.

Кисилев А.Ф., Попов В.П. История России. XX – начало XXI века. 11 класс. Базовый уровень: учебник для общеобразовательных учреждений. 5-е изд., стер. М.: Дрофа, 2012. 318 с.

Концепция нового учебно-методического комплекса по отечественной истории [Электронный ресурс]. URL: <https://historyrussia.org/images/documents/konsepsiyafinal.pdf> (дата обращения: 10.11.2021).

Левандовский А.А., Щетинов Ю.А. Россия в XX веке: Учебник для 10–11 классов общеобразовательных учреждений. 6-е изд. М.: Просвещение, 2002. 368 с.

Левандовский А.А., Щетинов Ю.А., Мироненко С.В. История России, XX – начало XXI века. 11 класс: учебник для общеобразовательных учреждений: базовый уровень / под ред. С.П. Карпова. 4-е изд. М.: Просвещение, 2010. 384 с.

Никонов В.А., Девятков С.В. История. История России. 1914 г. – начало XXI в. 10 класс. Базовый и углубленный уровни: в 2 ч. Ч. I. 1914–1945 / под ред. С.П. Карпова. М.: Русское слово, 2019. 312 с.

Островский В.П., Уткин А.И. История России. XX век. 11 класс. Учебник для общеобразовательных учебных заведений. М.: Дрофа, 1995. 512 с.

Репухова О.Ю. Советская репрессивная политика в освещении постсоветских школьных учебников // Актуальные вопросы современной науки. 2009. № 5-1. С. 7–15.

References

Volobuev, O.V., Karpachyov S.P., Klovov, V.A. et al. (2021). Istoriya Rossii. Nachalo XX – nachalo XXI veka. 10 klass: uglublennyy uroven: uchebnik [The Beginning of 20th – the Beginning of XXI Century. 10th Grade: Advanced Level: Textbook]. Moscow, Prosveshchenie. Part. 2. 368 p.

Torkunov, A.V. (Eds.). (2021). Istoriya. Istoriya Rossii, 1914–1945 [History. Russian History, 1914–1945]. 10 klass: uchebnik dlya obshcheobrazovatel'nykh organizatsiy. M.M. Gorinov, A.A. Danilov, L.G. Kosulina i dr. Moscow, Prosveshchenie. Part 1. 176 p.

Chubar'yan, A.O., Danilov, A.A., Pivovar, E.I. i dr. (Eds.). (2011). Istoriya Rossii, XX – nachalo XXI veka [Russian History. 20 – Early 21st Centuries]. 11 klass. Uchebnik dlya obshcheobrazovatel'nykh uchrezhdeniy: profil'nyy i bazovyy urovni. Moscow, Prosveshchenie. 302 p.

Danilova, A.A., Filippova, A.V. (Eds.). (2012). Istoriya Rossii, 1900–1945 [Russian History, 1900–1945]. 11 klass: uchebnik dlya obshcheobrazovatel'nykh uchrezhdeniy. A.A. Danilov, A.S. Barsenkov, M.M. Gorinov i dr. Moscow, Prosveshchenie. 447 p.

Dmitrenko, V.P., Esakov, V.D., Shestakov, V.A. (1995). Istoriya Otechestva. XX vek [History of the Fatherland. 20th Century]. 11 kl. Uchebnoe posobie. Moscow, Drofa. 640 p.

Dmitrenko, V.P., Esakov, V.D., Shestakov, V.A. (2002). Istoriya Otechestva. XX vek [History of the Fatherland. 20 Century]. 11 kl. Posobie dlya obshcheobrazovatel'nykh uchebnykh zavedeniy. Moscow, Drofa. 608 p.

Donin, A.N. (2010). Uchebniki istorii: proshloe i nastoyashchee [History Textbooks: Past and Present]. In *Istoriya i istoricheskaya pamyat'*. No. 1, pp. 31–39.

Glukharev, N.N. (2016). Problema otrazheniya “trudnykh” voprosov istorii sovetskogo obshchestva v sovremennykh shkol'nykh uchebnikakh na primere osveshcheniya prichin massovykh repressiy 1930-kh gg. [The Problem of Reflecting the “Difficult” Issues of the History of Soviet Society in Modern School Textbooks on the Example of Coverage the Reasons for the Mass Repressions of the 1930s]. In *Istoricheskoe mesto sovetskogo obshchestva. Materialy Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii*. Moscow, Moskovskiy pedagogicheskiy gosudarstvennyy universitet, pp. 212–218.

Izmozik, B.C., Zhuravleva, O.N., Rudnik, S.N. (2021). Istoriya Rossii [Russian History]. 10 klass: bazovyy i uglublennyy urovni: uchebnik. Edited by V.A. Tishkova. Moscow, Prosveshchenie. 320 p.

Katsva, L.A. (2002). Istoriya Rossii. Sovetskiy period: 1917–1941 gg. [Russian History. Soviet Period: 1917–1941s]. Uchebnik dlya 10–11 klassov sredney shkoly. Moscow, MIROS, Antikva. 448 p.

Kisilev, A.F., Popov, V.P. (2012). Istoriya Rossii. XX – nachalo XXI veka [Russian History. 20th – Early 21st Centuries]. 11 klass. Bazovyy uroven': uchebnik dlya obshcheobrazovatel'nykh uchrezhdeniy. Moscow, Drofa. 318 p.

Kontseptsiya novogo uchebno-metodicheskogo kompleksa po otechestvennoy istorii [The Concept of a New Educational and Methodological Complex on Russian History]. Available at: URL: <https://historyrussia.org/images/documents/konsepsiyafinal.pdf> (date of access 10.11.2021).

Levandovskiy, A.A., Shchetinov, Yu.A. (2002). Rossiya v XX veke [Russia in the 20th Century]. Uchebnik dlya 10–11 klassov obshcheobrazovatel'nykh uchrezhdeniy. Moscow, Prosveshchenie. 368 p.

Levandovskiy, A.A., Shchetinov, Yu.A., Mironenko, S.V. (2010). Istoriya Rossii, XX – nachalo XXI veka [Russian History. 20 – Early 21st Centuries]. 11 klass: uchebnik dlya obshcheobrazovatel'nykh uchrezhdeniy: bazovyy uroven'. Edited by S.P. Karpova. Moscow, Prosveshchenie. 384 p.

Nikonov, V.A., Devyatov, S.V. (2019). Istoriya. Istoriya Rossii. 1914 g. – nachalo XXI v. [History. Russian History. 1914 – Early 21st Century]. 10 klass. Part I. 1914–1945. Moscow, Russkoe slovo. 312 p.

Ostrovskiy, V.P., Utkin, A.I. (1995). Istoriya Rossii. XX vek [Russian History. 20 Century]. 11 klass. Uchebnik dlya obshcheobrazovatel'nykh uchebnykh zavedeniy. Moscow, Drofa. 512 p.

Repukhova, O.Yu. (2009). Sovetskaya repressivnaya politika v osveshchenii postsovetskikh shkol'nykh uchebnikov [Soviet Repressive Policy in the Coverage of Post-Soviet School Textbooks]. In *Aktual'nye voprosy sovremennoy nauki*. No. 5-1, pp. 7–15.

Torkunov, A.V. (Eds.). (2016). Istoriya Rossii [Russian History]. 10 klass. uchebnik dlya obshcheobrazovatel'nykh organizatsiy. Ch. 1. M.M. Gorinov, A.A. Danilov, M.Yu. Morukov i dr. Moscow, Prosveshchenie. 175 p.

Medinskiy, V.R. (Eds.). (2021). Istoriya Rossii. Nachalo XX – nachalo XXI veka [Russian History. Early 20th – Early 21st Centuries]. 10 klass: bazovyy uroven': uchebnik. A.V. Shubin, M.Yu. Myagkov, Yu.A. Nikiforov i dr. Moscow, Prosveshchenie. 431 p.

Volobuev, O.V., Kuleshov, S.V. (2009), Istoriya Rossii, XX – nachalo XXI veka [Russian History. 20 – Early 21st Centuries]. Uchebnik dlya obshcheobrazovatel'nykh uchrezhdeniy (bazovyy uroven'). Moscow, Mnemozina. 335 p.

Volobuev, O.V., Karpachev, S.P., Romanov, P.N. (2016). Istoriya Rossii: nachalo XX – nachalo XXI v. [Russian History. Early 20th – 21st Centuries]. 10 klass: uchebnik. Moscow, Drofa. 367 p.

Volobuev, O.V., Karpachev, S.P., Klovov, V.A. (2021). Istoriya Rossii: nachalo XX–XXI veka [Russian History. Early 20th – 21st Centuries]. 10 klass: uchebnik: bazovyy uroven'. Moscow, Prosveshchenie. 368 p.

Zagladin, N.V., Kozlenko, S.I., Minakov, S.T., Petrov, Yu.A. (2007). Istoriya Rossii. XX vek [Russian History. 20th Century]. Uchebnik dlya 9 klassa obshcheobrazovatel'nykh uchrezhdeniy. 6-e izdanie. Moscow, TID Russkoe slovo – RS. 400 p.

Zagladin, N.V., Kozlenko, S.I., Minakov, S.T., Petrov, Yu.A. (2013). Istoriya Rossii. XX – nachalo XXI veka [Russian History. 20th – Early 21th Centuries]. Uchebnik dlya 9 klassa obshcheobrazovatel'nykh uchrezhdeniy. 11-e izdanie. Moscow, Russkoe slovo – RS. 328 p.

Статья поступила в редакцию 01.12.2021 г.

С.Н. Ушакова*

S.N. Ushakova*

**Коллективная и индивидуальная
историческая память
о событиях российской и советской
истории в коллекции Холокоста
Архива визуальной истории
Фонда «Шоа»**

doi:10.31518/2618-9100-2022-1-4

УДК 94(47+57)

Выходные данные для цитирования:

Ушакова С.Н. Коллективная и индивидуальная историческая память о событиях российской и советской истории в коллекции Холокоста Архива визуальной истории Фонда «Шоа» // Исторический курьер. 2022. № 1 (21). С. 39–44. URL: <http://istkurier.ru/data/2022/ISTKURIER-2022-1-04.pdf>

**Collective and Individual Memory
about the Events of the Russian
and Soviet History in the Holocaust
Collection of University of Southern
California Shoah Foundation's Visual
History Archive**

doi:10.31518/2618-9100-2022-1-4

How to cite:

Ushakova S.N. Collective and Individual Memory about the Events of the Russian and Soviet History in the Holocaust Collection of University of Southern California Shoah Foundation's Visual History Archive // Historical Courier, 2022, No. 1 (21), pp. 39–44. [Available online: <http://istkurier.ru/data/2022/ISTKURIER-2022-1-04.pdf>]

Abstract. This review of the Holocaust collection of University of Southern California Shoah Foundation's Visual History Archive contains a short history and numerical and thematic description of the collection. The focus of the review is video interviews of witnesses who share their memories about the events of the Russian and Soviet history. There are about 13 000 such interviews recorded primarily in the second half of the 1990's in almost 20 countries around the world. The review shows that the size and diversity of the collection as well as the indexing system developed and used by the archive makes this collection a valuable source for research on Russian and Soviet history of the 20th century.

Keywords: University of Southern California Shoah Foundation's Visual History Archive, oral history, video interviews.

The article has been received by the editor on 01.12.2021.

Full text of the article in Russian and references in English are available below.

Аннотация. В информационном обзоре коллекции свидетельств о Холокосте и Второй мировой войне Архива визуальной истории Фонда «Шоа» дана краткая история и количественная и качественная характеристики коллекции. Фокус обзора – на видеопослегов, в которых свидетели делятся своими воспоминаниями о событиях российской и советской истории. Их количество составляет около 13 000, записанных преимущественно во второй половине 1990-х гг. почти в 20 странах мира. В обзоре показано, что размер и разнообразие коллекции, а также разработанная и используемая архивом система индексации делают ее ценным источником для изучения отечественной истории XX в.

Ключевые слова: Архив визуальной истории Фонда «Шоа» при Университете Южной Калифорнии, устная история, видеопослегов.

* Ушакова Светлана Николаевна, кандидат исторических наук, Фонд «Шоа» при Университете Южной Калифорнии, Лос-Анджелес, США, e-mail: ushakova@usc.edu

Ushakova Svetlana Nikolaevna, Candidate of Historical Sciences, University of Southern California Shoah Foundation, Los Angeles, USA, e-mail: ushakova@usc.edu

Начиная с конца 1980-х гг. значительно возросло внимание отечественной историографии к устной истории как форме индивидуальной и коллективной исторической памяти и историческому источнику со стороны профессиональных историков, краеведческих и историко-просветительских организаций¹. По возможности материалы устной истории, собранные в ходе различных проектов, публикуются в сопровождении разных по объему и уровню (в зависимости от авторов и целей проекта) комментариев. В то же время доступные через Интернет электронные архивы устной истории, публикующие интервью, собранные в результате масштабных проектов с широким географическим и возрастным охватом участников, в основном созданы за рубежом.

Одним из таких архивов является University of Southern California Shoah Foundation's Visual History Archive (VHA), чье название может быть переведено как Архив визуальной истории Фонда «Шоа» при Университете Южной Калифорнии. Фонд был создан в 1994 г. В России и других странах, входивших в состав СССР, он известен также как Фонд Спилберга – по имени его основателя кинорежиссера Стивена Спилберга. Первоначальная цель записать как минимум 50 000 видеоинтервью с людьми, пережившими Холокост, а также с теми, кто помогал евреям и другим жертвам Холокоста, была достигнута в 1999 г. Активный сбор интервью продлился до 2001 г., когда размер коллекции достиг почти 52 000 интервью. В 2013 г. в состав архива Фонда была включена коллекция интервью с людьми, пережившими геноцид тутси в Руанде в 1994 г., и свидетелями этих событий. Эта коллекция стала первым результатом взаимодействия Фонда «Шоа» с другими организациями по всему миру с целью записи и сбора свидетельств о геноциде и преступлениях против человечества². В настоящее время архив включает в себя, помимо Холокоста, восемь других опубликованных тематических коллекций устной истории, а именно – о геноциде армян, геноциде тутси в Руанде, о резне в Нанкине, о массовом насилии, убийствах и преследованиях гражданского населения в Гватемале, Камбодже, Мьянме (против рохинджа), в Южном Судане и Центральной Африканской Республике, а также о проявлениях современного антисемитизма³. С 2014 г. Фонд «Шоа» сотрудничает с общественными организациями, университетами и музеями, которые в свое время сформировали или продолжают формировать собственные коллекции воспоминаний о Холокосте. После индексации и, при необходимости, оцифровке и реставрации видеозаписей эти воспоминания также становятся частью коллекции VHA при сохранении авторских прав за создателями интервью⁴. В итоге на конец 2021 г. в архиве находилось 54 975 опубликованных интервью, записанных в 65 странах на 43 языках⁵.

Важной структурной частью VHA являются метаданные, описывающие хранящиеся в архиве интервью и позволяющие эффективно осуществлять поиск внутри столь значительного массива нетекстовых источников. Помимо базовой информации, такой как личные данные интервьюируемого и сведения о его(ее) опыте во время войны, дата и место записи интервью и т.п., Фонд «Шоа» разработал и использует собственную систему индексирования каждого интервью. Суть данной системы заключается в назначении ключевых слов

¹ Ростовцев Е.А. Российская наука об устной истории // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2018. Т. 63, вып. 2. С. 526–533; Щеглова Т.К. Устная история в российском историографическом пространстве 1990–2010-х годов: вызовы, достижения и риски // Исторический курьер. 2020. № 5 (13). С. 16, 17 [Электронный ресурс]. URL: <http://istkurier.ru/data/2020/ISTKURIER-2020-5-01.pdf> (дата обращения: 12.11.2021).

² USC Shoah Foundation. Institute milestones // USC Shoah Foundation [Электронный ресурс]. URL: <https://sfi.usc.edu/about> (дата обращения: 03.01.2022); USC Shoah Foundation. Take a deep dive: Visual History Archive demonstration // USC Shoah Foundation [Электронный ресурс]. URL: <https://sfi.usc.edu/what-we-do/collections#> (дата обращения: 03.01.2022).

³ USC Shoah Foundation Visual History Archive Online [Электронный ресурс]. URL: <https://vhaonline.usc.edu/> (дата обращения: 03.01.2022).

⁴ USC Shoah Foundation. USC Shoah Foundation announces 'Preserving the Legacy' initiative // USC Shoah Foundation [2014, 18 дек.] [Электронный ресурс]. URL: <https://sfi.usc.edu/about> (дата обращения: 04.01.2022).

⁵ USC Shoah Foundation. Visual History Archive Online // USC Shoah Foundation [Электронный ресурс]. URL: <https://sfi.usc.edu/what-we-do/collections/> (дата обращения: 04.01.2022); USC Shoah Foundation Visual History Archive Online [Электронный ресурс]. URL: <https://vhaonline.usc.edu/> (дата обращения: 03.01.2022).

или терминов, описывающих содержание фрагментов интервью с частотой до одной минуты. Специально подготовленные индексеры смотрят интервью и выбирают термины из контролируемого словаря, составленного и постоянно пополняемого сотрудниками Фонда при участии историков, библиографов, архивистов, религиоведов, психологов и др.⁶

Хотя и с ограничениями, содержание VHA доступно онлайн. В 1999 г. Фонд установил в Центре Симона Визенталя в Лос-Анджелесе первую систему для доступа к архиву. С 2002 г. стал возможен онлайн-доступ к архиву для университетов и музеев по подписке. В 2012 г. был запущен [веб-сайт VHA Online](https://vhaonline.usc.edu/), который обеспечивает пользователям доступ к каталогу архива со всеми метаданными и возможностью поиска по этим метаданным. На сайте VHA Online также доступны для просмотра определенные интервью. В настоящий момент их количество составляет 4 000. Полный доступ к коллекциям VHA имеют 170 организаций-подписчиков (университеты, музеи, библиотеки) в 15 странах, а частичный доступ предоставлен 232 организациям в 36 странах⁷. К сожалению, в России пока нет организаций с полным или частичным доступом к архиву.

Одна из характеристик VHA, которая отличает его от других подобных коллекций и архивов, это его размер и разнообразие. С ее более чем 54 000 интервью, в том числе 51 566 интервью, записанных собственно Фондом, коллекция аудио-видеосвидетельств о Холокосте и Второй мировой войне – одна из самых больших в мире. В отличие от многих других коллекций, которые зачастую по причинам организационного и финансового характера ограничивались сбором воспоминаний людей, проживающих в той стране, где находится коллекционирующая организация, прежде всего в США и Израиле, Фонд «Шоа» изначально имел целью запись свидетельств по всему миру и на том языке, на котором удобнее говорить человеку, дающему интервью. Для иллюстрации, из опубликованных в VHA свидетельств Фонд записал в странах бывшего Советского Союза 4 895 интервью⁸, в том числе в Беларуси – 246, Грузии – 6, Казахстане – 6, Латвии – 79, Литве – 137, Молдавии – 284, России – 676, Украине – 3 427, Узбекистане – 25 и Эстонии – 9. При этом интервью записывались не только в центральных городах. Например, в России больше половины интервью было записано вне Москвы и Санкт-Петербурга, в 36 различных субъектах Федерации, включая европейский Север, Кавказ, Урал, Сибирь, Дальний Восток. Для большинства участников интервью на постсоветском пространстве, основной массив которых был записан в 1995–1998 гг., это было первой возможностью публично рассказать об их опыте, и многие из них с удивлением обнаружили ценность их воспоминаний. Для кого-то интервью Фонду инициировало участие в других публичных мероприятиях. Таким образом, географическое и языковое разнообразие позволило существенно расширить круг людей, вовлеченных в процесс передачи коллективной памяти о Холокосте и войне, и включить в коллекцию интервью тех свидетелей, которые прежде никогда не рассказывали о пережитом и, вполне вероятно, не получили бы такой возможности, если бы не их интервью Фонду «Шоа».

Размер и разнообразие коллекции открывают новые аспекты исследований на основе источников устной истории. Благодаря интервью из VHA в поле зрения исследователей чаще попадают малоизвестные и малоизученные места и события. Например, на данный момент в словаре ключевых слов VHA содержатся названия более 4 500 населенных пунктов, включая города, поселки, села, деревни, хутора и т.д., более 300 гетто, более 300

⁶ USC Shoah Foundation. Indexing guidelines for audiovisual testimonies. 2021. Pp. 8, 9, 39–43 // USC Shoah Foundation. Telling the story: The methodology behind the interview process. [Электронный ресурс]. URL: <https://sfi.usc.edu/collections/methodology> (дата обращения: 04.01.2022); USC Shoah Foundation. Take a deep dive: Visual History Archive demonstration // USC Shoah Foundation [Электронный ресурс]. URL: <https://sfi.usc.edu/what-we-do/collections#> (дата обращения: 03.01.2022).

⁷ USC Shoah Foundation. Access the Visual History Archive // USC Shoah Foundation [Электронный ресурс]. URL: <https://sfi.usc.edu/vha/access> (дата обращения: 04.01.2022).

⁸ USC Shoah Foundation Visual History Archive Online. [Электронный ресурс]. URL: <https://vhaonline.usc.edu/> (дата обращения: 06.01.2022). Для подсчета использовался поиск по критерию Experience groups с выбором соответствующих стран проведения интервью.

нацистских концлагерей и лагерей для военнопленных и более 100 советских концлагерей на территории бывшего Советского Союза, главным образом в его европейской части⁹. Присутствие этих названий в словаре означает, что они упоминались в интервью. С другой стороны, большой массив интервью, индексированных по единой методике, позволяет проводить исследования, более характерные для массовых источников, но при этом базирующиеся на личном опыте отдельных людей. Так, межинституциональная исследовательская группа The Holocaust Geographies Collaborative (Объединение по изучению географий Холокоста) сотрудничает с Фондом «Шоа» с 2014 г. Тема одного из возможных исследований – изучение на основе интервью из коллекции VHA «пространства выживания» (the spatiality of survival), а именно что и как люди говорят о пространстве в контексте Холокоста, о местах своего пребывания и о своем передвижении в соотнесении с географией интервью¹⁰. Локализация места проживания интервьюируемых в Одессе и сравнение этой информации со статистическими данными были использованы в нашей статье, посвященной взаимоотношениям между соседями евреями и неевреями накануне войны¹¹. Коллекции VHA, особенно с добавлением к интервью транскрипта, или стенограммы (на сегодняшний момент 4 590 интервью на английском и немецком языках снабжены транскриптом), имеют большой потенциал для исследований при помощи методов контент-анализа и методов корпусной лингвистики.

Значительная часть коллекции VHA о Холокосте и Второй мировой войне может составить отдельную большую коллекцию свидетельств о событиях советской и отчасти дореволюционной российской и постсоветской истории. Количество интервью, в которых упоминаются события российской и советской истории, составляет около 13 000. В коллекции VHA 7 488 интервью – на русском и украинском языках, записанных в Беларуси, Болгарии, Германии, Грузии, Израиле, Казахстане, Канаде, Латвии, Литве, Молдавии, Польше, России, США, Узбекистане, Украине и Эстонии. Большое количество интервью в VHA – только на английском языке. Кроме этого, по нашим приблизительным подсчетам, которые сделаны путем поиска по опыту, пережитому интервьюируемыми во время Холокоста, еще в 5 500–6 000 интервью на английском, иврите, идише, немецком и польском языках идет речь о событиях, происходивших на территории СССР в границах июня 1941 г.¹²

Интервью, записанные Фондом, построены по принципу жизнеописания от детства до событий времени интервью с фокусом на периоде войны и Холокоста. Иногда участники интервью рассказывают также историю своей семьи: родителей, бабушек, дедушек и даже прабабушек и прадедушек. Большинство интервью, хоть и с разной степенью подробности, содержат рассказ о довоенной жизни и событиях того времени. Эти рассказы могут включать детали повседневной жизни, бытовых условий, взаимоотношений между различными группами людей и т.п., а могут прямо или косвенно повествовать об исторических событиях более широкого масштаба. Поскольку интервью в основном записывались в 1995–1998 гг., многие русско- и украиноязычные интервьюеры специально задавали вопросы о голоде 1933 г., о репрессиях конца 1930-х гг. и о послевоенных антиеврейских кампаниях. В те годы эти темы были среди наиболее актуальных и вызвали интерес не только интервьюеров-историков. В то же время в интервью можно найти рассказы о событиях, не столь

⁹ USC Shoah Foundation Visual History Archive Online [Электронный ресурс]. URL: <https://vhaonline.usc.edu/> (дата обращения: 10.01.2022). Для подсчета использовался поиск по критерию Places.

¹⁰ Holocaust Geographies Collaborative [Электронный ресурс]. URL: <https://holocaustgeographies.org/> (дата обращения: 14.01.2022); USC Shoah Foundation. Holocaust Geographies Collaborative Visits the Center for a Week of Research. Jan, 2016. [Электронный ресурс]. URL: <https://sfi.usc.edu/news/2016/01/10849-holocaust-geographies-collaborative-january-2016-visit-and-lecture-summary> (дата обращения: 14.01.2022); USC Shoah Foundation. Holocaust Geographies Collaborative Makes A Return Visit to the USC Shoah Foundation Center for Advanced Genocide Research. Nov, 2016. [Электронный ресурс]. URL: <https://sfi.usc.edu/news/2016/11/12674-holocaust-geographies-collaborative-november-2016-visit-summary> (дата обращения: 14.01.2022).

¹¹ Ушакова С.Н. Отношения между соседями евреями и неевреями в довоенной Одессе в видеоинтервью людей, переживших Холокост // Исторический курьер. 2020. № 5 (13). С. 150–161 [Электронный ресурс]. URL: <http://istkurier.ru/data/2020/ISTKURIER-2020-5-13.pdf> (дата обращения: 12.01.2022).

¹² USC Shoah Foundation Visual History Archive Online [Электронный ресурс]. URL: <https://vhaonline.usc.edu/> (дата обращения: 10.01.2022).

известных широкой аудитории, но, несомненно, представляющих интерес для историков: например, лишение избирательных прав, меры против частной торговли и предпринимательства, служба в тылоополчении, кампания по изъятию золота, аресты и высылки первой половины 1930-х гг. и др. Так, Елена Осокина в своем исследовании роли «Торгсина» в обеспечении индустриализации использовала в том числе несколько свидетельств из ВНА¹³. Другой интересный и актуальный исследовательский аспект – это анализ того, как воспринимают и интерпретируют те или иные события участники интервью, как в их свидетельствах сочетается личный опыт, индивидуальная, групповая и коллективная память.

С момента своего возникновения Фонд «Шоа», и ВНА в особенности, находится в сфере внимания исследователей как институт, коллекционирующий свидетельства о Холокосте и других формах геноцида, каталогизирующий их и предоставляющий доступ к ним. Анализ и критике подвергается методика проведения интервью, их индексирования и способы использования¹⁴. Одно из повторяющихся критических замечаний в адрес методики проведения интервью Фондом «Шоа» – это установка на проведение интервью таким образом, чтобы преподнести моральные уроки, которые были вынесены или должны быть вынесены из Холокоста или других трагических событий, а также показать процесс преодоления человеком, пережившим Холокост, своего тяжелого опыта¹⁵. Хотя, как показывают другие исследования, такой стиль интервью характерен в целом для американской традиции устной истории Холокоста, тогда как интервью Фонда «Шоа», записанные в других странах и на других языках, как правило, отличаются от них¹⁶, несомненно, что понимание специфики интервью и связанных с ней ограничений важно для любой исторической работы, и эта специфика не является препятствием для использования уникальной по своим масштабам и разнообразию коллекции.

Литература

Ростовцев Е.А. Российская наука об устной истории // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2018. Т. 63, вып. 2. С. 522–545.

Ушакова С.Н. Отношения между соседями евреями и неевреями в довоенной Одессе в видеоинтервью людей, переживших Холокост // Исторический курьер. 2020. № 5 (13). С. 150–161. URL: <http://istkurier.ru/data/2020/ISTKURIER-2020-5-13.pdf> (дата обращения: 12.11.2021).

Щеглова Т.К. Устная история в российском историографическом пространстве 1990–2010-х годов: вызовы, достижения и риски // Исторический курьер. 2020. № 5 (13). С. 8–22 [Электронный ресурс]. URL: <http://istkurier.ru/data/2020/ISTKURIER-2020-5-01.pdf> (дата обращения: 12.11.2021).

Osokina E.A. Stalin's quest for gold: The Torgsin hard-currency shops and Soviet industrialization. Ithaca, New York: Cornell University Press, 2021. 342 p.

Pollin-Galay H. Ecologies of witnessing: Language, place, and Holocaust testimony. New Haven & London: Yale University Press, 2018. 335 p.

Shandler J. Holocaust memory in the digital age: Survivors' stories and new media practices. Redwood City: Stanford University Press, 2017. 232 p.

Shenker N. Through the lens of the Shoah: The Holocaust as a paradigm for documenting genocide testimonies // History and Memory. 2016. № 28 (1). P. 141–175.

¹³ Osokina E.A. Stalin's quest for gold: The Torgsin hard-currency shops and Soviet industrialization. Ithaca, New York, 2021. P. 145, 177, 232.

¹⁴ См., например, отдельную книгу, посвященную Фонду «Шоа» и ВНА: Shandler J. Holocaust memory in the digital age: Survivors' stories and new media practices. Redwood City, 2017.

¹⁵ Shenker N. Through the lens of the Shoah: The Holocaust as a paradigm for documenting genocide testimonies // History and Memory. 2016. № 28 (1). P. 141–175.

¹⁶ Pollin-Galay H. Ecologies of witnessing: Language, place, and Holocaust testimony. New Haven & London, 2018. P. 2–10.

References

Cheglova, T.K. (2020). Ustnaya istoriya v rossiyskom istoriograficheskom prostranstve 1990–2010: vyzovy, dostizheniya i riski [Oral History in the Russian Historiographical Space of the 1990s–2010s: Challenges, Achievements and Risks]. In *Istoricheskiy kurier*. No. 5 (13), pp. 8–22. Available at: URL: <http://istkurier.ru/data/2020/ISTKURIER-2020-5-01.pdf> (date of access 12.11.2021).

Osokina, E.A. (2021). *Stalin's quest for gold: The Torgsin hard-currency shops and Soviet industrialization*. Ithaca, New York, Cornell University Press. 342 p.

Pollin-Galay, H. (2018). *Ecologies of witnessing: Language, place, and Holocaust testimony*. New Haven & London, Yale University Press. 335 p.

Rostovcev, E.A. (2018). Rossiyskaya nauka ob ustnoy istorii [Russian Science of Oral History]. In *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Istoriya*. Vol. 63, Iss. 2, pp. 522–545.

Shandler, J. (2017). *Holocaust memory in the digital age: Survivors' stories and new media practices*. Redwood City, Stanford University Press. 232 p.

Shenker, N. (2016). Through the lens of the Shoah: The Holocaust as a paradigm for documenting genocide testimonies. In *History and Memory*. No. 28 (1), pp. 141–175.

Ushakova, S.N. (2020). Otnosheniya mezhdru sosedyami evreyami i neevreyami v dovoennoy Odesse v videointerv'yuy lyudej, perezhivshih Holokost [Relations Between Jewish and Non-Jewish Neighbors in Pre-War Odessa in Video Interviews with Holocaust Survivors]. In *Istoricheskiy kurier*. No. 5 (13), pp. 150–161. Available at: URL: <http://istkurier.ru/data/2020/ISTKURIER-2020-5-13.pdf> (date of access 12.11.2021).

Статья поступила в редакцию 01.12.2021 г.

Е.А. Ерохина*

E.A. Erokhina*

**Институты публичной памяти
в дискурсивном пространстве
неотрадиции: новосибирский кейс**

**Institutes of Public Memory
in the Discursive Space of Neotradition:
The Novosibirsk Case**

doi:10.31518/2618-9100-2022-1-5

doi:10.31518/2618-9100-2022-1-5

УДК 316.93

Выходные данные для цитирования:

How to cite:

Ерохина Е.А. Институты публичной памяти в дискурсивном пространстве неотрадиции: новосибирский кейс // Исторический курьер. 2022. № 1 (21). С. 45–54. URL: <http://istkurier.ru/data/2022/ISTKURIER-2022-1-05.pdf>

Erokhina E.A. Institutes of Public Memory in the Discursive Space of Neotradition: The Novosibirsk Case // Historical Courier, 2022, No. 1 (21), pp. 45–54. [Available online: <http://istkurier.ru/data/2022/ISTKURIER-2022-1-05.pdf>]

Abstract. The purpose of the article is to assess the role of public memory institutions in the space of neo-tradition. Neo-tradition is understood as a means of identification and form of concern for the present and future, existing in the “gray zone” between myth and logos. The article draws an analogy between individual and collective memory structures with the logos of historical science and mythological consciousness. Reflecting on the role of museums as institutions of public memory, their ability to transform heritage into a tool for mobilization and practical action is emphasized. The growth of private and public museum initiatives testifies to the need of modern man to “root” and comprehend history by non-rational means. It is argued that the loss of the monopoly of historical science to comprehend the past is due to the subordination of the social order of modern society to the imagination. On the example of two cases from Novosibirsk, it is shown how, in the discursive space of neo-tradition, heritage becomes a resource for social development.

Keywords: public memory, neotradition, social institutions, museum, urban space, Novosibirsk.

The article has been received by the editor on 01.12.2021.

Full text of the article in Russian and references in English are available below.

Аннотация. Целью статьи является оценка роли институтов публичной памяти в пространстве неотрадиции. Неотрадиция осмысливается как способ обретения идентичности и форма заботы о настоящем и будущем, существующая в «серой зоне» между мифом и логосом. В статье проводится аналогия индивидуальных и коллективных структур памяти с логосом исторической науки и мифологическим сознанием. Осмысливая роль музеев как институтов публичной памяти, подчеркивается их способность трансформировать наследие в инструмент мобилизации и практических действий. Рост частных и общественных музейных инициатив свидетельствует о потребности современного человека в «укоренении» и постижении истории внерациональными средствами. Утверждается, что утрата монополии исторической науки на постижение прошлого обусловлена подчиненностью социального порядка современного общества воображению. На примере двух новосибирских кейсов показано, как в дискурсивном пространстве неотрадиции наследие становится ресурсом общественного развития.

Ключевые слова: публичная память, неотрадиция, социальные институты, музей, городское пространство, Новосибирск.

* Ерохина Елена Анатольевна, доктор философских наук, Институт философии и права Сибирского отделения Российской академии наук, Новосибирск, Россия, e-mail: leroh@mail.ru
Erokhina Elena Anatolievna, Doctor of Philosophy Sciences, Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russia, e-mail: leroh@mail.ru

Институциональные трансформации постсоветских лет усилили запрос на формирование практик преодоления «травмы» модернизации, социального отчуждения и аномии. Наблюдая падение влияния идеологии и политики на формирование солидарных связей, восстановление семейно-родовых и этнических, локальных и региональных форм идентичности, невозможно игнорировать ту роль, которую играют структуры коллективной памяти в социальной самоорганизации современного российского общества. Наследие и его институты имеют первостепенное значение в ситуации коллективной мобилизации, требующей четких критериев групповой идентификации. Так, память становится источником коллективных представлений о прошлом, а история – ресурсом его разнообразных интерпретаций.

Другой предпосылкой обращения к институтам наследия является экзистенциальное стремление к «укорененности» в стремительно меняющемся мире. Мотив обретения мироцелостности неразрывно связан с идеей достижения некоего скрытого знания о собственной природе, обнаружения некоей сущности, проступающей, несмотря на многообразие исторических ее проявлений, в поступках и действиях людей. Наконец, расширение горизонтов социального сравнения и распространение научных фактов об историческом прошлом позволяют «примерить» социальные роли, присущие структурной диспозиции различных исторических эпох.

Такой интерес к прошлому был бы невозможен без массового образования и повышения доли свободного времени в бюджете времени современного горожанина. Желание стать персонажем «реальной» истории исследователи, работающие в рамках методологии *public history*, рассматривают как один из способов исторического познания¹. Методология *public history* признает ценность внерационального опыта постижения истории. Если рациональное познание, опирающееся на авторитет методов исторической науки, имеет целью достижение общезначимой научной истины, то чувственный и иррациональный опыт участия в разнообразных неакадемических практиках постижения истории индивидуализирует представления о ней. Утрата академией монополии на прошлое допускает равнозначность рациональных и внерациональных форм познания с позиции трансдисциплинарности. Образцам научной рациональности, культивируемой академическими субъектами, противопоставлен индивидуальный опыт участия «профанов» в традиционных, по М. Веберу, действиях, конституирующих солидарность и принадлежность к коллективу. При этом выбор лояльности может быть достаточно произвольным, осуществляться из веера возможных «примордиальных» и «вымышленных» сообществ, требовать участия в коллективных ритуалах и исторических реконструкциях.

Обращаясь к причинам таких изменений, важно отметить более общую тенденцию трансформации отношений между наукой и обществом. Впервые в истории благодаря науке человеческое общество не рассматривает социальный порядок как нечто неизменное. Благодаря исследованиям П. Бергера и Т. Лукмана, К. Касториадиса и Ч. Тейлора, Б. Андерсона и Ш. Джасанов утвердилось представление о том, что наука, в том числе историческая, выступает источником социальных изменений². Степень подчиненности современного мира воображению не знает аналогов в прошлом. То, как люди, используя научные, в том числе социальные теории, представляют себе свое положение, формирует социальные ожидания и основанные на них нормативные предписания.

¹ Зорин А.Л. «Не бывает мифов правильных и неправильных, но бывают мифы продуктивные, а бывают – злободневные». Интервью с А.Л. Зориным // Историческая экспертиза. 2018. № 1. С. 363.

² Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. М., 2001; Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М., 1995; Касториадис К. Воображаемое установление общества. М., 2003; Тейлор Ч. Что такое социальное воображаемое? // Неприкосновенный запас: Дебаты о политике и культуре. 2010. Т. 1, № 69. С. 19–26; Jasanoff Sh. Imagined and Invented Worlds // Dreamscapes of Modernity: Sociotechnical Imaginaries and the Fabrication of Power. Chicago; London, 2015. P. 321–342.

Концепт неотрадиции как нельзя более уместен в ситуации необходимости произвести переоценку наследия как фактора общественного развития. Здесь и далее мы опираемся на теоретическую концепцию, предложенную новосибирскими этносоциологами С.А. Мадюковой и Ю.В. Попковым, которые рассматривают неотрадиционализм как феномен современного общества, в рамках которого потребность людей манифестировать посредством коллективных ритуалов свою принадлежность к определенному сообществу удовлетворяется рефлексивным, индивидуально мотивированным действием³. В настоящей статье с позиции социокультурного неотрадиционализма будет рассмотрен механизм взаимодействия индивидуальных и коллективных структур публичной памяти в современном обществе на примере общественных инициатив жителей города Новосибирска.

В пространстве неотрадиции соединение мифологического и логического, памяти и знания создает критическую массу коллективных представлений политического (политика памяти), религиозного (сакрализация наследия), локального (местный патриотизм), поколенческого (биографическая память), семейного (родство и этничность) и иного характера. В дискурсивном пространстве неотрадиции, где интерпретации прошлого и настоящего оказываются источниками проекций будущего, разворачивается острая состязательность между разными субъектами, конкурирующими за право высказываться и/или навязывать остальным свой особый взгляд.

Особенно интенсивно эта конкуренция проявляется на региональном и муниципальном уровнях, где у государства появилась реальная альтернатива в лице религиозных, коммерческих, гражданских проектов. Новосибирск, развитие которого сопровождается сегодня невиданным взлетом общественных инициатив, направленных на развитие институтов наследия, предлагает яркие музейные проекты, которые становятся влиятельными площадками для использования «исторического» ресурса в целях продвижения «местных» интересов.

Выбор эмпирических объектов исследования – «мест памяти» новосибирцев – обусловлен интересом к институтам публичной памяти, автономным от влияния государственных структур и религиозных общин, воздействия событийных факторов. Поэтому в статье речь пойдет о частных инициативах общественного (некоммерческого и негосударственного) характера. Отбор осуществлялся также с учетом современности проектов (рубеж XX и XXI вв.).

Самое крупное муниципальное образование в азиатской части России переживает в начале XXI в. интенсивное расширение пространства публичной памяти. Несмотря на «запоздалое» включение в данный процесс (в сравнении с крупными городами Европейской России и Урала), у новосибирцев есть определенные перспективы с точки зрения их развития. Для этого есть все необходимые условия. Во-первых, это экономический потенциал, существующий благодаря диверсификации отраслей городского общественного производства. Он позволяет поддерживать определенную бюджетную устойчивость и развивать публичные институты. Во-вторых, наличие большого количества игроков в пространстве публичной памяти – федеральных (парк «Россия – моя история»), региональных (Новосибирский государственный областной краеведческий музей), муниципальных (музей Новосибирска) и частных – способствует конкуренции между ними, а значит, и росту качества самих институтов.

Следуя определениям Томислава С. Шолы, публичная память является способом организованного использования наследия в специфических интересах данного общества⁴. В таком понимании институты публичной памяти, например архивы, библиотека, музеи, оказываются составной частью публичной истории, которая «всегда живет в ... маятнике между изучением истории и самим этим бытованием в ней и переживанием»⁵.

³ Мадюкова С.А., Попков Ю.В. Феномен социокультурного неотрадиционализма. СПб., 2011. С. 105.

⁴ Шола Т. Мнемософия. Эссе о науке публичной памяти. Ростов Великий, 2017. С. 43–44, 77.

⁵ Зорин А.Л. «Не бывает мифов правильных и неправильных, но бывают мифы продуктивные, а бывают – злобные»... С. 363.

«С одной стороны, публичная история понимается как изучение памяти, а с другой стороны – как воздействие на нее»⁶. Такую характеристику публичной истории как «ничьей земли» вполне можно отнести и к публичной памяти, хотя ее институты гораздо древнее, чем современность. Обращаясь к структурам коллективной памяти современного общества, мы без труда выделяем два его очевидных полюса – мифологический (архетипический) и собственно логический, понимаемый в данной статье как ориентированное на стандарты научной рациональности историческое знание. Неотрадиция невозможна вне включения научных знаний в архетипические структуры коллективной памяти, вне обеспечивающих работу коллективного воображения институтов массового образования и современных средств массовой коммуникации.

Переходя от выявления необходимых к определению достаточных условий развития институтов публичной памяти, следует отметить как минимум еще два фактора: долговременность и осознание самими горожанами ценности своего поселения. Иными словами, речь идет о наличии или отсутствии «гения места». Совершенно очевидно, что Новосибирск как самый молодой из сибирских городов «проигрывает» в этом состязании и «старым» сибирским городам (например Томску, Иркутску, Барнаулу), и национальным республикам Южной Сибири (Алтаю, Хакасии, Туве, Бурятии). Как показали исследования Е. Красильниковой, жители Новосибирска испытывают потребность в обнаружении таких символов городского пространства, которые позволили бы усилить ощущение связи с «местом», преодолеть чувство неудовлетворенности от жизни в «безликом» пространстве⁷.

Существует множество способов повышения символического статуса места. Собственные исследования автора в Республике Алтай, осуществленные в 2006–2019-х гг., позволяют утверждать, что интерес к историко-культурному наследию региона «извне» повысил престижность принадлежности местных жителей к коренному и старожильческому населению. Интерес к Алтаю как «месту силы» подпитывался распространенным представлением о нем как о родине шаманизма, анклав старообрядчества и источнике творческого вдохновения семьи Рерихов. Наплыв туристов, преодоление локальной замкнутости поселений, свойственной всем регионам с преимущественно сельским населением, усилили интерес местного населения к наследию региона, обычаям и традициям его народов⁸.

Исследуя персональные и событийные фигуры этнического пантеона славянских и тюркских народов Большого Алтая социологическими методами, нам удалось выявить «серую» зону между памятью и знанием. Составляющие ее элементы сформированы под влиянием профессиональных экспертно-ориентированных институтов коммуникации (наука, литература, медиа) и имеют черты хронологического нарратива, несводимого ни к мифу, ни к специализированному знанию.

В пользу такого заключения позволяют говорить следующие аргументы. Во-первых, исторические представления, которыми оперировали респонденты, имели четкую «привязку» к научной периодизации. Во-вторых, реальные персонажи доминировали над эпическими фигурами воспоминаний. В-третьих, само стремление установить связи между событиями не по ассоциативному (одно после другого), а по каузальному принципу (причина–следствие) свидетельствует о том, что исторические знания транслируются со специализированного уровня в общественное пространство со сложившимися представлениями о нормах научной деятельности.

Вместе с тем избыточность ангажированных интерпретаций при явном дефиците рациональных аргументов у респондентов еще раз убеждает в глубокой связи публичной памяти с мифом о «нашем происхождении» от «предков»/«отцов-основателей», генетических или

⁶ Зорин А.Л. «Не бывает мифов правильных и неправильных, но бывают мифы продуктивные, а бывают – зловердые»... С. 363.

⁷ Красильникова Е.И. Мемориальное пространство в исторической динамике (1893–2000 гг.) // Вестник Томского государственного университета. История. 2019. № 61. С. 32.

⁸ Ерохина Е.А. Этноконфессиональный ландшафт Республики Алтай: глобальные вызовы и локальные ответы // Oriental Studies. 2020. Т. 13, № 2. С. 446.

духовных предшественников. Желание поддерживать эмоционально-ассоциативные связи, на которых базируется чувство солидарности, глубоко укоренено в архетипе коллективного «мы», включающем позитивные для групповой идентичности представления о подвиге, героизме или жертвенности⁹. Хотя выборка конкретно-социологического исследования ограничивалась учащейся молодежью одного региона – Республики Алтай, представляется, что полученные выводы можно экстраполировать на другие регионы и группы населения¹⁰. Главный результат этого исследования можно сформулировать следующим образом. По мере того как процесс воспроизводства научных знаний выходит за пределы академической науки, вовлекая в него так называемых «профанов», сама наука все более включается в конструирование символов общественного и гражданского активизма.

Институты публичной памяти, организующие использование наследия, выступают посредниками во взаимодействии науки и общества. Ключевой институцией наследия, воплощающей возможности истории как «практической» науки, был и остается музей¹¹. Его первичная функция заключалась в сборе, хранении и консервации материальных артефактов и документов памяти. Важной функцией музея долгое время оставалась и репрезентация памяти. Однако современность внесла существенные изменения и здесь, превратив музей в пространство репрезентации наших интерпретаций прошлого. Идеал объективной универсальности поставлен под сомнение креативной индустрией и постмодернистским многоголосием. Более того, в цифровую эпоху музей может существовать даже без своего главного атрибута – фонда.

С другой стороны, укорененность наследия в структурах коллективного «мы» позволяет осуществлять быструю мобилизацию общественных субъектов вокруг институтов публичной памяти. При этом оказывается проницаемой граница между историческим знанием, взыскующим научной истины, и исторической памятью, ищущей «правды» как некоей искупительной жертвы или экзистенциального ответа на предельные вопросы. В конечном итоге именно «компетентные» посетители выносят вердикт музейным профессионалам по поводу того, «так ли это было на самом деле» или нет. Чем меньше дистанция между репрезентируемой эпохой и современностью, тем острее споры по поводу адекватности интерпретации. В этих дискуссиях индивидуальные воспоминания и мнения историков имеют равнозначный аргументационный потенциал.

Исходя из принципиальной оппозиции памяти как семиотической системы и институциональной среды как внесемиотической реальности, предложим следующую классификацию этих отношений: 1) «мы» и пространство (локальная идентичность); 2) «мы» и время (память поколений); 3) «мы» и «другие» («примордиальные» связи). В музейном пространстве Новосибирска легко обнаружить «места памяти», атрибутируемые особыми отношениями с локацией, поколением и социальным родством. Среди их множества нами, в соответствии с предложенными ранее критериями, были выбраны два современных музейных проекта, каждый из которых появился в постсоветский период в результате общественных инициатив горожан: Интегральный музей-квартира Академгородка и проект по спасению

⁹ Ерохина Е.А. Коллективная память в этническом самосознании горноалтайской молодежи // Социологические исследования. 2009. № 3 (299). С. 120.

¹⁰ Опрос в РА 2007 г. проводился методом непропорциональной стратифицированной выборки, где в качестве страт выступали этнические общности. Объект исследования – учащаяся молодежь – старшеклассники и студенты среднепециальных и высших учебных заведений. Массовый опрос осуществлялся в городской и сельской местности Горно-Алтайск, Усть-Канский и Усть-Коксинский районы РА). Опрос репрезентативен по полу, возрасту, месту проживания в выборке из 625 молодых людей старше 14 лет (272 русских и 290 представителей коренных народов Алтая или алтайцев алтай-кижи, телеутов, тубалар, кумандинцев, челканцев, теленгитов, шорцев).

¹¹ Репина Л.П. Наука и общество: публичная история в контексте исторической культуры эпохи глобализации // Ученые записки Казанского университета. Т. 157. Гуманитарные науки. Кн. 3. Казань, 2015. С. 59; Чуркин М.К. Публичная история в России как исследовательское направление в обстоятельствах «культурного поворота» начала XXI века: стратегии и практики // VI Ядринцевские чтения: мат-лы Всерос. науч.-практ. конф. Омск, 2021. С. 98.

дома, в котором жила одна из самых ярких представительниц сибирского рока Яна Станиславовна Дягилева (Янка).

Интегральный музей-квартира повседневности Академгородка был задуман, по признанию его основательницы Анастасии Германовны Близнюк, в память об отце, Германе Петровиче Безносове. Биография ее родителей, как и жизнь многих других представителей молодого поколения сибирской науки 1960-х гг., оказалась связанной со становлением Новосибирского научного центра (ННЦ), развитием его общественной и политической жизни. Светлана Павловна Рожнова, мама основательницы музея, была одной из подписантов «Дела 46». Имя Германа Безносова неразрывно связано с деятельностью клуба «Под интегралом», организацией первых конкурсов красоты и другими досуговыми мероприятиями Академгородка. Память о советской повседневности 1960–1970-х гг., увековеченная в предметах и документах, аудиовизуальных записях воспоминаний очевидцев, «оживает» в перформативных событиях, имеющих целью не только рассказать о прошлом, но и создать определенную атмосферу, нагруженную символами, ассоциативно связывающими историю Академгородка как «места силы и свободы» с достижениями советской науки, с периодом хрущевской оттепели, с особого рода «сибирячеством». Эта особость присутствует как сплав локального, конституирующего отличительность Академгородка в городском пространстве Новосибирска, и глобального, благодаря статусу ННЦ как признанного центра мировой науки.

В контексте обсуждения роли неотрадиции в процессе производства «мест памяти» чрезвычайно интересны следующие особенности деятельности Интегрального музея. Во-первых, память об обычных людях, сотрудниках Сибирского отделения АН СССР и жителях Академгородка, соседствует с памятью о его «отцах-основателях», директорах научных институтов, руководителях научных школ и направлений. Во-вторых, все вещи в музее доступны для использования: к ним можно прикоснуться, брать их в руки, употреблять по назначению. В-третьих, в практиках Интегрального музея важны перформативные методы взаимодействия с посетителями: ретродефиле, выезды на другие интерактивные площадки, участие в массовых мероприятиях, в том числе исторических реконструкциях. Наконец, скрупулезность в подходе к сбору и атрибуции материала совмещается с определенной ироничностью в его презентации. Так, например, открытие музея в 2014 г. состоялось в стиле дня рождения советских лет и получило название «Дня приоткрытых дверей»¹².

Интегральный музей – один из элементов дискурсивного пространства неотрадиции, конституирующей «локальный авторитет», основанный на сплаве традиции, «укорененной» в семье и родстве, памяти нескольких поколений жителей Академгородка, символах сибирской науки, олицетворяемой ее «отцами-основателями», с одной стороны, и современности (проект «Академгородок 2.0», «Новосибирск – научная столица России»), с другой¹³. «Локальный авторитет» ННЦ восходит к памяти о хрущевской оттепели, одним из плодов которой стало создание Сибирского отделения РАН его «отцами-основателями»: М.А. Лаврентьевым, С.А. Христиановичем, С.Л. Соболевым. Вокруг этого факта в настоящее время существует несколько идеологем, среди которых самыми принципиальными для идентичности локального сообщества являются следующие: 1) Академгородок – это наукоград в сибирской тайге, где свершаются открытия мирового уровня; 2) Академгородок – это пространство свободы, ассоциируемое с инакомыслием («Дело 46», бардовский фестиваль 1968 г., «Новосибирский манифест»); 3) Академгородок – это воплощение «треугольника Лаврентьева», принципа соединения науки, образования и производства.

¹² Рубинштейн Т.Г., Близнюк А.Г. Материалы «Интегрального музея-квартиры повседневности Академгородка» как источниковая база для изучения истории новосибирского Академгородка [Электронный ресурс] // Интерактивное образование. Электронная газета. 2017. № 74. URL: <http://io.nios.ru/articles2/92/15/materialy-integralnogo-muzeya-kvartiry-povsednevnosti-akademgorodka-kak> (дата обращения: 09.11.2021).

¹³ Запорожченко Г.М. Публичная память о лидерах сибирской науки (вторая половина XX – начало XXI века) [Электронный ресурс] // Исторический курьер. 2021. № 2 (16). С. 11. URL: <http://istkurier.ru/data/2021/ISTKURIER-2021-2-01.pdf> (дата обращения: 09.11.2021)

Последняя из этих идеологем эксплуатируется наиболее активно разработчиками проекта «Академгородок 2.0»¹⁴.

С позиции центра принятия решений, удаленного от реалий региональной науки, локальная субъектность новосибирского Академгородка выглядит как некое излишество и даже «предрассудок» тех социальных агентов, которые идентифицируют себя с местным сообществом. В анамнезе самого успешного постсоветского технопроекта, «Сколково», уже лежит другой технополис, «Стэнфорд», современник новосибирского Академгородка. Последний, таким образом, видится из «центра» вторичным феноменом для любого менеджера, незнакомого с его прошлым и настоящим. Соответственно, опора на «локальный авторитет», силу идентичности и традиций предполагает легитимацию «низовых» институтов, чей символический капитал работает на репутацию Академгородка. Обращение к «локальному авторитету» наследия показывает способность периферийных сообществ отстаивать право на самоуважение, признание вклада в «большую науку» и, в конечном счете, способствовать преодолению отчуждения, вызванного глобальным и региональным неравенством¹⁵.

Авторитет наследия нередко оспаривается и в среде местного сообщества, особенно в тех случаях, когда «спорщики» оказываются связанными с группами интересов, основанных на материальной выгоде. Одной из самых типичных ситуаций в градостроительной практике является конфликт интересов застройщика и местных жителей, которые хотят сохранения существующего облика своего квартала. Нередко местное население прибегает к значимости наследия как к важному аргументу сохранения статус-кво. Случай с домом по адресу ул. Ядринцевская, 61 является уникальным в своем роде. Этот дом в «тихом» центре – один из немногих сохранившихся в окружении многоэтажек строений частного сектора. Большинство из них пришли в ветхость, и городскую территорию под ними было решено передать под многоэтажную застройку. Именно тогда, в начале 2010-х гг., оформилась инициативная группа, вокруг которой сплотилась общественность с намерением сохранить дом на перекрестке улиц Ядринцевской и Семьи Шамшиных.

Дом, который первоначально использовался как торговая лавка, представляет собой один из немногих сохранившихся образцов массовой одноэтажной деревянной застройки Новониколаевска начала XX в. Именно это обстоятельство предопределило его невысокую архитектурную ценность в глазах экспертов. Об этом здании до начала упоминаемых событий было лишь известно, что там с 1966 по 1991 г. жила Яна Станиславовна Дягилева, яркий представитель сибирского экзистенциального панка, трагически погибшая при невыясненных обстоятельствах. Инициаторам музейного проекта по увековечению ее памяти удалось установить на доме памятную доску, внести дом в список выявленных объектов наследия. Они намерены добиться присвоения дому статуса памятника архитектуры. Несмотря на отсутствие единодушия по поводу того, как следует использовать дом в будущем, пока удается предотвратить снос строения.

Во «ВКонтакте» была создана страница, на которой аккумулируются сведения, касающиеся истории Янкиного дома. Она обновляется и в настоящее время. Усилиями Константина Голодяева, Андрея Позднякова, Антона Лучанского и других активных горожан удалось установить ряд достоверных фактов, раскрывающих связь этого строения с ключевыми событиями города начиная с момента его постройки в 1910. В частности, были установлены имена строителей – первых владельцев дома, представителей семьи Кояковых.

Официально в доме было зарегистрировано два адреса с номерами 2 и 3, что послужило источником нумерологических мистификаций. В ходе изучения истории здания было выявлено, что в годы Великой Отечественной войны к нему был пристроен сарай, где жили беженцы из Ленинграда. Ему и принадлежал адрес под номером один. После их возвращения домой сарай был разобран, но прежняя нумерация осталась.

¹⁴ Ерохина Е.А. Есть ли будущее у кремниевой тайги? Перспективы и риски проекта «Академгородок 2.0» // Социология науки и технологий. 2020. Т. 11, № 3. С. 106–110.

¹⁵ Там же. С. 114.

Кроме того, стало известно, что в соседней с Дягилевыми квартире с 1920-х гг. жила еще она легенда музыкальной жизни Новосибирска – Надежда Дезидериева-Буда, звезда оперной сцены 1940–1960-х гг. и руководитель музыкальной школы № 1, где Дягилева проходила обучение один год по классу фортепьяно¹⁶.

Творчество Дягилевой давно уже стало предметом самого пристального интереса со стороны исследователей русского андеграундного рока, литературоведов и музыковедов, культурологов и краеведов: выпущены монографии, написаны статьи, продолжаются исследования ее биографии, траекторий людей ее круга, таких как Александр Башлачев, Егор Летов и других менее известных ее товарищей. Многие из них еще живы и активно делятся воспоминаниями, поднимая из глубины забвения совсем недавние события.

В антропологии существует гипотеза, согласно которой сакральной значимостью не всегда обладают те объекты, которые могут претендовать на внимание наблюдателя. Напротив, нередко самые типичные, ничем не выделяющиеся из ряда подобных объекты вдруг наделяются особым значением. Нечто подобное, по-видимому, случилось и с ее домом, который, подобно острову, поверхность которого едва различалась в необозримом океане повседневности, неожиданно «вырос» на фоне однотипных мемориальных мест Новосибирска. Оказалось, что город имеет свою историю, своих героев, у которых есть имена.

Данный музейный проект не является завершенным. На его пути множество препятствий, среди которых – отсутствие консенсуса о том, каким должен быть музей сибирского рока. Однако уже можно убедиться в том, что проект прошел определенный путь от «поколенческого» феномена, объединившего участников общественной инициативы на интересе к яркому культурному явлению 1980-х гг., к более зрелой, ориентированной на сохранение значимых для истории города пространств идее.

Свойство мифа делать индивидуальное типическим играет двоякую роль в процессе воспроизводства и конструирования памяти: с одной стороны, миф кристаллизует единичное из общего массива воспоминаний, с другой – он выталкивает в область забвения все, что не укладывается в типическое. Напротив, способность логоса к «припоминанию» открывает возможность вырвать из забвения то, что могло бы быть им поглощено. Наделение символов коллективной памяти индивидуальным смыслом помогает осознавать включенность истории в актуальную повседневность, необходимость критически осмысливать ее и работать на будущее. Таким образом, борьба за наследие как ресурс актуального настоящего оказывается состязанием проектов будущего.

В XXI в. в «тихом» центре Новосибирска (проект по спасению дома по адресу: ул. Урицкого, 17) и за его пределами (проекты сохранения ул. Богдана Хмельницкого, микрорайона «Расточка» и др.) появилось немало объектов городской среды, претендующих на коммеморацию. Возникает закономерный вопрос о том, почему это и другие «открытия» не случились ранее? Где следует искать причину: в усталости горожан от безликой и искажающей архитектурный облик города застройки или в долгожданном рождении «гения/гениев места»? Любой ответ, институциональный или феноменологический, будет равно удовлетворительным, если его основание будет фундировано в категориях выбора, идентичности и субъективности.

Литература

Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма / пер. с англ. В.Г. Николаева. М.: КАНОН-пресс-Ц; Кучково поле, 2001. 288 с.

Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания / пер. с англ. Е.Д. Руткевич. М.: Медиум, 1995. 323 с.

Ерохина Е.А. Есть ли будущее у кремниевой тайги? Перспективы и риски проекта «Академгородок 2.0» // Социология науки и технологий. 2020. Т. 11, № 3. С. 106–118.

¹⁶ Дом Янки, Ядринцевская, 61, Новосибирск [Электронный ресурс]. URL: <https://vk.com/club185950291> (дата обращения: 09.11.2021).

Ерохина Е.А. Коллективная память в этническом самосознании горноалтайской молодежи // Социологические исследования. 2009. № 3 (299). С. 115–120.

Ерохина Е.А. Этноконфессиональный ландшафт Республики Алтай: глобальные вызовы и локальные ответы // Oriental Studies. 2020. Т. 13, № 2. С. 436–454.

Запорожченко Г.М. Публичная память о лидерах сибирской науки (вторая половина XX – начало XXI века) [Электронный ресурс] // Исторический курьер. 2021. № 2 (16). С. 11. URL: <http://istkurier.ru/data/2021/ISTKURIER-2021-2-01.pdf> (дата обращения: 09.11.2021).

Зорин А.Л. «Не бывает мифов правильных и неправильных, но бывают мифы продуктивные, а бывают – вредные». Интервью с А.Л. Зориным // Историческая экспертиза. 2018. № 1. С. 360–367.

Касториадис К. Воображаемое установление общества / пер. с фр. Г. Волковой, С. Офертаса. М.: Гнозис; Логос, 2003. 480 с.

Красильникова Е.И. Мемориальное пространство в исторической динамике (1893–2000 гг.) // Вестник Томского государственного университета. История. 2019. № 61. С. 32–43.

Мадюкова С.А., Попков Ю.В. Феномен социокультурного неотрадиционализма. СПб.: Алетейя, 2011. 132 с.

Репина Л.П. Наука и общество: публичная история в контексте исторической культуры эпохи глобализации // Ученые записки Казанского университета. Т. 157. Гуманитарные науки. Кн. 3. Казань, 2015. С. 55–67.

Рубинштейн Т.Г., Близнюк А.Г. Материалы «Интегрального музея-квартиры повседневности Академгородка» как источниковая база для изучения истории новосибирского Академгородка [Электронный ресурс] // Интерактивное образование. Электронная газета. 2017. № 74. URL: <http://io.nios.ru/articles2/92/15/materialy-integralnogo-muzeya-kvartiry-povsednevnosti-akademgorodka-kak> (дата обращения: 09.11.2021).

Тейлор Ч. Что такое социальное воображаемое? // Неприкосновенный запас: Дебаты о политике и культуре. 2010. Т. 1, № 69. С. 19–26.

Чуркин М. К. Публичная история в России как исследовательское направление в обстоятельствах «культурного поворота» начала XXI века: стратегии и практики // VI Ядринцевские чтения: мат-лы Всерос. науч.-практ. конф. Омск, 2021. С. 94–100.

Шола Т. Мнемософия. Эссе о науке публичной памяти. Ростов Великий: ИКОМ России, ГМЗ «Ростовский кремль», 2017. 320 с.

Jasanoff Sh. Imagined and Invented Worlds // Dreamscapes of Modernity: Sociotechnical Imaginaries and the Fabrication of Power. Chicago; London: University of Chicago Press, 2015. P. 321–342.

References

Anderson, B. (2001). *Voobrazhaemye soobshchestva. Razmyshleniya ob istokakh i rasprostraneni natsionalizma* [Imagined Communities. Reflections on the Origins and Spread of Nationalism]. Moscow, KANON-press-C, Kuchkovo pole. 288 p.

Berger, P., Luckmann, T. (1995). *Social'noe konstruirovaniye real'nosti. Traktat po sotsiologii znaniya* [The Social Construction of Reality]. Moscow, Medium. 323 p.

Castoriadis, C. (2003). *Voobrazhaemoe ustanovlenie obshchestva* [The Imaginary Institution of Society]. Moscow, Gnosis, Logos. 480 p.

Churkin, M.K. (2021). *Publichnaya istoriya v Rossii kak issledovatel'skoe napravlenie v obstoyatel'stvakh "kulturnogo povorota" nachala XXI veka: strategii i praktiki* [Public History in Russia as a Research Direction in the Circumstances of the “Cultural Pivot” of the Beginning of the 21st century: Strategies and Practices]. In VI Yadrincevskie chteniya. *Materialy Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii*. Omsk, pp. 94–100.

Erokhina, E.A. (2009). *Kollektivnaya pamyat v etnicheskom samosoznanii gornoaltayskoy molodezhi* [Youths of Gorno-Altaysk: Collective Memory and Ethnic Identities]. In *Sociological Studies*. No. 3, pp. 115–120.

Erokhina, E.A. (2020). Est li budushee u kremnievoy taygi? Perspektivy i riski proekta "Akademgorodok 2.0" [Is There a Future for the Silicon Taiga? Prospects and Risks of the Project "Academgorodok 2.0"]. In *Sociology of Science and Technology*. Vol. 11, no. 3, pp. 106–118.

Erokhina, E.A. (2020). Etnokonfessionalnyy landshaft Respubliki Altay: globalnyye vyzovy i lokalnye otvety [Ethno-Confessional Landscape of the Altai Republic: Global Challenges and Local Responses]. In *Oriental Studies*. Vol. 13 (2), pp. 436–454.

Jasanoff, Sh. (2015). Imagined and Invented Worlds. *Dreamscapes of Modernity: Sociotechnical Imaginaries and the Fabrication of Power*. Ed. by Sh. Jasanoff, S.-H. Kim. Chicago, London, University of Chicago Press, pp. 321–342.

Krasilnikova, Ye.I. (2019). Memorialnoe prostranstvo v istoricheskoy dinamike (1893–2000 gg.) [The Memorial Space of Novosibirsk in the Historical Dynamics (1893–2000)]. In *Tomsk State University Journal of History*. No. 61, pp. 32–43.

Madyukova, S.A., Popkov, Yu.V. (2011). *Fenomen sotsiokul'turnogo neotraditsionalizma* [The Phenomenon of Socio-Cultural Neotraditionalism]. St. Petersburg, Aleteiya Publ. 132 p.

Repina, L.P. (2015). Nauka i obshchestvo: publichnaya istoriya v kontekste istoricheskoy kultury epohi globalizatsii [Science and Society: Public History in the Context of Historical Culture of the Globalization Era]. In *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*. Vol. 157, part 3, pp. 55–67.

Rubinshtejn, T.G., Bliznyuk, A.G. (2017). Materialy "Integral'nogo muzeya-kvartiry povsednevnosti Akademgorodka" kak istochnikovaya baza dlya izucheniya istorii novosibirskogo Akademgorodka [Materials of the "Integral Museum-Apartments of Everyday Life of Akademgorodok" as a Source Base for Studying the History of Novosibirsk Akademgorodok]. In *Interaktivnoe obrazovanie. Elektronnaya gazeta*. No. 74. Available at: <http://io.nios.ru/articles2/92/15/materialy-integralnogo-muzeya-kvartiry-povsednevnosti-akademgorodka-kak> (date of access 09.11.2021).

Shola, T. (2017). *Mnemosofiya. Nauka o publichnoy pamyati* [Mnemosina. The Science of Public Memory]. Rostov Velikiy. 320 p.

Taylor, C. (2010). Chto takoe social'noe voobrazhaemoe? [What Is the Social Imaginaty?]. In *Neprikosnovennyy zapas: Debaty o politike i kul'ture*. Vol. 1, no. 69, pp. 19–26.

Zaporozhchenko, G.M. (2021). Publichnaya pamyat o liderah sibirskoy nauki (vtoraya polovina XX – nachalo XXI veka) [Public Memory of the Leaders of Science in Siberia (Second Half of the 20th – Beginning of the 21st Century)]. In *Istoricheskiy kurier*. No. 2 (16), pp. 9–24. Available at: <http://istkurier.ru/data/2021/ISTKURIER-2021-2-01.pdf> (date of access 09.11.2021).

Zorin, A.L. (2018). "Ne byvaet mifov pravilnykh i nepravilnykh, no byvayut mify produktivnye, a byvayut – zlovrednye". Intervyu s A.L. Zorinyim ["There are No Right or Wrong Myths, But There are Productive Myths, and There are evil Myths". Interview with A.L. Zorin]. In *Historical Expertise*. No. 1, pp. 360–367.

Статья поступила в редакцию 01.12.2021 г.

Е.Н. Наземцева*

E.N. Nazemtseva*

**«Перехваченные судьбы»:
переписка русских эмигрантов
в фондах Центрального архива
ФСБ России**

**“Intercepted Fates”:
Correspondence of Russian Emigrants
in the Fonds of the Central Archive
of the FSB of Russia**

doi:10.31518/2618-9100-2022-1-6

doi:10.31518/2618-9100-2022-1-6

УДК 94

Выходные данные для цитирования:

How to cite:

Наземцева Е.Н. «Перехваченные судьбы»: переписка русских эмигрантов в фондах Центрального архива ФСБ России // Исторический курьер. 2022. № 1 (21). С. 55–71. URL: <http://istkurier.ru/data/2022/ISTKURIER-2022-1-06.pdf>

Nazemtseva E.N. “Intercepted Fates”: Correspondence of Russian Emigrants in the Fonds of the Central Archive of the FSB of Russia // Historical Courier, 2022, No. 1 (21), pp. 55–71. [Available online: <http://istkurier.ru/data/2022/ISTKURIER-2022-1-06.pdf>]

Abstract. The publication introduces into scientific circulation a complex of materials from the Central Archive of the Federal Security Service of Russia on the correspondence of Russian emigrants in China with their relatives and acquaintances in the USSR. Among the submitted documents are letters from emigrants and their relatives in the USSR, instructions from the Foreign Department of the United Main Political Directorate on perusal of letters, investigation of cases related to the transfer of letters to the USSR and China, illegal crossing of the Soviet-Chinese border, establishing control over the relatives of emigrants. The documents reflect in detail the features of life both in the USSR and in China. Of particular interest is information about the perception by emigrants of their new life away from their homeland, the culture of China, as well as documents revealing the perception of emigrants' relatives of the features of the Soviet system.

Keywords: China, USSR, Russian emigration, perusal, INO OGPU (Foreign Department of the United Main Political Directorate).

The article has been received by the editor on 27.11.2021.

Full text of the article in Russian and references in English are available below.

Аннотация. Публикация вводит в научный оборот комплекс документов о переписке русских эмигрантов в Китае со своими родственниками и знакомыми в СССР, отложившихся в Центральном архиве ФСБ России. Среди представленных документов – письма эмигрантов и их родных в СССР друг к другу, инструкции ИНО ОГПУ и его отделов о перлюстрации писем, расследовании дел, связанных с переправкой писем в СССР и в Китай, нелегальном переходе советско-китайской границы, установлении контроля над родственниками эмигрантов в СССР. В документах также подробно отражены особенности жизни и быта как в СССР, так и в Китае. Особый интерес представляют сведения о восприятии эмигрантами своей новой жизни вдали от родины, культуры Китая, а также документы, раскрывающие восприятие родственниками эмигрантов особенностей нового советского строя.

Ключевые слова: Китай, СССР, русская эмиграция, перлюстрация, ИНО ОГПУ.

* Наземцева Елена Николаевна, доктор исторических наук, Институт востоковедения Российской академии наук, Москва, Россия; Научно-исследовательский институт (военной истории) Военной академии Генерального штаба ВС РФ, Москва, Россия, e-mail: elenanazz@mail.ru

Nazemtseva Elena Nikolaevna, Doctor of Historical Sciences, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; Military History Institute of the Military Academy of the General Staff of the Armed Forces of Russia, Moscow, Russia, e-mail: elenanazz@mail.ru

Образовавшаяся в Китае после российской Гражданской войны (1918–1922 гг.) многочисленная диаспора выходцев из бывшей Российской империи не была замкнутой и полностью оторванной от своей родины. Несмотря на тяжелое положение эмигрантов в Китае и все вытекающие из этого последствия, отсутствие гражданства, политические взгляды, неприятие новой – советской – идеологии, утвердившейся на родине, многие эмигранты поддерживали с ней связь. Часть родных и близких эмигрантов, оказавшихся в Китае, не смогла выехать из России и осталась на родине. После окончания военных действий и постепенного налаживания относительно мирной жизни стали восстанавливаться и утраченные связи. Эмигранты пытались связаться с оставшимися в Советской России родными, друзьями. В свою очередь, те, кто остался на родине, пытались отыскать своих близких, потерянных в пучине событий Гражданской войны и оказавшихся рассеянными по всему миру. Постепенно удавалось отыскать друг друга и наладить переписку, кое-кто рискнул возвратиться в Россию, другие размышляли над этой возможностью, третьи, наоборот, пытались выжить из «тисков» враждебной им новой власти своих близких.

К середине 1920-х гг. восстановить связи многим удалось. Наладилась переписка между родственниками, оставшимися в России и обосновавшимися за ее пределами. И те и другие подробно описывали свою жизнь в новых условиях. Одни – на чужбине, другие – при советской власти. В письмах поднимались совершенно разные вопросы – характеризовались особенности советского или, напротив, эмигрантского быта, культуры, политические события в странах пребывания и в СССР, международная жизнь, экономическое и социальное положение. В переписке также прослеживались воспоминания о прошлой, дореволюционной жизни, романтика юности, прошлых отношений, ностальгия, стремление вернуться в ушедшую эпоху и т.д.

Однако многие из писем не доходили до адресатов как с одной, так и с другой стороны. Причина заключалась не только в банальной почтовой ошибке. Практически все письма подвергались перлюстрации. Это не было чем-то новым для советской действительности¹. Письма же российских эмигрантов для новой советской власти имели особое значение².

В Центральном архиве ФСБ России (ЦА ФСБ России) отложилось значительное количество писем русских эмигрантов. Сегодня они содержатся в Ф. 2. (Секретариат) архива. В нем хранятся письма не только эмигрантов из Китая в СССР, но и их родственников, направленные из СССР в Китай, подлинники и копии, в том числе фотокопии, негативы, сделанные сотрудниками иностранного отдела ГПУ (ИНО ГПУ). В письмах отражены настроения различных представителей русской эмиграции в Китае. В них обсуждается целый спектр вопросов и проблем эмигрантов: отношение к революции и советской власти, тяжелое положение в эмиграции, деятельность великих держав и международных организаций по урегулированию положения беженцев, их возвращению в Россию в 1920-е гг. Некоторые материалы демонстрируют порой наивное восприятие эмигрантами советской действительности, являющейся следствием незнания реальной ситуации, другие же, напротив, свидетельствуют о хорошем знании положения в СССР. В материалах отражено и отношение к новой власти в России, анализируются достижения и провалы «большевиков».

Представленная документальная публикация содержит, собственно, сами письма русских эмигрантов из Китая и письма их родственников из СССР 1928–1929 гг., а также документы о перлюстрации писем, о контроле за авторами и адресатами, о расследовании нелегальной переписки и доставке писем в обход советской почты. То есть материалы о порядке перлюстрации в СССР в 1920-е гг., когда внешнеполитическая концепция советского государства – «Страна в кругу врагов» – была господствующей. Поэтому властям особенно важно было знать тайны переписки открытых врагов советского государства – представителей русской эмиграции, многие из которых были участниками Белого движения, и скрытых врагов – их родственников и знакомых, не смилившихся с установившимся новым строем,

¹ Подробнее см.: Измозик В.С. «Черные кабинеты»: История российской перлюстрации. XVIII – начало XX века. М., 2015.

² Измозик В.С. Письма российских эмигрантов середины двадцатых годов как исторический источник // Из истории российской эмиграции. СПб., 1992. С. 48–52.

но находившихся на территории СССР. Кроме того, важными являлись сведения о международной обстановке и ситуации в Китае и на Дальнем Востоке, особенно в период обострения советско-китайских отношений на рубеже 1920–1930-х гг.

При анализе данных материалов раскрываются по-настоящему детективные истории о переправке писем друг другу разными способами, из которых наиболее распространенным было привлечение к этому проводников вагонов международных поездов. Для пересылки денежных средств родственникам в СССР использовали общих знакомых – не только русских, но и китайцев, проживающих в Советском Союзе. В письмах встречаются и инструкции о нелегальном переходе советско-китайской границы, как в СССР, так и в Китай.

Представленные материалы являются ярким свидетельством коллективной памяти об одном из сложнейших периодов российской истории.

* * *

№ 1

Дорогая моя Лидуська!

Так долго я тебе не отвечала, ибо все хотела сделать карточки, но мне несколько штук [не] удалось или совсем или частично, и я решила не посылать этого и опять делала другие снимки. В конце концов, посылаю тебе один снимок на первый день православной пасхи (ибо наша была на неделю раньше) у [Лу...х].

Немного я тебе написала. Письмо мое было прервано ужасно. Кошмарно. Пришли с обыском. Катя арестована. Сидит вот уже 5 дней. Я страдаю безумно. Никакими словами не объяснить тебе этого, потому писать я не в состоянии. Пиши ты – мне будет легче. Передач пока не принимают, только с едой, а у меня тут ничего необходимого нет, так как арестовали ее на улице.

Тяжело мне.

Твоя Моня

P.S. За что она арестована, мы не знаем!

ЦА ФСБ России. Ф. 2. Оп. 8. Д. 428. Л. 3 (рукописный подлинник).

№ 2

Сов[ершенно] секретно

При ответах ссылаться на № и число

Союз
Советских Социалистических
Республик
Объединенное
Государственное политическое управление
При Совнаркоме
Дорожный транспортный отдел
Моск[овско]-Бел[орусско]-Балт[ийской] ж[елезной] д[ороги]
29 декабря 1928 г.
№ 11638/9
Адрес: Москва, Белорусский вокзал
КРО ОГПУ через
ТООГПУ

Представляя при сем 2 экземпляра письма, 4 экз[емпляра] фото-карточек в 2-х видах и протокол допроса гражданки Швабович Серафимы Васильевны, ДТООГПУ МББ ж[елезной] д[ороги] доносит, что гражданка Швабович С.В. через проводника вагона МББ ж[елезной]

д[ороги] гр[ажданина] Зайцева, своему родному брату, Иванову-Маркелову Александру Васильевичу, проживающему за границей в Маньчжурии (Китай), переслала одно письмо, в ответ на которое Иванов-Маркелов, на имя своей матери Маркеловой Евдокии Платоновне ответил письмом по почте, из которого видно, что Иванов-Маркелов имеет надежду вернуться в СССР. Причем проводник Зайцев проходил в качестве обвиняемого по следственному делу № 77, направленному Вам 4/XII-28 г. при отношении № 10903, по которому Зайцев [шел].

Вышеупомянутое представляю на Ваше распоряжение.

ПРИЛОЖЕНИЕ: упомянутое.

Врид. Начальника ДТООГПУ

МББ ж[елезной] д[ороги] (Барк)

Адъютант Муравкин

ЦА ФСБ России. Ф. 2. Оп. 8. Д. 428. Л. 56, 56 об. (машинописный подлинник).

№ 3

Хайлар, Китай, для А.Н. Гальвиной.

Вас хочет провести какой-то человек? Мой совет: прежде всего, с него надо взять поручительство о том, что он вас благополучно доставит на 86 разъезд. Как до Маньчжурии? Все это надо выяснить, как следует, а потом уже ехать тогда спокойно, но я лично советую вам взять, если можно, визу. Здесь с китайскими документами я все сделаю. Не знаю, получите письмо или нет и в письмах надо писать осторожно...

Г.Т.

13.XI.1928.

ЦА ФСБ России. Ф. 2. Оп. 8. Д. 428. Л. 76 (машинописная копия).

№ 4

Хайлар (Китай) В.А. Гальвин.

Док «А» выписка в КРО.

7 ноября [19]28.

Верхнеудинск

Вокзальная 32/43

Вагуменновой для Марии Ив[ановны]

Харбин

Брат

Ноября 1928.

Если ты не пишешь по цензурным соображениям, то тогда ты не пиши никаких новостей, это не за чем, ибо мы здесь и без писем знаем все, читаем газеты всего мира и ваши московские, английские и др. И все, что нужно узнаем открыто и свободно, и красное, и белое и зеленое и вообще все. Пиши лишь о себе и о своей жизни, не касаясь политических тем...

13 ноября 1928. Г.Т.

ЦА ФСБ России. Ф. 2. Оп. 8. Д. 428. Л. 76 (машинописная копия).

№ 5

Украина, станция Кожанка, ЮЗЖД,
село Новосельце, М.Д. Глушанице

Пишет брату.

В Китае не совсем спокойно, где мы проживаем, войны никогда не было, все мирно, тихо, но понятно, всякая война есть разорение народа, а от этого жизнь становится дорогой. Комната и кухня стоит в месяц 180–160 долл[аров], все это находится в руках китайцев, к русским относятся хорошо, но мы сами виноваты, что им все отдали, а теперь мы, русские, бесправные чувствуем себя плохо – эмигранты не признают власти большевиков, и сами товарищи большевики. Всем плохо, когда была Россия сильна, тогда ее боялись и уважали, а теперь каждый иностранец только посмеивается над русскими. Так обстоит дело. И все надедали товарищи, словом, здесь глупостей творится много, и все большевиками. Я не монархист, царя ненужно, но и большевиков России ненужно, иначе страна погибнет – все русское народное добро погибает, толку и разума нигде никакого, я по политическим убеждениям – крайне левый народник, и, полагаю, что в России – только тогда будет хотя маленькая правда и весь народ свободнее вздохнет, когда править государством будут именно все честные и умелые крестьяне, любящие свою родину, свой родной народ, свою веру... Безо всякой любви к своей родине никогда ничего доброго быть не может. Я всегда стоял и стою и буду стоять только за русских мужиков, быть может потому, что я и сам такой, а главное потому, что мужик – все: он дает и солдата, и платит все налоги, он несет вся и все тяготы государственные, он кормит всю страну... он хозяин страны, следовательно, ему и вожжи в руки... наше русское крестьянство темно, неграмотно, мало понимающее..., вот в этом миллион раз повинно старое правительство. Крестьянству нужна земля и просвещение – и лет через сорок Россия была бы неузнаваема. Я, брат, искренний друг нашего многострадального русского всего народа, что я делал и делаю для народа – вся моя жизнь ушла служению народу и обманывать его не могу. Лучше я сам погибну. Я вышел из самой бедной среды и жизнь народа знаю хорошо. Мне много раз предлагалось вступить в партию большевиков коммунистов и занять большую службу в России. Я отказываюсь потому, что эта партия не служит народу, а стоит над темным народом и погоняет его кнутом. Народ стонет, но везет. Стыдно мне было бы говорить русскому бедняку народу, что все это есть хорошо, когда оно так плохо, что хуже и быть не может. Никого никогда не обманывал, скорей свое отдашь, лишь бы быть честным, чистым и справедливым, вот мой взгляд на русские дела. Из России я имею сведения со многих мест. Знаю, как там люди живут, правды нет и одна грусть. Живи братец, подчиняйся власти, ты человек маленький. Думаю, что скоро буду в России, таких людей, честных и правдивых, как и дюже не любят ни монархисты, ни большевики, правда глаза режет, так всегда было. Ничего и на нашей будет праздник. Теперь жизнь создалась, что ни приехать в Россию нельзя, не из России сюда нельзя. Я не выбрал советского паспорта, хотя я не враг большевиков, я им во многом сочувствую, но очень [во] многом не разделяю их действий – не то часто они делают, что для русского народа нужно, а это самое мне и не нравится... Нужно бы все делать то, раз эта власть народная, что для народа необходимо, всеми силами помогать ему, а не бежать. Ведь что делается в России я знаю, пожалуй, лучше – чем все вы там живущие. Много бегут из России в Китай – так нелегально и здесь бедствуют. Словом, разорение и несчастье везде.

Что же это за жизнь, кому же от этого лучше, как страдал мужик, так он и страдает, был голоден и гол, таким же и остался, даже еще хуже. Все, брат, знаю. Но многое и большевикам я извиняю. Быть может они, и хотят что-то сделать хорошее, да не умеют и не могут, все может быть. Но пора бы научиться – вот уже 11 лет как они управляют страной, а дело-то все хуже, да хуже, значит здесь не только неумение, но и что-то другое – главное нужно желать счастья и благополучия своему народу – и тогда найдется и хоть какое-то умение. А то посмотришь – что комиссарчики живут припеваючи, а вчера еще свиней пасли, а

сегодня уже «дуже великий пан на всю губу». Все это по глупости людской – умный, знающий, содержательный, дельный человек никогда не станет злоупотреблять доверием народа. Он бы постыдился людей, а пустой, ничего не понимающий человек дерет нос, так всегда бывает в жизни. Люди всегда останутся людьми, со всеми их недостатками, все одинаковыми не могут быть. Есть мудрые, умные, дельные, трудолюбивые, а есть и обратные всему – нехорошие люди. А бывает часто так, что нехорошие управляют очень хорошим – вот тут-то и горе. Но в жизни это не новое. При царе некоторые дураки и подлецы были министрами, так почему же теперь не могут быть, не все ли равно народу страдать, коммунисты говорят, что русскому народу не привыкать страдать – это у него с песней получается.

Не дай Бог, чтобы это было всегда – русскому народу давно пора зажить получше. Он достоин лучшей участи, лучшей доли. Мне, как русскому простому мужику, жалко до боли весь русский народ.

Весь он бедный страдает... верю в то, что настанет время лучшей его жизни, дай Бог, чтобы это было скорее. Понятно, жизнь русского народа изменится в лучшую сторону, иначе и быть не может, но необходимо, чтобы весь народ понял, что никто о нем не позаботится, и никогда не сделает ему лучше, если он сам не возьмется за устройство своей судьбы. Теперь русское бессилие слишком чувствуется за границей – здесь, в Китае, проживает 500¹ русских, положительно правых, никто с ними не считается, в особенности с советскими данными получилась такая ерунда, просто стыд... Товарищи все сдали китайцам, лишь бы их пустили сюда, а китайцы все русское забрали и товарищей дураков в шею гонят, позор.

18/X

Харбин, Китай, фам[илия] неразб[орчива]

ЦА ФСБ России. Ф. 2. Оп. 8. Д. 428. Л. 79 (машинописная копия).

¹ Вероятно, имеется в виду цифра 500 тыс. чел. – Е. Н.

№ 6

Югославия, Сараево, русский кадетский корпус П. Берегулько

Был недавно Л. Тарасов, совсем уже мужчина, даже усики слегка. Служил он у Чжан Цзолина, а теперь части русские почти все расформированы², поэтому он и приехал. Н. Катенов женился (по-советски) на жидовке. В России живет скверно, это ты, наверное, по газетам знаешь, но мы-то ближе к русским и к нам почти каждый день прибегают беженцы и рассказывают те ужасы, которые творятся там. Даже есть много дезертиров красноармейцев. (род. не уст.).

Харбин, Бульварный проспект 25, ул. Пекинской М.Д. Коробейников
17/XII [1928]*ЦА ФСБ России. Ф. 2. Оп. 8. Д. 428. Л. 87 (машинописная копия).*

² В состав 1-й армии Чжан Цзолина под командованием Чжан Цзунчана входила отдельная бригада из русских белоэмигрантов под командованием генерал-лейтенанта китайской армии К.П. Нечаева.

№ 7

Ст[анция] Маньчжурия Кит[айско-]Восточная ж[елезная] д[орога]
Серафим[овская] церк[овная] канцеляр[ия] А.М. Лаврова.

Слыхали, что сбежал секретарь Сталина Бажанов³ – сейчас в Париже и печатаются его заметки в газете «Возрождение». Да, в России и голод, и холод, а все конца не видно, но когда-нибудь придет. Ведь рай не пришел, а наоборот становится ад. Теперь я, думаю, и товарищ Чашечкин понимает прекрасно. Для того чтобы все понять, не нужно науки, а смекнуть мужицким твердым умом. В тех государствах, где нет коммунизма, там все есть. Люди работают, учатся, но зато и получают за свой труд. Все можно купить, продать, а там что... там только продают краденное. Неужели приятно иметь дело с шайкой воров и разбойников. Закона нет, а только беззаконие. Беззаконие есть грех. Отец греха – сатана – дьявол, значит там царство сатаны, верноподданными коего не знаю, кому желательно быть.

(пишет поп попу)
Сербия, 17/XII

ЦА ФСБ России. Ф. 2. Оп. 8. Д. 428. Л. 88 (машинописная копия).

³ Речь идет о Борисе Георгиевиче Бажанове – советском партийном работнике, сотруднике ЦК ВКП(б) в 1923–1927 гг. Покинул СССР в 1928 г. Получил широкую известность благодаря книге «Воспоминания бывшего секретаря Сталина», выпущенной им в Париже в 1930 г.

№ 8

ГПУ Украины – гор. Харьков.
Копия: ПП ОГПУ по ДВК – г. Хабаровск.
Контр. развед. 3 августа [192]8
к[а]п[итану] тов. Рейсиху.

Препровождая при сем копию меморандума письма на имя К.И. Бугайчука, КРО ОГПУ просит принять меры к установке и разработке фигурирующих лиц. О последующих результатах сообщить.

ВР ПОМ НАЧ КРО ОГПУ:
(Сосновский)
ПОМ НАЧ 5 ОТД. КРО:
(Рейсих)

ЦА ФСБ России. Ф. 2. Оп. 8. Д. 428. Л. 98 (подлинник).

№ 9

Украина,
с. Ставишевка
Кошаватского района Белоцерковского округа возле гор. Тараща
К.И. Бугайчуку.
(П[ишет] брату)

Дорогой брат, Ваня, вчера я только отправил тебе письмо, в котором писал, как приехать сюда, теперь вчера узнал от знакомого человека, из Сахалина, что очень легко перейти границу, то есть переехать Амур. Там деревни так называются казацкие станицы, там живут казаки, ты туда приедешь из Благовещенска, там ГПУ нет, охрана пограничная слаба и переночуешь. Разузнаешь как дела. Найдешь хороших людей, откроешь им правду, и они тебя перевезут через Амур. В Благовещенске остановишься у Захарецкого, я ему вышлю для тебя

20 р. на расходы по переправке через Амур, а дальше действуй, как я тебе в прежнем письме писал, пиши часто письма.

Коля. Китай, Харбин.

ЦА ФСБ России. Ф. 2. Оп. 8. Д. 428. Л. 99 (машинописная копия).

№ 10

ОО. ПРИВО
Контр-разведыв.
[...] мая [192]8
к[а]п[итану] Чернонебову.
Гор. Самара

КРО ОГПУ просит всесторонне обследовать агентурным путем Голдобина В.П., проживающего в Саратовской губ[ернии], гор[оде] Хвалынский, Достоевская, 29, который имеет письменную связь с родственниками, проживающими в гор[оде] Харбине. О результатах разработки информируйте.

Приложение: выписка из письма.

Врид. Пом. Нач. КРО ОГПУ: (Сосновский)
Нач. 5 отделения КРО: (Тубала)

ЦА ФСБ России. Ф. 2. Оп. 8. Д. 428. Л. 104 (подлинник).

№ 11

вм. Саратов
Саратовск. Г. Гор. Хвалынский,
29 Достоевская ул. В.П. Голдобину.

Пишет отцу. Все забыли о том, что Россия спасла смертью своих лучших сынов в 1812 г. Европу от Наполеона и восстановила государства Европы. Все забыли, что эти серенькие люди сражались и умирали и на полях Месопотамии, и на полях Силезии, и под Верденом, и на Балканах, и в Турции, и в Румынии и т.д. в великую германскую войну. Для картинности этого жуткого прошлого, которое не оценили в нас эти холодные, как Египетские мумии, культурнейшие и цивилизованнейшие народы Запада, приведу пример из своих воспоминаний, когда разыгралась великая трагедия российской армии – отступление из Галиции. Ни патронов, ни снарядов. Из дня в день кровавые бои, из дня в день тяжкие переходы по колено в грязи, бесконечная усталость и физическая, и моральная: то робкие надежды, то беспросветная жуть... 11 дней страшного гула немецкой тяжелой артиллерии, буквально срывавшей целые ряды окопов с защитниками их. Мы почти не отвечали – нечем. Полки, измотанные до последней степени, отбивали одну атаку от другой штыками или стрельбой в упор, лилась кровь, ряды редели, росли могильные холмы... два полка почти уничтожены огнем. Что спрашивается, делали в это время наши «союзнички», господа французы и англичане... Не на ваших ли полях мы проливали благородную кровь лучших сынов России за благополучие вашего народа и благополучие ваших городов. Да, тогда мы вам были нужны, и вы тянули к нам руки, прося помощи. И мы вам помогли – помогли ценою жизни русского серого солдата. Но что получили мы от вас... так вот благодарность налицо. Нас даже не хотели иностранцы пустить в Шанхай, где они имеют богатейшие концессии, как французы, так и англичане, нам не хотели дать хоть какой-нибудь работы и тем самым предоставить возможность заработать хоть сколько-нибудь, чтобы не пропасть с голоду.

Китай, Голдобин.

ЦА ФСБ России. Ф. 2. Оп. 8. Д. 428. Л. 105 (машинописная выписка из письма).

№ 12

№ 287/ВМ

БЕ 49

Заказное № 7251,

Почтовое отделение Суроватиха, Ниж[него] г[орода]. того же у[езда], с. Сарим, М.А. Королевой, для Маши

Пишет родственнику.

Ты, милая, не понимаешь, что значит богоспасаемый Харбин. Это гор[од], находящийся в Манч[журии] в полосе Китайско-Восточн[ой] ж[елезной] д[ороги]. Когда в России взяли власть большевики, в полосу кит[айской] дор[оги] вступили китайцы. Теперь административная власть находится полностью у китайцев, Управление дорогой в совместном управлении китайцев и сов[етских] служащих – советских так прижали, что они совершенно обезличены. Никакое собрание без разрешения китайских властей не разрешается. Все коммунистическое преследуется – сов[етская] власть здесь ничем себя не проявляет. Благодаря потери ее влияния, всем русским здесь плохо. Ты упадешь со страху, если сказать тебе – здесь правят открыто панихиду по царской семье и провозглашают многолетие о здравии Н.Н.⁴, существуют газеты правого и левого направления. Те и другие не имеют права ничего писать о безобразиях, чинимых китайскими властями, но дано полное право тем, и др[угим] ругать друг друга. Имея общение с сов[етскими] подданными, живущими здесь давно, вижу, что большинство из них шкурники. Если бы предложить всему составу служащих дороги перейти на службу в сов[етскую] Россию, то я уверен, что есть много молодчиков, кои имеют на всякий случай и китайское подданство. Наши знакомые Грачёвы примазались к сов[етскому] подданству и оказались рьяными до белого каления.

Харбин. Сунгаринский гор. Псковская.

№ 83 И.И. Королев

II/V

ЦА ФСБ России. Ф. 2. Оп. 8. Д. 428. Л. 107 (машинописная копия письма).

⁴ Имеется в виду великий князь Николай Николаевич Романов (1856–1929) – великий князь, генерал-адъютант, генерал от кавалерии. Участник Русско-турецкой войны 1877–1878 гг., в 1914 г. – августе 1915 г. – верховный главнокомандующий, с августа 1915 г. по март 1917 г. – главнокомандующий войсками Кавказского фронта. В марте 1919 г. эмигрировал в Италию, затем во Францию. С 1924 г. возглавлял Русский общевоинский союз.

№ 13

Литер «А»

Политическое Управление

При Совнаркоме СССР.

Полномочное представительство

По Сибкраю.

Отдел: контр-развед.

22 февраля 1929 г.

№ 51504/КРО.

Москва. КРО ОГПУ.

Препровождая выписку из документа на имя Казанцева А.А. просим установить, что из себя представляет Социнсян из «Красного Шанхая», проживающий в Москве, Семеновский дом № 30 и в чем заключается его роль по пересылке сумм из Китая лицам, проживающим в СССР, в частности, Казанцеву А.А. в Барнаул. Результат сообщите. Казанцев взят в проработку Барнаульским Окотделом ОГПУ.

Вр. нач. КРО ПП ОГПУ – (Матвеев)

Уполномоченный – (Волохов)

ЦА ФСБ России. Ф. 2. Оп. 8. Д. 428. Л. 124 (машинописная копия).

№ 14

Выписка.

Г. Барнаул, (Алтайской губ.) 2-я Алтайская ул. № – 91
Александр Александровичу Казанцеву.
10/1 – [19]29 г.

Дорогой Саша, прежде всего, поздравляю тебя и Христю с праздниками и желаю вам всего того, что Вы сами себе желаете. Сегодня получила твое письмо с адресом, не моя вина, что деньги ты не получишь к празднику. Не написал сразу своего адреса, а я его хорошо не знала, т.к. Вы долго ничего не писали, но ничего – получишь после праздника. Все 100 сейчас не могу перевести, так как Василий уже 4-й месяц не служит на дороге, а следовательно, и денежные дела наши обстоят не так блестяще. Почему не служит – неизвестно. «Ушли» как у нас говорят, без объяснения причин. Сейчас он открыл бюро переводов и занялся юридической практикой. Надеется, что дело у него пойдет, а пока живем старым жиром. Кроме того, он читает лекции в институте ориентальных и коммерческих наук. С открытием своего бюро занят целыми днями, так как сидит целый день в своей конторе и только вечером является домой. Насчет выпивки – Василий тоже подал в отставку, т.к. врачи находят у него больное сердце и запретили ему пить, а потому он больше смотрит, как это другие делают. Круг наших знакомых ограничились до минимума: бываем в трех-пяти домах, больше сидим дома, хотя при желании могли иметь знакомых домов пол-Харбина. Иногда ходим в кино – предпочитаем смотреть немецкие или русские постановки – американщину не люблю. Изредка бываем на опере, хотя в этом сезоне не были ни разу, а только собираемся. Вот кажется и все о нашем житье-бытье.

Деньги переведут из Москвы – 50 руб[лей], на всякий случай запомни: прачечная «Красный Шанхай» Москва, Семеновский дом, № 30. Социнсян. Я писала тебе [улица] Петровка, но сейчас адрес переменили. Хорошо не знаю, а пошлют ли деньги от Социнсяна, или просто от «Красного Шанхая» это прачечная так называется. Во всяком случае, деньги будут из Москвы, и я тебе написала все адреса. Теперь большая просьба: как только получишь деньги, так сейчас же пиши мне, что получил. Напиши хотя два слова, только если не захочется писать много, но мне это необходимо знать, а потому не медли с уведомлением о получении денег.

Мария

Думаю, что деньги скоро получишь. Пиши.

Верно: (подпись)

верно: уполномоченный КРО – (Волохов)

ЦА ФСБ России. Ф. 2. Оп. 8. Д. 428. Л. 124 (машинописная копия).

№ 15

СССР

Гаврилов-Ям, Ярославской губ.
Аполинарии Александровне Вьюгиной
Харбин, 12 июня 1929 г.

Дорогой мой друг Аполинария Александровна!

Сажусь писать тебе письмо, а сам думаю, об чем писать-то. Ты мне должна поверить, что писать об наших новостях, то отчасти тебе это не будет интересно, а отчасти неудобно писать потому, что к Вашему укладу жизни (граждан СССР) это и не подходит. Прямо такое времечко, что хоть плачь. От сына не получал писем чуть ли не с масленицы. Он чрезвычайно неаккуратно мне пишет, также как тебе. Мерку на твою ногу я получил и при первой возможности пошлю тебе то, что тебя интересует, твой вкус думаю разгадать, а не разгадаю, то тебе придется быть довольной моим вкусом, зная, что я хочу тебе доставить все самое

лучшее (по моему вкусу). Ты мне уже давно не писала, где и как живет Маха. Наша толстушка Маха, какой я ее помню с давних пор. Теперешнюю Маху я уже не представляю себе. Жив ли наш Костя. Если жив, то, наверное, уже совершенно зарос грязью, бороденкой (бороды у него настоящей не откуда быть) и совершенно огрубел. Деликатным молодым человеком он, к сожалению, не был никогда. Петр как живет и вместе ли с Костей. Не имеешь ли сведения, как Серега Зайцев принял от меня весточку и уразумел ли все своей лохматой головой. Он насчет лохматости был всегда первый. Гребень редко касался его лохматой головушки. Но мужик он, безусловно, был хороший. Вот так бы запрячь лошадку да с тобой вместе, **обязательно с тобой**, поехать бы по всем нашим знакомым и родным как бы с визитами – посмотреть на них еще раз, да и себя показать. Показать им как мы друг друга уважаем и любим, им всем это было бы на удивление и молодежи в назидание. С тобой вдвоем побывать даже до Ильинского, чтобы посмотреть все уголки, где мы были счастливы с тобой тем, что были близко друг к другу и видели друг друга вблизи и издали. Как хорошо было бы на душе при виде всех этих мест и возможно, что и тех же людей, которые еще живы и нас знают. Я писал тебе, что Михаил Иванович Кокин умер, ты мне не писала, что получила это известие. Пропало твое колечко, – это не у меня. Вот так и живешь все одними воспоминаниями, хочется снова все посмотреть и испытать, но настоящее «свободное положение гражданина» совершенно не позволяет делать то, что желательно твоей душе. Когда эта всеобщая кабала кончится – трудно и думать. Кому это нужно, чтобы все мучились и страдали сверх меры – непонятно. Заканчиваю это письмо уже 14 июня, вчера был праздник Вознесения Господня и тем не менее не мог выбрать время, чтобы написать тебе письмо. То сам занят, то машина занята. Так день и прошел. У нас хотя лето и установилось, но жаров еще нет, изредка бывают жаркие дни, а все больше прохладные и дожди с грозами. Удивительно здесь подходящая местность для хлебопашенцев: дожди идут все время, когда они нужны и совершенно не бывает дождей в период созревания и уборки полей. Земля глубоко-черноземная и страшно урожайная, в особенности для бобов, про которые я писал тебе в прошлом письме. Здесь верст триста от Харбина есть очень много порожних земель и вот теперь в эти години несчастья Русской земли потянулись массами беженцы крестьяне на эти порожние и богатейшие земли. Китайские власти с удовольствием нарезают земли выходцам из России т.к. идут сюда только исключительные хлебоборобы и уже образовалось очень много больших русских сел и деревень в приграничной полосе на китайской территории. Урожаи богатые и крестьяне с голодовки своей родины сразу же стали жить богато и в полном довольстве. Богатеют можно сказать не по дням, а по часам. А теперь ввиду голода на советской стороне, власти СССР разрешили всем ехать в Китай без виз за добычей хлеба. Все понятно бросились сюда, а так как советские деньги ничего здесь не стоят, т.е. не имеют официального хождения, то идет обмен хлеба на все что угодно: лошади, коровы идут за 15–20 пудов пшеницы, швейные машины, земледельческие машины, одним словом, везут все что можно, лишь бы добыть хлеба и спастись от голодной смерти. Ужас. Мы здесь, в Харбине, конечно, не видим этого, но по железной дороге везут от нас туда муку вагонами и меняют, меняют на все. Относительно фотографии твоей я принял к сведению и своевременно вышлю тебе. Желаю тебе, дорогая, всего хорошего, будь здорова и бодра, не забывай, что я всегда думаю о тебе, твой друг

Н. Смирин

ЦА ФСБ России. Ф. 2. Оп. 8. Д. 428. Л. 127, 127 об. (машинописный подлинник).

№ 16

Киев, Некрасовск, ул. 4., кв. 3 Шевченко.
к. № 5628.

Я хочу перебраться к вам, здесь в настоящее время такое шаткое положение, каждую минуту ожидай перемены. Вы мне напишите, сколько у вас разрешается иметь денег, и

можно ли их класть в банк, а то здесь говорят, что если кто у вас имеет тысяч пять-восемь, то их забирает правительство и ими распоряжается, кроме того, какие лучше иметь деньги, американские или советские, если я переведу их в банк хотя бы Киевский или Черкасский. Это для меня очень важно, вы разузнайте хорошенько и напишите мне.

(род не устан[овлен])

20/VII [1929 г.]

Харбин, Бульварн[ая] Ул[ица]. 272 Бобрицкий И.П.

ЦА ФСБ России. Ф. 2. Оп. 8. Д. 428. Л. 140 (машинописная копия).

№ 17

ОГПУ

Коми областной отдел ОГПУ

24/8-29

с препровождением документа «к» на имя Шешуковой

Серия «к»

ПП ОГПУ по Дальневосточной республике

Гор. Хабаровск

Копия: КРО ОГПУ. Гор. Москва

Вх[одящий] № 25390

Коми областной отдел ОГПУ при сем препровождает копию документа бывшего белого офицера Шешукова Михаила Прокопьевича, проживающего в Харбине. Документ нами «К».

Каких-либо сведений кроме документа на Шешукова в Коми областном отделе ОГПУ не имеется, ибо в г. Усть-Сысольске Шешуков с начала империалистической войны уже не бывал. Родственники имеются. Одна сестра замужем за чл. ВКП(б), вторая за крестьянином б/партийным. Тетки живут у служителя культа Еремеевского.

Сеничкина – которая переправляет документы Шешукова является дочерью попа Еремеевского. Муж ее по имеющимся у нас сведениям служит в дальневосточном Банке, часто ездит за границу.

Приложение: упомянутое.

Зам. нач. КОО ОГПУ (Мельников)

Врид. нач. III-го отделения (Щебенев)

ЦА ФСБ России. Ф. 2. Оп. 8. Д. 428. Л. 144 (машинописный подлинник).

№ 18

г. Усть-Сысольск, области Коми-Сев.-Загор. 13

Еремеевскому Александру Гавриловичу для передачи

Анне Прокопьевне Шешуковой.

Заказное

II/VIII-29 г.

Уважаемая Анна Прокопьевна, на днях получила письмо для Вас от Вашего брата и спешу Вам отправить. Шло оно что-то очень долго, видимо потому, что мы переменили свой адрес и выехали из Хабаровска во Владивосток, а он писал еще на старый адрес. Если будете писать нам, пишите по такому адресу: ст. Океанская, Уссурийской ж/д, 2-я ул. Д. № 5. Сеничкиной Елизавете Александровне. На имя мужа не пишите, так как он в командировке, недавно был в Японии, а теперь поехал дальше.

Уваж. Е. Сеничкина.

ЦА ФСБ России. Ф. 2. Оп. 8. Д. 428. Л. 149 (машинописная копия).

№ 19

3/VII – [19]29 года.

Дорогие сестры, зять и малютки Ваши.

Я счастлив, что Вы не забываете своего брата, заброшенного судьбой на чужбину, а получение от Вас писем для меня всегда радостное событие. Относительно меня и моей настоящей жизни вы почти осведомлены и так как со дня моего последнего письма к вам у меня особых перемен не произошло, подробно останавливаться на этом не буду. Живем все также посредственно, я говорю ПОСРЕДСТВЕННО, потому что есть масса людей, которые живут на много хуже меня, но есть, надо заметить, не меньше первых, живущих в царственной роскоши и богатстве, вторая половина людей – это коренные жители нашего города и или обслуживающие КВЖД, которых война и революция и прочие прелести нашего времени совершенно не коснулись.

Теперь два три слова о самом Харбине, где я в настоящее время обитаю, это громадный, благоустроенный, колоссально быстро развивающийся во всех отношениях город, по улицам которого снуют по всем направлениям тысячи авто, трамвай и автобусы. Весь город делится на три равные части: Харбин – Пристань (не нужно понимать стоянка судов), Харбин – Новый Город и Харбин – Фудзядзянь. Первые две части, как Харбин – Пристань и Новый город населены исключительно европейским населением, преобладающая часть которого русские и затем вы можете людей почти всех современных государств включительно до арабов, негров, персов и прочих народностей. Третья часть – Фуцзянь – китайский город, население которого превосходит более 1 ½ миллионов человек. Здесь темп жизни более медленный, чем в европейских частях города, вместо мчащихся авто – армия меланхоличных рикш-возниц на своих мягких колясочках возящих своих сограждан, полчаса езды на нем стоит 10 центов (это 10 наших старых копеек). Этот народ (я говорю про китайцев) чрезвычайно интересен своей старой культурой, бытом, памятниками многотысячной седой давности. Жизнь этих людей – это сплошная сказка из тысячи и одной ночи, абсолютно ничего не имеющая с жизнью европейских народов. Основная денежная единица, имеющая обращение – даян (название китайского рубля) и японская иена (русских денег в обращении нет), жизнь сравнительно недорогая. Купить можете все, что выделяет и выпускает современный мир (конечно без соблюдения очереди). Писать и говорить можете на любом языке все, что хотите, полная действительная свобода печати и слова.

Пишу далее от руки, потому что моя машинистка (в лице жены) ушла на занятие. Все живущие здесь русские, а равно и советские находятся под покровительством китайских законов, жизнь их ничем не отличается от старой довоенной дореволюционной жизни – то же верование, то же воспитание для подрастающего поколения, те же обычаи, в общем все осталось по прежнему, что же касается иностранной колонии, живущей здесь, они большинство принадлежат государствам, кои пользуются правом экстерриториальности, т.е. неподвластны местной власти и законам, у них свой суд, свое управление и проч. Ну кажется, достаточно подробно описал вам город, в котором вот уже 9-й год обретаюсь.

С этим письмом посылаю две фотографические карточки. Одну для тети Елены Павловны, а другую – для Фаины Прокофьевны, Вы пишете, что она, вспоминая меня, часто плачет – это напрасно, я слава Богу, еще не нахожусь в таком положении, чтобы меня оплакивать – я же совершенно наоборот – радуюсь за Вас, что Вы крепко держитесь за руль житейского корабля.

На этом пока и заканчиваю свое писание.

Кланяется Вам всем – Елена Федоровна и Толик.

Пишите – буду рад. Любящий Вас В[аш] брат – Мих[аил]. Шешуков.

ЦА ФСБ России. Ф. 2. Оп. 8. Д. 428. Л. 149 (машинописная копия).

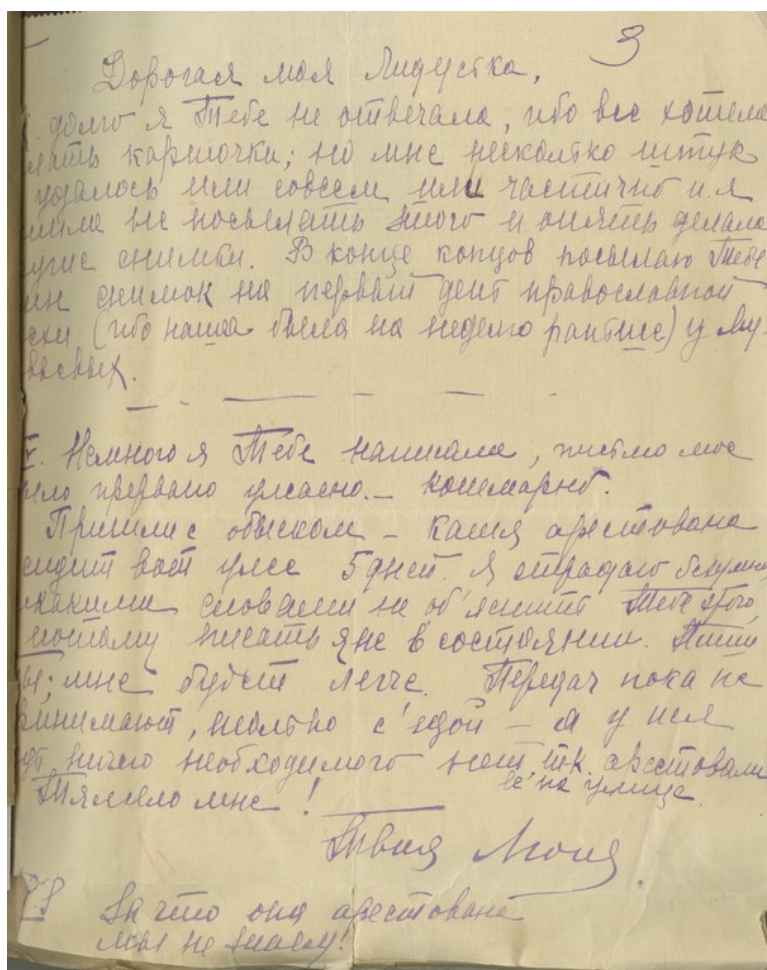

Рис. 1. Письмо неизвестного автора из СССР
 родственнице в Китай (см. документ № 1).
 ЦА ФСБ России. Ф. 2. Оп. 8. Д. 428. Л. 3

Рис. 2. Фотография семьи автора письма из СССР
 родственнице в Китай (см. рис. 1).
 ЦА ФСБ России. Ф. 2. Оп. 8. Д. 428. Л. 4

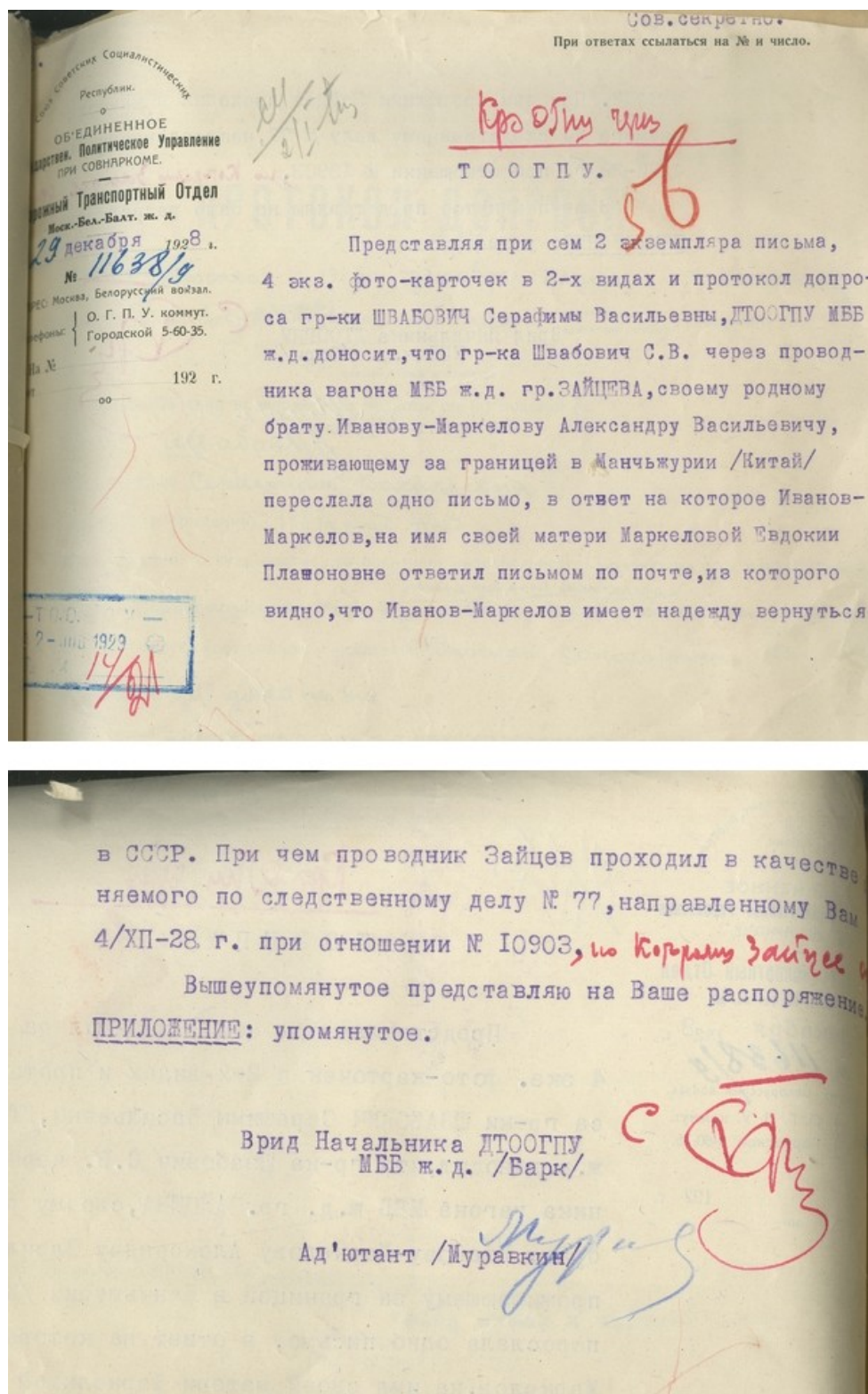

Рис. 3. Сопроводительная записка транспортного отдела ОГПУ Московско-Белорусско-Балтийской железной дороги к перехваченному письму и протоколу допроса С.В. Швабович (см. документ № 2).
ЦА ФСБ России. Ф. 2. Оп. 8. Д. 428. Л. 56, 56 об.

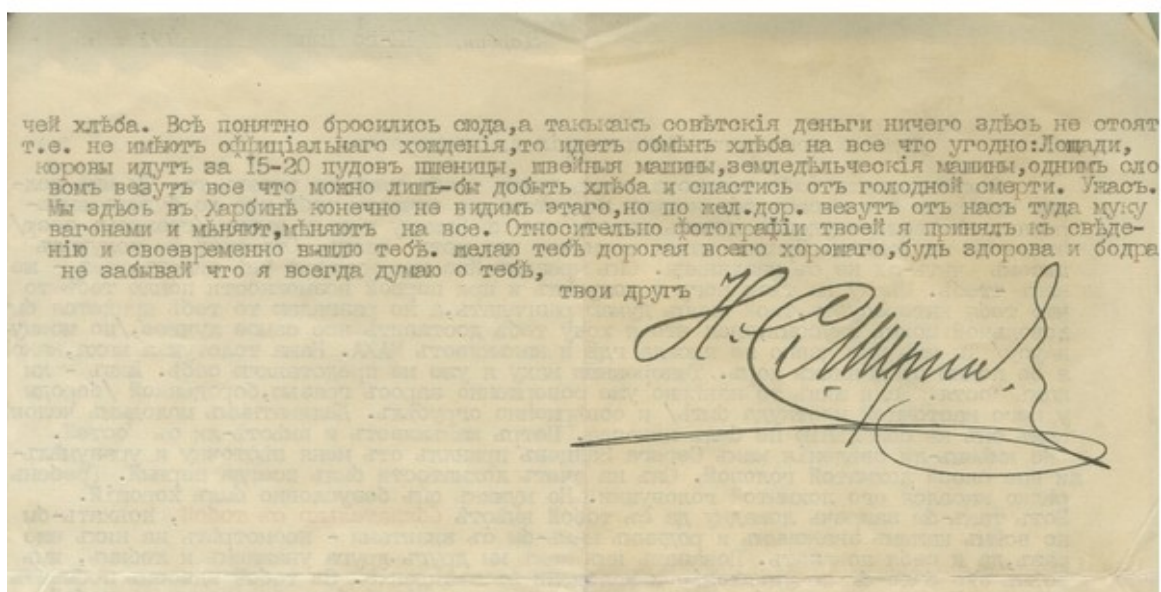
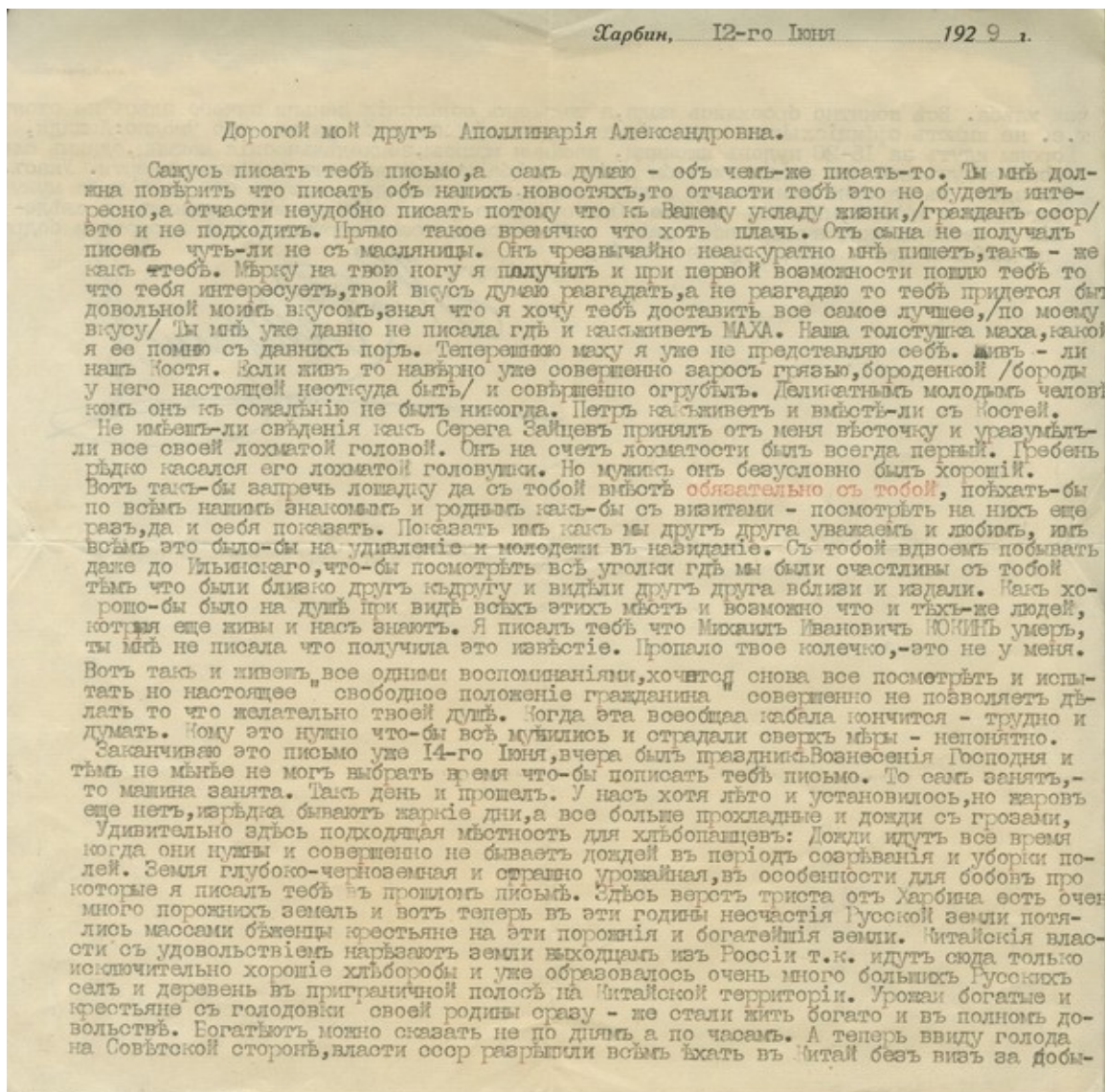

Рис. 4. Письмо Н. Смирин из Харбина (подлинник, см. документ № 15).

ЦА ФСБ России. Ф. 2. Оп. 8. Д. 428. Л. 127, 127 об.

Литература

Измозик В.С. Письма российских эмигрантов середины двадцатых годов как исторический источник // Из истории российской эмиграции. СПб.: Третья Россия, 1992. С. 48–52.

Измозик В.С. «Черные кабинеты»: История российской перлюстрации. XVIII – начало XX века. М.: Новое литературное обозрение, 2015. 693 с.

References

Izmozik, V.S. (1992). Pis'ma rossiyskikh emigrantov serediny dvadtsatykh godov kak istoricheskiy istochnik [Letters from Russian Emigrants in the Mid-Twenties as a Historical Source]. In *Iz istorii rossiyskoy emigratsii*. St. Petersburg, Tretiya Rossiya, pp. 48–52.

Izmozik, V.S. (2015). “*Chernye kabinety*”: *Istoriya rossiyskoy perlustratsii. XVIII – nachalo XX veka* [“Black Cabinets”: The History of Russian Perusal. 18th – early 20th Century]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie. 693 p.

Статья поступила в редакцию 27.11.2021 г.

А.А. Кружалина*

A.A. Kruzhalina*

**«Дело Бейлиса»
в рефлексиях «еврейской советской
интеллигенции» (на материалах
наследия А.Я. Кагана)****

**“The Beilis Case”
in the Reflections of the “Jewish Soviet
Intelligentsia” (on the Materials
of A. Kagan’s Heritage)**

doi:10.31518/2618-9100-2022-1-7

УДК 94(47+57)“185/186”

Выходные данные для цитирования:

Кружалина А.А. «Дело Бейлиса» в рефлексиях «еврейской советской интеллигенции» (на материалах наследия А.Я. Кагана) // Исторический курьер. 2022. № 1 (21). С. 72–76. URL: <http://istkurier.ru/data/2022/ISTKURIER-2022-1-07.pdf>

doi:10.31518/2618-9100-2022-1-7

How to cite:

Kruzhalina A.A. “The Beilis Case” in the Reflections of the “Jewish Soviet Intelligentsia” (on the materials of A. Kagan’s heritage) // Historical Courier, 2022, No. 1 (21), pp. 72–76. [Available online: <http://istkurier.ru/data/2022/ISTKURIER-2022-1-07.pdf>]

Abstract. The article deals with the most famous court case of the late Russian Empire period, the Beilis case, as interpreted by the Soviet Jewish intelligentsia and based on the example of A. Kagan’s legacy. Half a century after the event, the famous Jewish writer Abram Yakovlevich Kagan wrote his novel “Crime and Conscience” exposing the criminal intentions of the Kiev branch of the “Union of the Russian People”, which actually fabricated the case on charges of “blood libel”. The author of the article introduces a little-known and little-known note by A.Ya. Kagan, submitted to the Prosecutor General of the USSR in 1954, after he was arrested in 1949 in the case of the Jewish Anti-Fascist Committee, requesting his release from prison. In the note, the author reflects on the events surrounding Mendel Beilis, based on personal impressions, opinions and reviews of participants, contemporaries of the events and their descendants, as well as draws upon archival documents and memories of witnesses previously published on the “Beilis Case” in the USSR and abroad. Basing on the available source material the author concludes that the actions of Russian nationalists represented by the Kiev branch of “Union of Russian People”, aimed at exacerbation of anti-Semitism in order to “switch” the public attention from the short-sighted policy of the tsarist government, which led to the formation of revolutionary situation in the country, to the “internal enemy” in the face of Jewry, were extremely negatively perceived by the advanced creative intelligentsia and Jewry in Russian Empire.

Keywords: “Beilis’s case”, Jewish question, Jewishness, Kagan, the twentieth century.

The article has been received by the editor on 30.11.2021.

Full text of the article in Russian and references in English are available below.

Аннотация. В статье рассматривается самое громкое судебное дело периода поздней Российской империи – дело Менделя Бейлиса – в интерпретации советской еврейской интеллигенции на примере наследия А.Я. Кагана. Спустя полвека после произошедшего известным еврейским писателем Абрамом Яковлевичем Каганом был написан роман

* Кружалина Анастасия Алексеевна, кандидат исторических наук, Иркутский государственный университет, Иркутск, Россия, e-mail: kliokrua@yandex.ru

Kruzhalina Anastasiya Alekseevna, Candidate of Historical Sciences, Irkutsk State University, Irkutsk, Russia, e-mail: kliokrua@yandex.ru

** Автор выражает признательность Еврейскому музею и архиву Межрегиональной общественной организации «Федерация еврейских организаций и общин – Ваад (совет)» за предоставление доступа к историческим источникам фонда А.Я. Кагана.

The author expresses gratitude to the Jewish Museum and Archive of the Interregional Public Organization “Federation of Jewish Organizations and Communities – Vaad (Council)” for providing access to historical sources of the A.Ya. Kagan Foundation.

«Преступление и совесть», обличающий преступные замыслы Киевского отделения «Союза русского народа», фактически сфабриковавшего данное дело по обвинению в «кровавом навете». Автор статьи вводит в научный оборот малоизвестную записку А.Я. Кагана, поданную Генеральному прокурору СССР с просьбой об освобождении из заключения в 1954 г., после того как он был арестован в 1949 г. по делу Еврейского антифашистского комитета. В записке автор рефлексировал о событиях вокруг Менделя Бейлиса на основе личных впечатлений, мнений и отзывов участников, современников событий и их потомков, а также привлекает архивные документы и воспоминания очевидцев, ранее опубликованные по «Делу Бейлиса» в СССР и за границей. На основе используемого источникового материала автор статьи приходит к выводу о том, что действия русских националистов в лице Киевского отделения «Союза русского народа», направленные на обострение антисемитизма с целью «переключения» внимания общественности с недальновидной политики царского правительства, которая привела к формированию революционной ситуации в стране, на «внутреннего врага» в лице еврейства, крайне негативно воспринимались представителями передовой творческой интеллигенции и самим еврейством как в Российской империи и за ее пределами, так и несколько десятилетий спустя, так как являются фактом вопиющей несправедливости в адрес Менделя Бейлиса и всего российского (советского) еврейства.

Ключевые слова: «Дело Бейлиса», еврейский вопрос, еврейство, А.Я. Каган, XX век.

Чуть более ста лет назад, казалось бы, рядовое уголовное преступление, совершенное в Киеве в марте 1911 г., дало основание громкому судебному процессу, за которым пристально следили как на территории всей Российской империи, так и далеко за ее пределами. На фоне развития революционной ситуации в стране обострились многие «язвенные» вопросы, среди которых не последнее место занял национальный. Поляризация политических лагерей и блоков привела к обострению антисемитизма в империи, при том что среди представителей царской администрации было немало сторонников идей великодержавного шовинизма.

Накануне еврейской пасхи в Киеве было найдено тело двенадцатилетнего ученика подготовительного класса Киевского духовного училища Андрея Ющинского со следами «зверского» убийства (на теле было обнаружено 47 колотых ран, нанесенных шилом). Известие вызвало оживленные волнения среди горожан, о чем свидетельствовала городская пресса¹.

Изначально следствие рассматривало версию уголовного преступления, однако под воздействием активности общественности, которая стала выдвигать различные версии случившегося, а также вследствие попыток частных лиц организовать собственное расследование, дело приобрело всероссийский и даже мировой резонанс. При этом наиболее радикальная версия случившегося транслировалась местными черносотенцами. Позже бывший директор департамента полиции С.П. Белецкий в показаниях, данных в 1917 г. Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства, уверял в том, что «эта мысль была проведена извне местной организацией “Союза русского народа”, во главе которой тогда стоял Голубев»². Так или иначе, именно черносотенцы активно настаивали на версии ритуального убийства, совершенного Менделем Бейлисом, используя для этого связи в правительственных кругах, трибуну Государственной Думы, промонархически и антисемитски настроенную печать и т.п.

В отечественной и зарубежной историографии существует немало работ, посвященных ходу данного процесса, аргументам и доказательствам, предъявляемым сторонами, на которых мы не предполагаем останавливаться в данной статье [1, 2]. Укажем лишь на то, что доказательства стороны обвинения, показания свидетелей были весьма противоречивыми, а общественный резонанс, который в том числе создавали такие активные предста-

¹ Загадочное убийство в Киеве // Русское слово. 1911. 23 марта. Сайт «Газетные старости» – 2012 [Электронный ресурс]. URL: <http://starosti.ru/archive.php?m=4&y=1911> (дата обращения: 20.11.2021).

² Падение царского режима. Стенографические отчеты допросов и показаний, данных в 1917 г. в Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства: в 8 т. Т. 3. Л., 1924–1927. С. 353.

вители творческой интеллигенции, как В.Г. Короленко, А.М. Горький, З.Н. Гиппиус, А.А. Блок и др., оказался настолько широк, что в ходе судебного слушания по этому делу сторона защиты сумела доказать невиновность Бейлиса и причастность Веры Чеберяк (бывшей соседки убитого и держательницы воровского притона) к убийству Ющинского. Присяжных спросили о факте убийства и о виновности Бейлиса. Факт убийства присяжные признали, но самого Бейлиса оправдали. 28 октября 1913 г., после двух лет заключения, Менделя Бейлиса признали невиновным и освободили в зале суда.

«Дело Бейлиса» стало мощным катализатором в развитии общественного сознания в Российской империи. На фоне нарастающей революционной ситуации для правых оно было удобным поводом доказать виновность еврея, а в его лице – всего еврейства как активного распространителя революционной заразы и раскола в обществе. Либерально настроенная публика пыталась использовать его с целью нанести очередной «укол» правым. В этой ситуации интересно отношение самого еврейства к происходящему. При том что интерес последних к событиям вокруг персоны Менделя Бейлиса был весьма велик как в период судебного процесса и подготовки к нему, так и много лет спустя.

Интересно проследить, как на примере данного дела трансформируется память об историческом прошлом еврейского народа, как она преломляется сквозь призму изменений политического режима, ценностей, личных переживаний.

В данной статье мы предполагаем взглянуть на «Дело Бейлиса» в интерпретации известного еврейского советского писателя Абрама Яковлевича Кагана, автора романа «Преступление и совесть», посвященного «Делу Бейлиса». В предисловии к роману автор указывает на то, что «не ставит перед собой цели отобразить знаменитый процесс»³ и сосредоточен прежде всего на «механике» подготовки и организации царским правительством и некоторыми правительственными учреждениями дела, «тянувшего назад к самым позорным судилищам испанской инквизиции»⁴. При этом автор, как и любой другой романист, не исключает вымысла в характеристиках персонажей и хронологических смещений «в сюжетных целях»⁵. Очевидно, что сам роман ввиду особенностей жанра для нас малоинформативен. Основным источником для написания статьи послужила жалоба (записка), поданная А.Я. Каганом Генеральному прокурору СССР с просьбой об освобождении из заключения в 1954 г. после того, как он был арестован в 1949 г. по делу Еврейского антифашистского комитета и приговорен к 15 (а по свидетельству дочери – к 25⁶) годам лишения свободы.

Абрам Яковлевич Каган (1901–1965 гг.) – известный деятель еврейского литературного мира советского периода, автор множества произведений, опубликованных на идише, русском и украинском языках. В 1956 г. был реабилитирован и вернулся в Киев, где и прожил до своей смерти в 1965 г.

В своей записке Абрам Яковлевич дает характеристику резонансного дела на основе свидетельств живой устной истории, озвученных родственниками и современниками судебного процесса над Менделем Бейлисом, полученных им в личных беседах или через третьих лиц. Кроме того, автор записки ссылается и на письменные исторические источники (материалы дореволюционной прессы, стенографический отчет о судебном заседании и т.д.), что свидетельствует об объективности сделанных им выводов.

Первое, на что практически с первых строк своей записки обращает внимание Абрам Яковлевич, это «гнусность судебного дела об убийстве невинного мальчика Андрея Ющинского... осуществленного бандой воров и убийц»⁷, умело срежиссированного членами Киевского «Союза русского народа» под ритуальное убийство, якобы совершенное служащим кирпичного завода Менделем Бейлисом. Иными словами, автор записки выражает уверенность

³ Архив Межрегиональной общественной организации «Федерация еврейских организаций и общин – Ваад (совет)» (Архив Ваад). Личный архив А.Я. Кагана. Рукопись романа «Преступление и совесть». Л. 1.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Архив Ваад. Личный архив А.Я. Кагана. Письмо Фрейдиновой Э.А. (дочери А.Я. Кагана). Л. 1.

⁷ Архив Ваад. Личный архив А.Я. Кагана. Жалоба А.Я. Кагана Генеральному прокурору СССР с просьбой об освобождении из заключения. 1954 г. Л. 3.

в том, что альтернативные версии этого события не заслуживают даже внимания. Он уверен, что вина лежит на Вере Чеберяк и членах ее «воровского притона», связанных с «хулиганско-черносотенным “Союзом русского народа”»⁸. Последние же в его интерпретации были яркими противниками всего нового, «передового и светлого в жизни русского народа»⁹. Движимые ненавистью к евреям, они были готовы во что бы то ни стало покончить с этой «заразой», в подтверждение чего Каган даже приводит цитату члена Государственной Думы Маркова: «С евреями России надо кончать! ... Их надо загнать в черту оседлости – это первый акт, а когда это будет выполнено, приступить ко второму акту – к изгнанию евреев вовсе из России»¹⁰.

А.Я. Каган счел очевидным тот факт, что «Дело Бейлиса» сфабриковано из инициативы черносотенцев-монархистов, намеренных «обвинить все еврейское население России, чтобы урезать их в правах»¹¹, что может восприниматься, например, как попытка блокировать закон об отмене черты оседлости. Или даже более того, на чем и настаивает А.Я. Каган, «крупные российские чиновники понимали обреченность Российской империи, и поэтому они, как разъяренные волки, бросились на свои жертвы»¹², пытаясь уберечь себя «от усилившегося революционного движения в народе и потуже затянуть узел кровавого навета»^{13,14}.

Чем весомей становятся обвинения, выдвигаемые А.Я. Каганом против модераторов «Дела Бейлиса», тем важнее для автора записки становится подкрепить свои доводы материальными доказательствами. Так, например, он указывает на длительную работу с источниками по «Делу Бейлиса»: «перечитывая различные печатные материалы того времени, внимательно изучая в киевском областном и республиканском государственных исторических архивах копии материалов в деле судебного процесса, переписку Чаплинского, переписку киевского окружного суда, я обнаружил»¹⁵ и т.п.

А.Я. Каган считает, что «Дело Бейлиса» стало разменной монетой в политических интригах «реакционного царского государственного аппарата»¹⁶ против неугодных политических персон. Например, Абрам Яковлевич недвусмысленно говорит о связи между «Делом Бейлиса» и убийством П.А. Столыпина, связанных не только по времени и месту происхождения (1911 г., Киев), но и другими фактами, а именно – причастностью к ним обоим начальника Киевского охранного отделения Н.Н. Кулябко, а также фактом попытки прокурора Киевской судебной палаты Чаплинского «вынудить Богрова (убийцу Столыпина) признать себя евреем (а он был крещеным) для пущей возможности обвинить все еврейское население в убийстве Председателя Совета Министров»¹⁷.

Каган прослеживает и связь «Дела Бейлиса» с грядущей Первой мировой войной, указывая на незначительный временной интервал между окончанием дела и началом войны, а также на то, что в судебном процессе принял участие прокурор Санкт-Петербургской судебной палаты Виппер Оскар Юрьевич – немец по происхождению, что, по мнению А.Я. Кагана, подтверждает мнение ряда современных ему исследователей процесса о том, что, получив от некоторых представителей правительственных кругов «солидный куш», Виппер и некоторые другие участники процесса осознанно «раздували его значение» с целью «продлить и усложнить его», отвлекая тем самым внимание России «от назревавшей всемирной войны, к которой Германская Империя лихорадочно готовилась»¹⁸.

⁸ Архив Ваад. Личный архив А.Я. Кагана. Жалоба А.Я. Кагана Генеральному прокурору СССР с просьбой об освобождении из заключения. 1954 г. Л. 4.

⁹ Там же. Л. 3.

¹⁰ Там же. Л. 4.

¹¹ Там же.

¹² Там же. Л. 10.

¹³ Кровавый навет – необоснованные утверждения о том, что какая-либо группа людей совершает человеческие жертвоприношения, ест людей, использует их кровь в ритуальных целях и т.п.

¹⁴ Архив Ваад. Личный архив А.Я. Кагана. Жалоба А.Я. Кагана Генеральному прокурору СССР с просьбой об освобождении из заключения. 1954 г. Л. 10.

¹⁵ Там же. Л. 6.

¹⁶ Там же. Л. 4.

¹⁷ Там же. Л. 7.

Разумеется, что само еврейское население в Киеве и далеко за его пределами очень болезненно реагировало на все происходящее. Как в романе, так и в записке А.Я. Каган приводит многочисленные биографические сведения родственников, соседей М. Бейлиса, простых горожан, «полные драматизма и переживаний гражданского населения»¹⁹. Нашли отражение в романе и записке и хрестоматийные факты о поддержке Менделя Бейлиса выдающимися современниками, такими как Короленко, Горький, Андреев, Куприн, Алексей Толстой, Блок²⁰, а также «присяжные поверенные Карабчевский Николай Платонович и Грузенберг Оскар Осипович – цвет русской дореволюционной адвокатуры»²¹.

Что касается реальных, по мнению Кагана, исполнителей преступления, то А.Я. Каган указывает на факт приезда императора Николая II в Киев в период расследования «Дела Бейлиса», рассказанный ему неким «живым свидетелем»²², имени которого он не называет. Однако достаточно подробно описывает сам случай: Николай II, которого прокурор Киевской судебной палаты Чаплинский уведомил о поимке Менделя Бейлиса, якобы ответил: «Слава богу, что он оказался жидом». При этом императору была также представлена дворянка Вера Чеберяк, по мнению Чаплинского, оклеветанная «еврейскими газетами ... “Речь”, “Киевская мысль” и др.»²³ и взятая императором «под высокое покровительство»²⁴.

Каган убежден, что настоящие убийцы Андрея Ющинского так и не были наказаны за содеянное именно потому, что дальнейшее расследование «могло привести правосудие в высшие сферы царской администрации»²⁵. Новой властью уже в 1922 г. брату Веры Чеберяк, Петру Сингаевскому, было предъявлено обвинение по другому делу о грабеже и убийстве. Киевский губернский революционный трибунал приговорил его к смертной казни. При этом председатель ревтрибунала некто Михайлик якобы предлагал ему смягчить приговор в обмен на открытие тайны по «Делу Бейлиса». По версии А.Я. Кагана, Сингаевский обещал подумать в тюрьме, но так и не сознался. Причину Абрам Яковлевич ищет в возлюбленной Сингаевского, некой Цыгановой/Цыганковой, которая на последнем свидании отговорила его²⁶. Тайна так и стала неразгаданной.

Итак, действия русских националистов в лице Киевского отделения «Союза русского народа», направленные на обострение антисемитизма с целью «переключения» внимания общественности с недальновидной политики царского правительства, которая привела к формированию революционной ситуации в стране, на «внутреннего врага» в лице еврейства, крайне негативно воспринимались современниками, представителями передовой творческой интеллигенции и самим еврейством как в Российской империи, так и за ее пределами. И несколько десятилетий спустя в другом государстве, в условиях другого политического режима и не менее сложных отношений между новой властью и еврейством, также воспринимались отрицательно ввиду того, что являются фактом вопиющей несправедливости в адрес Менделя Бейлиса и всего российского (советского) еврейства.

Безусловно, советское руководство не препятствовало публикациям произведений, очернявшим сторонников монархии и крайне правых, чем, по-видимому, и объясняется факт опубликования романа А.Я. Кагана в 1965 г. в журнале «Советская Родина» на еврейском языке²⁷, а также реабилитация самого автора, случившаяся еще раньше, в 1956 г.

Статья поступила в редакцию 30.11.2021 г.

¹⁸ Архив Ваад. Личный архив А.Я. Кагана. Жалоба А.Я. Кагана Генеральному прокурору СССР с просьбой об освобождении из заключения. 1954 г. Л. 9.

¹⁹ Там же. Л. 7.

²⁰ Там же. Л. 5.

²¹ Там же. Л. 8.

²² Там же. Л. 5.

²³ Там же.

²⁴ Там же.

²⁵ Там же. Л. 11.

²⁶ Там же. Л. 12.

²⁷ Архив Ваад. Личный архив А.Я. Кагана. Письмо Фрейдиновой Э.А. (дочери А.Я. Кагана). Л. 1.

В.В. Фисюков*

V.A. Fisyukov*

**Использование технологий
карающего забвения на примере
легитимации исключения
Л.Д. Троцкого из ВКП(б)**

**The Use of Techniques of Repressive
Oblivion by the Example
of the legitimization of Exclusion
of L.D. Trotsky from the VKP(b)**

doi:10.31518/2618-9100-2022-1-8

doi:10.31518/2618-9100-2022-1-8

УДК 93/94

Выходные данные для цитирования:

How to cite:

Фисюков В.А. Использование технологий карающего забвения на примере легитимации исключения Л.Д. Троцкого из ВКП(б) // Исторический курьер. 2022. № 1 (21). С. 77–88. URL: <http://istkurier.ru/data/2022/ISTKURIER-2022-1-08.pdf>

Fisyukov V.A. The Use of Techniques of Repressive Oblivion as an Example of the legitimization of the Exclusion of L.D. Trotsky from the VKP(b) // Historical Courier, 2022, No. 1 (21), pp. 77–88. [Available online: <http://istkurier.ru/data/2022/ISTKURIER-2022-1-08.pdf>]

Abstract. This article considers a short but very eventful chronological interval, including a demonstration organized by the opposition in honor of the tenth anniversary of the October Revolution and the decision to expel its leaders, G.E. Zinoviev and L.D. Trotsky, first from the Central Committee and then from the ranks of the Party. The main research focus is on Trotsky, because the series of crushing defeats, coupled with countless criticisms from various members of the majority faction, is a clear example of the rapid disavowal of opponent's role in a political confrontation. In order to make sense of this flow of mutual insinuations one has to draw upon and compare the individual elements of the three typologies of oblivion: "selective" and "repressive" oblivion by A. Assman, categories of the repressive erasure in the Paul Connerton system and finally "sins of Suggestibility and Bias" from D. Schacter's theory. As a source base the author used the stenographic report of the Joint Plenum of the Central Committee and Central Committee of the VKP(b) on October 21–23, polemical speeches of the opposition and majority faction, including those in the "Pravda" newspaper and "Bolshevik" magazine, grotesque depictions of the opposition in issues of "Krokodil", and the correspondence of various Party members. The author concludes that Trotsky's expulsion from the VKP(b) was the culmination of a transition from "selective" oblivion, i.e., the natural process of selective remembrance of past events, to "repressive" oblivion: the denial and falsification of "inconvenient" episodes and the use of flexible interpretations.

Keywords: L.D. Trotsky, intraparty struggle in the VKP(b), repressive oblivion, selective oblivion, "repressive erasure", the Sin of Suggestibility, the Sin of Bias, critical discourse analysis.

The article has been received by the editor on 01.12.2021.

Full text of the article in Russian and references in English are available below.

Аннотация. В статье рассмотрен непродолжительный, но весьма насыщенный поворотными событиями хронологический отрезок, включающий проведение демонстрации оппозицией в честь десятилетнего юбилея Октябрьского переворота и решения об исключении ее лидеров, Г.Е. Зиновьева и Л.Д. Троцкого, сначала из ЦК, а затем и из рядов партии. Основное исследовательское внимание сосредоточено именно на Троцком, ведь череда его сокрушительных поражений параллельно с бесчисленной критикой со стороны разных представителей фракции большинства служит наглядным примером стремительного дезавуиро-

* Фисюков Вячеслав Александрович, студент, Новосибирский государственный университет, Новосибирск, Россия, e-mail: v.fisyukov@g.nsu.ru

Fisyukov Vyacheslav Aleksandrovich, Student, Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russia, e-mail: v.fisyukov@g.nsu.ru

вания роли оппонента в ходе политического противоборства. Разобраться в этом потоке взаимных инсинуаций поможет привлечение и сравнение отдельных элементов трех типологий забвения: «селективного» и «карающего» забвения А. Ассман, категории «репрессивного стирания» (repressive erasure) в системе П. Коннертона и, наконец, «грехов внушаемости и предвзятости» (the sins of Suggestibility and Bias) из теории Д. Шектера. Методы критического дискурс-анализа Т. Ван Дейка позволят определить формы их практического применения. В качестве источниковой базы использовался стенографический отчет Объединенного пленума ЦК и ЦКК ВКП(б) 21–23 октября, полемические выступления оппозиции и фракции большинства, в том числе на страницах журнала «Большевик», гротескные отображения оппозиции в номерах «Крокодила», а также материалы переписки разных партийцев. Автор приходит к выводу, что исключение Троцкого из ВКП(б) стало кульминационной точкой перехода от «селективного» забвения, т.е. вполне естественного процесса избирательного памятования о событиях прошлого, к забвению «карающему»: отрицанию и фальсификации «неудобных» эпизодов, применению гибких интерпретаций.

Ключевые слова: Л.Д. Троцкий, внутрипартийная борьба в ВКП(б), «карающее» забвение, «селективное» забвение, репрессивное стирание, грех внушаемости, грех предвзятости, критический дискурс-анализ.

Л.Д. Троцкий принадлежит к числу тех политиков, чье имя давно стало нарицательным и растворилось в потоке самых разных репрезентаций. Его бесчисленные мемуарные, художественные, публицистические и кинематографические воспроизведения служат тому наглядным доказательством. Можно согласиться с исследователями, которые в таком «мифотворческом гуле» вполне справедливо выделяют преобладающую коммеморативную тенденцию – «негативное забвение»¹. Эта формулировка как раз и будет более подробно раскрыта в статье.

Осенью 1927 г. разворачивается завершающая фаза противоборства фракции большинства и оппозиции. На Объединенном пленуме ЦК и ЦКК 21–23 октября официально должны были обсуждаться два вопроса: директивы пятилетнего плана развития народного хозяйства и работа в деревне. Правда, уже в самом начале заседания М.Н. Янсон предлагает рассмотреть антипартийные действия «троцкистско-зиновьевского» блока². Тогда же, в атмосфере постоянных выкриков, прерываний и оскорблений, прозвучала последняя речь Л.Д. Троцкого в качестве члена этого партийного органа. Решением пленума он, как и Г.Е. Зиновьев, был исключен из состава ЦК.

На последовавших затем демонстрациях в честь десятилетия Октябрьской революции оппозиционеры выступали с лозунгами «Повернем огонь направо – против кулака, нэпмана и бюрократа», «Выполним завещание Ленина», «Против оппортунизма, против раскола – за единство ленинской партии» и с портретами Ленина, Троцкого и Зиновьева участвовали в шествиях. Правда, любые их попытки организованного движения тут же пресекались: оппозиционеров задерживали, разгоняли и избивали сторонники партийного большинства³. Стоит заметить, что они и сами нередко «по-товарищески толкались»⁴ с милицией, а временами могли и, угрожая оружием, освобождать единомышленников из-под ареста⁵.

Уже через неделю после событий, 7–8 ноября, публикуется постановление ЦК и ЦКК об исключении Троцкого и Зиновьева из партии, отмечается также, что вопрос о пребывании других оппозиционеров в ВКП(б) будет решаться на XV съезде⁶. На нем и происходит окон-

¹ Резник А.В. Введение // Л.Д. Троцкий: pro et contra, антология. 2-е изд. СПб., 2016. С. 9–10.

² Объединенный пленум ЦК и ЦКК ВКП(б) 21–23 октября 1927 г. Документы и материалы. М., 2018. С. 5.

³ Фельштинский Ю. Г., Чернявский Г.И. Лев Троцкий. Книга третья. Оппозиционер. 1923–1929 гг. М., 2013. С. 276–278.

⁴ Серж В. От революции к тоталитаризму. Воспоминания революционера. Оренбург, 2001. С. 274.

⁵ Шубин А.В. Вожди и заговорщики. М., 2004. С. 156.

⁶ Фельштинский Ю. Г., Чернявский Г.И. Лев Троцкий. Книга третья... С. 282.

чательный раскол объединенной оппозиции: в заявлении «23-х» от 19 декабря Зиновьев и Каменев заявляют о полном отказе от своих прошлых взглядов, обязуются следовать партийной дисциплине и просят вернуть их в ВКП(б)⁷. Но даже такой «демонстративный разрыв» с Троцким и «капитуляция»⁸ перед фракцией большинства не помогли им: съезд подтвердил ноябрьское постановление ЦК и ЦКК и постановил исключить из партии 75 участников объединенной оппозиции, включая Каменева, Раковского, Радека, Смилгу и Пятакова. После этого началась уже массовая чистка партии, повлекшая исключение менее заметных сторонников Троцкого⁹.

Эти события отображают не просто дискредитацию и практически полное уничтожение политического оппонента, но и демонстрируют успешное применение идеологического потенциала такой победы в целях легитимации как текущих, так и последующих мер подавления любого альтернативного мнения.

В качестве методологического стержня исследования использовалась составная часть таксономии А. Ассман – форма «карающего» забвения, предполагающая уничтожение любых упоминаний о каком-либо событии или же личности путем одностороннего толкования исторического процесса и применения гибких интерпретаций¹⁰. Ее важным компонентом становится «структурное насилие» – ограничения в доступе к общественному и культурному ресурсу, препятствующие распространению альтернативных трактовок¹¹. Обозначение этой тактики «бюрократического режима» было одним из основных элементов риторики оппозиции¹².

Такая «символическая опала» политического соперника осуществляется с помощью техник забвения, среди них в контексте работы наибольший потенциал содержат нейтрализация и отрицание. Если первая представляет собой действия по маргинализации, историзации и музеефикации, последовательно снижающие значимость события или личности¹³, то отрицание обычно заключается в акцентировании сугубо негативных свойств¹⁴.

Эти формулировки могут быть уточнены с помощью привлечения семантически близких категорий из таксономий двух других исследователей забвения – психолога Д. Шектера и социального антрополога П. Коннертона. Последний в качестве одного из семи типов выводит «репрессивное стирание» – отрицание факта исторического разрыва между событиями прошлого или же, наоборот, его конструирование, характерное главным образом для тоталитарных обществ¹⁵. При этом нередко происходит не столько уничтожение памяти, сколько ее «очернение»¹⁶. Этот мотив прослеживается и в рассматриваемом примере с Л.Д. Троцким – в печати происходила последовательная дискредитация его имени. Концепт «стирания» помещается П. Коннертоном в широкую социально-историческую плоскость¹⁷: от идей футуристов и борьбы против пережитков «старого режима» в революционной Франции до ликвидации вообще любых упоминаний о низвергнутых политиках в Древнем Риме и анализа ритуалов забвения умерших среди австралийских аборигенов¹⁸.

Ситуативное использование идеи «исторического разрыва» иллюстрирует применение техник отрицания и нейтрализации, а перечисление возможных «агентов», занимающихся репрессивным навязыванием каких-либо ценностей (будь то государство в целом, правящая партия или же музейные работники, намеренно акцентирующие внимание на одних экспо-

⁷ Фельштинский Ю.Г., Чернявский Г.И. Лев Троцкий. Книга третья... С. 296.

⁸ Троцкий Л.Д. Моя жизнь. Т. 2. Берлин, 1930. С. 285.

⁹ Павлюченков С.А. «Орден меченосцев». Партия и власть после революции. 1917–1929. М., 2008. С. 427.

¹⁰ Ассман А. Забвение истории – одержимость историей. М., 2019. С. 44–45.

¹¹ Там же. С. 47.

¹² Коммунистическая оппозиция в СССР. Benson (Vt.), 1988. Т. 4: (1923–1927). С. 265.

¹³ Ассман А. Забвение истории – одержимость историей... С. 23.

¹⁴ Там же. С. 24.

¹⁵ Connerton P. Seven types of forgetting // Memory studies. 2008. Vol. 1 (1). P. 60.

¹⁶ Connerton P. The spirit of mourning: history, memory and the body // Seven types of forgetting. 2011. P. 41.

¹⁷ Erdeylyi M.H. Forgetting and remembering in psychology: Commentary on Paul Connerton's "Seven Types of Forgetting" // Memory studies. 2008. Vol. 1 (3). P. 275.

¹⁸ Connerton P. The spirit of mourning: history, memory and the body... P. 41–44.

натах и скрывающие другие¹⁹), уточняет понятие «структурного насилия» из теории А. Ассман.

Идеи Д. Шектера на первый взгляд довольно сложно экстраполировать на исследование методов забвения имени Л.Д. Троцкого, эту же мысль первоначально подтверждает и эмпирическая база: рассматриваются применяемые полицией техники наводящих вопросов, использование гипноза как практики дознания, особенности когнитивного интервью и т.д. Правда, введенный автором «грех внушаемости» (The Sin of Suggestibility) в качестве одной из разновидностей включает случаи самооговора или ложного признания вины под психическим или физическим насилием²⁰. Все более частое использование техник отрицания и нейтрализации склоняло многих оппозиционеров к полному признанию вины, и если «капитуляция» изначально колеблющихся «зиновьевцев»²¹ была во многом закономерной, то стремление к примирению К. Радека уже в 1928 г.²² может служить доказательством пока еще преимущественно идеологического давления, так как в 1930-е гг. проявятся во всей полноте «коммунистические» методы допроса²³. Стоит учитывать и комплексный характер воспоминаний о прошлом: помимо собственно реконструкции событий минувшего, на них оказывают влияние многие особенности настоящего, текущего момента, включая наши ожидания от памяти и особенности техник внушения²⁴.

Таксономию А. Ассман можно уточнить и с помощью проявлений «греха предубежденности» (The Sin of Bias), который на примере внутрипартийной борьбы проявляется в стремлении минимизировать свои былые расхождения с Лениным и партийной линией под влиянием политической конъюнктуры²⁵ или же в кардинальном изменении отношения к Л.Д. Троцкому на фоне его поражений. Такие метаморфозы прослеживаются в творчестве поэта Д. Бедного и художника В.Н. Дени, а также в риторике Е. Ярославского – одного из самых непримиримых борцов против «троцкизма», который буквально в 1923 г. не скупился на похвалы литературному таланту тогдашнего наркомвоенмора²⁶. Другой гранью предубежденности является стереотипизация представлений об оппозиционерах как «меньшевиках» и «крикунах», препятствующих государственному строительству. Столь серьезное упрощение социальной реальности²⁷ создавалось не в последнюю очередь путем использования карикатур и памфлетов в качестве инструмента идеологического воздействия на широкие партийные и беспартийные массы.

Теоретические положения А. Ассман, уточненные элементами таксономий П. Коннертона и Д. Шектера, подкреплялись использованием некоторых методов критического дискурса-анализа Т. Ван Дейка. Предлагаемые им механизмы изучения дискурсивных способов реализации и легитимации социальной власти доминирующей группы²⁸ («нас», в контексте исследования – фракции большинства) в ходе процесса постепенного подавления «их» (оппозиции)²⁹. Широкая партийная и беспартийная общественность при таком противоборстве становится «мишенью дискурса»³⁰, которая воспринимает риторику победившей стороны. При анализе источников особое внимание уделялось следующим моментам:

- содержание и синтаксис заголовков;
- общий стиль лексики и подбора слов;
- семантические уловки («Мы не имеем ничего против, но...»);

¹⁹ Connerton P. Seven types of forgetting... P. 69–70.

²⁰ Schacter D. The seven sins of memory: how the mind forgets and remembers. Boston, 2001. P. 120.

²¹ Шубин А.В. Вожди и заговорщики. М., 2004. С. 157.

²² Фельштинский Ю.Г., Чернявский Г.И. Лев Троцкий. Книга третья... С. 374–376.

²³ Schacter D. The seven sins of memory... P. 121.

²⁴ Ibid. P. 129.

²⁵ Ibid. P. 139–140.

²⁶ Резник А.В. Введение // Л.Д. Троцкий: pro et contra, антология... 33–34.

²⁷ Schacter D. The seven sins of memory... P. 154–155.

²⁸ Ван Дейк Т.А. Дискурс и власть: Репрезентация доминирования в языке и коммуникации. М., 2013. С. 112–14.

²⁹ Там же. С. 60.

³⁰ Там же. С. 126.

– акцентирование положительных и негативных действий (выбор темы, размещение материала на первой странице, применение политических эвфемизмов, смягчений, если речь идет о доминирующей группе и т.д.)³¹.

Элементы постепенного укоренения именно «карающей» формы забвения можно обнаружить в стенограмме Объединенного пленума ЦК и ЦКК ВКП(б) 21–23 октября, публицистических статьях на страницах «Большевика», материалах частной переписки между разными партийцами, а также в карикатурах из номеров «Крокодила», посвященных оппозиции. Выбор этих источников неслучаен: благодаря их живости, полемической заостренности и периодическим демонстрациям неформальных отношений (будь то оскорбления, выкрики во время выступления оппонента и т.д.) более явно прослеживаются методы дискриминации позиции соперника и подкрепления легитимации собственного мнения.

Так, на страницах «Большевика» за октябрь–ноябрь 1927 г. можно встретить негативные упоминания Троцкого в самых разных контекстах. Например, Э. Гольденберг при критике экономической аргументации оппозиции вспоминает, как в 1923 г. Лев Давидович выступал за закрытие «гигантов пролетарской индустрии» по типу завода «Красный Путиловец», теперь же пытается выставить себя «защитником рабочих от индустриализации», наживает «политический капитал» на неизбежных трудностях переходной эпохи³². Заголовок статьи «От пораженчества к меньшевизму» уже содержит основной тезис, который автор, обращаясь к статистическому анализу отдельных положений оппозиционной платформы, последовательно обосновывает, доказывает ее «идейный разрыв с коммунизмом»³³. Риторика противников фракции большинства провозглашается «клеветой, передергиванием и меньшевистской демагогией»³⁴.

Более четко грани технологии отрицания проступают в статье М. Глебова. На первых же страницах встречается мотив «третьей силы»: никакие внутренние и внешние проблемы по тяжести наносимого урона не могут сравниться с выступлениями оппозиции, поэтому зарубежные «реставраторы» прежних порядков особенно на нее надеются. Эту мысль автор считает настолько очевидной, что для ее подтверждения «доказательства вряд ли нужны теперь»³⁵. Отдельное внимание уделяется «троцкизму» – «чуждой партии идеологии», ее «адвокатами» с некоторых пор являются Зиновьев и Каменев³⁶, которые большевиками могли называться лишь во время «Литературной дискуссии»³⁷. Эта мысль включает целых два элемента отрицания. Во-первых, в дискурсе внутрипартийной борьбы все более самостоятельное значение приобретает использование «троцкизма» в качестве ярлыка, способа дискредитации оппонента и его обвинения в раскольничестве и «политическом авантюризме»³⁸. Такое обозначение можно считать частью общего процесса стереотипизации образа оппозиционера для широких общественных масс – вместо доскональных и многоступенчатых доказательств ошибочности положений их платформы удобнее было максимально упростить восприятие клеймением любых расходящихся с официальной линией мнений «троцкизмом» или «меньшевизмом», наполнить эти понятия сугубо негативным содержанием. Во-вторых, конструирование исторического разрыва для акцентирования положительного «тогда» и негативного ошибочного «теперь»: «прежние» Зиновьев и Каменев обличали Троцкого и его идеи, теперь же упорно «доказывают всей партии, что

³¹ Ван Дейк Т.А. Дискурс и власть... С. 99.

³² Гольденберг Э. От меньшевизма к пораженчеству // Политико-экономический двухнедельник «Большевик». М., 1927. № 19–20. С. 18–19.

³³ Там же. С. 13.

³⁴ Там же. С. 23.

³⁵ Глебов М. Кто ведет современную оппозицию? // Политико-экономический двухнедельник «Большевик». М., 1927. № 22. С. 33.

³⁶ Там же. С. 34.

³⁷ Там же. С. 37.

³⁸ Там же.

троцкизма нет», поэтому после такого «тушинского перелета» утратили право называться большевиками³⁹.

16 ноября застрелился тяжело больной А.А. Иоффе – известный советский дипломат, один из делегатов на Брестских переговорах, оппозиционер и сподвижник Троцкого. До этого собранный Лечебной комиссией ЦК консилиум врачей принял решение как можно скорее отправить его на лечение за границу. Вот только это предписание осталось фактически проигнорированным⁴⁰. Иоффе оставил посмертное письмо Троцкому, в котором признавал его «политическую правоту начиная с 1905 года» и указывал в качестве слабой стороны Льва Давидовича отсутствие «ленинской непреклонности»⁴¹. Это событие никак не мог обойти стороной один из наиболее последовательных критиков оппозиции – Е. Ярославский. Сначала он оспаривает условия жизни А.А. Иоффе уже во время болезни⁴², затем переходит к своеобразной трактовке отдельных положений письма. Довольно подробно, например, останавливается на фразе «Революция лишила меня состояния, и я не могу лечиться за свой счет», напрочь отбрасывая, правда, вторую часть предложения. Такая семантическая уловка позволяет Ярославскому перейти к описанию жалоб Иоффе как отражению «гнилой философии мелкобуржуазного революционера»⁴³. Примечательно и наименование проводившихся от имени ЦК похорон заметного члена ВКП(б)⁴⁴ «обычными»⁴⁵.

Правда, с нескрываемо большим негодованием автор обрушивается на упомянутые в письме характеристики Троцкого. Так, при комментировании фразы Иоффе о том, что он слышал от Ленина о «политической» правоте именно Льва Давидовича в 1905 г., Ярославский замечает: получается, и в другие периоды «большевистский» вектор партийного развития был неверен? Следом перечисляется «сколачивание» Троцким августовского блока, его метания между фракциями в годы Первой мировой, участие в Брестских переговорах и профсоюзной дискуссии в контексте критики Лениным «троцкизма и 1905, и последующих годов»⁴⁶. Основой такого риторического приема становится стирание исторического разрыва между какими-либо событиями, т.е. политически неудобная фраза о мнении Ленина насчет 1905 года «размывается» его критикой Троцкого на протяжении следующих лет, что, в свою очередь, «подтверждает» извечную борьбу партии в лице Ильича с «троцкизмом».

Материалы личной переписки представляют особую ценность для анализа перипетий внутрипартийной борьбы, так как содержат максимально «живой» и субъективный стиль описания событий. Тот же Е. Ярославский при характеристике своего «фашистски-хулиганского»⁴⁷ поведения делает важное семантическое противопоставление «нас, большевиков» и «их», т.е. оппозиционеров. Троцкий же своими фразами «провоцировал на физическое насилие», вот он и «запустил» в него томиком Госплана⁴⁸. Такой поступок члена ЦКК в отношении пока еще состоящего в ЦК Троцкого становится вполне обыденным при условии весьма интенсивной кампании по его дискредитации путем сначала нейтрализации, а затем отрицания.

В.Г. Фейгин в письме Г.К. Орджоникидзе пишет о любопытной ситуации: на собрании комсомольского актива безуспешно пытался выступить оппозиционер Тер-Ваганьян, которого постоянно прерывали и «поднимали бешеный и непристойный шум»⁴⁹. После этого уже

³⁹ Глебов М. Кто ведет современную оппозицию? ... С. 36.

⁴⁰ Фельштинский Ю.Г., Чернявский Г.И. Лев Троцкий. Книга третья... С. 284.

⁴¹ Приложение к ст. тов. Ярославского: Письмо А. Иоффе // Политико-экономический двухнедельник «Большевик». М., 1927. № 23–24. С. 150.

⁴² Ярославский Е. Философия упадничества // Политико-экономический двухнедельник «Большевик». М., 1927. № 23–24. С. 138–139.

⁴³ Там же. С. 140.

⁴⁴ Фельштинский Ю.Г., Чернявский Г.И. Лев Троцкий. Книга третья... С. 285.

⁴⁵ Ярославский Е. Философия упадничества... С. 144.

⁴⁶ Там же. С. 141–142.

⁴⁷ Коммунистическая оппозиция в СССР... С. 230.

⁴⁸ Большеви́стское руково́дство. Переписка. 1912–1927. М., 1996. С. 352.

⁴⁹ Коммунистическая оппозиция в СССР... С. 232.

ночью той же аудитории показывали картину «Десятилетие Октября», правда, недавние «крикуны и свистуны» встречали любое появление Троцкого на экране «бурными аплодисментами»⁵⁰. Ответ на вопрос о возможных причинах такой «двойственности» восприятия фигуры Льва Давидовича может корениться лишь в начале перехода к «карающему забвению», ведь в 1927 г. даже абсолютным противникам Троцкого было сложно подвергать сомнению его роль в организации Октябрьского переворота и победы в Гражданской войне.

Мощным средством подавления оппозиции становится сатирический журнал «Крокодил»: в 48 номерах за 1927 г. было размещено 18 гротескных изображений оппозиции и 10 – конкретно Л.Д. Троцкого. Причем наибольшее число карикатур вполне закономерно приходится на октябрь и ноябрь.

Среди всех изображений особенно выделяются два: на первом (рис. 1) Троцкий выступает в роли главы семейства, Зиновьев – видимо, его «супруга», а Каменев – «сын» или младший член оппозиционного «семейства». Такая иллюстрация, несмотря на всю ее гротескность, явно демонстрирует, что в качестве лидера объединенной оппозиции воспринимался именно Троцкий, Каменев же из всех трех имеет наименьший политический вес. Не совсем, правда, очевидно, зачем иллюстратор на заднем фоне изображает портрет Карла Маркса, ведь оппозиционеров обычно помещали в идейное поле «ренегата» Каутского, как это видно на другой иллюстрации⁵¹: меньшевик размещает портрет Троцкого и Зиновьева рядом с изображением Каутского, поясняя, что они теперь не чужды социал-демократическим кругам. Вторая карикатура (рис. 2) во многом повторяет приемы дискредитации, отраженные в первой: вновь Троцкий воплощается в качестве лидера, занимает визуальное центральное пространство и выступает в роли шарманщика, Зиновьев изображен как «певица», а Каменев в очередной раз даже не с первого раза замечен и предстает в виде «попугая». Если учитывать, что «Крокодил» выходил четыре раза в месяц⁵², то № 44 можно датировать последней неделей ноября 1927 г.: как раз 15-го числа того же месяца было

Рис. 1. Крокодил. 1927. № 43. С. 9.
Неопровержимое доказательство
(рис. К. Елисеева). САМ (глава семьи):
– Мы били правы, – яблоки нам бросали гнилые,
калоши рваные... А что из этого следует?
Что материальное положение рабочего класса
тяжело, – как мы и говорили

Рис. 2. Крокодил. 1927. № 44. С. 1.
Надоела эта музыка (рис. К. Елисеева).
– Играем, играем, а никто к нам не идет!..

⁵⁰ Большевицкое руководство. Переписка... С. 356.

⁵¹ Крокодил. 1927. № 41. С. 9.

⁵² Юрганов А.Л. Иллюстрация единства партии в журнале «Крокодил» в контексте борьбы за власть в середине 20-х годов XX в. // Вестник РГГУ: Литературоведение. Языкознание. Культурология. 2020. № 10. С. 138.

опубликовано официальное постановление об исключении Троцкого из рядов ВКП(б), поэтому нет ничего удивительного в размещении этой карикатуры на обложке номера. Такое же семантическое акцентирование было использовано и во время работы XV съезда ВКП(б). Троцкий изображается вне стен заседания партии, подпись под иллюстрацией⁵³ гласит: «Ленин мертв, но дело его живет! Троцкий жив, но “дело” его умерло». Иллюстрация служит в каком-то смысле итогом агитационной работы по легитимации решения об исключении Льва Давидовича из партии и уже традиционно противопоставляет его Ленину.

Видно, что художник К. Елисеев на обеих иллюстрациях изображает Зиновьева и Каменева в противоестественном виде, феминизируя первого и минимизируя образ последнего. Любопытно в этой связи, что лишь Троцкий сохраняет свой нормальный облик и неизменно предстает в качестве лидера оппозиции. То есть техника отрицания буквально пронизывает обе карикатуры, распространяясь, правда, в большей степени на Зиновьева с Каменевым.

Отдельно стоит отметить и мотив поезда, характерный для двух других изображений. Первое (рис. 3) датируется еще августом 1927 г. и вдохновлено событиями Объединенного пленума ЦК и ЦКК, проходившего с 29 июля по 9 августа. На нем первоначальное решение об исключении Троцкого и Зиновьева из Центрального комитета было изменено при условии соблюдения оппозицией обязательства не создавать фракцию. «Поезд», символизирующий партию, может обозначать вектор ее дальнейшего развития, поэтому знаменательно, что оппозиция в лице Л. Троцкого, Г. Зиновьева, И. Смилги, Г. Евдокимова⁵⁴ пока изображается в роли его пассажиров, сидящих в купе. Но это не мешает требовательному контролеру, который персонифицирует фракцию большинства, заявлять следующее: «Вы, товарищи, заехали слишком далеко за партлинию. Эти билеты действительны только в ее пределах!». Следующая карикатура (рис. 4) была опубликована в номере за вторую неделю ноября – тем разительнее контраст в использовании образа «поезда» по сравнению с первой. Теперь впол-

Рис. 3. Крокодил. 1927. № 30. С. 3.
Тактика дальнего... заезда (рис. М. Храпковского). КОНТРОЛЕР: – Вы, товарищи, заехали слишком далеко за партлинию. Эти билеты действительны только в ее пределах!

Рис. 4. Крокодил. 1927. № 42. С. 12.
Оппозиционная линия (рис. К. Елисеева).
АНТИСОВЕТСКИЙ ЭЛЕМЕНТ: – Хотя и без билетов, но как-нибудь доедем, – нам эта линия по пути!..

⁵³ Крокодил. 1927. № 45. С. 1.

⁵⁴ Юрганов А.Л. О первом опыте политического зомбирования в сатирическом журнале «Крокодил». Август 1927 // Россия XXI. Ярлыки и мифы. 2020. № 6. С. 103.

не отчетливо Троцкий изображается в качестве машиниста, который мчит к меньшевизму. Пассажиры его поезда – вновь феминизированный Зиновьев⁵⁵ и глядящий в окно Каменев.

Сравнение двух иллюстраций показывает, как поменялось положение оппозиции всего за несколько месяцев: на первой преобладает все же техника нейтрализации, изображающая лидеров оппозиции, включая Троцкого, в виде скромно сидящих пассажиров «поезда», которые хоть и «провинились» перед партией, но все еще являются ее частью, в то время как вторая карикатура артикулирует образ Троцкого-машиниста, ведущего уже свой, сугубо меньшевистский поезд. Так, на примере этих изображений можно проследить переход от использования преимущественно нейтрализации к технике отрицания.

Наглядной демонстрацией структурного насилия, т.е. лишения возможности законным путем обращаться к широким массам, служит инцидент с запрещением публикации «Платформы 13-ти». После этого оппозиционеры начали распространять свою программу нелегально, в том числе с помощью подпольной типографии. Вскоре она была раскрыта ОГПУ, а ее организаторы были обвинены в связях с контрреволюционными силами и подготовке вооруженного переворота⁵⁶. Правда, основой этих обвинений был «врангелевский офицер», оказавшийся в итоге агентом ОГПУ, и некий Тверской, давший сомнительные показания насчет того, что он из третьих уст «под большим секретом» узнал о готовящемся военном заговоре под руководством Троцкого и С.С. Каменева⁵⁷. Карикатуристы, разумеется, не могли обойти стороной такой сюжет (рис. 5): вышеозначенные оппозиционеры, включая еще и К. Радека, изображаются в стенах той самой подпольной типографии. Курьер (возможно, тот самый агент ОГПУ под прикрытием) в своей реплике замечает, что шрифт принес, но «без трех букв только: В, К, П», намекая на изолированность оппозиции от широких партийных масс.

В качестве промежуточного вывода следует отметить, что среди карикатур пока нельзя выделить преобладание техники именно отрицания, так как наравне с дискредитацией путем гротескных изображений встречаются и куда менее жесткие иллюстрации с применением скорее нейтрализации, т.е. понижением в первую очередь политической значимости.

Наконец, в уже упоминавшемся письме В.Г. Фейгина Г.К. Орджоникидзе описывалась царившая на октябрьском Объединенном пленуме ЦК и ЦКК атмосфера: Е. Ярославский успел швырнуть в Троцкого томом контрольных цифр (этим же поступком отметился и Н.М. Шверник), Н.А. Кубяк бросил в него стакан⁵⁸, а Н.И. Муралову так и вовсе пришлось защищать Льва Давидовича, пока один из партийцев «нежно стаскивал» бывшего нарком-военмора с трибуны⁵⁹. Все это вкупе с постоянными оскорблениями в адрес оппозиционеров создавало дополнительный психологический прессинг, в немалой степени склонявший их впоследствии к признанию «вины» перед партией. Примечательно, что уже в самом начале

— Ну, что. Принес шрифт? Все захватил?
— Почти все. Без трех букв только: В, К, П.

Рис. 5. Крокодил. 1927. № 44. С. 4.
В подпольной типографии (рис. К. Елисеева).
— Ну, что. Принес шрифт?! Все захватил?!
— Почти все. Без трех букв только: В, К, П

⁵⁵ Вот уже как минимум на трех карикатурах К. Елисеева заметна феминизация Г. Зиновьева. Поэтому в какой-то степени такой способ изображения можно назвать его авторским стилем.

⁵⁶ Панин Е.Л. Методы внутрипартийной борьбы в СССР в середине 1920-х гг. // Наука без границ: Исторические науки. 2017. № 5 (10). С. 100–101.

⁵⁷ Коммунистическая оппозиция в СССР... С. 190–195.

⁵⁸ Там же. С. 232.

⁵⁹ Большевистское руководство. Переписка... С. 356.

заседания речь Троцкого была прервана, а затем изъята из стенограммы⁶⁰, что является очевидным элементом техники отрицания, а сам Объединенный пленум в этом случае выступает агентом структурного насилия. А выкрики представителей фракции большинства демонстрируют, как одна лишь персоналия Льва Давидовича даже без упоминания «перманентной революции» или же его меньшевистского прошлого артикулируется в качестве синонима всех пагубных тенденций партийного развития: во время реплик Евдокимова по поводу рационализации производства⁶¹ и насчет крестьянского вопроса⁶² из зала доносится идентичная фраза «До чего Троцкий довел!». Обращают на себя внимание и реплики Калинина, в очередной раз подчеркивающие восприятие именно Троцкого в качестве «вдохновителя» и идейного лидера оппозиции: «идущие в хвосте» Льва Давидовича партийцы уже одним этим фактом «лучше всего себя характеризуют». Отрицание усиливается уже традиционными замечаниями о переходе с позиций «ленинских» (т.е. отход от поддержки «нас» – фракции большинства) на «троцкистские» («они» – оппозиционеры, партийные «раскольники»)⁶³. Интересно в этом контексте, как Калинин использует фигуру Троцкого для отрицания уже Каменева и Зиновьева: теперь в их речах уже не слышно «наших старых друзей-большевиков», отныне в них «гремит Троцкий»⁶⁴. То есть описанная выше бинарная оппозиция «мы» и «они» дополнительно усиливается конструированием исторического разрыва: «большевики» раньше и «троцкисты» теперь.

Итак, по вопросу о возможных причинах поражения Л.Д. Троцкого высказываются самые разные мнения, подчас классифицирующие их на объективные (оформление ВКП(б) во все более мощную политическую структуру, нуждающуюся в прагматическом диктаторе) и субъективные (его стремление следовать «правилам игры», меньшевизм и полемические баталии с Лениным в прошлом, высокомерие и чувство личного превосходства – все это обычно противопоставляется «большевистской скромности» и кадровой расчетливости Сталина)⁶⁵. Методы, предложенные в этой статье, позволяют объединить анализ процесса всестороннего задействования пропагандистского аппарата в целях легитимации решения фракции большинства с рассмотрением адаптивной⁶⁶, во многом защитной стороны забвения⁶⁷, связанной уже в немалой степени с феноменом конформизма. При этом автор осознает, что выработанный инструментарий нуждается в дальнейшем уточнении и эмпирическом подтверждении.

Если Объединенный пленум ЦК и ЦКК, заседавший с 29 июля по 9 августа 1927 г., все же снял с повестки обсуждения вопрос об исключении Л.Д. Троцкого и Г.Е. Зиновьева из ЦК, ограничившись предупреждением и строгим выговором⁶⁸, то события октября и ноября демонстрируют усиление партийного авторитета Сталина, пусть и с учетом сохранения некоторых традиций коллективного руководства⁶⁹. Масштабы привлеченного фракцией большинства административного ресурса и методы его практического применения становятся кульминационной точкой в процессе постепенного перехода именно к элементам «карающего» забвения, которые с течением времени вытесняют форму «селективного» забвения, т.е. вполне естественного для любого общества «филтра», отсеивающего одни воспоминания и сохраняющего другие⁷⁰.

⁶⁰ Объединенный пленум ЦК и ЦКК ВКП(б)... С. 24–25.

⁶¹ Там же. С. 42.

⁶² Там же. С. 87.

⁶³ Там же. С. 75–76.

⁶⁴ Там же. С. 189.

⁶⁵ Чернявский Г. Лев Троцкий. М., 2010. С. 434–436.

⁶⁶ Эта мысль высказывается П. Коннертоном при описании «забвения как униженного молчания»: табуирование воспоминаний о каком-либо событии в прошлом является «формой выживания» в настоящем. Правда, такое замечание можно экстраполировать и на «репрессивное стирание», вынуждающее людей придерживаться лишь одной интерпретации минувшего.

⁶⁷ Erdeylyi M. H Forgetting and remembering in psychology... P. 275.

⁶⁸ Апельков Д.И. Внутриполитическая борьба в РКП(б) – ВКП(б) (1920-е – начало 1930-х гг.): дис. ... канд. ист. наук. М., 2017. С. 106.

⁶⁹ Там же. С. 115–16.

⁷⁰ Ассман А. Забвение истории – одержимость историей... С. 39.

Литература

Апальков Д.И. Внутриполитическая борьба в РКП(б)–ВКП(б) (1920-е – начало 1930-х гг.): дис. ... канд. ист. наук. М., 2017. 206 с.

Ассман А. Забвение истории – одержимость историей / сост., пер. с нем. Б. Хлебникова. М.: Новое литературное обозрение, 2019. 552 с.

Большевистское руководство. Переписка. 1912–1927: сб. док-тов / сост.: А.В. Квашонкин, О.В. Хлевнюк, Л.П. Кошелева, Л.А. Роговая. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1996. 423 с.

Коммунистическая оппозиция в СССР. 1923–1927 / сост. Ю. Фельштинский. Benson: Chalidze Publications, 1988. Т 4: 1927. 280 с.

Объединенный пленум ЦК и ЦКК ВКП(б) 21–23 октября 1927 г. Документы и материалы / сост. И.И. Кудрявцев. М., 2018. 471 с.

Павлюченков С.А. «Орден меченосцев». Партия и власть после революции. 1917–1929. М., 2008. 463 с.

Панин Е.Л. Методы внутрипартийной борьбы в СССР в середине 1920-х гг. // Наука без границ: Исторические науки. 2017. № 5 (10). С. 99–102.

Резник А.В. Введение // Л.Д. Троцкий: pro et contra, антология. 2-е изд. СПб., 2016. С. 7–40.

Серж В. От революции к тоталитаризму: Воспоминания революционера / пер. с франц. Ю.В. Гусевой, В.А. Бабинцева. М.: Праксис; Оренбург: Оренбургская книга, 2001. 696 с.

Ван Дейк Т.А. Дискурс и власть: Репрезентация доминирования в языке и коммуникации / пер. с англ. М.: ЛИБРОКОМ, 2013. 344 с.

Троцкий Л.Д. Моя жизнь. Т. 2. Берлин, 1930. 337 с.

Фельштинский Ю.Г., Чернявский Г.И. Лев Троцкий. Книга третья. Оппозиционер. 1923–1929 гг. М., 2013. 464 с.

Чернявский Г. Лев Троцкий. М.: Молодая гвардия, 2010. 665 с.

Шубин А.В. Вожди и заговорщики: политическая борьба в СССР в 1920–1930-х годах. М.: Вече, 2004. 400 с.

Юрганов А.Л. Иллюстрация единства партии в журнале «Крокодил» в контексте борьбы за власть в середине 20-х годов XX в. // Вестник РГГУ: Литературоведение. Языкознание. Культурология. 2020. № 10. С. 135–145.

Юрганов А.Л. О первом опыте политического зомбирования в сатирическом журнале «Крокодил». Август 1927 // Россия XXI. Ярлыки и мифы. 2020. № 6. С. 100–113.

Connerton P. Seven types of forgetting // *Memory studies*. 2008. Vol. 1 (1). P. 59–71.

Connerton P. The spirit of mourning: history, memory and the body // *Seven types of forgetting*. 2011. Pp. 33–51.

Erdeylyi M.H. Forgetting and remembering in psychology: Commentary on Paul Connerton's "Seven Types of Forgetting" // *Memory studies*. 2008. Vol. 1 (3). P. 273–278.

Schacter D. The seven sins of memory: how the mind forgets and remembers. Boston, 2001. 272 p.

References

Apal'kov, D.I. (2017). *Vnutripoliticheskaya bor'ba v RKP(b) – VKP(b) (1920-e – nachalo 1930-h gg.)* [Internal Political Struggle in the RCP(b) – VKP(b) (1920s – Early 1930s)] Cand. hist. sci. dis. Moscow. 206 p.

Assman, A. (2019). *Zabvenie istorii – oderzhimost' istoriey* [Forgetting History – Obsession with History]. Moscow, *Novoe literaturnoe obozrenie*. 552 p.

Chernyavskiy, G. (2010). *Lev Trocki* [Leon Trotsky]. Moscow, *Molodaya Gvardiya*. 665 p.

Connerton, P. (2008). Seven types of forgetting. In *Memory studies*. Vol. 1 (1), pp. 59–71.

Connerton, P. (2011). The Spirit of Mourning: History, Memory and the Body. In *Seven Types of Forgetting*, pp. 33–51.

Erdeylii, M.H. (2008). Forgetting and remembering in psychology: Commentary on Paul Connerton's "Seven Types of Forgetting". In *Memory studies*. Vol. 1 (3), pp. 273–278.

Fel'shtinskiy, Yu. (1988). *Kommunisticheskaya oppozitsiya v SSSR* [Communist Opposition in the USSR]. Vol. 4 (1923–1927). Benson (Vt.), Chalidze Publ. 280 p.

Fel'shtinskiy, Yu.G., Chernyavskiy, G.I. (2013). *Lev Trockiy. Kniga tret'ya. Oppozicioner. 1923–1929 gg.* [Lev Trotsky. Book Three. Oppositionalist. 1923–1929]. Moscow. 464 p.

Kudryavcev, I.I. (Comp.). (2018). *Ob'edinenny plenum TsK i TsKK VKP(b) 21–23 oktyabrya 1927 g. Dokumenty i materialy* [Joint Plenum of the Central Committee and Central Control Commission of the VKP(b) on October 21–23. Documents and materials]. Moscow. 471 p.

Kvashonkin, A.V., Khlevnyuk, O.V., Kosheleva, L.P., Rogovaya, L.A. (Comp.). (1996). *Bol'shevistskoe rukovodstvo. Perepiska. 1912–1927. Sbornik dokumentov* [Bolshevik leadership. Correspondence. 1912–1927. Collection of documents]. Moscow, Rossiyskaya politicheskaya enciklopediya (ROSSPEN). 423 p.

Panin, E.L. (2017). *Metody vnutripartiynoy bor'by v SSSR v seredine 1920-h gg.* [Methods of Inner-Party Struggle in the USSR in the Mid-1920s]. In *Nauka bez granic: Istoricheskie nauki*. No. 5 (10), pp. 99–102.

Pavlyuchenkov, S.A. (2008). "Orden mechenoscev". *Partiya i vlast' posle revolyutsii. 1917–1929* ["The Order of the Swordsmen". Party and Power after the Revolution. 1917–1929]. Moscow. 463 p.

Reznik, A.V. (2016). *Vvedenie* [Introduction]. In *L.D. Trockiy: pro et contra, antologiya. 2-e izd.* St. Petersburg, pp. 7–40.

Schacter, D. (2001). *The seven sins of memory: how the mind forgets and remembers*. Boston. 272 p.

Serzh, V. (2001). *Ot revolyutsii k totalitarizmu: Vospominaniya revolyutsionera* [From Revolution to Totalitarianism: Memories of Revolutionary]. Moscow, Praksis, Orenburg, Orenburgskaya kniga. 696 p.

Shubin, A.V. (2004). *Vozhdi i zagovorshchiki: politicheskaya bor'ba v SSSR v 1920–1930-kh godakh.* [Leaders and Conspirators: Political Struggle in the USSR in the 1920s and 1930s]. Moscow, Veche. 400 p.

Trockiy, L.D. (1930). *Moya zhizn'* [My Life]. Vol. 2. Berlin. 337 p.

Van Deyk, T.A. (2013). *Diskurs i vlast': Reprezentatsiya dominirovaniya v yazyke i kommunikatsii* [Discourse and Power: Representations of Dominance in Language and Communication]. Moscow, LIBROKOM. 344 p.

Yurganov, A.L. (2020). *Illyustratsiya edinstva partii v zhurnale "Krokodil" v kontekste bor'by za vlast' v seredine 20-h godov XX v.* [Illustration of Party Unity in the Magazine "Crocodile" in the Context of the Struggle for Power in the Mid-20s]. In *Vestnik RGGU: Literaturovedenie. Yazykoznanie. Kul'turologiya*. No. 10, pp. 135–145.

Yurganov, A.L. (2020). *O pervom opyte politicheskogo zombirovaniya v satiricheskom zhurnale "Krokodil". Avgust 1927* [On the First Experience of Political Zombification in the Satirical Magazine Crocodile. August 1927]. In *Rossiya XXI. Yarlyki i mify*. No. 6, pp. 100–113.

Статья поступила в редакцию 01.12.2021 г.

С.А. Папков*

S.A. Papkov*

**Вивиан Итин на партийной чистке
1929 года: очередной шаг к гибели**

doi:10.31518/2618-9100-2022-1-9

УДК 343.43(571.1/5)“1929”

Выходные данные для цитирования:

Папков С.А. Вивиан Итин на партийной чистке 1929 года: очередной шаг к гибели // Исторический курьер. 2022. № 1 (21). С. 89–97. URL: <http://istkurier.ru/data/2022/ISTKURIER-2022-1-09.pdf>

**Vivian Itin during the Party Purge of
1929: Another Step Towards Ruin**

doi:10.31518/2618-9100-2022-1-9

How to cite:

Papkov S.A. Vivian Itin during the Party Purge of 1929: Another Step Towards Ruin // Historical Courier, 2022, No. 1 (21), pp. 89–97. [Available online: <http://istkurier.ru/data/2022/ISTKURIER-2022-1-09.pdf>]

Abstract. The publication describes events in the life of the famous Siberian poet and writer, editor-in-chief of the magazine “Sibirskiye Ognī” V.A. Itin. This public figure accepted the Bolshevik regime during the Civil War, but eventually became its victim. The article considers such episode in the writer’s career as the party purge of 1929 and its consequences. The main features of Itin’s stay in the ranks of the CPSU(b) and the ideological and political claims to him in party circles are elucidated. We reproduce previously unknown fragments of the writer’s written appeals to the organizers of the purge, demonstrating his fundamental disagreements with the party environment and attempts to defend himself from unjust accusations. The purge of 1929 became an important phase in the personal life of the writer, as it provided significant compromising material for the final reprisal against him in 1937–1938. The publication contains new information about the life path of V.I. Itin as a representative of the first generation of Soviet cultural figures in Siberia. The text also vividly characterizes the features of social and political life in Soviet Russia at the turn of the 1920s–1930s.

Keywords: Vivian Itin, fiction and poetry, Siberia, American mission, party purge, NKVD.

The article has been received by the editor on 01.12.2021.

Full text of the article in Russian and references in English are available below.

Аннотация. В публикации реконструируются события из жизни известного сибирского поэта и писателя, главного редактора журнала «Сибирские огни» В.А. Итина, принявшего большевистский режим в период Гражданской войны и ставший в итоге его жертвой. В деталях рассматривается такой эпизод в карьере писателя, как партийная чистка 1929 г. и ее последствия. Выясняются основные особенности пребывания Итина в рядах ВКП(б) и идейно-политические претензии к нему в партийных кругах. Воспроизводятся неизвестные ранее фрагменты письменных обращений писателя к организаторам чистки, демонстрирующие его принципиальные расхождения с партийным окружением и попытки защититься от несправедливых обвинений. Чистка 1929 г. предстает как важная фаза в личной судьбе литератора, в ходе которой был подготовлен значительный компрометирующий материал для окончательной расправы с ним в период 1937–1938 гг. Содержание публикации предлагает новые сведения о жизненном пути В.И. Итина – представителя первого поколения советских творческих деятелей Сибири. Вместе с тем это служит также иллюстрацией особенностей общественно-политической жизни в советской России на рубеже 1920–1930-х гг.

Ключевые слова: Вивиан Итин, литература, Сибирь, американская миссия, партийная чистка, НКВД.

* Папков Сергей Андреевич, доктор исторических наук, Институт истории Сибирского отделения Российской академии наук, Новосибирск, Россия, e-mail: spapkov@yandex.ru

Papkov Sergey Andreevich, Doctor of Historical Sciences, Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russia, e-mail: spapkov@yandex.ru

Писатель и поэт Вивиан Азарьевич Итин оставил заметный след в литературной и общественной жизни России и Сибири первых десятилетий XX в. Творчество и личная судьба этого человека, отразившие многие черты революционной и постреволюционной эпохи, довольно глубоко исследованы в современной историографии¹. Подробно описаны основные события, повлиявшие на жизнь и творчество писателя, оценен его вклад в развитие отечественной литературы, прерванный гибелью в застенках НКВД подобно многим его коллегам эпохи 1920–1930-х гг. Между тем круг публикаций продолжает расширяться, появляются новые архивные материалы о личности Вивиана Итина, открываются уточняющие сведения о драматических эпизодах его судьбы в период жизни в Сибири.

Новые документы, о которых идет речь в данной публикации, представляют собой материалы партийной чистки лета 1929 г., где Итину, как и другим членам ВКП(б), пришлось пройти унижительную процедуру своеобразного следствия, давая подробные показания о своих убеждениях и «сомнительных поступках» в прошлом. Эти материалы интересны не только как яркая иллюстрация новых аспектов биографии писателя. Их содержание отражает также важную сторону внутренней жизни Коммунистической партии, члены которой заняты систематическим выяснением отношений друг с другом и поисками «компрометирующих фактов» в биографии однопартийцев. Итину также пришлось пережить цикл подобных чисток в 1921, 1925 и 1929 гг., пройдя процедуру исключения, а затем восстановления в партии, получив при этом серию взысканий за «нарушение партдисциплины» и «отрыв от массы трудящихся».

Партийная чистка в июле 1929 г. стала для писателя очередным серьезным морально-психологическим испытанием. В этот период он – уже известный литератор и общественный деятель в Сибири, руководитель краевого Союза писателей со 150 членами², а также ответственный секретарь и редактор журнала «Сибирские огни», состоящий на партучете при отделении Госиздата (КОГИЗ) в Новосибирске. 18 июля Вивиан Итин предстал перед специальной комиссией, чтобы дать подробный отчет о своей деятельности в интересах советской власти и партии, принявшей его в свои ряды в августе 1920 г. Комиссия состояла из трех человек. В качестве наблюдателей присутствовали также члены ряда партийных и комсомольских ячеек (30 человек) и четверо беспартийных. Председателем комиссии был старый коммунист, член РСДРП с 1905 г., он же прокурор Сибкрая – Д.А. Лисин³.

Очередь Итина «держать ответ перед партией» подошла к пятому заседанию комиссии 18 июля 1929 г. Материалы о писателе докладывал секретарь партячейки, недавний рабочий П.П. Шелехов⁴. Речь этого человека, а за ним и остальных участников обсуждения,

¹ Коптелов А.Л. Вивиан Итин // Минувшее и близкое. Новосибирск, 1972; Мостков Ю.М. Путь Вивиана Итина // Портреты. Новосибирск, 1981. С. 3–73; Очерки русской литературы Сибири: в 2 т. Новосибирск, 1982. Т. 2; Прашкевич Г. Вивиан Азарьевич Итин // Полдень. XXI век. 2007. Май. С. 131–145; Тепляков А.Г. «Я не чиновник и не трус»: судьба Вивиана Итина // Власть и общество в Сибири в XX веке: сб. науч. ст. Вып. 6. Новосибирск, 2015. С. 181–208; Яранцев В. Вивиан Итин. Гражданин Страны Гонгури: Петербургское повествование. Новосибирск, 2018; и др.

² Советская Сибирь. 1929. 27 декабря.

³ Лисин Дмитрий Андреевич – рабочий, образование низшее, член ВКП(б) с 1918 г. (с 1905 – в РСДРП). С 1918 – ответ. работник партийных и советских организаций. В 1920-е – пред. Барнаульского окрсуда, 1-й зам., и.о. прокурора Сибкрая. 1929–1930 – прокурор Омского округа. С 12.1931 – зам. прокурора Запсибкрая, прокурор Тарского округа. В 1937 – врио прокурора Омской обл. 1939–1944 – пред. Омского обл. промсовета, зам. упр-щего «Обьлестреста», пред. Омского обл. профсоюза работников леса и сплава. 1944–1951 – директор магазина «Ювелирторг» (Омск). Умер 14.07.1951 (Государственный архив Новосибирской области (ГАО). Ф. П-2. Оп. 2. Д. 3893; Сов. Сибирь. 1928. 13 июля; Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. А 539. Оп. 1. Д. 3222).

⁴ Шелехов Петр Петрович – рабочий, образование низшее, член ВКП(б) с октября 1917 г., в 1929 заведовал новосибирским городским отделом «Книгоцентр». С 1935 – зам. управляющего краевым отделением Госиздата. В 1941 г. – управляющий краевой конторой КОГИЗ в Барнауле. 21.07.1941 арестован, приговорен

свидетельствовала о тяжелой и напряженной атмосфере, так как судьбу писателя решали в основном люди совершенно далекие от литературы и какого-либо творчества вообще. Противоположные стороны, по сути, вели разговор на разных языках. Персона писателя была представлена в виде абсолютно чуждого и случайного человека в партии. Секретарь партячейки сказал, что Итин плохо исполнял долг коммуниста: редко посещал собрания, не платил вовремя взносы, не выполнял даже небольшие задания ячейки и за это получил ряд выговоров. «Мне кажется, – сказал секретарь, – Итин случайно попал в водоворот революции. Он скорее попутчик партии, так как работает замкнуто. Несмотря на продолжительный срок пребывания в коллективе Крайиздата, он не знает его». В конечном счете секретарь проявил снисхождение и предложил не применять крайней меры, отметив: «Однако как литератор, он выполняет большую работу, поэтому надо указать ему на все недочеты, но в партии оставить».⁵

Нападки на Итина продолжил инспектор КрайОНО В.П. Теряев⁶. Отметив, что в литературной деятельности писателя «не совсем ярко выражено лицо коммуниста», он установил: «Мне кажется, что у тов. Итина барское отношение к партии. К собраниям он относится спустя рукава, выговоры ячейки называет “махаевским настроением”⁷». Его конкретной работы по ячейке не видно».

Аналогичное мнение поддержал и некий Воробьев. Этот выступающий обратился к «истокам» мировоззрения писателя и его «ошибок». «Тов. Итин не имеет своего лица, – сказал он. – Идет туда, куда его позовут. Он марксист, но не верит в благополучный исход революции. Сейчас же он изменил свой взгляд или все еще не верит в силы рабочего класса и смотрит как наблюдатель, иногда с писательским любопытством. [...] До сего времени он с партией не сроднился, не сжился. [...] Не видно, какую борьбу он ведет с правым уклоном...».

Из числа литераторов с развернутой критикой, направленной все же в большей степени на защиту коллеги, выступила сотрудница «Сибирских огней» Надежда Чертова. Свою речь она начала с «общих задач» партии в области литературы, а затем затронула такую «болезненную» для многих тему, как писательские гонорары. «Коммунистов писателей у нас очень мало, – сказала она. – Писательская среда еще сохранилась и не может не влиять на писателей. [Она полагала, очевидно, что «писательская среда» как сфера интеллектуальной жизни должна была вскоре исчезнуть. – С. П.]. Задачи писателя в настоящий момент огромны, ему самому надо учиться и учить, воспитывать молодежь. Работая оторванно от партии и находясь в писательской среде, он иногда скатывается идеологически и в бытовом отношении. Так, например, писательница Караваева⁸ покупает себе дом. А 20 000 гонорара, которые получает Гладков за издание, не могут не повлиять на психику этого литератора. У тов. Итина таких отклонений не наблюдается. Здесь налицо какое-то отчуждение, отрыв от партии. Этот отрыв может быть объясним большой нагрузкой писательской работой.

Особым совещанием при НКВД СССР 23.05.1942 к 8 годам ИТЛ за «антисоветскую деятельность». Реабилитирован в 1955 г. (ГАО. Ф. П-3. Оп. 15. Д. 19550; Жертвы политических репрессий в Алтайском крае. Т. 5. Барнаул, 2005. С. 346).

⁵ ГАО. Ф-П. 20. Оп. 1. Д. 255. Л. 25.

⁶ Теряев Владимир Прокопьевич – из крестьян, образование – 2 курса политехнич. ин-та, член ВКП(б) с 1925 г. В 1920-е гг. – инспектор ОНО Сиб. крайисполкома, зав. школьным отделом крайкома ВЛКСМ и инструктор школ рабочей молодежи. В 1932 г. заведовал КрайОНО в Новосибирске. В 1932–1936 – директор педагогического ин-та в г. Ворошиловске (Ставрополь). В сентябре 1936 г. арестован по обвинению в к.р. деятельности, приговорен к 3 годам ИТЛ (ГАО. Ф. П-2. Оп. 3. Д. 801; П-6. Оп. 4. Д. 35; П-3. Оп. 15. Д. 17138; Открытый список [Электронный ресурс]. URL: [https://ru.openlist.wiki/Теряев_Владимир_Прокофьевич_\(1902\)](https://ru.openlist.wiki/Теряев_Владимир_Прокофьевич_(1902)) (дата обращения: 20.11.2021).

⁷ «Махаевщина» – анархическое течение в российском революционном движении, возникло в конце XIX в., названо по имени лидера В.К. Махайского, последователи которого считали интеллигенцию паразитическим классом.

⁸ Караваева Анна Александровна (1893–1979) – советская писательница, редактор. С 1920 г. жила на Алтае, преподавала в совпартшколе Барнаула. С 1928 г. – в Москве. В 1931–1938 гг. – отв. редактор журнала «Молодая гвардия», автор ряда художественных произведений.

В настоящий момент тов. Итин проделявает большую работу как редактор журнала, выправляя его в идеологическом отношении, одновременно делая его массовым журналом, охватывающим все вопросы текущего дня. В этом большая заслуга Итина, в этом основное выполнение директив партии. [...] Тематика тов. Итина своеобразна. Нельзя поэтому требовать от писателя невозможного: он писатель-интеллигент и подделываться под рабочего-писателя не будет. Творчество Итина так же нужно, как и творчество рабочего-писателя. Мне кажется, учтя такое большое значение той работы, которую проводит тов. Итин по журналу, и отсутствие таких людей в нашей партии, его надо оставить, тем более что и руководящие органы признают линию его работы правильной и полезной».⁹

Дальнейшее обсуждение личности писателя протекало в такой же тональности. Выступивший член партячейки Поздняков посчитал необходимым указать, что «тов. Итин мало сделал для организации кружка стенкоров при нашем коллективе» и что «участие его в подготовке писателя-низовика никак не выражается».

Другой выступавший, Федоров, напротив, пытался приглушить критику в адрес литератора и приводил смягчающие аргументы: «Я оцениваю тов. Итина как руководителя журнала “Сибирские огни”. Получив тяжелое наследство, он начинает налаживать дело, выполняя директивы партии. Он совершенно чужд правого уклона. Все недостатки его личной и общественной жизни объясняются его воспитанием: он жертва воспитания. Партия, по-моему, сейчас недостаточно уделяет ему внимание в его работе. Мы ведем разговор о нем тогда, когда надо как будто выкинуть его [из партии], а до этого нами ничего не сделано»¹⁰.

Наибольшее возбуждение участников чистки вызывал вопрос о «компрометирующих фактах» из прошлого Итина – о его работе переводчиком в американской миссии в период Гражданской войны. Об этом говорил едва ли не каждый из выступающих, хотя писатель ранее неоднократно давал объяснения на этот счет. Однако и теперь этот эпизод рисовался присутствующим как акт измены пролетариату и сотрудничества с интервентами. Особенно настойчивы были те, кто об этом услышал впервые и поэтому они требовали отчета. «Для меня все-таки не ясна работа тов. Итина в американском информационном бюро... – говорил член партячейки Колодин. – Очевидно, он и сам чувствует, что это темное место. Вот почему он сам не пошел в партию, а ждал приглашения. Находясь в партии, он как будто не чувствует себя членом партии».

Участник собрания по фамилии Ткачук высказался еще суровее. Он объявил, что деятельность американского отделения «Союза христианской молодежи», с которой сотрудничал Итин, «носила контрреволюционный характер», из чего следовало заключить, что и те, кто служил в ее составе, – люди того же сорта.

Итоги дискуссии подвел председатель комиссии Лисин. Его оценка «политического лица» Итина звучала особенно зловеще. Лисин согласился с тем, что писатель «движется по течению» и что его пребывание в партии оставляет большие сомнения. «Итин – человек беспринципный, – заявил прокурор. – Он служит там, куда его пошлют. Служил в [американской] миссии, пришла советская власть – почему и тут не послужить. Он борется с правым уклоном, потому что ему сказали об этом. Во всех его действиях нет большевистской линии. Он высококвалифицированный, но партия [якобы] не позаботилась о нем. [...] Бросить партии упрек о том, что она не позаботилась об этом, неверно. Что сам Итин сделал для того, чтобы покончить со своим прошлым?». Завершил Лисин тем, что повторил уже прозвучавшие обвинения: «все еще не ясен вопрос о его работе в миссии» и у аттестуемого «барское отношение к партии»¹¹.

Последствия чистки были очевидны: наступила эпоха полного размежевания партии с разного рода «попутчиками», и Итину предстояло на себе испытать все свойства новой политической линии. Даже после девяти лет пребывания в партии его положение в больше-

⁹ ГАНО. Ф. П-20. Оп. 1. Д. 255. Л. 25 об.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же. Л. 25 об. – 27.

вистской системе оставалось крайне неустойчивым: оказалось невозможным скрывать несовпадение основных ценностей, выражаемых такими понятиями, как «свобода творчества», «независимые взгляды» и «личная позиция». И те глубинные противоречия, которые ментально разделяли интеллигенцию старой школы и носителей новой власти, неизменно всплывали наружу при всякого рода «чистках». В конце заседания Итину предоставили слово для краткого ответа на претензии, но звание «чужака» пока еще полезного для партии стало уже для него несмыслаемым клеймом.

По завершении работы комиссия вынесла вердикт, в котором все прошлые «ошибки» и «нарушения дисциплины» признавались как основание для исключения из ВКП(б), но так как писатель «встал на путь исправления», партия его прощает и дает новый шанс послужить ее интересам: «...Учитывая то обстоятельство, что тов. Итин за последнее время... проделал значительную работу по исправлению идеологической работы журнала “Сибирские огни”, принял активное участие по проведению постановлений Сибкрайкома по вопросам борьбы с правым уклоном, имевшим место в журнале “Сибирские огни”, и что тов. Итин при улучшении условий работы в партийной ячейке, членом которой он состоит, а до сего времени ячейка недостаточно чутко отнеслась к тов. Итину, не учла особенной обстановки в его работе как писателя, – он сможет принести пользу. Проверочная Комиссия считает возможным оставить его в рядах партии. Проверку считать прошедшей. За службу в американской миссии и Красном Кресте в качестве переводчика-информатора, отрыв от партии, нарушение профсоюзной и партийной дисциплины объявить строгий выговор с предупреждением»¹².

Итин был категорически не согласен. По окончании чистки он написал подробное заявление в комиссию, попытавшись опровергнуть выданные ему ярлыки и обвинения. Его обращение, полное возмущения и обиды за несправедливые оценки, вместило все, что он уже говорил и что не успел выразить публично. Он писал¹³:

«Мне вменяется в вину: 1) служба в американской миссии (Христианского Союза молодых людей и Красного Креста в 1918–1919 гг.) и 2) отрыв от партии, имевший место более года тому назад.

I) В отношении первого пункта прошу принять во внимание следующее. Работа моя в миссии в качестве переводчика всегда была известна партии. При моем поступлении в партию и при чистке 21 года это обстоятельство не играло никакой роли, не вменялось мне в вину. Во время проверки 1925 года я был исключен, но постановление это было отменено СибКК (без всякого взыскания). Характер моей работы в миссии был тщательно проверен.

Комиссия по партчистке при ячейке СибОНО, где я проверялся досрочно ввиду отъезда, проявила к данной мною характеристике работы американской миссии при Колчаке незаслуженное мной недоверие. Я говорил, что был переводчиком, меня называли “осведомителем”. Я говорил, что миссия (частная благотворительная организация) не сумела спеться с колчаковской военщиной, фактически ей вредила и подвергалась травле [в] колчаковской печати. В постановлении же комиссии подчеркнуто, что Христианский Союз молодых людей и американский Красный Крест (в последнем я работал не больше 2-х месяцев) являлись “представительством” интервентов при Колчаке. Это неверно. Роль государственного представителя от С.Ш. при Колчаке исполнял “генеральный консул”. К нему я не имел никакого отношения. С Х.С.М.Л. Колчак даже не желал разговаривать. Я подчеркивал, что мне было хорошо известно, что по существу Х.С.М.Л. есть реакционнейшая организация, но в конкретных условиях колчаковщины роль его была именно такая, как я говорил. В миссии я скрывался от колчаковщины, а не служил.

II) Временный отрыв от коллектива Сибкрайиздата действительно был. После проверки 1925 года я ушел со службы в Сибкрайиздате (в то время, когда был исключен из рядов ВКП(б)) и в течение 3-х лет жил на литературный заработок. В это время я надолго уезжал (в экспедиции). Поэтому считаю, что проделал значительную работу в ячейке парохода

¹² ГАНО. Ф. П-20. Оп. 1. Д. 255. Л. 26.

¹³ Там же. Л. 74–77.

“Север”, на котором пробыл 3½ месяца, работая среди матросов. Партколлектив Сибкрайиздата, мецанский по составу, застывший на одном уровне развития, меня отталкивал. К этому надо прибавить хроническую болезнь, лишившую меня периодически возможности говорить. С меня требовали врачебных удостоверений. В результате – три выговора. Положение изменилось, когда после назначения меня Сибкрайкомом основным работником в ред. “Сибирских огней” я снова стал служить в Сибкрайиздате. Тов. Шелехов, секретарь ячейки Сибкрайиздата, удостоверил на заседании во время чистки, что от партобязанностей я “не уклоняюсь”. В ячейке я работаю, как и все другие. Я хотел бы сделать больше, но времени для этого не хватает. Моя “нагрузка” двойная. Я – редактор большого журнала и в то же время писатель и руководитель писательскими организациями в Сибири. Более подробно о характере моей партработы в Сибирском Союзе Писателей прошу узнать из справки фракции С.С.П., имеющейся в делах Комиссии. [...]

На основании изложенного прошу окрКК изменить формулировку первой части постановления Комиссии и обсудить вопрос о размере наложенного на меня партвзыскания».

В тот же день, 18 июля, Итин передал в комиссию по чистке еще одно заявление, изложив новые аргументы против вынесенного решения. Он опять и опять объяснял свою роль в американской миссии, обстоятельства вступления в партию в 1920 г. и свою активную позицию большевика – борца за справедливую народную власть. «Считаю необходимым опровергнуть еще одно тяжкое обвинение, о котором не мог сказать вследствие недостатка времени. Меня попытались охарактеризовать как слизняк-интеллигента, “плывущего по течению”. Это означает обвинение в оппортунизме, приспособленчестве. Факты: в 1917 году, после октября, для меня, выходца из буржуазного студенчества, “плыть по течению” означало бы немедленно уехать из Петрограда [в тексте: Ленинграда. – С. П.] (университет был закрыт) и разделить участь всего уфимского студенчества¹⁴, отличавшегося на белогвардейском фронте. Я буквально в числе единиц сразу остался работать в пустых советских комиссариатах. Я шел “против течения”, повинаясь своим политическим убеждениям. В Ленинграде был голод, в Уфе – жирная жизнь.

В 1918 году, когда я очутился в Уфе, у чехов, “плыть по течению” для меня означало бы “устроиться”, используя влияние отца, в одном из учреждений на “тепленькое” место. Я ушел в вагон “американской лавочки”. Я утверждаю, что для меня это была эмиграция, способ уйти от белогвардейщины – больше ничего. Работу миссии я охарактеризовал достаточно: буржуазная демократическая организация не сумела спеться с колчаковщиной и фактически вредила ей.

В 1919 году всем переводчикам, работавшим у американцев, была предоставлена возможность уехать в С.Ш. Почти все и уехали. Я остался в Красноярске, потому что там образовалась советская власть. Я говорил об этом подробно. Мне “вменяли в вину” даже то обстоятельство, что меня в 1920 г. “позвали в партию” и я таким образом опять “плыл по течению”. В партию я хотел вступить в 1918 г. вместе с профессором Рейснером¹⁵ и рядом других сотрудников НКЮ. Мы намеревались подать коллективное заявление. Я уехал в отпуск. В 1920 году, после службы у американцев, характер которой до сих пор не ясен многим партийцам, я не мог сразу, не доказав партии работой, кто я, вступить в партию. Меня позвали (а не “втягивали”). Я обрадовался и сразу вступил в ряды РКП. Ячейка предлагала принять меня без стажа. Мне дали стаж 3 м[есяца]. В 1920 г. “слизняк-интеллигент” Итин подписывал смертные приговоры белогвардейцам¹⁶.

¹⁴ Уфа – родной город В. Итина, в этот период там жили его родители.

¹⁵ Рейснер Михаил Андреевич (1868–1928) – ученый-юрист, публицист, историк. Революционер. После Октябрьской революции 1917 г. – профессор Петроградского университета, участвовал в разработке первой советской Конституции; один из основателей Коммунистической академии. Дочь проф. Рейснера Лариса была невестой В. Итина в студенческий период.

¹⁶ С декабря 1920 г. по июль 1921 г. Итин исполнял обязанности заведующего губюстом и члена коллегии ГубЧК в Красноярске.

Категорически отрицаю какое-либо шатание и приспособленчество в литературной области. Еще в 1920 году я писал в “Красноярском Рабочем” статьи, в которых (“против течения”) защищал здоровые стороны Лефа¹⁷, то, что “настоящцы”¹⁸ делают сейчас... В них трудно разобраться т.т., стоящим в стороне от литературной жизни. Выступление т. Теряева в этом отношении безответственно...»¹⁹.

В надежде переломить позицию комиссии Итин привел в свою защиту еще один аргумент – мнение секретаря Сибкрайкома ВКП(б) С.И. Сырцова, в лице которого талантливые литераторы в крае получали поддержку в противостоянии с идеологическими мракобесами. В заявлении он отметил, что, получив от Госиздата предложение переехать в Москву, его вызвал к себе секретарь Сырцов и рекомендовал остаться в Сибири. «Тов. Сырцов заявил, что ему известны махаевские настроения в нашей ячейке. Тов. Сырцов предлагал выкинуть 3–4 человека из ячейки, чтобы обеспечить мне нормальные условия работы. Я ответил, что в этом нет необходимости, что надо лишь сменить партруководство».

В дополнение к прочему Итин открыто указал одного из тех, кого он имел в виду: «Вы сами слышали выступление на собрании т. Прокуророва. Эта партплесень, человек с собственным домиком, заявил, что писатель Итин “пишет потому, что ему нравится получать гонорары”. Только поэтому. Что это – не явный ли отклик “махаевщины”, о которой говорил т. Сырцов?».

Процесс рассмотрения апелляции Итина продолжался до конца 1929 г. уже в отсутствие писателя, убитого в продолжительную научную и творческую экспедицию по Северному морскому пути. Только здесь в 1930 г. по решению ячейки ВКП(б) при Комитете Севморпути выговор был снят²⁰. Но резонанс чистки уже оказывал свое влияние в повседневной жизни писателя. Это можно было понять даже по статье в «Сибирской советской энциклопедии», изданной в 1930 г., где Итину посвящалось несколько строк. Перечислив основные изданные труды литератора, статья пренебрежительно указала также на «характерные недочеты творчества Итина: книжность, суховатость, недостаточная идеологическая четкость»²¹.

Выводы. Чистка 1929 г. стала крупной вехой на пути к трагическому жизненному финалу писателя. Она подготовила значительный объем компрометирующего материала против Итина и создала для него, как человека «чуждой среды», еще большую идеологическую дистанцию с большевистской диктатурой²². И несмотря на дальнейший карьерный рост (переход в 1933 г. на пост ответственного редактора «Сибирских огней»), эта дистанция не становилась меньше, предвещая впереди губительные последствия.

В 1934 г. «идеологические ошибки» Вивиана Азаревича вновь стали для него источником крупных неприятностей. В этот раз причиной послужила публикация в «Сибирских огнях» материалов «враждебного характера». 15 января 1935 г. бюро Запсибкрайкома ВКП(б) вынесло решение, которое по условиям времени выглядело пока еще как проявление «чуткости» и «партийного гуманизма»: Итину «за напечатание ошибочных статей поставить

¹⁷ ЛЕФ – «Левый фронт искусств» – творческое объединение, существовавшее в 1922–1929 гг. В писательской среде «лефовцы» провозглашали идею упразднения традиционной литературы и замену ее «литературой факта».

¹⁸ «Настоящцы» – литературная группа, объединявшаяся вокруг сатирического журнала левого толка «Настоящее», издававшегося в Новосибирске в 1928–1930 гг. Группа прекратила существование и журнал закрыт по решению ЦК ВКП(б) и Сибкрайкома после острых нападок на М. Горького.

¹⁹ ГАО. Ф. П-20. Оп. 1. Д. 255. Л. 75.

²⁰ ГАО. Ф. П-3. Оп. 15. Д. 6594. Л. 4 об.

²¹ Сибирская советская энциклопедия. Т. 2: 3–К. Новосибирск, [1931]. Стлб. 404–405.

²² Для оценки взглядов и характера В.А. Итина стоит принять во внимание высказывание писателя в 1938 г., которое пронесла через годы в своей памяти его дочь Лариса Итина. Она записала: «За несколько дней до ареста отца я зашла, как обычно, в его кабинет. [...] Совершенно неожиданно для меня отец начал рассуждать вслух: “Я бы к ним не присоединился, если бы они не дали все права евреям...”. Это не было понятно девочке в 11 лет, но, я думаю, отец рассчитывал, что я запомню». См.: Итина Л. Поэт, писатель и путешественник // Вестник. 2004. № 5 (342) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.vestnik.com/issues/2004/0303/win/itina.htm> (дата обращения: 28.11.2021).

на вид». Это взыскание было снято в июле 1936 г.²³ До полного краха писателя оставалось немногим более года.

По многим признакам Вивиан Итин был обречен: ряд партийных взысканий, исключение из партии, а затем восстановление и к тому же «непролетарское происхождение» – все это с неизбежностью вело к роковому финалу. К осени 1937-го в управлении НКВД по Запсибкраю был уже накоплен значительный объем компрометирующих сведений на писателя, позволивший начать в партаппарате процедуру окончательной расправы. 11 ноября 1937 г. на основании чекистских материалов Новосибирский горком ВКП(б) исключил Итина из партии. 29 апреля 1938-го он был арестован. Уже на следующий день следствие смогло добиться от него (или фиктивно оформить) признания в шпионаже и затем быстро закончить «дело»²⁴. 17 октября по решению тройки УНКВД по Новосибирской области поэт и писатель Вивиан Итин был приговорен к «высшей мере» и 22 октября расстрелян. Реабилитирован трибуналом Сибирского военного округа в сентябре 1956 г. «за отсутствием состава преступления».

Литература

Горшенин А. Капитаны минувших десятилетий [О главных редакторах журнала «Сибирские огни»] // Сибирские огни. 2012. № 5. С. 166–181.

Итина Л. Поэт, писатель и путешественник // Вестник. 2004. № 5 (342) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.vestnik.com/issues/2004/0303/win/itina.htm> (дата обращения: 28.11.2021).

Коптелов А.Л. Вивиан Итин // Минувшее и близкое. Новосибирск: Западно-Сибирское краевое издательство, 1972. С. 130–156.

Мостков Ю.М. Путь Вивиана Итина // Портреты. Новосибирск, 1981. С. 3–73.

Очерки русской литературы Сибири: в 2 т. / отв. ред. Л.П. Якимова и др. Новосибирск: Наука, 1982. Т. 2. 606 с.

Прашкевич Г. Вивиан Азарьевич Итин // Полдень. XXI век. 2007. Май. С. 131–145.

Самсонов В. Первый советский фантаст // Енисей. 1982. № 1. С. 73–75.

Сибирская советская энциклопедия / под общ. ред. М.К. Азадовского и др. Новосибирск: Западно-Сибирское отделение ОГИЗ, [1931]. Т. 2: 3–К. 1152 стлб.

Тепляков А.Г. «Я не чиновник и не трус»: судьба Вивиана Итина // Власть и общество в Сибири в XX веке: сб. науч. ст. Вып. 6. Новосибирск: Параллель; ИИ СО РАН, 2015. С. 181–208.

Шкурко Э. «Мир, непохожий на действительность, как мысль бессмертная моя...» // Бельские просторы. 2019. № 2. С. 182–188.

Яновский Н.Н. Итин Вивиан Азарьевич // Краткая литературная энциклопедия. Т. 3. М.: Советская энциклопедия, 1966. С. 260.

Яранцев В. Вивиан Итин. Гражданин Страны Гонгури: Петербургское повествование. Новосибирск: РИЦ НПО Союза писателей России, 2018. 420 с.

References

Azadovskiy, M.K., etc. (Eds.). ([1931]). Sibirskaya sovetskaya enciklopediya [Siberian Soviet Encyclopedia]. Vol. 2: 3–K. Novosibirsk, Zapadno-Sibirskoe otdelenie OGIZ. 1152 column.

Gorshenin, A. (2012). Kapitany minuvshih desyatiletiiy (O glavnykh redaktorah zhurnala “Sibirskie ogni”) [Captains of Past Decades (About the Editors-in-Chief of the Siberian Lights Magazine)]. In *Sibirskie ogni*. No. 5, pp. 166–181.

Itina, L. (2004). Poet, pisatel' i puteshestvennik [Poet, Writer and Traveler]. In *Vestnik*. No. 5 (342). Available at: URL: <http://www.vestnik.com/issues/2004/0303/win/itina.htm> (date of access 28.11.2021).

²³ ГАНО. Ф. П-3. Оп. 15. Д. 6594. Л. 11.

²⁴ Тепляков А.Г. «Я не чиновник и не трус»: судьба Вивиана Итина... С. 200, 203.

Koptelov, A.L. (1972). Vivian Itin [Vivian Itin]. In *Minuvshee i blizkoe*. Novosibirsk, Zapadno-Sibirskoe kraevoe izdatel'stvo, pp. 130–156.

Mostkov, Yu.M. (1981). Put' Viviana Itina [The Way of Vivian Itin]. In *Portrety*. Novosibirsk, pp. 3–73.

Prashkevich, G. (2007). Vivian Azar'evich Itin [Vivian Azarievich Itin]. In *Polden'. XXI vek*. Maj, pp. 131–145.

Samsonov, V. (1982). Pervyy sovetskiy fantast [The First Soviet Science Fiction]. In *Enisey*. No. 1, pp. 73–75.

Shkurko, E. (2019). “Mir, nepohozhiy na dejstvitel'nost', kak mysl' bessmertnaya moya...” [“A World Unlike Reality, Like My Immortal Thought...”]. In *Bel'skie prostory*. No. 2, pp. 182–188.

Teplyakov, A.G. (2015). “Ya ne chinovnik i ne trus”: sud'ba Viviana Itina [“I am Not an Official and Not a Coward”: the Fate of Vivian Itin]. In *Vlast' i obshchestvo v Sibiri v XXI veke*. Iss. 6. Novosibirsk, Parallel, II SO RAN. 181–208.

Yakimova, L.P. etc. (Eds.). (1982). *Ocherki russkoy literatury Sibiri: v 2 t.* [Essays on Russian Literature of Siberia: in 2 vol.] Novosibirsk, Nauka. Vol. 2. 606 p.

Yanovskiy, N.N. (1966). Itin, Vivian Azar'evich [Itin, Vivian Azarievich]. In *Kratkaya literaturnaya enciklopediya*. T. 3. Moscow, Sovetskaya entsiklopediya. 260 p.

Yarancev, V. (2018). Vivian Itin. Grazhdanin Strany Gonguri: Peterburgskoe povestvovanie [Vivian Itin. Citizen of the Gonguri Country: Petersburg Narrative]. Novosibirsk, RIC NPO Soyuza Pisateley Rossii. 420 p.

Статья поступила в редакцию 01.12.2021 г.

Т.К. Алланиязов*

T.K. Allaniyazov*

**История вооруженных выступлений
и повстанческих движений
1929–1931 годов в Казахстане
в новейшей литературе
(2001–2021 годы)****

**The History of Armed Uprisings
and Rebel Movements
in 1929–1931 in Kazakhstan
in the Latest Studies
(2001–2021)****

doi:10.31518/2618-9100-2022-1-10

doi:10.31518/2618-9100-2022-1-10

УДК 930.23

Выходные данные для цитирования:

How to cite:

Алланиязов Т.К. История вооруженных выступлений и повстанческих движений 1929–1931 годов в Казахстане в новейшей литературе (2001–2021 годы) // Исторический курьер. 2022. № 1 (21). С. 98–115. URL: <http://istkurier.ru/data/2022/ISTKURIER-2022-1-10.pdf>

Allaniyazov T.K. The History of Armed Uprisings and Rebel Movements in 1929–1931 in Kazakhstan in the Latest Studies (2001–2021) // Historical Courier, 2022, No. 1 (21), pp. 98–115. [Available online: <http://istkurier.ru/data/2022/ISTKURIER-2022-1-10.pdf>]

Abstract. The article summarizes the findings of the studies in the history of armed uprisings and rebel movements in Kazakhstan in 1929–1931 based on the analysis of the research literature published in 1930–2001. The books, articles and reports of 2001–2021 on the topic are analyzed by characterizing their sources and structure, describing the content of chapters and sections, determining their scientific novelty and contribution to the historiography of the problem. The goals and objectives of the study include, first of all, understanding the significance of the works under consideration for the progressive development of the historiography of the problem, enriching insights into the phenomena and processes that took place in the 1920s and early 1930s in Soviet Kazakhstan. The content of the works shows the directions of research interests, the vectors of which are characterized by different values. The novelty of the study is in the definition of existing approaches to the nature of armed uprisings and insurrectionary movements in 1929–1931. The research results are that the analysis of studies allows us to present the qualitative characteristics of the latest published works on the history of peasant armed uprisings and, on this basis, to formulate tasks aimed at achieving a qualitatively new level of this problem historiography development that meets the needs of historical science and society as a whole. The author comes to the conclusion that the literature available today, being the result of only a partial discovery and introduction into scientific circulation of historical sources deposited as a result of the activities of the security agencies (OGPU), is not able to solve the problem of forming a complete and comprehensive scientific view of the history of armed uprisings and rebel movements of the period 1929–1931 in Kazakhstan.

Keywords: armed uprisings, monographs and articles, research issues, source base, scientific concept.

The article has been received by the editor on 28.11.2021.

Full text of the article in Russian and references in English are available below.

* Алланиязов Турганбек Каипназарович, кандидат исторических наук, профессор, Жезказганский университет им. О.А. Байконурова, Жезказган, Казахстан, e-mail: klio56@mail.ru

Allaniyazov Turganbek Kaipnazarovich, Candidate of Historical Sciences, Professor, Zhezkazgan University named after O.A. Baikonurov, Zhezkazgan, Kazakhstan, e-mail: klio56@mail.ru

** Статья подготовлена в рамках реализации проекта OR 11465470 «Массовые политические репрессии в Казахстане в 20–50-х гг. XX в. и процессы реабилитации: создание единой базы данных» при финансовой поддержке Министерства образования и науки Республики Казахстан.

The article was prepared within the framework of the project OR 11465470 “Mass Political Repression in Kazakhstan in the 20–50s of the 20th Century and Rehabilitation Processes: Creation of a Unified Database” with the financial support of the Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan.

Аннотация. В статье рассматриваются краткие итоги изучения истории вооруженных выступлений и повстанческих движений 1929–1931 гг. в Казахстане в 1930–2001 гг. Анализируются книги, статьи и сообщения 2001–2021 гг. по теме посредством характеристики их источников и структуры, описания содержания глав и разделов, определения их научной новизны и вклада в историографию проблемы. К целям и задачам исследования можно отнести прежде всего уяснение значимости рассматриваемых работ для поступательного развития историографии проблемы, обогащения представлений о явлениях и процессах, протекавших в 1920-х – начале 1930-х гг. в советском Казахстане. Содержание работ показывает направления исследовательских интересов, векторы которых характеризуются разными значениями. Новизна исследования – в определении существующих подходов к характеру вооруженных выступлений и повстанческих движений 1929–1931 гг. Результаты исследования в том, что анализ работ позволяет представить качественные характеристики новейшей литературы по истории крестьянских вооруженных выступлений и на этом основании сформулировать задачи, направленные на достижение качественно нового уровня развития историографии проблемы, отвечающего запросам исторической науки и общества в целом. Автор приходит к выводу, что имеющаяся на сегодняшний день литература, являясь результатом лишь частичного открытия и введения в научный оборот исторических источников, отложившихся в результате деятельности спецслужб (ОГПУ), не в состоянии решить задачу формирования полной и всеобъемлющей научной картины истории вооруженных выступлений и повстанческих движений 1929–1931 гг. в Казахстане.

Ключевые слова: вооруженные восстания, монографии и статьи, проблематика исследований, источниковая база, научная концепция.

Введение. Конец 1920-х – начало 1930-х гг. – один из наиболее драматичных этапов отечественной истории. Именно в эти годы, когда осуществлялась силовая модернизация традиционного казахского общества за счет принуждения к оседлости на принципах крепостничества, произошли открытые формы протеста в виде вооруженных выступлений и повстанческих движений. Данное сопротивление охватило всю республику. В 1929–1931 гг. имели место 397 выступлений, в том числе 25 вооруженных, в которых участвовало около 80 тыс. человек. Все выступления были подавлены подразделениями Красной армии, войск ОГПУ и коммунистических отрядов самым жестоким образом. За участие в движении несколько тысяч человек были осуждены, сотни расстреляны.

Изучение истории вооруженных выступлений казахских шаруа приобрело с начала 90-х гг. XX столетия особое значение, прежде всего в плане того, что оно позволяло существенно продвинуться вперед в решении задачи глубокого и всестороннего раскрытия картины жестоких политических, социально-экономических и национальных экспериментов, осуществленных в республике тоталитарным режимом.

Исследователи М.К. Козыбаев, Ж.Б. Абылхожин, К.С. Алдажуманов, Т.О. Омарбеков, М. Омаров, Т.К. Алланиязов, А.С. Таукенов, Б. Жумагулов, Н. Байкадамов и другие опубликовали десятки статей, несколько монографий и брошюр, в которых история вооруженных выступлений 1929–1931 гг. стала предметом специального изучения. Данная тема нашла свое освещение в ряде работ обобщающего характера и озвучивалась на научных конференциях.

Но, несмотря на достигнутые успехи литературы по истории антисоветских вооруженных выступлений и повстанческих движений в Казахстане, ее уровень не отвечает современным требованиям. Опыт, накопленный исследователями, не обобщен и не используется в достаточной мере для углубленной разработки темы. Не изучены на монографическом уровне наиболее значимые по своему характеру и содержанию вооруженные выступления в целом ряде районов. Введенный в научный оборот фактический материал в значительной мере превалирует над уровнем его теоретического обобщения. Масштаб публикации источников по истории вооруженных выступлений предельно ограничен. Слабо разработан источни-

коведческий аспект темы. Лишь в 2002 г. был осуществлен в первом приближении, а в 2009 г. расширен историографический анализ опубликованной с 1930 по 2001 гг. научно-исторической литературы, который дал возможность вскрыть ее качественные характеристики. Исследования и публикации последних двух десятилетий (2001–2021 гг.) остаются за пределами историографического анализа.

В целях преодоления этих моментов представляется необходимым предпринять специальное исследование, в котором будет представлена характеристика итогов изучения истории вооруженных выступлений и повстанческих движений 1929–1931 гг. в Казахстане в 1930–2001 гг., проанализированы книги, статьи и сообщения 2001–2021 гг. по теме, выявлены направления и результаты исследовательских интересов, определены качественные характеристики новейшей литературы, сформулированы задачи, направленные на достижение качественно нового уровня развития историографии проблемы.

Актуальность проблематики истории вооруженных выступлений 1929–1931 гг. не подвергается сомнению. Значимость этих событий в истории Казахстана определяется теми уроками, которые могут быть извлечены для современного и будущего развития Казахстана. Более того, в научном и практическом плане конкретно-исторический либо источниковедческий анализ проблематики истории вооруженных выступлений 1929–1931 гг. дает возможность выхода на глубинное понимание и адекватное объяснение основ функционирования государственно-политической системы, механизма деятельности партийных (КПСС) и государственных (ОГПУ) органов, выработки на базе этого системы недопущения впредь рецидивов тоталитарной идеологии и практики соответствующих властных структур.

Актуальность и значимость предпринимаемого нами исследования определяются целями, поставленными перед Государственной комиссией¹ и ее рабочими группами по полной реабилитации жертв политических репрессий 1920–1950-х гг. Необходимость исследования обуславливается задачами, стоящими перед республиканской и региональными рабочими группами по: а) углубленной разработке фондов государственных и ведомственных архивов с целью воссоздания наиболее полной и объективной научной картины истории вооруженных выступлений и повстанческих движений 1929–1931 гг. в Казахстане; б) поиску и выявлению фамилий и имен нереабилитированных участников вооруженных выступлений и повстанческих движений. Важность исследования определяется также необходимостью расширить исследовательскую проблематику с включением в нее как вопросов методологического характера, так и историографического и источниковедческого анализа по всем ключевым аспектам истории вооруженных выступлений и повстанческих движений 1929–1931 гг.

Обсуждение. История изучения проблемы уходит своими корнями далеко в прошлое – в конец 20-х – начало 30-х гг. XX в. С момента возникновения и по сегодняшний день историография проблемы прошла сложный и противоречивый путь, но в целом развивалась поступательно. На эволюцию историографии проблемы оказывали свое воздействие различные факторы – политические, идеологические, научно-организационные и другие.

В настоящее время нет каких-либо попыток специального исследования истории изучения крестьянских вооруженных выступлений и повстанческих движений. Имеются лишь соответствующие разделы в ряде исследований и публикаций. Так, в монографии Т. Омарбекова² дан развернутый историографический обзор значительного комплекса литературы, вышедшей в 1920–1990-е гг. по ключевым проблемам социально-экономических процессов, протекавших в Казахстане в 1920–1930-х гг.: политика «Малого Октября», конфискация имущества баев, коллективизация и оседание кочевого населения, голод 1931–1933 гг. В обзоре представлены суждения относительно характера и этапов развития историографии, дана критическая оценка тех или иных исследований и лишь попутно затронуты моменты, связанные с изучением темы.

¹ Әділет: Қазақстан Республикасы нормативтік құқықтық актілерінің ақпараттық-құқықтық жүйесі. [Электронный ресурс]. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/U2000000456> (дата обращения: 25.11.2021).

² Омарбеков Т. 20–30 жылдардағы Қазақстан қасіреті. Алматы, 1997. Б. 23–40.

В монографическом исследовании Т. Алланиязова³ освещены подходы каракалпакских историков к изучению истории Тахтакупырского вооруженного выступления.

Характеристика новейших публикаций казахстанских историков, посвященных истории крестьянских вооруженных выступлений, была представлена в совместной книге Т. Алланиязова и А. Таукенова⁴.

В опубликованной в 2002 г. работе Т. Алланиязова наряду с методологическими и историко-ведческими основаниями литературы по истории крестьянских вооруженных выступлений 1929–1931 гг. в Казахстане была дана развернутая характеристика процесса изучения истории крестьянских вооруженных выступлений⁵.

В опубликованной в 2009 г. монографии «Последний рубеж защитников номадизма»⁶ отдельным параграфом была представлена историография проблемы с учетом имевшихся к тому времени исследований и публикаций по истории вооруженных выступлений и повстанческих движений.

Краткая характеристика отдельных работ по истории вооруженных выступлений в Казахстане представлена в опубликованной в 2018 г. книге Т. Омарбекова⁷.

Имеется интересный и содержательный опыт оценки работ казахстанских и зарубежных исследователей истории вооруженных выступлений и повстанческих движений 1929–1931 гг. в совместной публикации итальянского и казахстанского историков⁸.

В период с 2001 по 2021 г. опубликован ряд работ отечественных исследователей, в которых нашла свое отражение история вооруженных выступлений и повстанческих движений 1929–1931 гг. Все эти работы в настоящее время за некоторым исключением не стали предметом специального историографического изучения.

Цели и задачи. Цель данного исследования – историографический анализ проблематики новейших работ. Задачи – выявление их структуры и источниковых оснований, описание содержания глав и разделов, определение научной новизны и вклада в историографию проблемы. К задачам исследования можно отнести уяснение значимости рассматриваемых работ: а) для поступательного развития историографии проблемы; б) обогащения представлений о явлениях и процессах, протекавших в 1920-х – начале 1930-х гг. в советском Казахстане.

Новизна исследования. Новизна исследования заключается в определении существующих исследовательских подходов к характеру вооруженных выступлений и повстанческих движений 1929–1931 гг., а также в выявлении направлений исследовательских интересов, векторы которых характеризуются разными значениями.

Материалы и методы. Историографическими источниками данного исследования послужили опубликованные в период с 2001 по 2021 г. монографии и статьи по истории вооруженных выступлений и повстанческих движений 1929–1931 гг. в Казахстане. В работе применены общенаучные принципы историзма и объективности в изучении процессов, связанных с разработкой истории вооруженных выступлений и повстанческих движений 1929–1931 гг. в Казахстане.

Основная часть. Предваряя анализ работ по истории вооруженных выступлений и повстанческих движений 1929–1931 гг. в Казахстане, опубликованных в последние два десятилетия, следует сформулировать краткие итоги изучения истории вооруженных выступлений и повстанческих движений 1929–1931 гг. в Казахстане в 1930–2001 гг.

³ Алланиязов Т.К. «Контрреволюция» в Казахстане: Чимбайский вариант. Алматы, 1999. С. 12–18.

⁴ Алланиязов Т., Таукенов А. Шетская трагедия. Из истории антисоветских вооруженных выступлений в Центральном Казахстане в 1930–1931 гг. Алматы, 2000. С. 6–8.

⁵ Алланиязов Т.К. Крестьянские выступления 1929–1932 гг. в Казахстане: опыт и проблемы изучения. Алматы, 2002. С. 35–47.

⁶ Алланиязов Т.К., Таукенов А.С. Последний рубеж защитников номадизма. История вооруженных выступлений и повстанческих движений в Казахстане (1929–1931 годы). Алматы, 2009. С. 12–40.

⁷ Омарбеков Т. 1929–1931 жылдардағы халық көтерілістері: Зерттеу. Алматы, 2018. С. 10–13.

⁸ Pianciola N., Zharassov A. Elusive Rebels: Researching the Uprisings on the Eve of the Great Famine in Kazakhstan (1929–1931) // Вестник КазНУ. Сер.: Историческая. 2020. № 2 (97). С. 34–43.

Это обусловлено логикой изучения историографических процессов, которая предполагает необходимость освещения каждого последующего периода во взаимосвязи с предыдущим. Эта взаимосвязь позволит сравнить количественные и качественные характеристики каждого периода в изучении истории вооруженных выступлений и повстанческих движений 1929–1931 гг. в Казахстане в 1930–2021 гг.

Историографический анализ исследований и публикаций по истории вооруженных выступлений 1929–1931 гг. показывает, что процесс изучения истории данной проблемы был сложным и противоречивым. Специальные исследования в период с 30-х по 80-е гг. XX столетия отсутствовали. В общеисторических трудах вооруженные выступления рассматривались в соответствии с официальными установками, по изначально заданной, до предела упрощенной схеме. Источниковые основы историографии были предельно сужены.

Лишь с начала 1990-х гг., с изменением социально-политической и идеологической ситуации в стране, стали меняться методологические и источниковые основы историографии вооруженных выступлений 1929–1931 гг. Важный импульс развитию нового периода историографии проблемы был придан всем ходом и результатами работы Комиссии Верховного Совета Республики Казахстан⁹. Стал складываться круг исследователей, в трудах которых история вооруженных выступлений получила свое освещение с новых концептуальных позиций. Прорыв в историческом знании в этом направлении был осуществлен, прежде всего, благодаря исследованию Т. Омарбекова¹⁰. Свой весомый вклад в разработку проблемы внесли М. Козыбаев, Ж. Абылхожин¹¹, К. Алдажуманов¹², М. Омаров¹³, С. Жумагулов¹⁴, Н. Байкадамов¹⁵ и другие исследователи¹⁶.

Данная тема нашла свое освещение в ряде работ обобщающего характера¹⁷ и озвучивалась на научных конференциях¹⁸. Ряд вопросов темы был затронут в монографии

⁹ Комиссия работала до ноября 1992 г. В ее состав входили народный депутат Республики Казахстан академик М.К. Козыбаев (председатель), С.А. Касымов (секретарь), Ж.Б. Абылхожин, К.С. Алдажуманов, С.Б. Байжанов, В.К. Григорьев, С.А. Каскабасов, М.К. Койгельдиев, Т.О. Омарбеков, Ю.И. Романов, Г.С. Сапарғалиев, М.Б. Татимов, М.Ж. Хасанаев, а также руководители ряда ведомств и средств информации, представители Верховного суда и Генеральной прокуратуры Республики Казахстан. Результаты работы комиссии нашли отражение в сборнике документов: *Насильственная коллективизация и голод в Казахстане 1931–1933 гг.: сб. док-тов и мат-лов*. Алматы, 1998.

¹⁰ Омарбеков Т. Зобалан. Алматы, 1994.

¹¹ Абылхожин Ж.Б., Козыбаев М.К., Татимов М.Б. Казахстанская трагедия // Вопросы истории. 1989. № 7. С. 53–71; Козыбаев М.К., Абылхожин Ж.Б., Алдажуманов К.С. Коллективизация в Казахстане: трагедия крестьянства. Алма-Ата, 1992. С. 20–26.

¹² Алдажуманов К.С. Национально-освободительное движение 1916 года и крестьянские восстания 1929–1932 гг.: проблемы преемственности // Национально-освободительное движение в Казахстане и Средней Азии в 1916 году: характер, движущие силы, уроки: мат-лы междунар. науч.-теоретич. конф. (Алматы, 1996, 18 октября). Алматы, 1997. С. 88–94; Алдажуманов К.С. Крестьянское движение сопротивления // Депортированные в Казахстан народы: время и судьбы. Алматы, 1998. С. 66–92.

¹³ Омаров М. Расстрелянная степь. Документальное повествование. Алматы, 1994. С. 3–56.

¹⁴ Жумагулов Б. Кеңес өкіметінің аграрлық саясаты және Адай көтерілісі (1922–1933 жж.): дис. ... канд. ист. наук. Алматы, 1999.

¹⁵ Байкадамов Н.С. Сырдария округіндегі күштеп ұжымдастыру және шаруалардың қозғалысы (1928–1932 жылдар): дис. ... канд. ист. наук. Алматы, 2001.

¹⁶ Алланиязов Т.К. О Тахтакупырском вооруженном выступлении 1929 г. // Вестник Каракалпакского отделения АН РУз. 1992. № 2. С. 90–95; Алланиязов Т.К. «Контрреволюция» в Казахстане: Чимбайский вариант. Алматы, 1999; Алланиязов Т., Таукенов А. Шетская трагедия. Из истории антисоветских вооруженных выступлений в Центральном Казахстане в 1930–1931 гг. Алматы, 2000; Алланиязов Т.К. Крестьянские выступления в Казахстане 1929–1932 гг.: опыт и проблемы изучения. Алматы, 2002.

¹⁷ Абылхожин Ж.Б. Очерки социально-экономической истории Казахстана. XX век. Алматы, 1997; Омарбеков Т. 20–30 жылдардағы Қазақстан қасіреті. Алматы, 1997.

¹⁸ Таукенов А.С., Алланиязов Т.К. Из опыта борьбы ОГПУ с вооруженными выступлениями в Казахстане в 1931 году (по материалам Семипалатинского оперсектора) // Историко-культурные процессы в Казахстане: прошлое, настоящее, будущее: мат-лы Маргулановских чтений. Жезказган, 2000. С. 74–80; Алланиязов Т.К. Директивы Семипалатинского оперсектора ОГПУ как источник по изучению вооруженных выступлений казахских шаруа в период коллективизации // Казахстан на пути к государственной независимости: история и современность: мат-лы междунар. науч.-практ. конф. Семипалатинск, 2001. Ч. II. С. 217–222.

Н.А. Ивницкого¹⁹. Так, поставленный российским исследователем вопрос о формировании дивизионов ОГПУ на территории республики заметно расширял проблематику исследований в условиях, когда данный вопрос в работах казахстанских историков практически не затрагивался.

В период с 1991 по 2001 г. историками был накоплен богатый фактический материал по теме, заметно укрепивший ее документальную основу и способствовавший расширению проблематики исследований. Ключевыми аспектами проблематики исследований явились: политика властей в отношении казахских шаруа; организующее начало вооруженных выступлений в лице подпольных повстанческих и контрреволюционных организаций; причины выступлений; факторы, обусловившие формы и методы сопротивления политике властей; обстоятельства места и времени состоявшихся выступлений, их характер и содержание; численность и состав повстанческих отрядов, их цели и лозунги, а также вооружение и тактика боевых действий; рефлексия властных структур в условиях состоявшихся выступлений; боевые действия частей и подразделений РККА, войск и оперативных групп ОГПУ с повстанческими отрядами; подходы ПП ОГПУ в Казахстане к силовому подавлению восстаний и их конкретное преломление в практике региональных и районных структур госбезопасности; механизм действий спецслужб и их роль в решении проблем, вытекавших из политики государства в отношении казахских шаруа; исследование вопросов методологии, историографии и источниковедения истории крестьянских выступлений.

Вместе с тем ряду работ свойственны элементы фактографизма, уровень введенного в научный оборот фактического материала превалирует над степенью его теоретического обобщения, а глубина выводов явно недостаточна. Наблюдается чрезмерное увлечение цитированием архивных документов, в частности оперативных материалов ОГПУ. Это объясняется тем, что впервые почерпнутый и введенный в научный оборот объем неизвестной ранее критической информации захлестнул на первых порах ее научное осмысление. Этому способствовали и факторы социально-политического характера – «обвал» прошлой истории, стремительно возросший интерес общества к проблематике истории 1920–1930-х гг. на фоне обесценивания достижений предшествующей историографии, стремление в этих условиях скорее удовлетворить потребности массового сознания.

Касаясь концептуального оформления темы, отметим подходы исследователей к формулированию концепции истории вооруженных выступлений 1929–1931 гг.

В концептуальном плане исследования Т. Омарбекова отличается трактовка крестьянских вооруженных выступлений 1929–1931 гг. в Казахстане как *«движения, носившего национально-освободительный характер»*, но не ставшего общенациональным движением из-за того, что было потоплено в крови. Т. Омарбеков оценивает события 1929–1931 гг. как *последнюю попытку сопротивления казахских шаруа политике ликвидации традиционного казахского общества, берущей свое начало еще со времен царской России и являвшейся естественным продолжением национально-освободительных движений прошлого*²⁰.

Восстания 1929–1931 гг. К. Алдажумановым рассматриваются в контексте истории национально-освободительного движения и характеризуются как *«важнейший этап борьбы за независимость»*²¹.

Исследование Б. Жумагулова отличается трактовка Адайского восстания как *«крестьянского восстания, направленного против Сталинско-Голощекинской политики»*, сравнимого с крестьянскими восстаниями в России под руководством С. Разина и Е. Пугачева²². Это дает основание считать, что Б. Жумагулов не разделяет концепцию Т. Омарбекова, трактующего крестьянские выступления как *«национально-освободительные»*.

О позиции Н.С. Байкадамова относительно характера вооруженных выступлений 1929–1931 гг. в Казахстане можно судить по высказанному им суждению о том, что *«борьбу*

¹⁹ Ивницкий Н.А. Репрессивная политика советской власти в деревне (1928–1933 гг.). М., 2000.

²⁰ Омарбеков Т. 20–30 жылдардағы Қазақстан қасіреті... С. 141.

²¹ Алдажуманов К.С. Национально-освободительное движение 1916 года... С. 94.

²² Жұмағұлов Б. Кеңес өкіметінің аграрлық саясаты және Адай көтерілісі (1922–1933 жж.)... С. 147.

против коллективизации можно рассматривать как один из этапов борьбы за независимость»²³. Его трактовка созвучна с трактовкой К.С. Алдажуманова.

Таким образом, изучение истории вооруженных выступлений 1929–1931 гг. в период 1991–2001 гг. характеризуется: а) значительным числом исследований и публикаций; б) сменяющимися друг друга концепциями; в) наличием богатой источниковой базы; г) сформировавшимся кругом исследователей; д) сложившейся проблематикой, имевшей тенденцию к расширению и углублению.

В период с 2001 по 2021 г. в России и Казахстане опубликован ряд работ, которые существенно образом углубили научные представления по широкому ряду аспектов истории вооруженных выступлений и повстанческих движений 1929–1931 гг. Анализ и оценка этих работ дают возможность увидеть состояние изученности темы и сформулировать задачи дальнейшего поступательного развития историографии вооруженных выступлений и повстанческих движений 1929–1931 гг. в Казахстане.

В 2001 г. Т. Омарбеков опубликовал монографию «XX Ғасырдағы Қазақстан тарихының өзекті мәселелері»²⁴, в четвертой главе которой поместил два параграфа, посвященных крестьянским восстаниям в Центральном Казахстане и Шубартауском районе²⁵. Первый параграф посвящен участникам крестьянских восстаний Абралинского, Шубартауского и Шингстауского районов Центрального Казахстана и построен на материалах уголовных дел № 1651301, 010224, 011364, заведенных в 1931–1932 гг. и хранящихся в Архиве КНБ РК (Ф. 1. Оп. 1). Материалы, представленные в параграфе, существенно расширяют научные представления о событиях, имевших место в указанных районах, дают цельную картину о составе участников выступлений по таким позициям, как возраст, социальный статус, место проживания, место работы, списки арестованных и осужденных за участие в выступлениях. Во втором параграфе представлены новые материалы, существенно расширяющие и углубляющие научные представления о характере и содержании вооруженного восстания 1931 г. в Шубартауском районе, в том числе о его руководителях, активных участниках, организации боевых действий, вооружении, тактике, силовом подавлении восставших, аресте, суде и репрессировании участников восстания, а также о результатах деятельности правительственной комиссии, работавшей в районе в период с 25 апреля по 5 мая 1931 г.

Представленные в книге результаты углубленного изучения событий в указанных районах существенно дополнили сформированную ранее автором картину истории вооруженных выступлений и явились важным вкладом в историографию проблемы.

В 2003 г. Т. Алланиязов опубликовал ряд документов Семипалатинского оперсектора ОГПУ, в которых представлена идеология и практика руководящих структур ОГПУ по силовому подавлению восставших шаруа²⁶.

Среди исследований и публикаций можно выделить публицистическую книгу О. Кыргызбаева, посвященную Сузакскому восстанию²⁷. Книга написана в жанре журналистского расследования с привлечением сведений из опубликованных исторических исследований, прежде всего Т. Омарбекова, обильно перемежаемых текстами стихотворных произведений различных поэтических жанров – толгау, жыры, дастаны, посвященных событиям в Сузаке²⁸, а также материалами из воспоминаний родных и близких тех, кто так или иначе

²³ Байкадамов Н.С. Сырдария округіндегі күштеп ұжымдастыру және шаруалардын козғалысы (1928–1932 жылдар)... С. 135.

²⁴ Омарбеков Т. XX Ғасырдағы Қазақстан тарихының өзекті мәселелері. Алматы, 2001.

²⁵ Там же. С. 179–222.

²⁶ Алланиязов Т.К. «К зачистке бандэлемента приступить немедленно...». Документы Семипалатинского ОГПУ. 1931 г. // Исторический архив. 2003. № 3. С. 137–154.

²⁷ Кыргызбаев О. Созақ көтерілісі (деректер, естеліктер). Алматы, 2003.

²⁸ Появление произведений эпического характера, посвященных тем или иным аспектам Сузакского восстания, свидетельствует об устойчивой традиции казахского этноса выражать сохраняющиеся в народной памяти огромные пласты национальной истории. Сам факт выявления и презентации автором подобных явлений культуры дает толчок для специальных исследований по поиску и анализу имеющихся нарративов по всем восстаниям 1929–1931 гг.

был причастен к событиям. Органично вплетенные в канву повествования поэтические произведения и нарративы народной памяти заметно усиливают информационный потенциал книги и способствуют росту внимания к теме со стороны широких масс населения.

Сведения и материалы, представленные в книге, нацелены на литературно-публицистическую реконструкцию и популяризацию ряда ключевых аспектов истории Сузакского восстания: причины и характер событий, состав, структура и вооружение организуемых отрядов, боевые действия повстанцев и ответные меры военно-политического характера региональных и республиканских властей.

С опорой на данные, опубликованные в периодической печати, и материалы из историко-биографических работ автор уделит внимание реконструкции событий, связанных с избранием руководителя сузакских повстанцев в лице Султанбека Шолакова. В книге приведены сведения о реабилитированных участниках восстания, подвергшихся репрессиям в 1931 и 1937 гг.; охарактеризована деятельность историков, писателей, журналистов, историко-просветительского общества «Адилет» по изучению истории Сузакского восстания и его популяризации; акцентировано внимание на необходимость дальнейших изысканий всех ключевых аспектов трагических событий, имевших место в Сузакском районе в 1930 г.

Не являясь научно-историческим исследованием, книга О. Кыргызбаева вместе с тем заслуживает внимания как успешная попытка литературно-публицистическими средствами восполнить имеющиеся лакуны в истории отдельных эпизодов Сузакского восстания и способствующая тем самым углублению и расширению представлений о вооруженных восстаниях и повстанческих движениях 1929–1931 гг. в Казахстане.

Характеризуя литературу, касающуюся истории вооруженных выступлений и повстанческих движений в Казахстане, следует обратить внимание на опубликованную в 2005 г. работу Б. Насенова «Абыралы көтерілісі»²⁹. Работа представляет собой публикацию значительного количества документов и материалов из архивно-следственного дела № 11485, хранившегося на момент издания книги в Архиве ДКНБ РК по городу Алматы и к тому же засекреченного. Протоколы допросов, обвинительные заключения, выписки из решений Троек и целый ряд других материалов, отложившихся в результате оперативно-следственных мероприятий районных и окружных структур ПП ОГПУ в Казахстане, представлены как в машинописном варианте, так и в виде фотокопий. Архивно-следственные материалы перемежаются: а) с перепиской, которую в процессе поиска материалов автор вел с руководством КНБ РК, ДКНБ РК по городу Алматы и другими учреждениями; б) списками участников выступления; в) групповой фотографией руководителей восстания во главе со Схаком Кемпирбаевым; г) фотографиями 1940–1990-х гг. выживших участников и свидетелей событий, их родственников, а также мест, где происходили основные события, связанные с Абралинским восстанием, сопровождаемые стихами Магжана Жумабаева и других авторов; д) воспоминаниями местных старожилов.

Предпринятая автором попытка реконструировать историю Абралинского восстания с помощью публикации материалов архивно-следственного дела является уникальной и беспрецедентной в историографии проблемы. Документы и материалы, опубликованные в книге, дают наглядное представление не только о характере, содержании и специфике указанного выше архивно-следственного дела, но и позволяют в общих чертах реконструировать алгоритм и направленность оперативно-следственных мероприятий, осуществлявшихся Семипалатинским оперсектором ПП ОГПУ в Казахстане в процессе расследования уголовного дела, заведенного на участников Абралинского восстания.

При этом важно подчеркнуть, что какой-либо аналитики в книге не содержится. Она являет собой лишь слабоструктурированное средоточие документов и материалов по

²⁹ Насенов Б. Абыралы көтерілісі. Алматы; Новосибирск, 2005. Несмотря на то, что книга написана непрофессиональным историком, ее появление свидетельствует о том, что казахстанское общество располагает гражданами с активной жизненной позицией, неравнодушных к проблемам региональной истории и вносящих свой посильный вклад в историографию истории вооруженных восстаний 1929–1931 гг. в Казахстане.

теме Абралинского восстания и тем самым призвана играть важную роль в качестве своеобразного документального сборника для последующих изысканий научно-исследовательского и источниковедческого характера.

В 2009 г. была опубликована монография «Последний рубеж защитников номадизма»³⁰. Ее структура состоит из пяти глав: 1. Историография проблемы, источники и методология исследования; 2. Казахстан и советская власть: логика идейно-политических и социально-экономических противоречий; 3. Численность, характер и организация вооруженных выступлений и повстанческих движений в Казахстане; 4. Деятельность Казкрайкома ВКП(б) и ПП ОГПУ в Казахстане по подавлению вооруженных выступлений и повстанческих движений; 5. Боевые действия от Каспия до Алтая, а также заключения, списка источников и литературы и приложения, в котором представлен ряд документов и материалов по различным аспектам истории вооруженных выступлений и повстанческих движений, а также комплект из 8 карт-схем боевых действий в ряде районов Казахстана.

На основе значительного документального материала, извлеченного из казахстанских и российских архивов³¹, в монографии был осуществлен комплексный и всесторонний анализ проблемы вооруженных выступлений и повстанческих движений 1929–1931 гг. в Казахстане как логического результата идейно-политических и социально-экономических противоречий и конфликтов, обусловленных аграрной политикой советской власти, направленной на слом традиционного кочевого общества.

Источниковая база монографии состоит из значительного массива документов и материалов, выявленных и извлеченных из фондов Архива Президента Республики Казахстан (АПРК), Российского государственного архива политической истории (РГАСПИ), Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ), Российского государственного военного архива (РГВА), Архива Жокаргы Кенеса Республики Каракалпакстан (АЖКРК), Государственного архива города Жезказгана (ГАГЖ), Архива Жезказганского УВД, а также из документальных сборников и изданий.

Наиболее интересные и ценные документальные материалы по теме исследования были выявлены в АПРК. Здесь в фонде 141 «Казкрайком ВКП(б)» были изучены и использованы документы ряда дел, сгруппированных в описи № 1 (№ 2953, 3301, 3702, 3820а, 5047, 5049, 5052, 5054) и в описи № 17 (№ 465а). Среди них боезаписки, оперразведсводки, справки, в том числе и обобщающего характера, доклады руководителей структур ПП ОГПУ и командиров частей РККА о вооруженных выступлениях и боевых действиях против повстанцев.

Ценные документы и материалы по теме были выявлены в следующих фондах РГАСПИ: в 17 – «Центральный Комитет партии», 62 – «Средазбюро ЦК ВКП (б)» и 74 – личный фонд К.Е. Ворошилова.

В делах № 33, 43, 47, 243 описи № 25 фонда 17 содержатся материалы о деятельности Казкрайкома и подчиненных ему окружных комитетов ВКП(б), в том числе протоколы заседаний бюро Казкрайкома, где рассматривалась и утверждалась политическая оценка вооруженных выступлений 1929 г., а также материалы Семипалатинского окружкома, отражающие характер мер, направленных на конфискацию имущества баев и их выселение. В делах № 109, 114 описи № 27 этого же фонда хранятся материалы бюро Каракалпакского обкома ВКП(б), отражающие характер и содержание последствий коллективизации в 1930–1932 гг.

В делах № 1811, 2204, 2542 части II описи № 2 фонда 62 находятся документы и материалы о деятельности Средазбюро ЦК ВКП(б), ПП ОГПУ в Средней Азии и ПП ОГПУ в

³⁰ Алланиязов Т.К., Таукенов А.С. Последний рубеж защитников номадизма...

³¹ В отличие от казахстанских исследователей, которые при написании своих работ пользовались исключительно материалами фондов Республиканских архивов – АПРК, Архива КНБ РК, ЦГА РК и ряда областных государственных архивов, авторами рассматриваемой монографии, помимо фондов казахстанских архивов, были изучены и использованы документы и материалы ряда фондов ГАРФ, РГАСПИ и РГВА, а также материалы документальных сборников, изданных в 1999–2004 гг.: «Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927–1939»; «Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД. 1918–1939»; «“Совершенно секретно”» Лубянка – Сталину о положении в стране (1922–1934)».

Казахстане. Здесь же содержатся оперативные сводки, отражающие характер и содержание ряда вооруженных выступлений 1929–1930 гг.

В деле № 99 описи № 2 фонда 74 имеется докладная записка командования Приволжского военного округа на имя председателя РВС СССР об участии войск округа в подавлении вооруженных выступлений в Иргизе и Каракумах.

Важный материал был выявлен в фонде № 1235 – «ВЦИК» Государственного архива Российской Федерации. Здесь в деле № 766 описи № 141 изучен и использован объемный «Доклад об итогах выполнения директив ЦК и Крайкома ВКП(б)», содержащий уникальный материал о хозяйственно-политических кампаниях, проведенных в Казахской АССР в 1929–1930 гг.

Интересный материал обнаружен в фондах РГВА. Были изучены: фонд 25 889 – Приволжский военный округ, фонд 25 895 – Среднеазиатский военный округ, фонд 7694 – 100-й кавалерийский полк, фонд 8296 – 84-й кавалерийский полк, фонд 8459 – 45-й кавалерийский полк. Наиболее ценные материалы содержатся в фондах 25 895 и 8296. В фонде 25 895 в деле № 374 описи № 1 содержится «Краткий обзор борьбы с бандитизмом на территории САВО с 5 по 15 апреля 1930 г.», в котором имеется материал, характеризующий мероприятия, направленные на подавление повстанческого движения в Приаральских Каракумах. В деле № 711 имеется телеграфная записка о характере и содержании оперативных мероприятий по подавлению вооруженного выступления в Казалинском районе в сентябре 1930 г. В фонде 8296 в делах № 28, 31, 35 описи № 1 – оперативно-разведывательные сводки и разведывательные обзоры басмачества, показывающие деятельность органов ОГПУ по подавлению вооруженных выступлений в ряде районов КАО и Казахстана в 1929–1930 гг.

Значительный документальный материал был выявлен в фондах № 72, 109 и 143 Государственного архива города Жезказгана. Из 30 дел названных фондов были изучены и использованы документы и материалы партийных органов Коунрадского, Шетского и Карсакпайского районов, отражающих характер и содержание налоговой политики, политики скотозаготовок и процесс насильственной коллективизации в период с 1928 по 1932 г.

Основной массив документов по истории Тахтакупырского вооруженного выступления хранится в Архиве Жокаргы Кенеса Республики Каракалпакстан (ф. 1, оп. 2, д. 511, 512, 514, 520, 660, 661, 663–665, 753, 768).

Важные документы, отражающие характер и содержание крестьянских выступлений в ряде районов Центрального Казахстана, были выявлены в фонде 1 Архива Жезказганского УВД. Это дела № 5117 («Дело Дюсенева»), 5607 (Карсакпайское восстание), 8737, т. 1–4 («Дело Сычева»).

Характеризуя первую главу монографии, отметим следующее. Во-первых, в ней определены степень изученности проблемы и основные результаты ее исследования; выявлены социально-политические, организационные, методологические и источниковые основы исследований по истории вооруженных выступлений и повстанческих движений. Во-вторых, определена и охарактеризована источниковая база проблемы; на основе источниковедческого анализа выработана классификация комплекса документов, отложившихся в результате деятельности различных структур ОГПУ. В-третьих, впервые в историографии проблемы осуществлен источниковедческий анализ группы документов, позволивший не только выявить репрезентативные возможности используемых документов и материалов, но и существенным образом расширить и конкретизировать научные представления по некоторым аспектам истории вооруженных выступлений и повстанческих движений.

Во второй главе: а) раскрыто основное содержание и направленность политики «Малого Октября» и насильственной коллективизации сельского хозяйства Казахстана, ее методы, средства и приемы осуществления, определена динамика преобразований и их результаты; б) рассмотрено социально-экономическое состояние казахского аула в конце 1920-х – начале 1930-х гг. и проанализированы причины, обусловившие противодействие крестьян аграрной политике советской власти.

В третьей главе поэтапно решены следующие задачи: определена и уточнена численность вооруженных выступлений, раскрыта их динамика и формы сопротивления; выявлены характер, сущность и направленность вооруженных выступлений и повстанческих движений в Казахстане; раскрыты организация вооруженных выступлений, состав, вооружение и тактика повстанцев.

В четвертой главе рассмотрены характер и содержание действий Казкрайкома ВКП(б), а также подходы руководящих структур ОГПУ к силовому подавлению восстаний и их конкретное преломление в практике региональных и районных органов госбезопасности.

В пятой главе реконструированы в конкретно-историческом плане, а в некоторых случаях конкретизированы и уточнены обстоятельства места и времени целого ряда вооруженных выступлений и повстанческих движений, их характер и содержание, причины и движущие силы, результаты и последствия. Эти вопросы рассмотрены во взаимосвязи с характеристикой деятельности регулярных частей Красной армии, коммунистических отрядов, войск и оперативных групп ОГПУ по подавлению вооруженных выступлений и повстанческих движений.

Комплексное исследование проблемы позволило глубже изучить истоки вооруженных выступлений, их социальную базу и движущие силы, политическую и идеологическую направленность, специфику и особенности выступлений, а также раскрыть наименее изученные аспекты проблемы.

Осуществленный авторами детальный анализ характера, сущности и направленности вооруженных выступлений и повстанческих движений 1929–1931 гг. привел к необходимости поставить под сомнение научную рациональность имеющихся в исторической литературе трактовок характера этих событий как проявлений национально-освободительной борьбы и предложить иную концепцию, отвечающую требованиям науки и отличающуюся подходом к вооруженным выступлениям и повстанческим движениям как социально-политическому явлению, тесно связанному с особенностями казахского традиционного общества.

Разработка концепции опиралась на имеющиеся достижения российских историков в области изучения среднеазиатского басмачества – одного из самых заметных социально-политических явлений в истории Средней Азии, во многом схожего с историей вооруженных выступлений и повстанческих движений 1929–1931 гг. в Казахстане. Кроме того, при разработке основ концепции авторы исходили из имеющихся в казахстанской исторической литературе теоретико-методологических разработок, касающихся проблем протестных, в том числе антиколониальных освободительных движений³², а также уровня этнонационального самосознания³³.

Согласно авторской концепции, вооруженные выступления и повстанческие движения рассматриваются как *«крестьянский протест, эволюционировавший от борьбы верхушечных слоев аула в лице баев и религиозного духовенства с целью сохранить свои социально-политические и экономические позиции до последнего выражения отчаяния середняков и бедняков, поставленных в результате насилия, произвола и беззастенчивого обирания аула представителями власти перед реальностью физической смерти»*³⁴.

В 2010 г. была опубликована книга И. Сариева «Степная трагедия: Адайское восстание 1929–1931 гг.»³⁵. Книга состоит из двух частей: первая часть называется «Кровавое побоище», во вторую включены архивные документы, отражающие различные аспекты, связанные с причинами, обусловившими вооруженные выступления в Мангыстау, их характер, содержание и движущие силы, а также силовое подавление повстанческого

³² Ерофеева И.В. События и люди Казахских степей (эпоха позднего Средневековья и Нового времени) как объект исторической ремификации // Масанов Н.Э., Абылхожин Ж.Б., Ерофеева И.В. Научное знание и мифотворчество в современной историографии Казахстана. Алматы, 2007. С. 152.

³³ Абылхожин Ж.Б. Инерция мифотворчества в освещении советской и постсоветской истории Казахстана // Масанов Н.Э., Абылхожин Ж.Б., Ерофеева И.В. Научное знание и мифотворчество... С. 256–259.

³⁴ Алланиязов Т.К., Таукенов А.С. Последний рубеж защитников номадизма... С. 10.

³⁵ Сариев И. Степная трагедия: Адайское восстание 1929–1931 гг. Алматы, 2010.

движения войсковыми подразделениями ОГПУ и РККА. Характер первой части книги определен автором как историческая повесть. Книга носит историко-публицистический, а не научно-исследовательский характер. В ней не сформулирована методология исследования, нет историографии вопроса, отсутствуют характеристики источниковой базы, главы (их 16) не носят названий. Стилль изложения построен на эмоциях. Характеристика действий вооруженного характера, выстраиваемая на документальной основе, обильно перемежается с фактами, почерпнутыми из различного рода воспоминаний. Содержание глав не дает достаточно исчерпывающего представления об Адайском восстании 1929–1931 гг. Реконструкция причин восстания, его хода, содержания, поражения и последствий разгрома не выходит за рамки тех представлений, которые были озвучены в работе М. Омарова 1994 г. Так же как и его предшественник, И. Сариев при изложении вопроса о боевых действиях между повстанцами и войсковыми подразделениями ОГПУ ограничивается июлем 1931 г., ссылаясь при этом на отсутствие архивных материалов о боевых действиях в августе и сентябре 1931 г. Автор не учел имеющиеся достижения в этом вопросе в исследованиях Т. Омарбекова. Более того, автор не использовал и информационный потенциал помещенного в книгу документа за подписью Рогозина на имя Голощекина «Предварительные итоги операции по ликвидации бандитизма в Мангиставском районе» от 18 сентября 1931 г., а также письмо Алиева и Макеева³⁶, в котором содержатся соответствующие сведения, в том числе и о действиях эскадрона Казахского кавалерийского полка³⁷.

Все это наглядно свидетельствует о невысокой научно-исследовательской квалификации автора, не имевшего, к тому же, соответствующего базового исторического образования. Рассматриваемая книга ценна лишь наличием в ней документов и материалов из фондов ГАМО, в том числе и фотографий 66 репрессированных участников восстания.

В 2011 г. данная работа была переиздана в рамках многотомного проекта, посвященного истории национально-освободительного движения в Казахстане³⁸. При этом была изменена лишь структура издания: в первой части опубликованы документы, во второй – повесть «Кровавое побоище»³⁹.

В 2010 г. была опубликована двухтомная работа по истории Адайского восстания⁴⁰. Первый том содержит ряд статей и публикаций, затрагивающих различные аспекты истории Адайского восстания. Это работы Т. Омарбекова⁴¹, О. Озганбаева⁴², М. Омарова⁴³, И. Сариева⁴⁴, Б. Жумагулова⁴⁵, Б. Насенова⁴⁶ и других авторов⁴⁷. Здесь же содержатся статьи и воспоминания о событиях, связанных с восстанием⁴⁸.

³⁶ Сариев И. Степная трагедия... С. 381–392, 394–396. При этом следует отметить, что данные документы, как и ряд других документов (оперразведсводки, докладные записки, письма), помещенных на с. 357–411, опубликованы без указания источника хранения – АПРК.

³⁷ И. Сариев на с. 211 и 219 отмечает отсутствие каких-либо документов о прибытии Казкавполка в Мангистау и его участии в боевых действиях.

³⁸ Сариев И. Адайское восстание 1929–1931 гг. // Қазақ ұлт-азаттық қозғалысы. Алматы, 2011. Т. 19.

³⁹ Том предваряет вступительная статья составителей Ж. Кулиева и Г. Анеса «Безысходность народа и самоотверженность его сыновей», где, в частности, содержится оценка деятельности И. Сариева по написанию книги «Кровавое побоище». В предыдущем издании также была помещена данная статья, но без указания авторов.

⁴⁰ Адай қөтерілісі: в 2 т. Алматы, 2010.

⁴¹ Омарбеков Т. Маңғыстаудағы халық көтерілісі... С. 6–27.

⁴² Озганбаев Ө. Адай қөтерілісі: аңыздар мен ақиқаттар... С. 27–41.

⁴³ Омаров М. Начало (из книги «Расстрелянная степь»)... С. 104–128.

⁴⁴ Сариев И. Қанды ойран (из книги «Қанды ойран»)... С. 128–136.

⁴⁵ Жумагулов Б. Түбектегі дүрбелең сабақтары жәнә соқпақтары (1922–1933 жж.)... С. 136–174.

⁴⁶ Насенов Б. Тарихтан тәбарік... С. 174–179.

⁴⁷ Это содержательные статьи Н. Нурмахановой «Аудандастырудың ауыртпалақтары», «Шәбдән Ераліевтің қазасының әсері», «Қазақ Үкіметінің Үндеуі», Н. Нурмахановой и К. Каражанова «Зұлматтың басы жұт еді», «Қеңестік салық саясатының зардабы», «Тәркілеу», К. Каражанова «Ұжымдасамыз деп ұтылды», «Отырықшыландыру саясаты», которые были объединены в раздел, призванный раскрыть предпосылки и причины восстания.

⁴⁸ Арипов Б. «Мен де жасақтың мүшесі болдым», Нурмаханова Ж. «Қорлықты көп көрдік», «Келенсіз кеденнің кейбір көріністері», Кадыр Н. «Адай қөтерілісінің Ақтөбе аймағындағы жанғырағы», Толегенов Т. «Кінәдан

Структура тома выглядит достаточно продуманной, а представленные в нем разные по жанру, характеру, содержанию и источниковой основе публикации дают возможность в целом системно представить наработанные к этому времени все достижения по рассматриваемой теме.

Второй том содержит комплекс документов о восстании адаевцев в Гурьевском округе в 1931 г., о причинах, вызвавших это восстание, а также отдельные документы о реабилитации участников восстания 1962, 1991–1997 гг. Работа представляет значительный интерес как удачная попытка составителей двухтомника представить историю Адаевского восстания сквозь призму взглядов ряда исследователей темы посредством сосредоточения в одном издании их работ и, что самое важное, публикацию документов и материалов, отражающих суть вопросов истории Адаевского восстания⁴⁹. Издание в целом являет собой беспрецедентный в историографии проблемы историографический факт, заслуживающий, к тому же, самой положительной оценки.

Важно отметить книгу Ж. Боранбая, изданную в рамках многотомного проекта, посвященного истории национально-освободительного движения в Казахстане⁵⁰. Написанная с широким привлечением исторических источников книга содержит тщательно продуманный и детальный анализ практически всех аспектов восстания в Сузаке. При этом характер подачи материала полемичен, публицистически заострен и представлен в сопоставлении с материалами исторических источников, их интерпретации в научно-исторических исследованиях и сохранившихся памятных следов в отдельных воспоминаниях. Материал книги самым существенным образом расширяет представления о том, какое место занимают имевшие место события, связанные с восстанием, в научно-исследовательской среде, в художественной рефлексии и в общественном сознании.

В 2018 г. Т. Омарбеков опубликовал книгу «1929–1931 жылдардағы халық көтерілістері»⁵¹. В основу своего исследования автор положил материалы изданных в 1994 и 1997 гг. книг «Зобалан» и «20–30 жылдардағы Қазақстан қасіреті»⁵², дополнив их новыми архивными сведениями и учтя все имевшиеся к этому времени достижения ряда исследователей, в том числе К. Алдажуманова, Н. Байкадамова и др. История ряда вооруженных выступлений и восстаний была дополнена списками их участников, а в приложении опубликованы списки подвергшихся конфискации баев в целом по республике с разбивкой по округам и приведены обобщенные данные о количестве репрессированных участников 12 восстаний и формах репрессий. Исследование Т. Омарбекова на сегодняшний день представляет собой наиболее полный свод сведений по истории 21 вооруженного восстания казахских шаруа в 1929–1931 гг. и является краеугольным камнем историографии проблемы.

Таким образом, Т. Омарбеков впервые за весь период своих многочисленных изысканий обратил внимание на то, что в истории вооруженных выступлений и повстанческих движений 1929–1931 гг. в Казахстане состоялось 21 вооруженное восстание. Вопросу о численности вооруженных восстаний в Казахстане было уделено внимание в 2009 г. в монографии «Последний рубеж защитников номадизма». Авторы подробно рассмотрели подходы казахстанских историков к вопросу о численности вооруженных восстаний и на основе

пәк, қайран жасақ», Орақұлы Т. «Мамай басқарған жасақ», Кошбайұлы О. «Тоғысқан тағдырлар», Отегенов А. «Сам құмындағы шайқастар», Сейдалиев Ж. «Біз туған елден қалай көштік?», Орынбайұлы И. «Нұржан Сисембайұлы мен ақын Елбай Қосымбайұлының көтеріліске атысуы», Адаев С. «Мырзалы (Мырзагали) хан туралы кейбір деректер», Каражанұлы К. «Көтеріліс басшылары хақында», Аккенжеев Ш. «Долгийдегі толқулар», Шадыкулов Т. «Сырбаз ақын Байғали», которые объединены в соответствующий раздел.

⁴⁹ Составители сборника документов и материалов учли недостатки, имевшие место при публикации документов в книге И. Сариева «Кровавое побоище» – представлен перечень опубликованных документов и материалов, список сокращенных слов, все документы имеют указание на источник хранения. Публикация документов осуществлена в соответствии с существующими правилами.

⁵⁰ Боранбай Ж. Созақ көтеріліс // Қазақ ұлт-азаттық қозғалысы. Алматы, 2011. Т. 21.

⁵¹ Омарбеков Т. 1929–1931 жылдардағы халық көтерілістері: Зерттеу. Алматы, 2018.

⁵² Развернутая характеристика этих работ представлена в монографии Т. Алланиязова и А. Таукенова «Последний рубеж защитников номадизма». С. 22, 24–25, 31–33, 37–38.

подсчетов сведений, имеющихся в исследованиях Т. Омарбекова, и данных, содержащихся в архивных документах, подсчитали численность вооруженных выступлений в 1929–1931 гг. в целом по Казахстану: 1929 г. – 3 выступления, 1930 г. – 8, 1931 г. – 14, итого – 25⁵³.

Таким образом, лишь спустя 9 лет в исторической литературе вновь был поднят вопрос о количестве вооруженных выступлений. При этом налицо разница в цифрах. Думается, что здесь проблема упирается в критерии, которых придерживаются исследователи при подсчете количества вооруженных восстаний.

К данной монографии примыкает сообщение Т. Омарбекова на республиканской научно-практической конференции⁵⁴. Здесь общая численность вооруженных выступлений также ограничена автором цифрой 21. Кроме того, представлены сведения об имевших место выступлениях невооруженного характера в 1932 г. Из этого автор делает вывод о необходимости расширить хронологию истории крестьянских выступлений – с 1929 по 1932 г. включительно. И главное, на что обращено внимание в сообщении, это необходимость углубленного исследования вопросов, касающихся выявления численности и фамилий тех, кто погиб во время силового подавления вооруженных восстаний, в стычках при переходе границ, кто был репрессирован за участие в различного рода террористических актах и др.

Некоторые аспекты истории ряда вооруженных выступлений 1929–1931 гг. были затронуты в монографии М. Койгельдиева «Қиянат анатомиясы»⁵⁵. Автор в контексте изучения сложнейших и полных драматизма вопросов переустройства традиционного казахского хозяйства на так называемые «рельсы социалистического строительства», осуществлявшихся без учета этнических особенностей и специфики посредством силовых методов, акцентирует внимание на отдельных вооруженных восстаниях – Тахтакупырском, Батпакаринском, Наурзумском, Сузакском, Иргизском, Аральском и Каракумском. Эти восстания рассмотрены сквозь призму взглядов на их причины, характер и содержание как партийных работников (Варламова, Гричманова) и работников ОГПУ (Саенко), так и видных представителей партии Алаш, находившихся в Бутырской тюрьме (А. Байтурсынова, Х. Габбасова, М. Дулатова и М. Есболова). Последние обратили внимание на то, что начавшиеся в 1929 г. народные восстания не были организованы определенными силами, а основная причина народного недовольства лежала в социально-экономической, особенно налоговой политике советской власти⁵⁶.

Подходы М. Койгельдиева к истории вооруженных восстаний периода коллективизации свидетельствуют о неослабевающем внимании отечественных историков к рассматриваемой проблеме, они расширяют научные представления по слабоизученным лакунам истории вооруженных выступлений и повстанческих движений в Казахстане в 1929–1931 гг.

Завершая характеристику исторических исследований по проблеме, отметим появление в 2021 г. книги Б. Жумагулова «Сұрқия саясат сойқаны»⁵⁷. В основу книги положена кандидатская диссертация автора с небольшими текстуальными дополнениями в главах, посвященных аграрной политике советской власти в Адаевском округе, расширением списка конфискованных хозяйств и др. Четвертая глава, в которой рассматриваются вопросы Адайского восстания и его силового подавления, текстуально совпадает с соответствующей главой диссертационного исследования 1999 г. Вместе с тем в нее добавлены фотокопии выписки из протокола заседания Тройки при ПП ОГПУ в Казахстане от 9 октября 1931 г., в котором содержатся фамилии 68 человек, приговоренных к расстрелу, заключению в концлагерь, выселению и освобождению из-под стражи, фотографии 68 репрессированных участников восстания. На последней странице книги опубликована

⁵³ Алланиязов Т.К., Таукенов А.С. Последний рубеж защитников номадизма... С. 162–172.

⁵⁴ Омарбеков Т. Кеңестік биліктің зомбылығына қарсы халықтың қарсылығы: жаңа деректер куәлігі (1929–1932 жж.) // История Казахстана в советский период: исследования и проблемы: сб. мат-лов республ. науч.-практ. конф. Алматы, 2021. С. 117–121.

⁵⁵ Койгельдиев М. Қиянат анатомиясы. Менің ғылымдағы өмірім (Қазақстанның ғылыми мектептері. Тарихтану). Алматы, 2020.

⁵⁶ Койгельдиев М. Қиянат анатомиясы... С. 280.

⁵⁷ Жумагулов Б. Сұрқия саясат сойқаны. Алматы, 2021.

фотокопия Акта о приведении в отношении Т. Аланиязова приговора о расстреле в исполнение с указанием фамилий исполнителей⁵⁸. Сказанное свидетельствует, что изложенная автором в 2021 г. версия истории Адайского восстания осталась в целом на уровне 1999 г.

Выводы. Таким образом, содержание рассмотренных работ показывает направления исследовательских интересов, векторы которых характеризуются разными значениями. Тематика, характер и содержание одних исследований носят конкретно-исторический характер и целиком посвящены либо всей истории вооруженных восстаний и повстанческих движений, либо конкретному восстанию. Часть работ носит литературно-публицистический характер и связана с отдельно взятым восстанием. Третья часть работ, как одного автора, так и коллективных, представляет собой совокупность разных по характеру и содержанию публикаций по теме в сочетании с публикуемым сборником документов. Имеющаяся на сегодняшний день литература, являясь результатом лишь частичного открытия и введения в научный оборот исторических источников, отложившихся в результате деятельности спецслужб (ОГПУ), не в состоянии решить задачу формирования полной и всеобъемлющей научной картины истории вооруженных выступлений и повстанческих движений 1929–1931 гг. в Казахстане.

Подводя итог характеристике литературы по истории вооруженных выступлений и повстанческих движений 1929–1931 гг. в Казахстане, выделим наличие ряда периодов и этапов в историографии проблемы и сформулируем задачи.

Первый период – 1930–1980-е гг. – характеризуется монопольным влиянием диктата ВКП(б) – КПСС, обусловившего сугубо классовый подход к оценке характера и существа имевших место крестьянских выступлений периода коллективизации, наличием штампов и клише официальной историографии, скудостью источниковой базы, обусловивших в конечном итоге максимально урезанную, во многом сфальсифицированную картину выступлений и отрицательное отношение к ним.

Первый этап второго периода, как нам представляется, начался с известной статьи «Казахстанская трагедия», многочисленными исследованиями и публикациями Т. Омарбекова, К. Алдажуманова, Б. Жумагулова, Н. Байкадамова Т. Аланиязова и завершился появлением в 2009–2010 гг. обобщающего исследования Т. Аланиязова и А. Таукенова, работы И. Сариева, а также двухтомника по истории Адайского восстания. Его качественными характеристиками следует считать: а) радикальное углубление и расширение проблематики исследований на основе освоения принципиально нового по своему характеру документального материала из закрытых ранее секретных архивных фондов КПСС и КГБ; б) изучение характера и содержания вооруженных выступлений в контексте социально-экономических и политических преобразований в казахском ауле; в) формирование концепций, одна из которых была тесно связана с концепциями насильственной коллективизации и национально-освободительного движения 1916 г., другая рассматривала вооруженные выступления и повстанческие движения как крестьянский протест, эволюционировавший от борьбы верхушечных слоев аула в лице баев и религиозного духовенства с целью сохранить свои социально-политические и экономические позиции до последнего выражения отчаяния середняков и бедняков, поставленных в результате насилия, произвола и беззастенчивого обирания аула представителями власти перед реальностью физической смерти; г) выход на глубинное понимание и адекватное объяснение основ функционирования государственно-политической системы, механизма деятельности партийных (КПСС) и государственных (ОГПУ) органов; д) появление первых документальных сборников по отдельным восстаниям и публикация группы документов в ряде исследований.

Второй этап второго периода характеризуется, на наш взгляд, появлением как новых исследований (М. Койгельдиев, 2020), так и переизданием работ Т. Омарбекова (2018) и Б. Жумагулова (2021). Нам представляется что содержание второго этапа будет наполняться конкретными исследованиями, импульс которым задан деятельностью Государственной

⁵⁸ Без ссылки на источник хранения.

комиссии по полной реабилитации жертв политических репрессий 1920–1950-х гг. и особенно ее рабочей группы по изучению истории вооруженных выступлений 1929–1931 гг., а также поэтапным рассекречиванием ранее закрытых фондов Архива КНБ, Генеральной прокуратуры, АПРК и ЦГА РК.

Формулируя задачи, направленные на качественно новый уровень развития историографии проблемы, отвечающий запросам исторической науки и общества в целом, отметим следующее. Необходимы исследования, нацеленные на: а) изучение природы вооруженных выступлений и повстанческих движений казахских шаруа в условиях насильственной коллективизации; б) сравнительно-сопоставительное изучение вооруженных выступлений и повстанческих движений сквозь призму познания их идеологии, алгоритма, форм и методов их реализации; в) антропологическое измерение истории вооруженных выступлений и повстанческих движений, в том числе социального опыта, практики выживания, социального портрета участников событий.

Литература.

Абылхожин Ж.Б. Инерция мифотворчества в освещении советской и постсоветской истории Казахстана // Масанов Н.Э., Абылхожин Ж.Б., Ерофеева И.В. Научное знание и мифотворчество в современной историографии Казахстана. Алматы: Дайк-Пресс, 2007. С. 225–291.

Абылхожин Ж.Б. Очерки социально-экономической истории Казахстана. XX век. Алматы: Университет «Туран», 1997. 360 с.

Адай қөтерілісі: в 2 т. Алматы: Нұрлы Әлем, 2010. Т. 1. 320 б.

Адай қөтерілісі: в 2 т. Алматы: Нұрлы Әлем, 2010. Т. 2. 448 б.

Алдажуманов К.С. Крестьянское движение сопротивления // Депортированные в Казахстан народы: время и судьбы. Алматы: Арыс, 1998. С. 66–92.

Алдажуманов К.С. Национально-освободительное движение 1916 года и крестьянские восстания 1929–1932 гг.: проблемы преемственности // Национально-освободительное движение в Казахстане и Средней Азии в 1916 году: характер, движущие силы, уроки: материалы междунар. науч.-теоретич. конф. (Алматы, 1996, 18 октября). Алматы, 1997. С. 88–94

Аланиязов Т., Таукенов А. Шетская трагедия. Из истории антисоветских вооруженных выступлений в Центральном Казахстане в 1930–1931 гг. Алматы: Фонд «XXI век», 2000. 164 с.

Аланиязов Т.К. «К зачистке бандэлемента приступить немедленно...». Документы Семипалатинского ОГПУ. 1931 г. // Исторический архив. 2003. № 3. С. 137–154.

Аланиязов Т.К. «Контрреволюция» в Казахстане: Чимбайский вариант. Алматы: Фонд «XXI век», 1999. 219 с.

Аланиязов Т.К. Крестьянские выступления в Казахстане 1929–1932 гг.: опыт и проблемы изучения. Алматы: Фонд «XXI век». 2002. 88 с.

Аланиязов Т.К. О Тахтакупырском вооруженном выступлении 1929 г. // Вестник Каракалпакского отделения АН РУз. 1992. № 2. С. 90–95.

Аланиязов Т.К., Таукенов А.С. Последний рубеж защитников номадизма. История вооруженных выступлений и повстанческих движений в Казахстане (1929–1931 годы). Алматы: OST – XXI век, 2009. 424 с.

Байкадамов Н.С. Сырдария округіндегі күштеп ұжымдастыру және шаруалардың қозғалысы (1928–1932 жылдар): дис. ... канд. ист. наук. Алматы, 2001. 150 б.

Боранбай Ж. Созақ көтеріліс. Қазақ ұлт-азаттық қозғалысы. Алматы: Астана полиграфия, 2011. Т. 21. 336 с.

Ерофеева И.В. События и люди Казахских степей (эпоха позднего Средневековья и Нового времени) как объект исторической ремификации // Масанов Н.Э., Абылхожин Ж.Б., Ерофеева И.В. Научное знание и мифотворчество в современной историографии Казахстана. Алматы: Дайк-Пресс, 2007. С. 132–224.

Жұмағұлов Б. Кеңес өкіметінің аграрлық саясаты және Адай көтерілісі (1922–1933 жж.): дис. ... канд. ист. наук. Алматы, 1999. 157 с.

Жұмағұлов Б. Сұрқия саясат сойқаны. Алматы, 2021. 312 б.

Ивницкий Н.А. Репрессивная политика советской власти в деревне (1928–1933 гг.). М.: ИРИ РАН, 2000. 350 с.

Козыбаев М.К., Абылхожин Ж.Б., Алдажуманов К.С. Коллективизация в Казахстане: трагедия крестьянства. Алма-Ата, 1992. 37 с.

Кыргызбаев О. Созақ көтерілісі (деректер, естеліктер). Алматы: Арқас, 2003. 148 с.

Насенов Б. Абыралы көтерілісі. Алматы–Новосибирск, 2005. 835 с.

Омарбеков Т. 1929–1931 жылдардағы халық көтерілістері: Зерттеу. Алматы: Арыс, 2018. 480 с.

Омарбеков Т. 20–30 жылдардағы Қазақстан қасіреті. Алматы: Санат, 1997. 320 с.

Омарбеков Т. Зобалан. Алматы: Санат, 1994. 270 с.

Омарбеков Т. Кеңестік биліктің зомбылығына қарсы халықтың қарсылығы: жаңа деректер куәлігі (1929–1932 жж.) // История Казахстана в советский период: исследования и проблемы: материалы республиканской науч.-практ. конф. Алматы, 2021. С. 117–121.

Омарбеков Т. XX Ғасырдағы Қазақстан тарихының өзекті мәселелері. Алматы: Қазақпарат, 2001. 404 б.

Омаров М. Расстрелянная степь. Документальное повествование. Алматы: Гылым, 1994. С. 3–56.

Сариев И. Степная трагедия: Адайское восстание 1929–1931 гг. Алматы: Арыс, 2010. 448 с.

Pianciola N., Zharassov A. Elusive Rebels: Researching the Uprisings on the Eve of the Great Famine in Kazakhstan (1929–1931) // Вестник КазНУ имени Аль-Фараби. Сер.: Историческая. 2020. № 2 (97). С. 34–43.

References

(2010). *Adai Kóterilisi*. [The Adai Uprising]. Almaty, Nurly Álem. Vol. 1. 320 p.

(2010). *Adai Kóterilisi*. [The Adai Uprising]. Almaty, Nurly Álem. Vol. 2. 448 p.

Abylkhozhin, Zh.B. (1997). *Ocherki sotsial'no-ekonomicheskoy istorii Kazakhstana. XX vek* [Essays on the Socio-Economic History of Kazakhstan. The 20th Century]. Almaty, Universitet “Turan”. 360 p.

Abylkhozhin, Zh.B. (2007). Inertiia mifotvorchestva v osveshchenii sovetskoy i postsovetskoy istorii Kazakhstana [Inertia of Myth-Making in the Coverage of the Soviet and Post-Soviet History of Kazakhstan]. In Masanov N.E., Abylkhozhin Zh.B., Erofeeva I.V. *Nauchnoe znanie i mifotvorchestvo v sovremennoy istoriografii Kazakhstana*. Almaty, Dajk-Press, pp. 225–291.

Aldazhumanov, K.S. (1997). Nacional'no-osvoboditel'noe dvizhenie 1916 goda i krest'yanskie vosstaniya 1929–1932 gg.: problemy preemstvennosti [The National Liberation Movement of 1916 and the Peasant Uprisings of 1929–1932: Problems of Continuity]. In *Nacional'no-osvoboditel'noe dvizhenie v Kazahstane i Sredney Azii v 1916 godu: harakter, dvizhushchie sily, uroki*. Almaty, pp. 88–94

Aldazhumanov, K.S. (1998). *Krest'yanskoe dvizhenie soprotivleniya, in Deportirovannye v Kazakhstan narody: vremia i sud'by* [Peasant Resistance Movement, in Peoples Deported to Kazakhstan: Time and Fate]. Almaty, Arys, pp. 66–92.

Allaniyazov, T., Taukenov, A. (2000). Shetskaya tragediya. Iz istorii antisovetskikh vooruzhennykh vystupleniy v Tsentral'nom Kazakhstane v 1930–1931 gg. [The Shet Tragedy. From the History of Anti-Soviet Armed Uprisings in Central Kazakhstan in 1930–1931]. Almaty, Fond “The XXI Century”. 164 p.

Allaniyazov, T.K. (1992). O Takhtakupyrskom vooruzhennom vystuplenii 1929 g. [About the Takhtakupyrsky Armed Action of 1929]. In *Vestnik Karakalpakskogo otdeleniya AN RUz*. No. 2, pp. 90–95.

Allaniyazov, T.K. (1999). “Kontrrevolyutsiia” v Kazakhstane: Chimbayskiy variant [Counter-Revolution in Kazakhstan: Chimbay Option]. Almaty, Fond “The XXI Century”. 219 p.

Allaniyazov, T.K. (2002). *Krest'ianskie vystupleniya v Kazakhstane 1929–1932 gg.: opyt i problemy izucheniya* [Peasant Performances in Kazakhstan 1929–1932: Experience and Problems of Study]. Almaty, Fond “The XXI Century”. 88 p.

Allaniyazov, T.K. (2003). “K zachistke bandelementa pristupit’ nemedlenno...”. Dokumenty Semipalatinskogo OGPU. 1931 g. [To Start Cleaning the Bandelement Immediately. 1931]. In *Istoricheskiy arkhiv*. No. 3, pp. 137–154.

Allaniyazov, T.K., Taukenov, A.S. (2009). *Posledniy rubezh zashchitnikov nomadizma. Istoriya vooruzhennykh vystupleniy i povstancheskiykh dvizheniy v Kazakhstane (1929–1931 gg.)* [The Last Frontier of the Defenders of Nomadism. The History of Armed Demonstrations and Insurgent Movements in Kazakhstan (1929–1931)]. Almaty, OST – The XXI Century. 424 p.

Baykadamov, N.S. (2001). *Sırdarıya okırwındeǵı kúshtep ujımdastırw jáne şarwaların kozǵalıǵı (1928–1932 jıldar)* [Forced Collectivization and Peasant Movement in the Syrdarya Region (1928–1932)], Cand. hist. sci. diss. Almaty. 150 p.

Boranbay, Zh. (2011). *Sozaq kóterilisi. Qazaq ult-azattyq qozǵalysy* [The Sozak Uprising. Kazakh National Liberation Uprising]. Almaty, Astana poligrafiya. Vol. 21. 336 p.

Erofeeva, I.V. (2007). *Sobytiia i lyudi Kazakhskoy stepi (epokha pozdnego srednevekov’ia i novogo vremeni) kak ob’ekt istoricheskoy remistifikatsii* [Events and People of the Kazakh Steppe (the Era of the Late Middle Ages and Modern Times) as an Object of Historical Remystification]. In Masanov N.E., Abylkhozhin Zh.B., Erofeeva I.V. *Nauchnoe znanie i mifotvorchestvo v sovremennoy istoriografii Kazakhstana* [Scientific Knowledge and Myth-Making in Modern Historiography of Kazakhstan]. Almaty, Dajk-Press, pp. 132–224.

Ivnitskiy, N.A. (2000). *Repressivnaia politika sovetской vlasti v derevne (1928–1933 gg.)* [The Repressive Policy of Soviet Power in the Countryside (1928–1933 ss.)]. Moscow, IRI RAN. 350 p.

Jumagulov, B. (1999). *Keñes ökimetinın agrarlıq sayasatı jáne Aday köterilisi (1922–1933 jj.)* [Agrarian Policy of the Soviet Government and the Aday Uprising (1922–1933)], Cand. hist. sci. diss. Almaty. 157 p.

Jumagulov, B. (2021). *Surqıya sayasat soyqanı* [Surkiya is a Political Prostitute]. Almaty. 312 p.

Kozybaev, M.K., Abylkhozhin, Zh.B., Aldazhumanov, K.S. (1992). *Kollektivizatsiya v Kazakhstane: tragediya krest’ianstva* [Collectivization in Kazakhstan: The Tragedy of the Peasantry]. Alma-Ata. 37 p.

Kyrgyzbaev, O. (2003). *Sozaq kóterilis (derektter, estelikter)* [The Sozak Uprising]. Almaty, Arqas. 148 p.

Nasenov, B. (2005). *Abyraly kóterilisi* [The Abralın Uprising]. Almaty–Novosibirsk. 835 p.

Omarbekov, T. (1994). *Zobalan* [Zobalan]. Almaty, Sanat. 270 p.

Omarbekov, T. (1997). *20–30 jyldardaǵy Qazaqstan qasireti* [The Tragedy of Kazakhstan in the 20–30]. Almaty, Sanat. 320 p.

Omarbekov, T. (2001). *XX Ǵasyrdaǵy Qazaqstan tarıhynynń ózekti máseleleri* [Actual Problems of the History of Kazakhstan in the 20th Century]. Almaty, Qazaqparat. 404 p.

Omarbekov, T. (2018). *1929–1931 jyldardaǵy halyk kóterilisteri: Zertteý* [Popular Uprisings of 1929–1931: To Investigate]. Almaty, Arys. 480 p.

Omarbekov, T. (2021). *Keñestik biliktiń zombylyǵyna qarsy halyqtyń qarsylyǵy: jańa derektter kýalıgi (1929–1932 jj.)* [People’s Resistance to the Violence of Soviet Power: Evidence of New Data (1929–1932)]. In *Materialy respublikanskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii “Istoriya Kazakhstana v sovetский period: issledovaniya i problemy”*. Almaty, pp. 117–121.

Omarov, M. (1994). *Rasstreliannaya step’*. *Dokumental’noe povestvovanie*. [The Shot Steppe. Documentary Narration]. Almaty, Gylym, pp. 3–56.

Pianciola, N., Zharassov, A. (2020). *Elusive Rebels: Researching the Uprisings on the Eve of the Great Famine in Kazakhstan (1929–1931)*. In *Bulletin KazNU. Historical*. No. 2 (97), pp. 34–43.

Sariev, I. (2010). *Stepnaya tragediya: Adayskoe vosstanie 1929–1931 gg.* [The Steppe Tragedy: The Adai Uprising of 1929–1931]. Almaty, Arys. 448 p.

Статья поступила в редакцию 28.11.2021 г.

М.Ю. Шматов*

M.Yu. Shmatov*

**Мобилизованное прошлое:
политика памяти и ее восприятие
в идеологических кампаниях
в Западной Сибири (1934–1939)**

**The Mobilized Past:
the Memory Policy and Its Perception
in Ideological Campaigns
in Western Siberia (1934–1939)**

doi:10.31518/2618-9100-2022-1-11

doi:10.31518/2618-9100-2022-1-11

УДК 93

Выходные данные для цитирования:

How to cite:

Шматов М.Ю. Мобилизованное прошлое: политика памяти и ее восприятие в идеологических кампаниях в Западной Сибири (1934–1939) // Исторический курьер. 2022. № 1 (21). С. 116–123. URL: <http://istkurier.ru/data/2022/ISTKURIER-2022-1-11.pdf>

Shmatov M.Yu. The Mobilized Past: the Memory Policy and Its Perception in Ideological Campaigns in Western Siberia (1934–1939) // Historical Courier, 2022, No. 1 (21), pp. 116–123. [Available online: <http://istkurier.ru/data/2022/ISTKURIER-2022-1-11.pdf>]

Abstract. The article is devoted to the problems of memory policy in the USSR of the second half of the 1930s. The correlation of officially broadcast ideological images of the past with the ideological attitudes of ordinary Soviet citizens has been studied on the materials of Western Siberia. Two main goals of using images of the past in the mobilization campaigns of 1934–1939 were identified: proving the regularity of the Bolsheviks' coming to power and contrasting Soviet modernity with the pre-revolutionary past. The circle of positive and negative images of events and historical figures in Soviet propaganda is studied. It is proved that the images of progressive figures who "confirmed" the rightness of the Bolsheviks were positive; the images of "enemies" of revolutions and "working people" were negative. The main forms of using images of the past in propaganda are established: separate anniversary campaigns and secondary support of the main political campaigns. The causes of memory conflicts during the ideological influence of the population – misunderstanding, distrust, disagreement and inattention are investigated. The social, value and ideological causes of conflicts are established, their forms are considered. The conclusion is made about the forced and unstable nature of the implementation of the memory policy, about its utilitarian purpose and about the relatively weak mutual influence of the memory policy and personal images of the past in the Soviet society. The thesis is formulated about the parallel existence in the USSR society of official narratives about the past and multiple personal images of history – both national, local and family.

Keywords: Stalinism, memory politics, ideology, campaign, Western Siberia, perception.

The article has been received by the editor on 01.12.2021.

Full text of the article in Russian and references in English are available below.

Аннотация. Статья посвящена проблематике политики памяти в СССР второй половины 1930-х гг. На материалах Западной Сибири изучено соотношение официально транслируемых идеологических образов прошлого с мировоззренческими установками рядовых советских граждан. Выявлены две основные цели привлечения образов прошлого в мобилизационных кампаниях 1934–1939 гг.: доказательство закономерности прихода большевиков к власти и противопоставление советской современности дореволюционному прошлому. Изучен круг позитивных и негативных образов событий и исторических деятелей в советской пропаганде. Доказано, что позитивными были образы прогрессивных деятелей,

* Шматов Михаил Юрьевич, преподаватель отечественной истории, Новосибирский государственный университет, Новосибирск, Россия, e-mail: shmatov2009@yandex.ru
Shmatov Mikhail Yurievich, Educator of Russian History, Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russia, e-mail: shmatov2009@yandex.ru

«подтверждавших» правоту большевиков; негативными были образы «врагов» революций и «трудового народа». Установлены основные формы привлечения образов прошлого в пропаганде: отдельные юбилейные кампании и второстепенное сопровождение основных политических кампаний. Исследованы причины конфликтов памяти в ходе идеологического воздействия населения – непонимание, недоверие, несогласие и невнимание. Установлены социальные, ценностные и мировоззренческие причины конфликтов, рассмотрены их формы. Сделан вывод о форсированном и неустойчивом характере реализации политики памяти, ее утилитарном назначении и относительно слабом взаимном влиянии политики памяти и личных образов прошлого в советском социуме. Сформулирован тезис о параллельном существовании в социуме СССР официальных нарративов о прошлом и множественных личных образов истории – как общегосударственной, так и локальной и семейной.

Ключевые слова: сталинизм, политика памяти, идеология, кампания, Западная Сибирь, восприятие.

К середине 1930-х гг. в СССР сформировался персоналистский политический режим И.В. Сталина, который и современники, и впоследствии историки считали новым и не имевшим прецедентов в истории¹. В то же время 26 января 1934 г. в отчетном докладе на открывшемся XVII съезде ВКП(б) И.В. Сталин (помимо победных реляций о достижениях социализма) вспомнил и об истории XIX в., и даже о «старом Риме», который «с грохотом опрокинули» варвары².

1934 г. стал значимой вехой в отношении большевиков к историческому прошлому России. Декларируя успехи в настоящем и приближение «светлого будущего», партийно-государственная система все активнее стала использовать образы прошлого в практиках политпросвещения, образования и социальной мобилизации. В этом же году совместным постановлением ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 15 мая был сформулирован концепт «гражданской» (т.е. непартийной) истории для преподавания в школе³.

Последующие пять лет между XVII и XVIII партийными съездами стали периодом массовых политических кампаний с целью легитимации большевистского режима и социальной мобилизации как советских граждан, так и всевозможных «друзей СССР» за рубежом. В 1936 г. в течение шести месяцев проходила кампания по «всенародному изучению и обсуждению» проекта «сталинской» Конституции СССР. Затем в 1937–1938 гг. был осуществлен цикл электоральных кампаний – выборы в Верховный Совет СССР (12 декабря 1937 г.) и в Верховные Советы союзных республик, включая РСФСР (26 июня 1938 г.). Обращенные в ближайшее будущее, эти кампании сопровождались использованием исторических образов. При этом информационное, идеологическое и когнитивное воздействие акторов кампаний на целевую аудиторию сталкивалось с индивидуальными и коллективными взглядами советских граждан на прошлое⁴, иногда вступая с ними в противоречия, а иногда в «симбиоз».

Проблемным выступает вопрос о соотношении идеологизированных конструкторов прошлого, транслируемых институтами партийного государства, с бытовавшими в советском социуме представлениями об истории страны, ее отдельных регионов, а также мира в целом. Актуальность этого вопроса вызвана дискуссиями об особенностях идеологии сталинизма, о причинах ее результативности среди современников и определенной популярности даже в наши дни.

Историография вопроса обширна – первые труды о роли истории в практиках сталинизма были созданы еще современниками событий – как профессиональными советскими идео-

¹ Хлевнюк О.В. Хозяин. Сталин и утверждение сталинской диктатуры. М., 2010. С. 7–10, 35.

² Сталин И.В. Сочинения. Т. 13. М., 1951. С. 282–286.

³ Известия ЦИК Союза ССР и ВЦИК. 1934. 16 мая.

⁴ Медушевский А.Н. Как Сталину удалось обмануть Запад: принятие Конституции 1936 года с позиций политического пиара // Общественные науки и современность. 2016. № 3. С. 122–138.

логами (Б.С. Утевский)⁵, так и аналитиками-публицистами из числа эмигрантов (Н.С. Тимашев)⁶. Современные исследователи истории советской идеологии занимают две позиции, дискуссионные по отношению друг к другу. Первая относится к так называемой «тоталитарной школе» советологии и состоит в том, что история как часть идеологии была одним из инструментов воздействия тоталитарного государства на духовную сферу жизни советских людей⁷. Вторая – «ревизионистская», напротив, базируется на тезисе о зависимости советской идеологии от исторической памяти советских граждан (и просто их памяти о досоветском прошлом); последователи такой позиции считают, что идеологические практики сталинизма попадали под влияние социальных настроений, поэтому большевики были вынуждены корректировать свой идеологический курс⁸. Промежуточную позицию занимают исследователи советской модерности из поколения начала XXI в.: они считают взаимосвязанными конструирование сталинизмом симулякров советской истории и традиционные взгляды рядовых граждан на прошлое. Ключевую роль в развитии этой концепции играют труды историка идеологии Д. Бранденбергера⁹.

Цель нашего исследования – проанализировать соотношение социальных образов прошлого с идеологическими симулякрами истории («мобилизованное прошлое») в рамках Западно-Сибирского края (с 1937 г. – Новосибирской области и Алтайского края), динамично развивавшегося в 1930-х гг. региона СССР со сложной историей (от опыта освоения, каторги и ссылки до событий Гражданской войны и нэпа).

В середине 1930-х гг. в Западно-Сибирском крае проживало более 6 млн человек¹⁰. Среднестатистический зрелый житель Западной Сибири второй половины 1930-х гг. в возрасте 30–40 лет – это человек с колоссальным личным историческим опытом, заставший смену нескольких форм правления, революционных переворотов и «колебаний генеральной линии партии» после окончательного утверждения советской власти. Такой опыт, с одной стороны, формировал весьма широкие личные представления о практиках и сущности разных политических режимов, а с другой – повергал советских людей в иллюзии относительно утвердившегося сталинизма: репрессивные и мобилизационные практики «Великого перелома» 1929–1933 гг. многие люди считали такими же временными явлениями, как Гражданская война или военный коммунизм, поэтому в период конституционно-электоральных кампаний граждане имели все основания верить в либерализацию политического курса (как это было ранее в период нэпа)¹¹.

С другой стороны, к середине и второй половине 1930-х гг. сформировалось поколение молодых и идеологизированных советских людей, знавших о совсем недавнем прошлом лишь из советского агитпропа, а также, возможно, из рассказов более старших родственников и знакомых. Среди молодых людей от 16 до 27 лет было гораздо больше рядовых агентов идеологических кампаний в городах и сельской местности. Эти люди, не обремененные собственным историческим опытом и зачастую не лишенные максимализма, были одними из главных трансляторов официальных идеологических установок. На прошедшей в конце 1937 г. в Новосибирске I Областной конференции ВЛКСМ таких людей называли «авангардом» и «орлятами» мобилизации¹² (выражаясь более современными терминами, их можно назвать «ястребами»). Столкновение позиций «отцов и детей» нередко вызывало конфликты – речь об этом пойдет далее.

Взаимодействие официальной идеологии с личным опытом и мировоззрением следует назвать *конфликтами памяти*. Нейтральные, а часто и позитивные воспоминания рядовых

⁵ Утевский Б.С. Две демократии. М., 1935. С. 19–30.

⁶ Timashev N. The Great Retreat. New York, 1946. P. 43.

⁷ Малиа М. Советская трагедия: История социализма в СССР. 1917–1991. М., 2002.

⁸ Шлёгел К. Террор и мечта. Москва 1937. М., 2011.

⁹ Бранденбергер Д. Кризис сталинского агитпропа: Пропаганда, политпросвещение и террор в СССР, 1927–1941. М., 2017.

¹⁰ Всесоюзная перепись населения 1937 г. Краткие итоги. М., 1991. С. 56–57.

¹¹ Бранденбергер Д. Кризис сталинского агитпропа... С. 68–72.

¹² Государственный архив Новосибирской области (ГАО). Ф. П-190. Оп. 1. Д. 1. Л. 43–46.

граждан о «проклятом прошлом» вступали в жесткие противоречия с официальной идеологией. Важно отметить, что как таковой официальной исторической политики в СССР 1930-х гг. не существовало – по крайней мере не найдены документы, подтверждающие трансформации в области политики памяти. Тем не менее еще эмигрантский публицист Н.С. Тимашев в 1946 г. посвятил книгу «Великое отступление» отходу И.В. Сталина и его соратников от большевистской «Доктрины» в сторону национально-патриотических исторических образов¹³. Затем эту концепцию развил Д. Бранденбергер, научно обосновавший теорию «национал-большевизма» как слияние коммунистической и патриотической риторик¹⁴. В идеологических практиках большевиков это «отступление» проявлялось в реабилитации ряда героических событий и персоналий прошлого (параллельно с разгромом «революционной» научной школы М.Н. Покровского) и в популяризации дореволюционной культуры русских и других народов СССР через наследие А.С. Пушкина, Т.Г. Шевченко, Ш. Руставели и др.¹⁵

Возможно выделить две основные цели, с которыми большевики обращались к памяти о прошлом: *аргументация закономерностей* и *антитеза*. Первая цель – продемонстрировать историческую логичность мероприятий, проводимых советским руководством. Будучи «историческими материалистами», марксисты доказывали предопределенность наступления социализма как формационного перехода от уходящего в прошлое капитализма к будущему коммунизму. В реалиях Западной Сибири индустриализация края аргументировалась тем, что ее «предрекал великий русский ученый Михайло Ломоносов» и «начинала еще Петровская эпоха»¹⁶; успехи в развитии авиации и региональных воздушных маршрутов связывали с трудами дореволюционных русских ученых и изобретателей, а приходу большевиков к власти «предшествовало» восстание Е. Пугачёва в XVIII в. и киргизское восстание 1916 г. в Средней Азии¹⁷. Целевыми аудиториями такого идеологического воздействия были группы колхозного крестьянства, интеллигенции, а также не в последнюю очередь этнические меньшинства Западной Сибири – например, казахи или ойроты.

Мобилизация прошлого для создания антитезы, конечно, была связана с легитимацией большевиков и их практик путем сравнения «прекрасного» настоящего с «проклятым» прошлым. Контент-анализ материалов региональных периодических изданий «Советская Сибирь» и «Большевистская смена» (краевая/областная комсомольская газета) показывает, что негативные образы прошлого в пропаганде встречаются приблизительно в 2,5 раза больше, чем позитивные¹⁸. Однако с 1937 г. динамика положительных оценок прошлого возрастает – это связано с годовщиной гибели А.С. Пушкина, а затем – с выходом художественного фильма «Александр Невский»¹⁹. «Очернение» прошлого было одной из наиболее простых, а потому популярных форм легитимации большевизма – порой критика дореволюционного, «колчаковского» и «нэпманского» периодов осуществлялась с привлечением данных экономической и социальной статистики, однако чаще всего эта критика носила эмоциональный и иррациональный характер²⁰: в оценках прошлого звучали манихейские эпитеты «черное», «мрачное», «проклятое», «страшное» и т.п. Критике дореволюционное «темное прошлое» подверглось даже во время обсуждения в прессе солнечного затмения

¹³ Timasheff N. The Great Retreat... P. 50.

¹⁴ Бранденбергер Д. Национал-большевизм. Сталинская массовая культура и формирование русского национального самосознания (1931–1956 гг.). М., 2009.

¹⁵ Шлёгел К. Террор и мечта... С. 460–465.

¹⁶ Советская Сибирь. 1937. 29 сентября.

¹⁷ Бранденбергер Д. Национал-большевизм...

¹⁸ Подсчитано по материалам 252 номеров газеты «Советская Сибирь» с 1 февраля 1934 г. по 1 мая 1939 г. и 15 номеров газеты «Большевистская смена» (1936–1938 гг.).

¹⁹ Шлёгел К. Террор и мечта... С. 467.

²⁰ Подсчитано методом контент-анализа по публицистическим материалам газеты «Советская Сибирь», делопроизводственным документам Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ) (Ф. Р-7522), ГАОУ (Ф. П-190, Р-1020).

1936 г.: авторы писем в газету «Советская Сибирь» высмеивали страхи дореволюционных крестьян перед этим природным явлением²¹.

Ко второй половине 1930-х гг. сложились «пантеон» и «пандемониум» исторических деятелей дореволюционной, революционной и советской истории. В ряды положительных дореволюционных героев вошли «прогрессивные» личности: лидеры народных движений и революционеры, ученые, реже полководцы; монархи в этом «пантеоне» по понятным причинам встречаются крайне нечасто, а появление их связано с военной деятельностью и прогрессивными государственными реформами. Чаще всего в списке позитивных правителей фигурирует Александр Невский (более 30 упоминаний), реже Петр I (5 упоминаний) и Иван IV Грозный (2 упоминания). Число негативных образов в дореволюционной эпохе намного больше – это и большинство монархов (включая всех правителей России XIX в.), и собирательные «помещики и капиталисты», и консервативные политики – «душители свобод» (чаще других среди них фигурирует П.А. Столыпин).

Позитивные деятели революционных и советских периодов – это, в первую очередь, соратники И.В. Сталина, которых для легитимности именовали «Ленинскими учениками». Кроме того, в революционный «пантеон» попали погибшие в годы Гражданской войны или умершие в 1920-х гг. известные «народные» деятели: В.И. Чапаев, Н.А. Щорс, П.Е. Щетинкин. Что касается негативных образов, то, помимо деятелей белого движения (и гораздо чаще), в рядах «антигероев» фигурируют «предатели» («иудушки») из числа большевиков (Л.Д. Троцкий, Г.Е. Зиновьев, Л.Б. Каменев, Н.И. Бухарин и др.) и социал-демократов («рекордсмен» по проклятиям в этом списке – оппонент В.И. Ленина, «ренегат» К. Каутский)²². Список «героев» и «антигероев» революции окончательно утвердился в вышедшем в 1938 г. учебнике «История ВКП(б). Краткий курс».

Мероприятия политики памяти в Западной Сибири осуществлялись в двух формах: отдельные *самостоятельные кампании* и *идеологическое сопровождение* основных кампаний. Первая форма – это юбилеи и памятные даты, отмечавшиеся в виде массовых мероприятий, публичных чтений и серий публикаций в прессе. Это могли быть как даты памяти исторических деятелей (например, А.С. Пушкина в 1937 г.), так и юбилеи важных для советской истории событий (празднование 20-летия освобождения Сибири от «колчаковщины» в 1939 г.).

Гораздо чаще агитаторы и пропагандисты обращались к образам прошлого в ходе мероприятий более крупных кампаний. Например, в ходе обсуждения конституционного проекта сам факт принятия «самой демократической» Конституции агенты кампаний противопоставляли самодержавию Российской империи, «ложному демократизму февраля [1917 г.] и колчаковских бандитов»²³. Сам И.В. Сталин в отчетном докладе на Чрезвычайном VII Всесоюзном Съезде Советов 25 ноября 1936 г. сравнивал историческую ситуацию перед принятием Конституции СССР 1924 г. с положением дел в 1936 г.²⁴

В ходе электоральных кампаний 1937–1938 гг. еще активнее осуществлялось идеологическое сопровождение с использованием образов прошлого, чаще всего в формате антитезы: заявлений о том, что в «царские времена не давали голосовать» (кстати, о Государственной Думе времен Николая II агитаторы предпочитали не вспоминать либо заявляли о том, что «в ней сидели одни капиталисты и помещики»)²⁵. Использование образов прошлого в таких случаях носило редуцированный, ситуативный характер – определенные факты из истории привлекались (часто в искаженном виде) для аргументации сиюминутных политических тезисов. Иными словами, политика памяти осуществлялась в таком же кампанейском –

²¹ Советская Сибирь. 1937. 12 июня.

²² Подсчитано методом контент-анализа по публицистическим материалам газет «Правда», «Советская Сибирь», делопроизводственным документам Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ) (Ф. Р-7522), ГАНО (Ф. П-190, Р-1020).

²³ ГАНО. Ф. Р-1020. Оп. 1. Д. 43. Л. 2, 7.

²⁴ Сталин И.В. О проекте Конституции Союза ССР: Доклад на Чрезвычайном VIII Всесоюзном съезде Советов 25 ноября 1936 года // Правда. 1936. 26 ноября.

²⁵ ГАНО. Ф. П-190. Оп. 1. Д. 1. Л. 36.

форсированном и мобилизационном – формате, что и другие массовые идеологические акции.

Такой формат специфически отражался в восприятии целевых аудиторий. Это восприятие зависело от возраста, социального статуса и личного опыта граждан, но в целом его можно назвать *конфликтным восприятием*. Конфликт как столкновение мнений, интерпретаций и ценностей возникал по нескольким основным причинам: *несогласие, недоверие, непонимание и невнимание*.

Количественно проявления *несогласия* не слишком часты, однако, как правило, яркие и детально отражены в источниках, в первую очередь делопроизводственных (отчеты партийных, советских, профсоюзных и комсомольских органов и спецсводки агентов управления НКВД). Несогласие с официально транслируемыми установками и образами могло быть вызвано специальными историческими знаниями представителя целевой аудитории – представителя интеллигенции, студента и даже школьника, который мог «защитить» дореволюционное прошлое, ссылаясь на позитивные образы из школьной литературы²⁶. Однако чаще всего причиной несогласия становился личный опыт человека или группы лиц. Например, в 1937 г. участники партизанского движения времен Гражданской войны из Барнаула и нескольких алтайских сел отказывались верить в проникновение троцкистов в ряды партизан, многие из которых были репрессированы в 1930-х гг. Некоторые представители эстонских, ойротских и казахских колхозников из Тогучинского района Западно-Сибирского края и с Горного Алтая во время обсуждения конституционного проекта вспоминали, что «при царе и баях тоже жилось неплохо» и даже заявляли, что «многое можно бы вернуть, а колхоз отменить». Ряд взрослых квалифицированных рабочих предприятий Новосибирска и Томска также в ходе конституционной кампании призывали «посмотреть лучше на опыт прежних лет», имея в виду нэп²⁷. Скорее всего, такие смелые суждения высказывались потому, что, имея большой личный опыт, связанный с социальными трансформациями, эти люди верили в подлинный реформизм сталинского конституционного проекта.

Недоверие в первую очередь было вызвано неуверенностью граждан в правдивости пропаганды, а также личным опытом (в отличие от несогласия, которое как раз базировалось на уверенности граждан в своей правоте). Нередко проявления недоверия увязывались с прецедентами локальной истории. Так, в том же 1936 г. крестьянин Маслянинского района заявил, что, несмотря на «ужас царизма», его «край процветал», а значит, «не везде было худо»²⁸. Такая позиция связана с действительно успешным экономическим развитием этой местности в позднеимперский период, когда среди крестьян росло число артелей и кооперативных организаций. Кроме того, основанием для недоверия становилась история семьи: «кулаки лютовали, но отец мой помогал бедным и давал труд лентяям»²⁹, – говорил житель Алейского района на Алтае. Нередко активистам не доверяли по причине их молодого возраста или низкого авторитета среди населения, особенно в небольших деревнях: «молоко не обсохло, а уже ученый пионер», – говорили об активисте комсомольской организации Каргатского района³⁰. Особую категорию «недоверяющих» составляли верующие, особенно активисты приходских советов, которые в 1936–1938 гг. вели неравную, но активную борьбу против закрытия церквей. Словам агитаторов и партийно-советских функционеров они не верили, аргументируя это их нечестной политикой по отношению к общинам верующих: «ругает крепостников, а сам кричит, как помещик на чернь!» – жаловалась в неопубликованном письме в «Советскую Сибирь» секретарь приходского совета из Куйбышева³¹.

²⁶ ГАРФ. Ф. Р-1235. Оп. 114. Д. 24. Л. 11.

²⁷ ГАНО. Ф. Р-47. Оп. 1. Д. 2993. Л. 6, 15, 18.

²⁸ ГАРФ. Ф. Р-1235. Оп. 114. Д. 24. Л. 12.

²⁹ Алтайская правда. 1938. 25 июня.

³⁰ ГАНО. Ф. Р-47. Оп. 1. Д. 2994. Л. 32.

³¹ Там же. Д. 2996. Л. 45.

Причиной *непонимания* чаще всего становились коммуникативные неудачи в общении акторов кампаний и рядовых граждан. Это было вызвано низким уровнем образования и специальных знаний (как представителей целевой аудитории, так и самих активистов, часто молодых, плохо образованных людей). Кроме того, форсированность кампаний зачастую не позволяла вникнуть в сложные исторические факты. Дискурсивным маркером непонимания служат слова «не понимаю», «не знаю», «трудно разобрать». Часто люди сетовали на свою неграмотность, при этом проявляя интерес к самой теме обсуждения, однако гораздо чаще активисты сталкивались с феноменом *невнимания*, который следует охарактеризовать как интеллектуальный и психологический *конформизм*. Погруженные в собственные повседневные проблемы рядовые рабочие и колхозники зачастую не имели ни сил, ни желания разбираться в идеологических тонкостях, зачастую им совершенно неинтересных. Исследователь позднесоветской эпохи А. Юрчак называл такую безучастность при видимости участия «*вненаходимостью*» – этим термином вполне можно охарактеризовать массовый конформизм в ходе идеологических кампаний³². Усталые, опасющиеся «сказать лишнее» и обремененные другими – хозяйственно-экономическими – задачами люди отправляли на периферию своего внимания тонкости гуманитарной науки (даже в самом редуцированном и идеологизированном виде).

Конфликты по всем четырем причинам, как правило, носили мягкий характер. И хотя даже простое вербальное несогласие с функционером часто преподносилось в отчетах как «контрреволюционная вылазка», о «войнах памяти» в советском социуме 1930-х гг. говорить не приходится. Речь идет именно о *конфликтах памяти*, когда в социальном мировоззрении сложились фактически две картины прошлого, лишь частично пересекающиеся друг с другом: *официальный нарратив* (не полностью устойчивый, утилитарный и агрессивно транслируемый) и *личная память* (индивидуализированная, субъективная, не всегда подверженная идеологии, но и не стремящаяся корректировать ее). Голоса людей, имевших свой взгляд на прошлое, конечно, фиксировались, но говорить об их влиянии на официальный нарратив не представляется возможным – скорее, этот нарратив медленно изменялся в практических интересах государства (как эти интересы видели большевики).

Итак, во второй половине 1930-х гг. в рамках идеологической мобилизации населения СССР большевики активно, но несколько бессистемно применяли образы прошлого для легитимации своей политики в настоящем, используя яркие образы, часто с региональной спецификой. Носившая утилитарный и кампанейский характер мобилизация прошлого встречала определенный отклик среди групп населения в виде активизма, выражавшегося в воспроизведении идеологием. Таким образом, официальный дискурс воспроизводился и самовоспроизводился, формируя новый симулякр прошлого³³, приверженцы которого существуют до сих пор. В то же время современники по разным причинам не воспринимали официозные нарративы или воспринимали их искаженно. Причиной были как личные знания и индивидуальный опыт, так и незнание, отсутствие интереса или интеллектуальных возможностей для усвоения нарратива. При нестабильном и форсированном осуществлении политики памяти результат был противоречив – при внешней лояльности сохранялась скрытая конфликтность во взглядах, которая служила сохранению многогранности картины прошлого среди разных групп советского населения.

Литература

Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляции. М.: ПОСТУМ, 2015. 240 с.

Бранденбергер Д. Кризис сталинского агитпропа: Пропаганда, политпросвещение и террор в СССР, 1927–1941. М.: РОССПЭН, 2017. 367 с.

³² Юрчак А. Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение. М., 2019. С. 87.

³³ Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляции. М., 2015. С. 40.

Бранденбергер Д. Национал-большевизм. Сталинская массовая культура и формирование русского национального самосознания (1931–1956 гг.). СПб.: Издательство ДНК, 2009. 416 с.

Всесоюзная перепись населения 1937 г.: краткие итоги. / сост. Н.А. Араловец и др.; вступ. ст. В.Б. Жиромской, И.Н. Киселева; авт. коммент. Я.Е. Водарский и др. М.: Ин-т истории СССР, 1991. 238 с.

Малиа М. Советская трагедия: История социализма в СССР. 1917–1991. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2002. 584 с.

Медушевский А.Н. Как Сталину удалось обмануть Запад: принятие Конституции 1936 года с позиций политического пиара // Общественные науки и современность. 2016. № 3. С. 122–138.

Сталин И.В. Сочинения. Т. 13. М.: Государственное издательство политической литературы, 1951. 428 с.

Утевский Б.С. Две демократии. М.: Изд-во ЦК МОПР, 1935. 56 с.

Хлевнюк О.В. Хозяин. Сталин и утверждение сталинской диктатуры. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. 479 с.

Шлёгел К. Террор и мечта. Москва 1937. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2011. 742 с.

Юрчак А. Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение. М.: Новое литературное обозрение, 2019. 604 с.

Timasheff N. The Great Retreat. New York: E.P. Dutton & Co. Inc., 1946. 462 p.

References

Aralovets, N.A. (Comp.). (1991). Vsesoyuznaya perepis' naseleniya 1937 g.: kratkie itogi [All-Union Population Census of 1937: Summary Results]. Moscow, Institut istorii SSSR. 238 p.

Bodriyar, G. (2015). Simulyakry i simulyatsii [Simulacra and Simulations]. Moscow, POSTUM. 240 p.

Brandenberger, D. (2009). National-bolshevizm. Stalinskaya massovaya kultura i formirovanie russkogo natsionalnogo samosoznaniya (1931–1956) [National Bolshevism. Stalinist Mass Culture and the Foundation of Modern Russian National Identity, 1931–1956]. St. Petersburg, DNK. 416 p.

Brandenberger, D. (2017). Krisis stalinskogo agitpropa: propaganda, politprosvescheniye i terror v SSSR, 1927–1941 gg. [The Crisis of Stalin's Agitprop: Propaganda, Political Enlightenment and Terror in the USSR, 1927–1941]. Moscow, ROSSPEN. 367 p.

Khlevnyuk, O.V. (2010). Khozyain. Stalin i utverzhdeniye stalinskoy diktatury [The Owner. Stalin and the Foundation of Stalinist Dictatorship]. Moscow, ROSSPEN. 479 p.

Malia, M. (2002). Sovetskaya tragediya: Istoriya sotsializma v SSSR. 1917–1991 [Soviet Tragedy: The History of Socialism in the USSR. 1917–1991] Moscow, Rossiyskaya politicheskaya enciklopediya. 584 p.

Medushevskiy, A.N. (2016). Kak Stalinu udalos' obmanut' Zadad: prinyatie Konstitutsii 1936 goda s pozitsiy politicheskogo piara [How Stalin Managed to Deceive the West: the Adoption of the 1936 Constitution from the Standpoint of Political PR]. In *Obschestvenniye nauki i sovremennost'*. No. 3, pp. 122–138.

Shlyogel', K. (2011). Terror i mechta [The Terror and the Dream]. Moscow, Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN). 742 p.

Stalin, I.V. (1951). Sochineniya [Essays]. Vol. 14. Moscow, Gospolitizdat. 428 p.

Timasheff, N. (1946). The Great Retreat. New York, E.P. Dutton & Co. Inc. 462 p.

Utevskiy, B.S. (1935). Dve demokratii [Two Democracies]. Moscow, TsK MOPR. 56 p.

Yurchak, A. (2019). Eto bilo navsegda, poka ne konchilos'. Posledneye sovetskoye pokoleniye [It Was Forever Until It Was Over. The Last Soviet Generation]. Moscow, Novoye literaturnoye obozrenie. 604 p.

Статья поступила в редакцию 01.12.2021 г.

А.Д. Дерендяева*

A.D. Derendyaeva*

**Голод 1930-х годов
в Казакской (Казахской) АССР:
влияние современного кинематографа
на конструирование идентичности**

**The Famine of the 1930s
in the Kazak (Kazakh) ASSR:
Influence of Modern Cinema
on the Identity Construction**

doi:10.31518/2618-9100-2022-1-12

doi:10.31518/2618-9100-2022-1-12

УДК 94(47).084.6

Выходные данные для цитирования:

How to cite:

Дерендяева А.Д. Голод 1930-х годов в Казакской (Казахской) АССР: влияние современного кинематографа на конструирование идентичности // Исторический курьер. 2022. № 1 (21). С. 124–132. URL: <http://istkurier.ru/data/2022/ISTKURIER-2022-1-12.pdf>

Derendyaeva A.D. The Famine of the 1930s in the Kazak (Kazakh) ASSR: Influence of Modern Cinema on the Identity Construction // Historical Courier, 2022, No. 1 (21), pp. 124–132. [Available online: <http://istkurier.ru/data/2022/ISTKURIER-2022-1-12.pdf>]

Abstract. The article investigates modern feature and documentary films, dedicated to one of the collective traumas of the 20th century, the Famine of the 1930s in the Kazak (Kazakh) ASSR. Analyzing the main plots and using comparative approach, the author identifies key markers of identity reflected in the films: 1) “love for the motherland, for historical roots”; 2) “natural conditions, climate”; 3) “image of an enemy”; 4) “image of a national hero”; 5) “collective feelings, behavior”; 6) “features of national culture”; 7) “sites of commemoration”. It is noted that the designated identifiers show the construction of ethnic (national) Kazakh, but not civil (multinational) identity, which is proclaimed by the political authorities of the Republic of Kazakhstan in the official discourse. At the same time, a characteristic feature of the films under study is the formation of a “friend-or-foe” binary opposition, which shows the desire to delegitimize the opponents’ narratives reflecting a different interpretation of this collective trauma, famine. Therefore, the comparative analysis allows to conclude that cinema is one of the tools of the identity politics and the memory politics in modern Kazakhstan, and at the same time it is an element of the symbolic space. In this connotation, the collective memory becomes a kind of an “assemblage point” of the historical past.

Keywords: historical memory, collective trauma, memory politics, famine of the 1930s, cinema of the Republic of Kazakhstan, the Republic of Kazakhstan.

The article has been received by the editor on 29.11.2021.

Full text of the article in Russian and references in English are available below.

Аннотация. В статье изучаются современные художественные и документальные фильмы, посвященные одной из коллективных травм XX в. – голоду 1930-х гг. в Казакской (Казахской) АССР. Анализируя основные сюжеты и используя компаративный подход, автор выделяет ключевые маркеры идентичности, отражающиеся в кинолентах: 1) «любовь к Родине, к историческим корням»; 2) «природные условия, климат»; 3) «образ врага»; 4) «образ национального героя»; 5) «коллективные чувства, поведение»; 6) «особенности национальной культуры»; 7) «места памяти». Отмечается, что выделенные идентификаторы показывают конструирование этнической (национальной) казахской, но не гражданской (многонациональной) идентичности, которую в официальном дискурсе провозглашает политическая власть Республики Казахстан. В то же время характерной особенностью

* Дерендяева Анна Дмитриевна, аспирантка, Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия, e-mail: a.derendyaewa@yandex.ru

Derendyaeva Anna Dmitrievna, Graduate Student, Altai State University, Barnaul, Russia, e-mail: a.derendyaewa@yandex.ru

исследуемых фильмов становится формирование бинарной оппозиции «свой-чужой», что показывает стремление делегитимизировать нарративы оппонентов, отражающих иную интерпретацию данной коллективной травмы – голода. Поэтому проведенный компаративный анализ позволяет прийти к выводу, что кинематограф выступает одним из инструментов политики идентичности и политики памяти в современном Казахстане и в то же время является элементом символического пространства. Коллективная память в данной коннотации становится некой «точкой сборки» исторического прошлого.

Ключевые слова: историческая память, коллективная травма, политика памяти, голод 1930-х гг., кинематограф Республики Казахстан, Республика Казахстан.

Для многих стран постсоветского пространства особую роль в политической повестке занимает вопрос осмысления и конструирования новой политики идентичности, которая бы не только способствовала формированию механизмов консолидации общества, но и регулировала возникающие дилеммы, затрудняющие процесс нациестроительства. Среди ключевых направлений данной политики большую роль играет «политика памяти», трансформирующаяся в коммеморативные практики. Однако не всегда память выступает в положительном контексте, иногда история отображает трагические нарративы. В научном дискурсе изучение феномена «коллективных травм» (trauma studies) становится все более актуальным, что объясняется установленной корреляцией с процессами последующего конструирования идентичности. В то же время интерпретация произошедших трагедий зачастую носит бинарный, а иногда и многополярный характер: все зависит от политических ценностей и установок акторов, освещающих историю прошлого. Так, для многих граждан бывших советских республик XX век ассоциируется с категориями негативной коннотации – «мировые войны», «голод», «революции» и т.д. С другой стороны, опросы общественного мнения среди респондентов постсоветских стран показывают, что есть и положительные оценки тех же самых событий¹. Такая ситуация объясняется тем, что «политика памяти», с одной стороны, проводится сверху и это приводит к частичному «мифологизаторству» исторического сознания, а также конструированию тех маркеров коллективной идентичности, которые рациональны с точки зрения органов государственной власти. В то же время появляются исследования независимых экспертов, зачастую выступающих с иной оценкой событий прошлого. Из-за этого «историческая память» может носить субъективный характер, не претендующий на абсолютную истину.

Поэтому для любой государственной власти важным становится проведение тех стратегий и практик политики идентичности, которые бы оказали массовое воздействие на процессы конструирования коллективного сознания. Среди различных инструментов «политики памяти» особую роль играет кинематограф, который актуализирует прошлое в современных образах и становится ретранслятором истории. Кино, в отличие от многих других инструментов («переписывание истории», «переименование географических объектов», «места памяти»), носит более массовый характер и способно определять настроения целых аудиторий. Часто киноленты становятся чуть ли не единственным источником знаний в обществе, формируя при этом определенное отношение к реальности.

На основании этого актуальным становится изучение кинематографа в постсоветских республиках, поскольку именно они в начале 1990-х гг. оказались в таких условиях, при которых нужно было проводить новую политику идентичности и, как следствие, формировать иное, основанное на других ценностях и коммеморативных практиках символическое пространство. Среди кинолент, посвященных «политике памяти» и, в частности, «коллективным травмам», значимое место занимают фильмы, транслирующие события коллектив-

¹ Каракулов М. Школьная история в учебниках народов бывшего СССР и общественное мнение // История и геополитика. 9 февраля, 2015 [Электронный ресурс]. URL: <https://medium.com/history-and-geopolitics/-f9295c417758> (дата обращения: 19.11.2021).

зации и голода, процессы которых в XX в. затронули почти все бывшие советские республики (Азербайджан, Казахстан, Киргизию, Литву, Молдавию, Украину и т.д.).

Особый интерес среди данных стран представляет собою Республика Казахстан, поскольку в этой стране была доказана высокая смертность в начале 1930-х гг. от массового голода. Однако, в отличие от той же Украины, травматический опыт казахов мало обсуждался в силу того, чтобы не обострять «проблемы прошлого» во внешнем диалоге с Российской Федерацией.

В силу своей политизированности проблема «голода в Казахстане» изучается исследователями «довольно аккуратно», тем не менее существует небольшое количество трудов, посвященных данной теме. Например, работы зарубежных исследователей – С. Камерон, Р. Киндлера² и отечественных – Д.Н. Верхотурова, А.В. Грозина³ и т.д.

Целью данного исследования становится анализ кинематографического дискурса, посвященного событиям голода 1930-х гг., а также выделение основных маркеров идентичности, которые отражают коллективную травму в целом. В качестве теоретической базы исследования выступает теория исторического сознания Й. Рюзена, в рамках которой события (под ними мы подразумеваем «коллективные травмы», историк обозначает их как «катастрофические») рассматриваются как решающие шаги в историческом процессе, влияющие на конструирование идентичности⁴. Важным эмпирическим методом работы послужил компаративный анализ, где в качестве объектов изучения становятся документальные и художественные фильмы, посвященные голоду начала 1930-х гг. в казахских землях. Сравнительный подход позволит выявить общие и различные идентификаторы (маркеры) в казахстанском кинематографе.

До событий, связанных с голодом, казахи на протяжении четырех тысяч лет практиковали кочевое скотоводство (овцы, лошади, верблюды). Такой образ жизни, с одной стороны, предполагал возможность адаптации к лучшим природным условиям – казахи останавливались там, где было больше хороших пастбищ и воды. В то же время подвижное скотоводство было одним из маркеров национальной идентичности.

В исследовании прежде всего изучалась территория, расположенная в центре Казахстана, к югу от Караганды. В годы голода, да и сейчас, данное место соотносится с таким нарративом, как «Голодная степь» или «Бетпак-Дала», что в переводе с казахского означает «Несчастливая степь». Именно здесь развернулись наиболее масштабные трагические события. В 1925 г. Ф.И. Голощёкин, первый секретарь ЦК Компартии Казахстана, приехал в столицу республики Кызыл-Орду (Красную Орду)⁵. В 1927–1928 гг. начинается кампания, направленная на уничтожение нomaдизма во всей республике. Советская власть заявляет о том, что кочевое скотоводство носит «нестабильный характер» производства и противоречит идеологии марксизма-ленинизма. По мнению органов государственной власти, процесс перехода казахов в современную нацию нужно решать за счет борьбы с баями («богачами») и последующим конструированием оседлого образа жизни. Осенью 1928 г. было выпущено Постановление о конфискации имущества, направленное против «наиболее крупных скотоводов» из коренного населения. Вместе с массовым сокращением поголовья скота начинаются затруднения в массовых миграциях казахов, а изгнание баев из казахских общин приводит к фундаментальному социальному переустройству. Некоторые казахи пытались бороться: распределяли свой скот между родственниками, продавали или забивали его. Еще одной формой протеста против советской власти стало бегство, физическая мобильность: в Киргизию, Сибирь и даже через границу, в Китай⁶. Кампания по конфис-

² Cameron S. *The Hungry Steppe: Famine, Violence, and the Making of Soviet Kazakhstan*. Ithaca and London, 2018; Kindler R. *Stalins nomaden. Herrschaft und Hunger in Kasachstan*. Hamburg, 2014.

³ Верхотуров Д.Н. Ашаршылык: история Великого голода. М., 2010; Грозин А.В. Голод 1932–1933 годов и политика памяти в Республике Казахстан. М., 2014.

⁴ «Цепь времен»: проблемы исторического сознания. М., 2005. С. 41–44.

⁵ Cameron S. *The Hungry Steppe*... P. 34–36.

⁶ Irons W. Nomadism as a Political Adaptation: The Case of the Yomut Turkmen // *American Ethnologist*. 1974. Vol. 1, No. 4. P. 635–637.

кации байских хозяйств привела к серьезным последствиям и показала проблемы коллективизации, поскольку уже летом 1930 г. в Казахстане начинается голод, а вместе с ним волнения, восстания и последующие от советской власти репрессии.

К 1932 г. на данных территориях фиксируется большое количество умерших, вместе с тем появляются слухи о том, что люди употребляют грызунов в пищу, несмотря на то, что это противоречило религиозным воззрениям – исламу. Многократно увеличилось число беспризорных детей и т.д.⁷

Важно отметить, что с момента распада СССР политическая власть Республики Казахстан старалась не затрагивать темы процессов коллективизации и голода. Лишь в 2012 г. первый президент страны Н.А. Назарбаев отметил, что выступает против политизации данной темы. Он подчеркнул, что Казахстан должен оставаться в дружеских отношениях со своими соседями. Тем не менее в стране проводились коммеморативные практики, связанные с коллективной травмой. Так, 31 мая 2012 г. в Астане был установлен монумент жертвам Голодомора 1932–1933 гг., кроме того, данная дата была объявлена Днем памяти жертв политических репрессий и голодомора. Позднее, в мае 2017 г., в Алма-Ате была установлена скульптура из бронзы и гранита «Ана» (от казах. «мать»). Данный памятник представляет собою изображение женщины, которая прижимает к груди обессиленного от голода ребенка.

Для того чтобы выявить основные маркеры идентичности коллективной травмы, которые заложены в кинематографе Республики Казахстан, нами были рассмотрены художественные и документальные фильмы. Так, среди художественных были изучены следующие киноленты: фильм «Заманай» (1997), фильм «Жат» (2015) и фильм «Плач Великой степи» (2021).

Фильм «Заманай» (1997), режиссером которого является Б. Шарип, был снят по роману писателя С. Жунусова «Тропа» («Горные тропы») (1990). Сюжет фильма повествует о казахской девушке Балзии, «влюбленной» в свою родину – Казахстан. Героиня гордится местами, где она родилась: в киноленте символично отображаются географические достопримечательности – необъятные степи, высокие горы, голубые небеса и т.д. Однако начинаются процессы коллективизации и, опасаясь репрессии со стороны советской власти, девушке приходится бежать из своей деревни в Китай. Бывший дом становится воплощением образа коллективизации и голода – он оказывается полностью разрушенным, а отца Балзии убивают. Спустя много лет девушка предстает в виде пожилой седовласой женщины, которая вместе со своим внуком пытается вернуться обратно на родину, в Казахстан. Однако это не так просто. Здесь наблюдается внешняя борьба героя с препятствиями – попытка пересечь границу, убежать, стать свободным. Стоит отметить, что название фильма «Заманай» соответствует сюжету картины, поскольку в переводе с казахского слово обозначает «тяжелые времена».

Таким образом, анализ сюжета фильма позволяет нам выделить его основные маркеры идентичности: 1) «любовь к Родине, к историческим корням» – показана любовь к месту, где родилась главная героиня Балзия; 2) «природные условия, климат» – горы, пустыни, степи, небеса; 3) «коллективные чувства, поведение» – показаны три поколения – отец, ребенок (девушка) и внук, которые переживают трагедию – посттравму; 4) «образ национального героя» – отображается внешняя борьба, попытка пересечь границу пожилой женщины и внука и убежать, быть свободным; 5) «образ врага» – образ разрушенной деревни как символ коллективизации и голода, советской власти.

В основе сюжета другого проанализированного нами фильма «Жат» («Чужой») (2015) режиссера Е. Турсунова рассказывается история об отце и сыне, которые живут на казахских землях в скромной мазанке и работают в колхозе «Интернационал». Начинается коллективизация, и одной из жертв репрессии становится отец девятилетнего Ильяс – Едиге, ночью его убивают сотрудники НКВД. Оставшись без родителя, мальчик уходит в горы вместе со своим жеребенком, где остается навсегда. Ильяс начинает жить в пещере,

⁷ Масанов Н.Э., Абылхожин Ж.Б. Научное знание и мифотворчество в современной историографии Казахстана. Алматы, 2007. С. 104.

охотится, собирает меха и шкуры. Спустя несколько лет начинается Великая Отечественная война, однако Ильяс не идет на фронт, за что к нему негативно относится весь колхоз, называя дезертиром. В заключительной части фильма с фронта возвращаются колхозники, которые принимают Ильяса за мертвого и избивают его. Он чудом выживает и продолжает оставаться отшельником, у него еще больше недоверия к людям. В конце фильма главный герой умирает в своей пещере в полном одиночестве.

В качестве ключевых маркеров данной киноленты можно выделить: 1) «образ врага» – в самом начале показан процесс охоты отца и сына на сусликов: они заливают одну нору водой и ждут у другой, когда грызун побежит, тем самым попав в силки (ассоциация «казахов» и «советской власти»); 2) «природные условия, климат» – горы, пустыни, степи, небеса; 3) «образ национального героя» – стремление быть свободным, уйти в горы, горы – как символ свободы; 4) «особенности национальной культуры» – жеребенок, конь – национальный символ у казахов.

Также нами была рассмотрена современная кинолента «Плач великой степи» («Ұлы Дала Зары») режиссера М. Кунаровой (2021). Фильм является не только художественным, но и считается, что он основан на исторических событиях, а поэтому имеет документальный характер. С самого начала феномен голода презентуется как следствие борьбы двух противоположностей: темного и светлого. В начале фильма яркие краски, позитивные ассоциации, показана жизнь казахов до трагических событий: чистое голубое небо, зеленая трава, много национальных блюд, музыка, радость, казахские гуляния. С момента начала страшных событий кинолента меняется, все становится серым, черным и выступает в негативной коннотации. К этим оттенкам присоединяется красный цвет, показанный как цвет крови, апеллирующий к советской власти, к НКВД.

В качестве ключевых маркеров можно выделить: 1) «природные условия, климат» – показаны горы, пустыни, степи, небеса; 2) «образ врага» – в киноленте есть сцена борьбы беркута с волком. Кроме того, в одной из сцен Ф.И. Голощёкину говорят, что беркут у казахов – священная птица, на что он отвечает, священная у нас – советская власть. Также маркером являются: 3) «особенности национальной культуры» – национальная музыка, юрты, лошади, одежда, еда, шанырак и т.д.

Среди документальных фильмов нами были рассмотрены и проанализированы следующие киноленты: «Великий Джут» (1992), «Зулмат. Геноцид в Казахстане» (2019), а также «Откочевники мертвой степи» (2019).

Так, фильм «Великий Джут» был снят в 1992 г. и отреставрирован в 2012 г. Кинолента достаточно непродолжительна, около 30 минут, она снята по мотивам книги В. Михайлова «Хроники Великого Джута». В фильме анализируются архивные документы, которые свидетельствуют о насильственном изменении традиционного уклада жизни казахов. Среди прочих ключевых идентификаторов можно выделить: 1) «коллективное поведение, чувства»; 2) «особенности национальной культуры» и т.д.

Похожего содержания документальный фильм «Зулмат. Геноцид в Казахстане» (2019) журналиста Ж. Мамаева. К ключевым маркерам киноленты можно отнести: 1) «образ врага», в качестве которого выступает Ф.И. Голощёкин, призывающий уничтожить лошадей, чтобы оставить казахов без них; 2) «особенности национальной культуры» – показаны кочевники, их оседлый образ жизни. Кроме того, в фильме используется достаточно контрастный лозунг: «Серп и молот – смерть и голод!» и т.д.

Наконец, последний документальный фильм, проанализированный нами, – «Откочевники мертвой степи» (2019), кинолента политолога Д. Сатпаева. К основным маркерам идентичности можно отнести: 1) «образ врага» – вновь выражается в виде Ф.И. Голощёкина как некоего мизантропа – человека, которого не остановит кровь; 2) «коллективные чувства, поведение» – гибель кочевого населения, уничтожил национальное самосознание; 3) «особенности национальной культуры» – разрушен традиционный уклад, достоинство, гордость растоптаны.

Схематично полученные данные отражены в таблице (см. таблицу).

Таблица

Основные маркеры идентичности художественных и документальных фильмов, посвященных проблеме голода 1930-х гг. в Республике Казахстан

Маркер (идентификатор) идентичности	Название художественных фильмов			Название документальных фильмов		
	«Заманай»	«Жат»	«Плач великой степи»	«Наубет»	«Зулмат. Геноцид в Казахстане»	«Отко- чевники мертвой степи»
1. «Любовь к Родине, к историче- ским корням»	+	–	–	–	–	–
2. «Природные условия, климат»	+	+	+	–	–	–
3. «Образ врага»	+	+	+	–	+	+
4. «Образ националь- ного героя»	+	+	–	–	–	–
5. «Коллективные чувства, поведение»	+	+	+	+	+	+
6. «Особенности национальной культуры»	+	+	+	+	+	+
7. «Места памяти»	–	–	–	–	+	+

В настоящее время тема голода вновь поднимается в публичном пространстве Республики Казахстан. Так, в январе 2021 г. президент К.Ж. Токаев отметил, что если бы не эти коллективные травмы, то нация была бы во много раз больше, чем сегодня: «...к этому сложному вопросу нужно подойти сдержанно и ответственно...»⁸.

Итак, можно сделать следующие выводы. Официальный дискурс памяти о процессах голода 1930-х гг. носил неопределенный характер, что отразилось и в кинематографе Республики Казахстан. В целом можно выделить два этапа в эволюции кинолент, посвященных голоду 1930-х гг. В начале независимости страны коллективные травмы XX в. не являлись предметом публичного казахстанского дискурса и можно констатировать о периоде «замалчивания» (1990-е гг.) проблем прошлого. Фильмов, посвященных голоду 1930-х гг., небольшое количество, и они не носят категоричный характер, не конструируют ярко выраженные негативные коннотации или маркеры идентичности, стремятся дать наиболее объективную оценку прошлого (например, «Заманай», «Наубет»).

Второй этап в эволюции кинолент связан с настоящим временем: из-за смены политической повестки процессам голода и коллективизации стали уделять большую значимость и наступил так называемый период «оттепели» (2010-е гг.). В кинофильмах этого периода, как художественных, так и документальных, прослеживается схожий набор маркеров идентичности, а также общий нарратив, связанный с негативным образом советского прошлого. В фильмах отмечается резкая критика советской власти, что выражается через такие травма-

⁸ Токаев К.-Ж. Независимость превыше всего [Электронный ресурс] // Посольство Республики Казахстан в Российской Федерации. 05.01.2021. URL: https://www.kazembassy.ru/rus/press_centр/novosti/?cid=0&rid=4357 (дата обращения: 19.11.2021).

тичные категории, как «геноцид», «голодомор», «кровь», «людоедство», «не люди» и даже лозунги – «Серп и молот, смерть и голод!».

Легитимация через прошлое осуществляется путем создания целой системы маркеров идентичности, отсылающих к событиям прошлого. Проанализировав художественные и документальные фильмы о голоде 1930-х гг. в Казахстане, можно выделить следующие маркеры идентичности: 1) «любовь к Родине, к историческим корням»; 2) «природные условия, климат»; 3) «образ врага»; 4) «образ национального героя»; 5) «коллективные чувства, поведение»; 6) «особенности национальной культуры»; 7) «места памяти».

Одним из доминантных маркеров идентичности в рассматриваемых кинолентах становится «образ врага», в лице которого выступает Ф.И. Голощёкин, советская власть в целом. Такие идентификаторы, как «свой-чужой», «мы-они», показывают, что даже в фильмах присутствует «конфликт идентичностей», продолжающий сохраняться на постсоветском пространстве. В данном случае можно говорить о «борьбе» концептов «этнонация» и «гражданская нация», когда признание второй категории в силу ментальной инерции и этнического национализма кажется для Казахстана, как и для многих других постсоветских стран, невозможным и порою опасным, отрицающим первый концепт.

Другим распространенным маркером идентичности становятся «коллективные чувства, поведение» – казахам приписываются одинаковые черты поведения, выражающиеся через следующие ценностные категории: «сплоченность», «сочувствие», «солидарность» и т.д.

Важным маркером являются «особенности национальной культуры», как правило, этот идентификатор демонстрируется в начале кинолент: показывается общественный строй казахов, их кочевой образ жизни, традиции, культурный уклад. Стоит отметить, что такие эпизоды сопровождаются в кинематографе яркими, светлыми, теплыми красками, вызывающими положительные чувства. С момента прихода советской власти, начала процессов голода и коллективизации цветовая гамма кинолент меняется на палитру так называемой «негативной коннотации» – появляются серые (и даже грязные), темные, холодные оттенки, сопровождающиеся утратой национальных черт: кочевое хозяйство прекращает функционировать, традиции и культурные практики сводятся на нет и т.д.

Несмотря на то, что маркер «любовь к Родине, к историческим корням» наиболее ярко выражен в художественном фильме «Заманай», так или иначе он присутствует и в других кинолентах. Однако в этом фильме наглядно показывается стремление главной героини Балзии вернуться обратно, на свою Родину, в противовес различным препятствующим факторам – возрасту, погодным условиям, границам и т.д.

Маркер «природные условия, климат» характерен для художественных фильмов, нежели для документальных. Так же как и маркер «особенности национальной культуры», сквозь его призму показываются «идеальные» природные условия для кочевого хозяйства – бескрайние степи, горы, пустыни, голубые небеса и т.д. Причем такие природные особенности в кинолентах сопровождаются теплыми временами года – показано ясное небо, отсутствие ветра, снега и т.д. При появлении советской власти, так называемого «врага», погодные условия резко меняются – буря, снег, метель, засуха, холод дополняют состояние казахского народа, показывая его тяжелую историческую судьбу. Чем сильнее становится голод, к 1932–1933 гг. казахские земли становятся пустынные, начинается их истощение, не остается ничего плодородного, демонстрируется отсутствие жизни.

Такой маркер идентичности, как «образ национального героя», находит свое отражение в кинолентах «Заманай» – там в образе героев выступают главная героиня Балзия и ее внук, а также в фильме «Жат» – здесь главным героем становится Ильяс. Герои демонстрируют настоящий патриотизм, уважение к своей земле – показывают истинные черты казахов: свободолюбие, непокорность, честность и т.д. В то же время во всех кинолентах в качестве доминирующих персонажей можно выделить казахский народ в целом. Казахи, несмотря на трагические события, показаны героически, способными на подвиг, выжить любой ценой.

В качестве идентификатора «места памяти» выбраны памятники жертвам голода, которые используются в кинолентах «Зулмат. Геноцид в Казахстане» и «Откочевники прошлого».

Места памяти в данном случае выступают как реконструкторы исторического прошлого, показывают ассоциативную связь с историей.

Таким образом, можно говорить о том, что воспоминания о коллективных исторических травмах зачастую носят политизированный характер и меняются в зависимости от государственной концепции нациестроительства и т.д. В такой коннотации «память как прошлое, пережитое сообща» становится «точкой сборки» для конструирования коллективной идентичности Республики Казахстан. Ностальгируя по прошлому, тому периоду, где не было голода, киноленты апеллируют к различным казахским ценностям, на основании которых нужно консолидироваться. Но вот насколько травматический опыт, институционализированный сверху, остается в памяти общества, остается открытым вопросом, поскольку постепенно он перестает вызывать сильные переживания.

Литература

Абылхожин Ж.Б., Масанов Н.Э. Научное знание и мифотворчество в современной историографии Казахстана. Алматы: Дайк-Пресс, 2007. 296 с.

Верхотуров Д.Н. Ашаршылык: история Великого голода. М.: Самиздат, 2010. 370 с.

Грозин А.В. Голод 1932–1933 годов и политика памяти в Республике Казахстан. М.: ИВ РАН, 2014. 178 с.

Независимость превыше всего / публ. К.-Ж. Токаева // Посольство Республики Казахстан в Российской Федерации. 05.01.2021 [Электронный ресурс]. URL: https://www.kazembassy.ru/rus/press_centр/novosti/?cid=0&rid=4357 (дата обращения: 19.11.2021).

«Цепь времен»: проблемы исторического сознания / отв. ред. Л.П. Репина. М.: ИВИ РАН, 2005. 256 с.

Школьная история в учебниках народов бывшего СССР и общественное мнение / публ. М. Каракулова // История и геополитика. 9 февраля, 2015 [Электронный ресурс]. URL: <https://medium.com/history-and-geopolitics/-f9295c417758> (дата обращения: 19.11.2021).

Cameron S. The Hungry Steppe: Famine, Violence, and the Making of Soviet Kazakhstan. Ithaca and London: Cornell University Press, 2018. 292 p.

Irons W. Nomadism as a Political Adaptation: The Case of the Yomut Turkmen // American Ethnologist. 1974. Vol. 1, no. 4. P. 635–658.

Kindler R. Stalins nomaden. Herrschaft und Hunger in Kasachstan. Hamburg: Hamburger Edition, 2014. 381 s.

References

Abylhozhin, Zh.B., Masanov, N.E. (2007). *Nauchnoe znanie i mifotvorchestvo v sovremennoy istoriografii Kazakhstana* [Scientific Knowledge and Myth-making in Modern Historiography of Kazakhstan]. Almaty, Dajk-Press. 296 p.

Cameron, S. (2018). *The Hungry Steppe: Famine, Violence, and the Making of Soviet Kazakhstan*. Ithaca and London, Cornell University Press. 292 p.

Grozin, A.V. (2014). *Golod 1932–1933 godov i politika pamyati v Respublike Kazahstan* [The Famine of 1932–1933 and the Policy of Memory in the Republic of Kazakhstan]. Moscow, IV RAN. 178 p.

Irons, W. (1974). Nomadism as a Political Adaptation: The Case of the Yomut Turkmen. In *American Ethnologist*. Vol. 1, no. 4, pp. 635–658.

Karakulov, M. Shkol'naya istoriya v uchebnikah narodov byvshego SSSR i obshchestvennoe mnenie [School History in the Textbooks of the Peoples of the Former USSR and Public Opinion]. *Istoriya i geopolitika*. 9 fevralya, 2015. Available at: URL: <https://medium.com/history-and-geopolitics/-f9295c417758> (date of access 19.1.2021).

Kindler, R. (2014). *Stalins nomaden. Herrschaft und Hunger in Kasachstan*. Hamburg, Hamburger Edition. 381 s.

Repina, L.P. (Ed.). (2005). “Сеп’ vremen”: problemy istoricheskogo soznaniya [The Chain of Times: Problems of Historical Consciousness]. Moscow, IVI RAN. 256 p.

Tokaev, K.-Zh. Nezavisimost’ prevyshe vsego [Independence Above All] Posol’sтво Respubliki Kazakhstan v Rossiyskoy Federacii. 05.01.2021 [Embassy of the Republic of Kazakhstan in the Russian Federation. 01/05/2021]. Available at: URL: https://www.kazembassy.ru/rus/press_centр/novosti/?cid=0&rid=4357 (date of access 19.11.2021).

Verhoturov, D.N. (2010). *Asharshylyk: istoriya velikogo goloda* [Asharshylyk: the Story of the Great Famine]. Moscow, Samizdat. 370 p.

Статья поступила в редакцию 29.11.2022 г.

А.С. Жанбосинова*

A.S. Zhanbosinova*

Историческая память о Великой Отечественной войне в пространстве Казахстана

Historical Memory of the Great Patriotic War in the Space of Kazakhstan

doi:10.31518/2618-9100-2022-1-13

doi:10.31518/2618-9100-2022-1-13

УДК 9/93

Выходные данные для цитирования:

How to cite:

Жанбосинова А.С. Историческая память о Великой Отечественной войне в пространстве Казахстана // Исторический курьер. 2022. № 1 (21). С. 133–144. URL: <http://istkurier.ru/data/2022/ISTKURIER-2022-1-13.pdf>

Zhanbosinova A.S. Historical Memory of the Great Patriotic War in the Space of Kazakhstan // Historical Courier, 2022, No. 1 (21), pp. 133–144. [Available online: <http://istkurier.ru/data/2022/ISTKURIER-2022-1-13.pdf>]

Abstract. The article deals with the formation of the historical memory of the Great Patriotic War in Kazakhstan. Memory studies is one of the most successfully developing research areas in the scientific and humanitarian space. The author believes that in combination with the political restructuring and the parade of sovereignties, there was a cardinal reset of the scientific paradigm in the post-Soviet space, the “change of discursive formations” and the “will to knowledge” caused criticism and objectivity of research practices in the focus of historical memory. The history of the Great Patriotic War received a detailed study in the post-Soviet era. There was no information in the collective memory of Soviet society about the catastrophic defeat of the Soviet army and the huge number of prisoners of war who found themselves in the hands of the Fascist occupationists in the first months of the war. At the same time, the attempt to legitimize the members of the Turkestan Legion caused a lot of both negative and positive assessments. This topic requires more detailed scientific research and an objective perception of the tragic events of the past. The author identifies commemorative practices and analyzes of their content given. We observe an active ethnization of memory in the geographical space of Kazakhstan. The author believes that the official state policy on the formation of historical memory of the Great Patriotic War in Kazakhstan has framework parameters, and does not contradict the content of collective memory. The content of the latter has common trends with the state historical policy in Russia, Belarus, intersecting with the states of Central Asia. The historical memory of the war in the post-Soviet space has passed the stage of oblivion, historical trauma, overcoming. The current stage is the construction of historical memory and the formation of one’s own identity on its basis.

Keywords: Kazakhstan, historical memory, the Great Patriotic War, commemorative practices, narratives, online community.

The article has been received by the editor on 30.11.2021.

Full text of the article in Russian and references in English are available below.

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы формирования исторической памяти о Великой Отечественной войне в Казахстане. Memory studies одно из самых успешно развивающихся в научно-гуманитарном пространстве исследовательских направлений. Автор полагает, что в сочетании с политической перестройкой и парадом суверенитетов произошла кардинальная перезагрузка научной парадигмы в постсоветском пространстве, «смена дискурсивных формаций» и «воля к знанию» обусловили критицизм и объективность исследовательских практик в фокусе исторической памяти. История Великой Отече-

* **Жанбосинова Альбина Советовна**, доктор исторических наук, профессор, Евразийский Национальный университет им. Л. Гумилева, Нур-Султан, Казахстан, e-mail: sovetuk@rambler.ru
Zhanbosinova Albina Sovetovna, Doctor of Historical Sciences, Professor, L. Gumilev Eurasian National University, Nur-Sultan, Kazakhstan, e-mail: sovetuk@rambler.ru

ственной войны получила развернутое исследование в постсоветскую эпоху. В коллективной памяти советского общества отсутствовала информация о катастрофическом поражении советской армии и огромном количестве военнопленных, оказавшихся в руках фашистских оккупантов в первые месяцы войны. Вместе с тем попытка легитимизации участников Туркестанского легиона вызвала множество как негативных, так и положительных оценок. Эта тема требует более детального научного исследования и объективного восприятия трагических событий прошлого. Выявлены коммеморативные практики и дан анализ их содержания. Мы наблюдаем активную этнизацию памяти в географическом пространстве Казахстана. Автор полагает, что официальная государственная политика по формированию исторической памяти о Великой Отечественной войне в Казахстане имеет рамочные параметры и не противоречит содержанию коллективной памяти. Содержание последней имеет общие тренды с государственной исторической политикой в России, Белоруссии, пересекаясь с государствами Центральной Азии. Историческая память о войне в постсоветском пространстве прошла этап забвения, исторической травмы, преодоления. Текущая ситуация – этап конструирования исторической памяти и формирование на ее основе собственной идентичности.

Ключевые слова: Казахстан, историческая память, Великая Отечественная война, коммеморативные практики, нарративы, онлайн-сообщество.

Актуальность предложенного исследования связана с вопросами исторической памяти и текущими процессами «войн памяти». Нациестроительство в Евразийском пространстве на рубеже XX–XXI вв., как следствие развала советской империи, обусловило кардинальную встряску научной исторической мысли в обретении идентичности и в конструировании прошлого. Особую роль сыграли научный междисциплинарный инструментарий и новые концептуальные подходы, а также новые средства коммуникации, цифровые технологии.

Завершение советской эпохи одновременно завершило фазу «коллективного замалчивания» и обращения к памяти прошлого¹. Политическая система СССР формировала основные идеологические концепты исторической памяти советского народа, на фоне которой в забвении находилась национальная история союзных республик. «Архивная революция», перестройка и парад суверенитетов стали исходной точкой «смены дискурсивных формаций», а «воля к знанию» детерминировала критицизм и объективность исследовательских практик². Memory studies – одно из самых активно разрабатываемых направлений, как в западно-европейской, так и российской историографии. Методологические концепты были заложены классиками научного жанра Р. Коллингвудом³, Я. Ассманом⁴, П. Нора⁵, П. Рикёром⁶, М. Хальбваксом⁷, Л. Репиной⁸ и др.

Тридцать лет назад каждая союзная республика, опираясь на общее советское прошлое в национальной интерпретации, избрала собственный путь национальной идеи и коллективной памяти. Отметим, что советская история в постсоветском пространстве стала предметом острых дискуссий. Если ранее память советского общества опиралась на

¹ Что такое память? – Интервью с Аллейдой Ассман [Электронный ресурс]. URL: <https://www.goethe.de/ins/lv/ru/kul/sup/eri/ate/20809570.html> (дата обращения: 19.10.2021).

² Фуко М. Археология знания. Киев, 1996.

³ Коллингвуд Р. Идея истории. М., 1988.

⁴ Ассман Я. Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М., 2004.

⁵ Нора П. Франция-память. СПб., 1999.

⁶ Рикёр П. Память, история, забвение. М., 2004.

⁷ Хальбвакс М. Коллективная и историческая память [Электронный ресурс] // Неприкосновенный запас. 2005. № 2/3 (40/41). URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2005/2/> (дата обращения: 19.10.2021); Хальбвакс М. Социальные рамки памяти. М., 2007.

⁸ Репина Л.П. Культурная память и проблемы историописания (историографические заметки). М., 2003.

ту историю, «...которую им сотворили историки...»⁹, то текущая ситуация демонстрирует концептуальную фильтрацию ее содержания. В результате вполне закономерно в национальных республиках, в том числе в Казахстане, появилась выхолощенная история советской эпохи.

Автор фокусирует внимание на коллективной памяти о советском прошлом в ракурсе истории Великой Отечественной войны в пространстве Казахстана. Тема Великой Отечественной войны взята неслучайно, каждая бывшая республика СССР внесла свой осязаемый вклад в победу над фашизмом. Единственный день календаря из советской эпохи – 9 мая, несмотря на корректировку названия, является памятным событием в культурной памяти во многих суверенных государствах постсоветского пространства. Официально в Украине 9 мая отмечают День Победы над нацизмом, в республиках Прибалтики 8 мая скорбят по погибшим, однако 9 мая есть те, кто возлагает цветы и участвует в шествии Бессмертного полка. Указанные государства, а также Белоруссия и Россия в полной мере испытали на себе все «прелести» нацистского режима. Россия и Белоруссия, а также республики Центральной Азии сохранили название и память о Великой победе над фашизмом.

Исследовательская практика актуализирует применяемые понятия, такие как «коллективная память», «коллективные воспоминания», «забвение прошлого», «культурная память», «историческая память». Вариативность понятий, связанных с термином «память» о Великой Отечественной войне и ее содержанием, многогранна, однако уже опосредованна. Участники событий, свидетели и очевидцы в большинстве своем ушли в мир иной. История Великой Отечественной войны не избежала фальсификации и искажений в связи с кардинальной переоценкой советского прошлого. Отдельные политические заявления о «победителях» и «оккупантах» осмеивались самими немцами: «Dabei verschweigen sie geflissentlich den allerneuesten Stand der historischen Forschung. Demnach haben Moskauer Truppen Auschwitz vor 70 Jahren gar nicht befreit, sondern – wie man es von ihnen gewohnt ist – völkerrechtswidrig überfallen und annektiert... Tatsächlich jedoch war die Einnahme von Auschwitz Teil eines groß angelegten, absolut unprovzierten Moskauer Raubzuges Richtung Westen, den der ukrainische Regierungschef Jazenjuk jüngst in den ARD-“Tagesthemen” sehr treffend mit den unvergesslichen Worten beschrieb: Wir können uns alle sehr gut an den sowjetischen Einmarsch in die Ukraine und nach Deutschland erinnern»¹⁰.

Современное общество сформировало новые формы коммеморативных практик, в результате которых мы получаем национальную память или национальный образ Великой Отечественной войны. Каждое постсоветское государство репрезентирует свою национальную культурную память об участии в Великой Отечественной войне и вкладе собственного народа в победу.

Казахстан в годы Великой Отечественной войны принял на своей земле эвакуированное население и эвакуированную промышленность, научно-образовательные и культурные учреждения. Накануне войны и в годы войны – насильственно переселенных корейцев, немцев, чеченцев и др. Каждый пятый казахстанец ушел на фронт, не вернулись более 350 тыс. человек. Средний показатель по Казахстану – 24 % мобилизованных, в сравнении с Германией – 12 %. Из 500 казахстанцев Героев Советского Союза – 97 казахов, в том числе две женщины¹¹. Учитывая вышесказанное, отметим, что аутентичность памяти о войне в Казахстане сложилась на родовой поколенческой памяти. Пока будет жива память об участии казахстанцев в Великой Отечественной войне, история о ней как постоянная величина будет присутствовать в обществе. Однако присутствует вероятность наступления конфабуляции и, соответственно, фальсификации истории Великой Отечественной войны.

⁹ Репина Л.П. Культурная память и проблемы историописания... С. 8.

¹⁰ Die Sowjets haben Auschwitz nicht befreit! [Электронный ресурс]. URL: <http://www.spiegel.de/spam/satirespiegel-online-auschwitz-gedenken-russland-putin-a-1014107.html> (дата обращения: 14.11.2021).

¹¹ На каждый 1 миллион казахстанцев-участников Великой Отечественной войны приходится 33 героя [Электронный ресурс] // Zakon.kz. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31223214&pos=3;54#pos=3;54 (дата обращения: 16.11.2021).

Первый слой культурной памяти, сохранившийся в Казахстане, – советские нарративы с фразой «Никто не забыт, ничто не забыто» мы рассматриваем как государственный дискурс памяти. Многослойность памяти отражала отретушированные воспоминания прямых участников военных действий, тех, кто ковал победу в тылу, демонстрируя героизм во имя победы. Это был такой положительный образ войны как идеологическое противопоставление, где с одной стороны был оккупант, с другой – защитник своей родины. Основные хранилища фондов по истории Великой Отечественной войны Казахской ССР это Архив Президента РК, Центральный государственный архив, а также все региональные архивы. Корпус источников состоит официальных документов, ведомственных источников, рассекреченных материалов органов безопасности, документов личного происхождения и пр. Было бы замечательно привести все имеющиеся документы в Казахстане по Второй мировой/Великой Отечественной войне к общему знаменателю. Назрела острая необходимость в справочно-информационном издании «Путеводитель документов по участию Казахстана во Второй мировой/Великой Отечественной войне» с полным описанием отложившихся документов с указанием их места расположения. В отдельных архивохранилищах можно встретить аудио-видеозаписи, фрагменты устной и визуальной истории. Периодическая печать военных лет – незаслуженно обойденный источник в казахстанской историографии. Анализ республиканских и региональных газетных изданий позволяет утверждать, что это источник памяти об информационно-массовой агитации, патриотических настроений. Это хранилище эгодокументов советских людей, их обращения, письма транслировали государственную политику, коммеморативную практику посредством эпистолярного обращения обычного солдата к односельчанам, советскому обществу.

Вместе с тем все чаще мы сталкиваемся с явными пробелами исторического образования в школьной системе, что характерно не только для Казахстана, но и в целом для постсоветского пространства. Пороки современного образования приводят к оправданию фашистской агрессии, к декларации: «это была не наша война», «наших дедов насильно отправили воевать». «Разумеется, историю никогда нельзя рассказать до конца»¹², но та, что была рассказана, подвергнута сомнению. Семейный фрейм памяти уходит в миф, новое поколение не способно идентифицировать воспоминания о войне.

XXI век внес коррективы оказалось, что многое было забыто искусственно, так как не вписывалось в государственную мифологизацию. Научно-исследовательские проекты по истории Великой Отечественной войны становятся исследовательским инструментом формирования памяти в Казахстане: «Фронт / тыл: гендерные аспекты Второй мировой / Великой Отечественной войны в истории Казахстана» (ИРН АР05133556, рук. Р.С. Жаркынбаева)¹³; «Великая Отечественная война и женщины Казахстана на фронтах и в тылу: женские истории и повседневность» (ИРН АР05131992, рук. З.Г. Сактаганова); «Национальные войсковые формирования Казахстана на фронтах войны (1941–1945)» (ИРН АР05132125, рук. К.С. Алдажуманов); «Казахи во Второй Мировой войне: новые документы из зарубежных архивов» (ИРН АР05134037, рук. Г.М. Мендикулова). Введение в научный оборот второго слоя – новых документов и фактов как триггер запускает выход этой памяти на поверхность¹⁴. Как, например, знание о подвиге и гордость за двух казахских девушек, единственных из Средней Азии, получивших звание Героя Советского Союза, Маншук Маметову и Алию Молдагулову, являлись основой конструирования казахской идентичности. Расширение информационного поля коллективной памяти новыми данными о казахских женщинах, участвовавших в Великой Отечественной войне, как Хиуаз Доспанова – штурман-стрелок женского авиаполка М. Расковой, казахские девушки-

¹² Ассман А. Новое недовольство мемориальной культурой. М., 2016. С. 4.

¹³ Гендерные аспекты истории Великой Отечественной войны в Казахстане и России: макро- и микроуровень. Алматы, 2020.

¹⁴ «Память стала передним краем в политической игре». Интервью с историком и антропологом Алейдой Ассман [Электронный ресурс]. URL: https://www.gazeta.ru/culture/2011/01/27/a_3506234.shtml (дата обращения: 16.11.2021).

танкистки Жамал Байтасова, Кулькен Токбергенова, Кульжамиля Талканбаева, Жамиля Бейсенбаева и многие другие. Эти данные не только меняют восприятие войны, но и могут оказать психологическое влияние на молодых современных казахских девушек, оказавшихся под влиянием деструктивных религиозных сил. Научно-исследовательский посыл направлен на концептуальное переосмысление официальных идеологем советской эпохи с привлечением и расширением тематической источниковой базы. Архивы военной истории комплектовались по особому принципу, в какой-то степени оцифрованный сайт центрального архива Министерства обороны РФ «Подвиг народа» позволил персонифицировать и вывести героя войны – микроистория судеб на фоне военных сражений.

Об избирательности коллективной памяти советского общества свидетельствовало отсутствие информации о катастрофическом поражении советской армии и огромном количестве военнопленных, оказавших в руках фашистских оккупантов в первые месяцы войны. Это неудивительно, так как историческая политика формировалась советской идеологией. Исследования о коллаборационизме как адаптивной форме выживания появились лишь в последнее десятилетие XXI в. В исторической памяти о Великой Отечественной войне отсутствовала информация о казахских военнопленных и участниках Туркестанского легиона. Жаркие дискуссии в казахстанском обществе вызывал вопрос реабилитации участников Туркестанского легиона: одни полагают, что среди них были пособники фашистов, другие – что они следствие и жертвы военных поражений. Архивные источники стали безмолвными свидетелями культурной травмы военнопленных/легионеров, при первой же возможности перешедших на сторону Красной армии или в партизанские отряды, действовавших в европейских странах, таких как Франция, Норвегия, Чехословакия и др. Попытка легитимизации Туркестанского легиона и его участников вызвала неоднозначную реакцию в информационном пространстве Российской Федерации. К слову отметим, что официальная государственная политика Казахстана по формированию исторической памяти о Великой Отечественной войне имеет рамочные параметры и не противоречит содержанию коллективной памяти. Содержание последней имеет общие тренды с государственной исторической политикой в России, Белоруссии, пересекаясь с государствами Центральной Азии. Историческая память о войне в постсоветском пространстве прошла этап забвения, исторической травмы, преодоления. Текущая ситуация – этап конструирования исторической памяти и формирование на ее основе собственной идентичности.

Огромный пласт работы по возвращению в память казахского народа персональных данных казахов¹⁵, как участников движения Сопротивления, так и захороненных на чужбине, провела Г. Мендикулова, транснациональный подход анализа антинацистского движения и участия в нем представителей советской Азии предпринял Я. Фальков¹⁶. Значимость результатов указанных выше ученых обращение к коммеморативным практикам, к мемориальной культуре погибших казахов. Г. Мендикулова впервые ввела в научный оборот корпус визуальных источников, персональные данные и многие другие изумительные факты, которые не только заполнили пустующие лакуны исторической памяти, но и восстановили семейный фрейм памяти. Как, например, информация о захоронениях солдат-казахов близ города Меца в местности Валлеруа (Лотарингия): могилы солдат Зейнуллы Алимгазиева, Коныспека Жакиянова, Мысахана (Нишана) Тургамбаева и Исина (Есена) Джумагулова.

Парадно-праздничный подход в формировании коллективной памяти отходит на задний план, сформированный советской идеологией образ войны подвергся критическому

¹⁵ Мендикулова Г.М. Казахи во второй мировой войне. Документы зарубежных архивов: сборник документов. Т. 1. Алматы, 2018; Мендикулова Г.М. Казахи в европейском движении Сопротивления: новые документы из зарубежных архивов [Электронный ресурс] // Исторический курьер. 2021. № 3 (17). С. 76–94. URL: <http://istkurier.ru/data/2021/ISTKURIER-2021-3-09.pdf> (дата обращения: 19.10.2021).

¹⁶ Фальков Я.А. Изучение вклада казахстанцев в подпольную и партизанскую борьбу с нацизмом в Европе: попытка применения опыта международного исторического проекта Оксфордского университета [Электронный ресурс] // Исторический курьер. 2021. № 3 (17). С. 16–24. URL: <http://istkurier.ru/data/2021/ISTKURIER-2021-3-02.pdf> (дата обращения: 19.10.2021).

осмыслению. Полагаем, что патриотическое воспитание молодежи – это не только победные реляции. Очень важно звучание в исторической памяти казахского сообщества информации о первом советском партизанском отряде, действовавшем во Франции, состоящем из бежавших военнопленных из лагеря Альби. В его составе было более трехсот казахов, принявших участие в параде в честь освобождения города Тулузы, где их приветствовал Шарль де Голль, обративший внимание на их необычную внешность¹⁷. Не менее важно показать, через что пришлось им пройти: сначала это были проверочно-фильтрационные лагеря, затем Военный трибунал и приговор от десяти до двадцати пяти лет. Проблема исторической памяти заключается в идеализации прошлого. Победителей разделили на тех, кто не был в плену или был, но посчастливилось пройти мимо СМЕРШ, и тех, кто прошел плен, был зачислен в Туркестанский легион, бежал и участвовал где-то на чужбине в партизанском отряде, затем прошел чистилище проверочно-фильтрационного лагеря, Военный трибунал, отсидел. Это нейтральность, фрагментарность и даже пассивность знания в оценке истории Великой Отечественной войны. Историческое описание Великой Отечественной войны, историческую память о ней нужно антропологизировать, возможно, тогда удастся избежать конфликта интерпретаций¹⁸. Али Молдагалиев, Зунум Жаманкулов и Кадем Жуманиязов и многие другие – их имена должны стоять в одном ряду с теми, кто вошел в историю как победители.

В истории Великой Отечественной войны есть потерянная 106-я дивизия, сформированная в Казахстане из трех кавалерийских полков, конно-артиллерийского дивизиона и полуэскадрона связи. Ее отправили весной 1942 г. на Юго-Западный фронт на Харьковское направление. Есть документ, что на 4 091 человека в 106-й дивизии было всего... 102 винтовки. И три с половиной тысячи сабель¹⁹. В далекой Украине, под Харьковом, отыскивались ее следы, поисковики до сих пор ищут останки казахов, с саблями в руках они сражались с немецкими танками. «Пропал без вести» – с такой формулировкой долгое время жили близкие погибших, и только в последнее десятилетие возвращаются их имена к детям и внукам.

Репрезентация исторической памяти о войне, особенно к прошедшим юбилейным датам победы 2015 и 2020 гг., представлена топонимическим рядом городских улиц, мемориальными комплексами, визуальной инфографикой и выставочными залами.

В Казахстане чтят героев/участников военных сражений Великой Отечественной войны. Одним из самых почитаемых и уважаемых казахским народом является легендарный панфиловец Бауржан Момышулы, получивший звание Героя Советского Союза посмертно в 1990 г. Содержание памяти о Бауржане Момышулы формировалось казахским обществом, присвоение звания Героя Советского Союза произошло после его смерти. Улицы и проспекты 18 городов и населенных пунктов (в Актюбинской области 22 улицы с именем Б. Момышулы), включая северную и южную столицы Казахстана, носят имя Бауржана Момышулы, установлено более десяти бюстов и памятников в его честь.

По отношению к другим не менее известным участникам и героям Великой Отечественной войны суще-

Рис. 1. Памятник Б. Момышулы, Нур-Султан

¹⁷ Мендикулова Г.М. Казахи в европейском движении Сопротивления...

¹⁸ Матусевич О.А. Конфликт интерпретаций прошлого в современном обществе // Труды БГТУ. Сер. 6: История, философия. 2015. № 5 (178). С. 131.

¹⁹ Канафина Ж. Трагедии и победы казахстанских дивизий Великой Отечественной. 15.05.2015 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.caravan.kz/gazeta/tragedii-i-pobedy-kazakhstanskikh-divizijj-velikojj-otechestvennoj-84655/> (дата обращения: 25.10.2021).

ствуют определенные «рамки памяти»²⁰, коммеморация памяти фиксировалась в рамках рождения и проживания того или иного субъекта. Как, например, легендарная личность на востоке Казахстана Касым Кайсенов, командир партизанского отряда им. В. Чапаева в Украине. Незаслуженно обойденный высокой награды и звания Герой Советского Союза Касым Кайсенов в 1995 г. Указом Президента Республики Казахстан был награжден званием «Халық қаһарманы» – самой высокой наградой в стране.

Общественно-политические нарративы в данном случае конструировали региональную память, этнотерриториальную идентичность. В каждой области есть собственные участники Великой Отечественной войны, соответственно, определенный ряд коммеморативных практик.

Практически повсеместно в областных центрах устроены мемориальные комплексы с Вечным огнем, выгравированы имена не вернувшихся с военных сражений, в отдельных случаях присутствуют бюсты, небольшие постаменты в честь героев названных улиц, образовательных и культурных учреждений.

Выставочные комплексы архивов и библиотек содержат визуальный ряд по тематическим блокам, представляющим такую область, как арсенал фронта, как тыл фронта, как место дислокации эвакуационных госпиталей, промышленных предприятий, эвакуированного населения, включая научные и культурные учреждения.

В культурной памяти сохранилась информация о том, что в военный период на территорию Казахстана были эвакуированы не только промышленные объекты, но и учреждения культуры. Газета сообщала, что сегодня Усть-Каменогорский областной драматический театр открывает осенне-зимний сезон 1942–1943 гг. Возросшие запросы советских зрителей потребовали коренного улучшения работы театра. Приглашены новые артисты – Л. Аргонская, В. Лавровская, Б. Вебер, И. Крючков и др. Мы убеждены, что эти товарищи вместе со старыми актерами театра – заслуженным артистом республики К. Арбениным, П. Кайровым, К. Глинской, Б. Сабуровым и др. – сумеют обеспечить высокое идейно-художественное воплощение запланированного театром репертуара. В оставшиеся месяцы 1942 г. наш зритель увидит следующие пьесы классического и современного репертуара: Бальзак «Мачеха», Гюго «Анжело», Островский «Последняя жертва» и «Без вины виноватые» и др. В целях приближения театра к зрителю и

Рис. 2. Бюст К. Кайсенову, Усть-Каменогорск

Рис. 3. Село Алдабергеново Ескельдинского р-на Алматинской обл., Аллея Героев

Рис. 4. Памятник кустанайцам – участникам Великой Отечественной войны

²⁰ Хальбвакс М. Социальные рамки памяти...

популяризации его работы будут организованы выезды на предприятия с показом отрывков из спектаклей театра, докладами режиссеров об их постановках, творческими отчетами ведущих актеров. Первым нашим спектаклем идут «Русские люди» – патриотическая пьеса писателя-фронтовика К. Симонова о героях Великой Отечественной войны советского народа против гитлеровских захватчиков²¹.

В годы Великой Отечественной войны в Алма-Ате сосредоточилось эвакуированное кинематографическое искусство: «Мосфильм» и «Ленфильм» вместе с известными кинорежиссерами Сергеем Эйзенштейном, Всеволодом Пудовкиным, Сергеем Герасимовым и др. На улицах города снимались фильмы, ставшие классикой советского кино. На улице Богенбай батыра, 85 прикреплен мемориальная доска С.М. Эйзенштейну, В.И. Пудовкину, братьям Васильевым, И.А. Пырьеву, проживавшим в этом доме с 1941 по 1944 г.

Ежегодно к 9 мая в Казахстане проходит комплекс мероприятий, связанный с чествованием тружеников тыла и участников войны. Визуальное пространство, семиотика празднования видоизменилась. В майские дни на улицах казахстанских городов на машинах появляются фразы-слоганы «Спасибо деду за победу», «Помним! Гордимся!». Казахстан не избежал конфликта интерпретаций памяти о войне, связанных с георгиевскими ленточками. В Казахстане их воспринимали как напоминание имперской политики. Власть Казахстана попыталась скорректировать новый формат культурной памяти, заменив георгиевскую ленточку лентой цвета государственного флага, однако инициатива не нашла широкого отклика в социуме. Некоторые граждане прикрепляли обе ленточки. Семейная традиция многих казахских семей вызывает уважение, это и есть основы патриотизма к семье и к родине. Ежегодно 9 мая семьи с детьми и внуками едут на могилки к дедам и отцам, с соблюдением ритуала чтения молитвы, возложения цветов и повязывания двух ленточек – георгиевской и цвета государственного флага. Удивительное сочетание традиционности и современности, толерантность и уважение к символам прошлого и настоящего.

Особое значение в Казахстане имеет Бессмертный полк. В период пандемии он перешел в цифровой формат, где численность участников превысила все немыслимые нормы. Дети, внуки и правнуки несут портреты, невидимая нить связала поколения, живая история памяти, ее мемориализация.

Современное поколение реконструирует исторические события военного времени, организуя пошив фронтовой одежды, выстраивая военно-походный лагерь и прочую фронтовую атрибутику, весь процесс сопровождается фото в черно-белом ракурсе²².

Увлеченные семьи с детьми мобилизуют память созданием визуальной реконструкции: с одной стороны – довольно-таки увлекательное научно-познавательное зрелище, с другой – дети становятся непосредственными участниками исторических событий. Учитывая, что большинство детей абсолютно нечитабельно и знает о войне из современных приукрашенных блокбастеров, подобного рода мероприятия несут в себе концептуальный посыл.

Коллективная ностальгия о советском прошлом дала рождение мнемонических онлайн-сообществ. «Социальная группа, политическое общество, цивилизация определяются, прежде всего, их памятью, т.е. их историей, но не той историей, которая была у них в действительности, а той, которую сотворили им историки...»²³. Плюрализм памяти обусловил различные коммеморативные практики. К ним можно отнести онлайн-сообщество в «Фейсбуке»: «Участие казахстанцев во Второй мировой войне в странах Евразии», администратор группы Г. Мендикулова, 11 000 подписчиков; «Про наших аташек, воевавших в далекой войне», администратор группы Казбек Бейсебаев, 16 000 тысяч подписчиков. Обе группы активные и увлечены общей военной тематикой. Указанные онлайн-сообщества сформировали новую парадигму памяти о Великой Отечественной

²¹ Прииртышский коммуналь. 23 апреля 1942 г. № 34 (125).

²² Жанбосинова А.С., Ердембеков Б.А. Концепты культурной памяти и социальные практики в Казахстане // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер.: История, филология. 2017. Т. 16, № 1. С. 34.

²³ Репина Л.П. Культурная память и проблемы историописания (историографические заметки). Препринт WP6/2003/07. М., 2003. С. 9.

войне. Проблемное тематическое поле постоянно обновляется новыми фактами, мы видим яркую форму антропологизации Великой Отечественной войны в фокусе фотографий, открытий, поисковых запросов и т.д. Платформа онлайн-сообществ выстраивает коллективное сознание и коллективную память, причем, вероятнее всего, идентификация участников проходит через поколенческие связи, т.е. их предки были прямыми участниками Великой Отечественной войны. Отметим о конфликте интерпретаций: один из подписчиков потребовал внести изменения в название: «Слушайте, вы измените заголовок или напишите на казахском языке. Что это за слово “аташки”? Почему допускаете такие пренебрежения по отношению к нашим дедам, к старшему поколению?». Что вызвало острую полемику участников группы, большинство которых стояло за слово «Аташка», в котором сочетается и ласка, и уважение, и любовь с почитанием к старшему. Верно отметил участник группы: «Это ЛАСКАТЕЛЬНОЕ СЛОВО... многие солдаты не стали АТАШКАМИ... мы их так называем теперь, в наши дни... низкий им ПОКЛОН... ушли совсем молодыми...».

Таким образом, мы живем в «эру коммеморации». Впервые прозвучавший в 1920-е гг. концепт коллективной/социальной памяти дал толчок *memory studies*. Проект Я. Ассмана «История памяти» обусловил междисциплинарность исследовательских практик, события прошлого должны вписаться в настоящее, что позволит сохранить культуру и идентичность нации²⁴.

Память о Великой Отечественной войне подвержена влиянию и политической конъюнктуре государственной политики. Историческая память о войне – это героический нарратив, состоящий из официальной версии периода советского времени и скорректированный «архивной революцией» периода суверенного развития Казахстана. «Войны памяти» в Казахстане остаются на уровне политических дискуссий, дебатов. Великая Отечественная война и память о ней продолжают играть ключевую роль в исторической политике Казахстана.

В Казахстане очень сильны коммеморативные практики, репрезентация образа войны несет яркий антропологический характер, культивируются участники/герои военных сражений и пр. Активно разрабатываются новые исследовательские направления, такие как проблема военнопленных, поиск пропавших без вести, повседневные практики и стратегии жизнеобеспечения в условиях тыла и пр.

Историческая память о войне в Казахстане является информационно-идеологической основой формирования казахстанской идентичности, гражданственности и патриотизма молодого поколения. Национальный героизм, проявленный казахским народом в Великой Отечественной войне, должен стать образцом памяти о прошлом. Очень важно сочетание официального и неофициального (народного) дискурса исторической памяти о Великой

Рис. 5. Шествие Бессмертного полка, Усть-Каменогорск

Рис. 6. Военно-походный лагерь, Усть-Каменогорск

²⁴ Ассман А. Трансформации нового режима времени [Электронный ресурс] // Новое литературное обозрение. 2012. № 116. URL: http://magazines.russ.ru/nlo/2012/116/a4.html#_ftnref7 (дата обращения: 15.11.2021).

Отечественной войне. Отметим, что государственная политика Казахстана в отношении истории Великой Отечественной войны имеет четко очерченные идеологические рамки. Полагаем, что это является несомненным плюсом стабильности в формировании исторической памяти об указанном периоде.

Литература

«Память стала передним краем в политической игре». Интервью с историком и антропологом Алейдой Ассман [Электронный ресурс]. URL: https://www.gazeta.ru/culture/2011/01/27/a_3506234.shtml?refresh (дата обращения: 16.11.2021).

Ассман А. Новое недовольство мемориальной культурой. М.: Новое литературное обозрение, 2016. 66 с.

Ассман А. Трансформации нового режима времени [Электронный ресурс] // Новое литературное обозрение. 2012. № 116. URL: http://magazines.russ.ru/nlo/2012/116/a4.html#_ftnref7 (дата обращения: 15.11.2021).

Ассман Я. Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М.: ИД ЯСК, 2004. 368 с.

Гендерные аспекты истории Великой Отечественной войны в Казахстане и России: макро- и микроуровень: коллективная монография / А.С. Абдирайымова, Е.В. Ануфриева, Е.Ю. Волкова и др.; под общ. ред. Р.С. Жаркынбаевой, Е.В. Ануфриевой. Алматы: Қазақ университеті, 2020. 271 с.

Жанбосинова А.С., Ердембеков Б.А. Концепты культурной памяти и социальные практики в Казахстане // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер.: История, филология. 2017. Т. 16, № 1. С. 29–39.

Канафина Ж. Трагедии и победы казахстанских дивизий Великой Отечественной. 15.05.2015 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.caravan.kz/gazeta/tragedii-i-pobedy-kazakhstanskikh-divizijj-velikojj-otechestvennoj-84655/> (дата обращения: 25.25.2021).

Коллингвуд Р. Идея истории. М.: Наука, 1988. 488 с.

Матусевич О.А. Конфликт интерпретаций прошлого в современном обществе // Труды БГТУ. Сер. 6: История, философия. 2015. № 5 (178). С. 131–134.

Мендикулова Г.М. Казахи в европейском движении Сопротивления: новые документы из зарубежных архивов [Электронный ресурс] // Исторический курьер. 2021. № 3 (17). С. 76–94. URL: <http://istkurier.ru/data/2021/ISTKURIER-2021-3-09.pdf> (дата обращения: 19.10.2021).

На каждый 1 миллион казахстанцев-участников Великой Отечественной войны приходится 33 героя [Электронный ресурс] // Zakon.kz. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31223214&pos=3;-54#pos=3;-54 (дата обращения: 16.11.2021).

Нора П. Франция-память. СПб: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1999. 333 с.

Репина Л.П. Культурная память и проблемы историописания (историографические заметки). М.: ГУ ВШЭ, 2003. 44 с.

Рикёр П. Память, история, забвение. М.: Издательство гуманитарной литературы, 2004. 728 с.

Фальков Я.А. Изучение вклада казахстанцев в подпольную и партизанскую борьбу с нацизмом в Европе: попытка применения опыта международного исторического проекта Оксфордского университета [Электронный ресурс] // Исторический курьер. 2021. № 3 (17). С. 16–24. URL: <http://istkurier.ru/data/2021/ISTKURIER-2021-3-02.pdf> (дата обращения: 19.10.2021).

Фуко М. Археология знания / пер. с фр.: С. Митин, Д. Стасов; под общ. ред. Бр. Левченко. Киев: Ника-Центр, 1996. 208 с.

Хальбвакс М. Социальные рамки памяти. М.: Новое издательство, 2007. 348 с.

Хальбвакс М. Коллективная память [Электронный ресурс] // Неприкосновенный запас. 2005. № 2/3 (40/41). URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2005/2/> (дата обращения: 19.10.2021).

Что такое память? – Интервью с Алейдой Ассман [Электронный ресурс]. URL: <https://www.goethe.de/ins/lv/ru/kul/sup/eri/ate/20809570.html> (дата обращения: 19.10.2021).

Die Sowjets haben Auschwitz nicht befreit! [Электронный ресурс]. URL: <http://www.spiegel.de/spam/satirespiegel-online-auschwitz-gedenken-russland-putin-a-1014107.html> (дата обращения: 14.11.2021).

References

“Pamiat’ stala perednim kraem v politicheskoy igre”. Interv’yu s istorikom i antropologom Aleydoy Assman. Available at: URL: https://www.gazeta.ru/culture/2011/01/27/a_3506234.shtml refresh (date of access 16.11.2021).

Abdiraimova, A.S., Anufrieva, E.V., Volkova, E.Yu. et al. (2020). Gendernye aspekty istorii Velikoy Otechestvennoy voyny v Kazakhstane i Rossii: makro- i mikrouroven’ [Gender Aspects of the History of the Great Patriotic War in Kazakhstan and Russia: Macro and Micro Level]. Almaty, Qazaq universiteti. 271 s.

Assman, A. (2012). Transformatsii novogo rezhima vremeni [Transformations of the New Regime of Time]. In *Novoe Literaturnoe Obozrenie*. No. 116. Available at: URL: http://magazines.russ.ru/nlo/2012/116/a4.html#_ftnref7 (date of access 15.11.2021).

Assman, A. (2016). *Novoe nedovol’sтво memorial’noy kul’turoy* [New Dissatisfaction with Memorial Culture]. Moscow, Novoe Literaturnoe Obozrenie. 66 p.

Assman, Ya. (2004). *Kul’turnaya pamyat’: Pis’mo, pamyat’ o proshlom i politicheskaya identichnost’ v vysokikh kul’turakh drevnosti* [Cultural Memory: Writing, Memory of the Past and Political Identity in the High Cultures of Antiquity]. Moscow, ID IaSK. 368 p.

Chto takoe pamyat’? – interv’yu s Aleydoy Assman [What is Memory? – Interview with Aleida Assman]. Available at: URL: <https://www.goethe.de/ins/lv/ru/kul/sup/eri/ate/20809570.html> (date of access 19.10.2021).

Die Sowjets haben Auschwitz nicht befreit! Available at: URL: <http://www.spiegel.de/spam/satirespiegel-online-auschwitz-gedenken-russland-putin-a-1014107.html> (date of access 14.11.2021).

Fal’kov, Ya.A. (2021). Izuchenie vkladа kazakhstantsev v podpol’nyu i partizanskyu bor’bu s natsizmom v Evrope: popytka primeneniya opyta mezhdunarodnogo istoricheskogo proekta Oksfordskogo universiteta [Studying the Contribution of Kazakhstanis to the Underground and Partisan Struggle Against Nazism in Europe: an Attempt to Apply the Experience of the International Historical Project of Oxford University]. In *Istoricheskyy kurier*. No. 3 (17), pp. 16–24. Available at: URL: <http://istkurier.ru/data/2021/ISTKURIER-2021-3-02.pdf> (date of access 16.11.2021).

Fuko, M. (1996). *Arkheologiya znaniya* [The Archaeology of Knowledge]. Kiev, Nika-Tsentr. 208 p.

Kanafina, Zh. *Tragedii i pobedy kazakhstanskikh diviziy Velikoy Otechestvennoy. 15.05.2015*. Available at: URL: <https://www.caravan.kz/gazeta/tragedii-i-pobedy-kazakhstanskikh-divizijj-velikojj-otechestvennoj-84655/> (date of access 25.10.2021).

Khal’bvaks, M. (2005). *Kollektivnaya pamyat’* [Collective Memory]. In *Neprikosnovenny zapas*. No. 2/3 (40/41). Available at: URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2005/2/> (date of access 19.10.2021).

Khal’bvaks, M. (2007). *Sotsial’nye ramki pamyati* [Social Framework of Memory]. Moscow, Novoe izdatel’sтво. 348 p.

Kollingvud, R. (1988). *Ideya istorii* [The Idea of History]. Moscow, Nauka. 488 p.

Matusevich, O.A. (2015). Konflikt interpretatsii proshlogo v sovremennom obshchestve [The Conflict of Interpretations of the Past in Modern Society]. In *Trudy BGTU. Seriya 6: Istoriya, filosofiya*. No. 5 (178), pp. 131–134.

Mendikulova, G.M. (2021). Kazakhi v evropeyskom dvizhenii Soprotivleniya: novye dokumenty iz zarubezhnykh arkhivov [Kazakhs in the European Resistance Movement: New Documents from Foreign Archives]. In *Istoricheskyy kurier*. No. 3 (17), pp. 76–94. Available at: URL: <http://istkurier.ru/data/2021/ISTKURIER-2021-3-09.pdf> (date of access 20.11.2021).

Na kazhdyy 1 million kazakhstansev-uchastnikov Velikoy Otechestvennoy voyny prikhoditsya 33 geroya. Zakon.kz. Available at: URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31223214&pos=3;-54#pos=3;-54 (date of access 16.11.2021).

Nora, P. (1999). *Frantsiya-pamyat'* [France-Memory]. St.-Petersburg, Izd-vo St.-Peterb. un-ta, pp. 17–50.

Repina, L.P. (2003). *Kul'turnaya pamyat' i problemy istoriopisaniya (istoriograficheskie zametki)* [Cultural Memory and Problems of Historiography (Historiographic Notes)]. Moscow, GU VShE. 44 p.

Riker, P. (2004). *Pamyat', istoriya, zabvenie* [Memory, History, Oblivion]. Moscow, Izdatel'stvo gumanitarnoy literatury. 728 p.

Zhanbosinova, A.S., Erdembekov, B.A. (2017). Kontsepty kul'turnoy pamyati i sotsial'nye praktiki v Kazakhstane [Concepts of Cultural Memory and Social Practices in Kazakhstan]. In *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya, filologiya*. Vol. 16, No. 1, pp. 29–39.

Статья поступила в редакцию 30.11.2021 г.

С.В. Смирнов*

S.V. Smirnov*

**И.И. и А.Н. Серебренниковы
в строительстве «нового порядка»
в Восточной Азии**

doi:10.31518/2618-9100-2022-1-14

УДК 355.332:325.2 + 94(510)

Выходные данные для цитирования:

Смирнов С.В. И.И. и А.Н. Серебренниковы в строительстве «нового порядка» в Восточной Азии // Исторический курьер. 2022. № 1 (21). С. 145–153. URL: <http://istkurier.ru/data/2022/ISTKURIER-2022-1-14.pdf>

**I.I. and A.N. Serebrennikov
in the Construction of the “New Order”
in East Asia**

doi:10.31518/2618-9100-2022-1-17

How to cite:

Smirnov S.V. I.I. and A.N. Serebrennikov in the Construction of “New Order” in East Asia // Historical Courier, 2022, No. 1 (21), pp. 145–153. [Available online: <http://istkurier.ru/data/2022/ISTKURIER-2022-1-14.pdf>]

Abstract. The article is devoted to the orientalist activity of I.I. and A.N. Serebrennikov in the context of participation of Russian emigrants in the construction of “new order” in East Asia, realized by Japan in the second half of the 1930s – the first half of the 1940s. In 1937, Japan occupied Northern China, where several thousand Russian emigrants lived in the cities. Because of the occupation, the leadership of the emigrant community was in the hands of Japanese-oriented radicals, who staked on the inclusion of Russian emigrants in the process of construction of a “new order” in East Asia under the auspices of Japan. One of the main objectives of the participation of emigration in the construction of the “new order” was its cultural rapprochement with the East Asian peoples, which led to a serious surge of Oriental activity in the pages of the emigrant press. An important role in promoting the cultural rapprochement of emigration with the peoples of East Asia played Russian professional and non-professional Orientalists, whose interest in the history and culture of East Asian peoples was not directly related to the political situation. Thanks to the great work of such enthusiastic researchers as the Serebrennikov spouses, the emigrants, who previously had had little contact with the Chinese environment, gained some knowledge about the culture and mentality of the inhabitants of China and neighboring countries. However, the idea of cultural rapprochement of emigration with the peoples of East Asia did not receive widespread support among emigrants. The reason for this was the perception of emigration of the idea of cultural rapprochement as a threat to cultural unification on the Japanese basis, as well as the growth of emigrant patriotism during the great Patriotic war. By the mid-1940s, the policy of cultural rapprochement between emigration and the East Asian peoples had finally stalled.

Keywords: I.I. Serebrennikov, A.N. Serebrennikova, Russian emigration, “new order” in East Asia, Oriental studies, Tianjin.

The article has been received by the editor on 30.11.2021.

Full text of the article in Russian and references in English are available below.

Аннотация. Статья посвящена востоковедческой деятельности И.И. и А.Н. Серебренниковых в контексте участия русской эмиграции в строительстве «нового порядка» в Восточной Азии, курса, реализовавшегося Японией во второй половине 1930-х – первой половине 1940-х гг. Оккупация Японией в 1937 г. Северного Китая, в отдельных городах которого проживало несколько тысяч русских эмигрантов, и приход к руководству эмигрантской колонии прояпонски ориентированных радикалов актуализировали включение русских эмигрантов в процесс строительства «нового порядка» в Восточной Азии.

* Смирнов Сергей Викторович, доктор исторических наук, доцент, Уральский федеральный университет, Екатеринбург, Россия, e-mail: s.v.smirnov@urfu.ru

Smirnov Sergey Viktorovich, Doctor of History, Professor, Ural Federal University, Yekaterinburg, Russia, e-mail: s.v.smirnov@urfu.ru

Одной из главных задач участия в строительстве «нового порядка» для эмиграции стало ее культурное сближение с восточноазиатскими народами, что привело к серьезному всплеску просветительно-востоковедческой активности на страницах эмигрантской печати и в деятельности различного рода эмигрантских творческих объединений. Важную роль в пропаганде культурного сближения эмиграции с народами Восточной Азии играли русские профессиональные и непрофессиональные востоковеды, чей интерес к истории и культуре восточноазиатских народов был тем не менее явлением долгосрочным и не связанным с политической конъюнктурой. Благодаря большой работе таких энтузиастов-исследователей, как супруги Серебренниковы, эмигранты, ранее мало контактировавшие с китайской средой и не знавшие ее, получили определенные знания о культуре и менталитете жителей Китая и сопредельных с ним стран. Вместе с тем на фоне усиления эмигрантского патриотизма в годы Великой Отечественной войны идея культурного сближения эмиграции с народами Восточной Азии в процессе строительства «нового порядка», в которой эмигранты видели угрозу культурной унификации на японской основе, не получила широкой поддержки в эмигрантской среде и окончательно заглохла к середине 1940-х гг.

Ключевые слова: И.И. Серебренников, А.Н. Серебренникова, русская эмиграция, «новый порядок» в Восточной Азии, востоковедение, Тяньцзинь.

Вооруженная экспансия Японии в Китае в 1930-е гг. сопровождалась попытками реализации на его территории панasiatского проекта «возрождения Восточной Азии», предполагавшего оформление содружества населявших ее народов. Наиболее масштабные мероприятия в этом направлении осуществлялись в Маньчжоу-го, «независимом маньчжуро-монгольском государстве», созданном в 1932 г. под покровительством японских политических кругов. С началом Японо-китайской войны и учреждением в декабре 1937 г. в Пекине Временного правительства Китайской Республики строительство «нового порядка» развернулось и на территории Северного Китая.

Русские эмигранты, проживавшие в городах Северного Китая (наиболее крупная эмигрантская колония находилась в Тяньцзине), также оказались вовлечены в процесс строительства «нового порядка», предполагавший для эмигрантов активное участие в борьбе против Коминтерна и развитие всесторонних связей с коренным населением Восточной Азии. В конце 1930-х гг. руководящую роль в жизни русских эмигрантских колоний Северного Китая стали играть Антисоветские комитеты¹, возглавляемые прояпонски ориентированными радикалами и курируемые японскими военными миссиями. Именно Антисоветские комитеты взяли на себя задачу интеграции эмиграции в многонациональное объединение восточноазиатских народов, реализующее идею строительства «нового порядка» в Восточной Азии.

В отечественной историографии, несмотря на наличие большого количества работ, посвященных антисоветской деятельности русской эмиграции в Китае², проблема участия

¹ Антисоветские комитеты (АК) являлись эмигрантскими административными органами в Северном Китае в период японской оккупации, выполняя аналогичные Бюро российских эмигрантов в Маньчжурской империи (БРЭМ) функции. Главные задачи АК заключались в консолидации эмиграции на антисоветской основе и руководство всеми сферами жизни эмигрантских колоний. Первый Антисоветский комитет был создан в октябре 1937 г. в Тяньцзине, позднее появились комитеты в Пекине, Циндао, Чифу, Калгане. С октября 1938 г. тяньцзиньский Антисоветский комитет стал Центральным, которому подчинялись все остальные комитеты Северного Китая. В конце 1943 г. все Антисоветские комитеты были ликвидированы, административное руководство эмигрантской общиной перешло к созданному в начале 1944 г. Тяньцзиньскому отделению Главного БРЭМ.

² Аурилен Е.Е. Российская диаспора в Китае. 1920–1950-е гг. Хабаровск, 2008; Голдин В.И. Российская военная эмиграция и советские спецслужбы в 20-е годы XX века. Архангельск; СПб., 2010; Огороков А.В. В боях за Поднебесную. Русский след в Китае. М., 2013; Смирнов С.В. Русская военная эмиграция в Тяньцзине (1920-е – начало 1940-х гг.) // Клио. 2018. № 4 (136). С. 127–134; Хисамутдинов А.А. Русские волны на Тихоокеане: Из России через Китай, Корею и Японию в Новый Свет. Пекин; Владивосток, 2013; Шкаренков Л.К. Агония белой эмиграции. М., 1986; и др.

эмигрантов в строительстве «нового порядка», особенно такой ее аспект, как культурное сближение эмигрантов с восточноазиатскими народами, остается практически неизученной. Подчеркивая важную роль отдельных представителей эмигрантского сообщества в развитии культурного сближения русских эмигрантов и коренных народов Восточной Азии, мы обратились к деятельности супругов И.И. и А.Н. Серебренниковых³, активно работавших на этой ниве в Тяньцзине. Документальную основу нашего исследования составили опубликованные и неопубликованные материалы из фондов Серебренниковых, хранящихся в архиве Гуверовского института войны, революции и мира (Стэнфордский университет)⁴.

Уже в первые годы пребывания в Китае И.И. Серебренников проявил живейший интерес к экономике, истории, культуре этой страны. Сразу нужно отметить, что русские эмигранты в массе своей существовали обособленно от китайской среды. Проживая в Северном и Восточном Китае в крупных городах в основном на территории иностранных концессий, они в своих контактах преимущественно ориентировались на европейцев и американцев. Интерес к китайской культуре в русских интеллектуальных слоях имел главным образом этнографический характер, присущий отношению к странам неевропейским, отсталым, величие и могущество которых находилось в далеком прошлом⁵. Организаций, занимавшихся в той или иной мере изучением и популяризацией китайской культуры, даже в Харбине, главном центре русской эмиграции в Китае, было немного⁶, их издательские

³ Серебренников Иван Иннокентьевич (1882, с. Знаменское Верхотенского уезда Иркутской губ. – 1953, Тяньцзинь). Окончил Иркутскую классическую гимназию (1901), учился в Военно-Медицинской академии в Санкт-Петербурге, отчислен за участие в студенческой сходке. С 1909 г. активный деятель Восточно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества, с 1915 г. – правитель дел. Секретарь Иркутской городской думы (1913–1917), участвовал в работе Всероссийского съезда представителей городов, земств и кооперативов (1915). Сибирский областник-автономист. Гласный Иркутского Губернского Земского Собрания (1918). Министр снабжения и председатель Административного совета Сибирского правительства П.В. Вологодского, министр снабжения Омского правительства адмирала А.В. Колчака. Помощник начальника Осведомительного отдела Штаба Иркутского военного округа.

Серебренникова (Петрова) Александра Николаевна (1883, Олекминские Ленские золотые прииски Иркутской губ. – 1975, Сан-Франциско). Окончила 1-ю Иркутскую женскую гимназию (1902), работала преподавателем русского языка во 2-й Иркутской гимназии. Училась в Психо-Неврологическом институте в С.-Петербурге (1904). Вышла замуж за И.И. Серебренникова в 1906 г. Действительный член Восточно-Сибирского отделения Русского географического общества, лектор Иркутских Общедоступных курсов (Народного университета). В годы Первой мировой войны заведовала в Иркутске военными курсами по подготовке на вольноопределяющегося 2-го разряда. Гласная Иркутской городской думы (1917). Сотрудница Осведомительного отдела Штаба Иркутского военного округа.

Серебренниковы покинули Иркутск в январе 1920 г. в период антиколчаковского переворота, эмигрировали в Китай. После нескольких месяцев жизни в Харбине перебрались в конце 1920 г. в Пекин. В Пекине являлись сотрудниками типографии Товарищества «Восточное Просвещение», публиковались в «Китайском Благовестнике», «Русском обозрении» и других изданиях. Весной 1922 г. переехали в Тяньцзинь, где Иван Иннокентьевич два года являлся директором Общественного коммерческого училища, содержал собственную библиотеку и совместно с женой занимался частной преподавательской практикой.

⁴ Дневники И.И. и А.Н. Серебренниковых (1940–1941) // Русская Атлантида. 2019. № 73. С. 3–22; № 74. С. 27–31; Китай и русская эмиграция в дневниках И.И. и А.Н. Серебренниковых: в 5 т. Т. 1: «Пока же мы счастливы тем, что ничто не угрожает нам...» (1919–1934). М., 2006; Hoover Institution Archives (HIA). Serebrennikov (I.I.) Papers. Box 1, 18.

⁵ Активный прорыв Российской империи на Дальний Восток и в Центральную Азию во второй половине XIX в. привел к обновлению российского имперского сознания, составной частью которого стал ориенталистский дискурс. В рамках этого дискурса Россия позиционировалась не столько как носительница христианского мессианства, сколько мощное национальное государство, движущееся к своим «естественным границам», часть европейской цивилизации, достижения которой она несет азиатам. Важную роль в развитии азиатского направления российской имперской политики сыграли российская политическая география, этнография и востоковедение, быстро развивавшиеся под сенью военного ведомства России и Императорского Русского географического общества (Ремнев А.В. Россия Дальнего Востока. Имперская география власти XIX – начала XX веков. Омск, 2004. С. 23–31).

⁶ Забияко А.А., Забияко А.П., Леошико С.С., Хисамутдинов А.А. Русский Харбин: опыт жизнестроительства в условиях дальневосточного фронта. Благовещенск, 2015; Хисамутдинов А.А. Общество русских ориенталистов в Харбине // Восток. 1999. № 3. С. 104–114.

возможности крайне ограничены, а влияние в широких эмигрантских слоях практически не ощущалось.

В 1920 г., проживая в Харбине, Иван Иннокентьевич вступил в Общество русских ориенталистов и издал несколько работ, описывавших скотоводство у бурят Иркутской губернии и Забайкальской области и населения Монголии. В дальнейшем он продолжил исследования по экономике и экономической географии Дальнего Востока, обращался к истории албазинцев и русского присутствия в Китае, российско-китайским отношениям, вопросам сибиреведения и сибирского областничества. В 1928 г. вышли первые публикации Серебренникова, посвященные китайским народным поверьям, религиозному культу, фольклору, имевшие продолжение в 1930-е гг. Наконец, в 1937 г., будучи на лечении в Пекине, супруги Серебренниковы заинтересовались китайской поэзией и начали первые опыты по переводу китайских стихов на русский язык. Незнание китайского языка не дало им возможность работать с оригиналами, поэтому переводы осуществлялись с английского, французского и немецкого языков. Литературной обработкой стихотворений занималась Александра Николаевна⁷. Пик востоковедческой деятельности Серебренниковых пришелся на рубеж 1930–1940-х гг.

Чем был обусловлен интерес И.И. Серебренникова к Китаю? Во многом его стремлением принести пользу будущей, освобожденной от большевиков России, всегда испытывавшей острые потребности в обеспечении безопасности и расширении своего влияния на Дальнем Востоке⁸. Другим мотивом являлось столь необходимое для эмигранта добывание средств для существования. Часть своих востоковедческих исследований, заметок и фотографий Иван Иннокентьевич отсылал в американские журналы “Foreign Affairs”, “Pacific Historical Review”, “Asia”⁹. В то же время интерес Серебренникова к Китаю и сопредельным азиатским странам оставался отстраненно исследовательским, этнографическим (понимаемым в контексте ориенталистского дискурса). Дневниковые записи исследователя показывают, что он не любил Китай, тяготился долгим пребыванием в этой стране и нелицеприятно критиковал китайскую действительность.

По мнению Серебренникова, «китайцы перестают привлекать к себе симпатии, когда имеешь время к ним приглядеться... Становится противным тот дух торгашества, коим китайский народ проникнут сверху донизу. Все эти “комишоны” (commission), взятки, поборы – альфа и омега китайской жизни... Чиновники – как будто все казнокрады и взяточники. Богатые и прибыльные должности сдаются на откуп... Китайские гражданские войны – это тоже своего рода коммерция. Эти войны разоряют население, но безмерно обогащают генералов, которые нередко превращаются в миллионеров и запасаются особняками на иностранных концессиях портовых городов Китая. Выходит, гнилая сердцевина у государства. Если вы начинаете смотреть на китайца как на лицо, которое всегда можно купить и подкупить, вы невольно теряете всякое уважение к нему и начинаете понимать причину всех непорядков и настроений в его стране»¹⁰ и т.д.

Серебренников, вероятно, разделял взгляды таких исследователей, как Н.М. Ядринцев, указывавших на облагораживающее влияние очагов европейской культуры в Китае¹¹ и считавших необходимым для китайцев заимствование достижений западной цивилизации. Вряд ли сильно изменилось отношение Ивана Иннокентьевича к Китаю после начала строительства «нового порядка» в Восточной Азии под эгидой Страны восходящего солнца, так же как отношение к Японии, которую Серебренников рассматривал в качестве соперника России на Дальнем Востоке. Вместе с тем включение русских эмигрантов в процесс строительства «нового порядка», казалось бы, открыло широкие возможности для востоковедческих изысканий.

⁷ НИА. Serebrennikov (I.I.) Papers. Box 1. F. 1-1. Diaries.

⁸ Китай и русская эмиграция в дневниках... С. 347.

⁹ НИА. Serebrennikov (I.I.) Papers. Box 1. F. 1-1.

¹⁰ Китай и русская эмиграция в дневниках... С. 233, 234.

¹¹ Там же. С. 218.

С самого начала организации Антикоммунистических комитетов в Северном Китае, возглавивших эмигрантские колонии Тяньцзина, Пекина, Циндао, Чифу, в их многочисленных документах наряду с требованиями объединения эмиграции для продолжения борьбы с мировым коммунизмом ради возвращения в освобожденную от большевиков Россию содержались призывы к культурному сближению и всестороннему сотрудничеству с народами Восточной Азии. Показательно в этом отношении размещенное в июне 1941 г. на страницах тяньцзиньской газеты «Возрождение Азии»¹² постановление съезда ответственных работников женского сектора Российской эмиграции в Северном Китае. В постановлении, в частности, указывалось, что «русские женщины-эмигрантки в Северном Китае приветствовали создание Нового Порядка в Азии и просили женщин Ниппон и женщин Восточной Азии принять к сведению, что русские женщины-эмигрантки в Северном Китае приложат все свои силы и возможности к участию в деле Возрождения Азии, считая это своим священным долгом и веря, что Возрождение Азии есть Возрождение России». Среди первоочередных задач, стоящих перед эмиграцией, участвующей в строительстве «нового порядка», называлось «познание Востока и закрепление братских отношений с народами Востока». Заявлялось, что «русские женщины-эмигрантки будут прилагать все свои силы в деле проведения этой ответственной задачи в жизнь, для чего создавать курсы изучения ниппонского языка, кружки по изучению истории, быта, нравов Востока... Издавать и широко распространять среди русских женщин брошюры на антикоммунистические, восточные и другие жизненные темы. Усилить до наивысших пределов культурно-воспитательную работу среди женщин, дабы используя широкие возможности на Востоке возвратиться на свою родину высокоморальной, высококультурной»¹³.

В реализации задачи культурного сближения эмиграции с народами Восточной Азии были задействованы созданные ранее тяньцзиньские Литературно-научно-философский кружок и Общество изучения Китая, имевшее свой журнал – «Вестник Китая». Другим крупным изданием, финансировавшимся японским Управлением Южно-Маньчжурской железной дороги (Мантэцу), являлся выходивший с 1939 г. в Дайрене журнал «Восточное обозрение»¹⁴. Значительно повысилась востребованность в востоковедческих публикациях эмигрантскими газетами Северного Китая, наиболее известной среди которых являлось тяньцзиньское «Возрождение Азии». Только за 1938 г. И.И. Серебренников опубликовал около двадцати материалов, посвященных историческим личностям (Чингисхан, Субэдэй-багатур, Чжан Цянь, ханьский император У-ди), поэзии Китая и Японии, китайской медицине, шахматам, а также ряд переводов китайских сказаний. В прошлые годы сибирский исследователь делал не более двух-трех подобных публикаций в год¹⁵.

Наиболее крупной публикацией 1938 г. явился сборник «Цветы китайской поэзии», составленный из китайских поэтических произведений различных периодов (от «Шицзина» до современности), переложение которых на русский язык было осуществлено И.И. и А.Н. Серебренниковыми с английских, французских и немецких переводов китайских оригиналов и дано в русской стихотворной форме. Сборник получил достаточно лестную характеристику со стороны эмигрантской общественности. Так, в шанхайском «Русском голосе» указывалось, что «на тысячу русских эмигрантов, живущих в Китае, едва ли найдется даже один, который мог бы сказать, что он знает Китай... О китайской поэзии мы вообще ничего не

¹² Газета «Возрождение Азии» начала выпускаться в апреле 1932 г. при участии японцев и первоначально выходила под названием «Голос Азии». Русским редактором газеты являлся есаул Е.Н. Пастухин, в дальнейшем глава Тяньцзиньского и Центрального Антикоммунистического комитета. С созданием в Тяньцзине Антикоммунистического комитета газета стала его печатным органом.

¹³ HIA. Serebrennikov (I.I.) Papers. Box 18. F. 18.3. Antikommunistisches Komitee.

¹⁴ И.И. Серебренников в мае 1941 г. отмечал в своем дневнике: «Русское издательство Мантэцу (т.е. управления Южно-Маньчжурской ж[елезной] д[ороги]) в Дайрене принимает значительные размеры и становится видным явлением культурного порядка» (Дневники И.И. и А.Н. Серебренниковых (1940–1941) // Русская Атлантида. 2019. № 74. С. 27).

¹⁵ HIA. Serebrennikov (I.I.) Papers. Box 1. F. 1-2. Diaries.

знаем. И поэтому-то антология китайской поэзии на русском языке, составленная четой Серебренниковых, заполняет существующий пробел в этой области»¹⁶. И.И. Серебренникову вменялось в заслугу намерение не только самому познакомиться с жизнью и культурой Китая, ставшего второй родиной для эмигрантов, но и познакомить через свои труды «ту часть эмиграции, которой, вследствие многих причин, этого знакомства с Востоком сделать не удалось»¹⁷.

Последней большой востоковедческой работой Ивана Иннокентьевича стал сборник «К истории Азии», компилятивное издание, первый том которого был выпущен тяньцзиньским издательством «Наше Знание» в 1941 г. Как отмечал в своем дневнике автор, «это – мой первый большой исторический труд. Я рад тому обстоятельству, что удалось опубликовать его. Замысел о составлении такой работы созрел у меня еще в 1936 году, и, несмотря на болезни, меня одолевшие, я все же привел его в исполнение...»¹⁸. Вторым том, подготовленный к печати, и третий, находившийся в начале 1940-х гг. в работе, так и не увидели свет¹⁹.

Большую помощь в исследовательской и публикаторской деятельности И.И. Серебренникова, чье здоровье неуклонно ухудшалось (с конца 1930-х гг. он уже не мог покинуть свою квартиру), оказывала его жена, которую он называл «доброй моей сотрудницей»²⁰. Кроме того, Александра Николаевна принимала активное участие в общественной работе русской колонии Тяньцзина и много публиковалась. С 1938 г. Серебренникова являлась сотрудницей газеты «Возрождение Азии», участвовала в работе женского сектора Российской эмиграции в Северном Китае. Вышедшие из-под ее пера в конце 1930-х – начале 1940-х гг. сочинения создают впечатление, что она вполне искренне поддержала идею всестороннего участия русских эмигрантов в строительстве «нового порядка» в Восточной Азии, учитывая и то, что Серебренниковы были последовательными и горячими противниками советской власти. Впрочем, может быть, это было простой иллюзией. Как отмечал в своем дневнике в декабре 1940 г. И.И. Серебренников, «кажется, жизнь наша сумбурная затолкала нас совсем. Порою уж мы даже не понимаем, о чем говорить или писать, перестаем давать себе отчет в действительном положении дел»²¹.

В 1942 г. Александра Николаевна участвовала в организованном газетой «Возрождение Азии» конкурсе эмигрантских сочинений, одной из тем которого являлась «Роль российской эмиграции на Востоке в Новом Порядке», и была удостоена премии третьей степени. Позднее ее сочинение было опубликовано в одном из номеров «Возрождения Азии». В сочинении в частности указывалось, что русские эмигранты, принимая участие в грандиозных событиях, происходящих в Восточной Азии, приобретают бесценные знания и опыт, которые принесут в избавленную от власти коммунистов Россию: «Вооруженные соответствующими знаниями, бывшие изгнанники поведают русскому народу о том, какие ценности таят в своих духовных глубинах страны Востока, и прежде всего великий Императорский Ниппон». Автор, рассуждая о влиянии восточных ценностей на сознание эмиграции, словно пытается проникнуть в будущее: «Может быть мы, русские, научимся в будущем почитать своих усопших, чтить своих предков, создавших нашу родину, так же, как почитают своих предков в Ниппон и Китае; вместе с тем научимся любить, как должно, свою родную историю, почитать и уважать должным образом память выдающихся деятелей Российского государства и всех воинов, живот свой положивших за отечество... Может быть, нам многое пригодится и из тех нравственных правил, которые составляют ниппонский рыцарский кодекс бусидо... Может быть, мы сделаем все возможное, чтобы приучить русского человека к правилам вежливости и учтивости, каковые являются харак-

¹⁶ Русский голос. Шанхай, 1939. 22 янв.

¹⁷ ИИА. Serebrennikov (I.I.) Papers. Box 1. F. 1-2.

¹⁸ Дневники И.И. и А.Н. Серебренниковых (1940–1941) // Русская Атлантида. 2019. № 73. С. 11.

¹⁹ Хисамутдинов А.А. Русские мысли на китайский лад. Владивосток, 2019. С. 80.

²⁰ Дневники И.И. и А.Н. Серебренниковых (1940–1941) // Русская Атлантида. 2019. № 73. С. 17.

²¹ Там же. С. 8.

терными для народов Восточной Азии»²². Как показывают дневниковые записи А.Н. Серебренниковой, она была глубоко озабочена падением морали и нравственности в среде русской эмиграции, особенно в ее женской части, еще в начале 1930-х гг.²³ Поэтому апелляция к духовным ценностям восточноазиатских народов не была для нее пустым звуком. Приобщение русских эмигрантов к этим ценностям должно было спасти эмиграцию от полного морального разложения и гибели.

В заключении своего сочинения Александра Николаевна указывала, что «если при помощи бывших российских эмигрантов обновленной России удастся разрешить, в идеологическом отношении, одну из величайших проблем России, уже давно стоящую перед нею – это синтез двух культур, Запада и Востока, их слияние в одно органическое целое, то уже одним этим обстоятельством будет оправдано столь долгое пребывание русской эмиграции за границей, ее неустанные труды здесь, а порой и тяжкие испытания»²⁴.

За годы работы в газете «Возрождение Азии» А.Н. Серебренникова опубликовала около двухсот стихотворений японских, китайских, корейских, монгольских и тюрко-татарских поэтов²⁵ (более пятидесяти авторов разных эпох), ряд рассказов из китайской средневековой прозы, заметки о жизни и творчестве отдельных поэтов и прозаиков Восточной Азии²⁶. Так, обращаясь к теме вина в китайской средневековой поэзии, она дает весьма забавную характеристику Ли Бо: «Ли бо пил со вкусом и вдохновением, вкладывая в это занятие всю свою душу. И – да простят нам наши соотечественники – хочется сказать, что порой он пил как-то по-русски. И в нем самом и в его стихах чувствуется иногда что-то родственное, близкое нашей русской душе»²⁷. Из японских литераторов ее особо привлекало творчество женщин-писательниц – Мурасаки-сикибу, Сэй Сенагон и др.²⁸

Публикаторская работа Серебренниковой, как показывает ее дневник, приносила ей удовлетворение²⁹ и, вероятно, ощущение самореализации, позволяла отвлечься от сложных жизненных проблем, связанных с существованием вне родины, падением материального жизненного уровня эмиграции в условиях войны и многолетней прогрессирующей болезнью мужа. Между тем перелом в войне на Тихом океане в 1943 г. и рост патриотизма в эмигрантской среде вскоре похоронили просветительскую активность отдельных представителей эмиграции в духе участия русских эмигрантов в строительстве «нового порядка» в Восточной Азии.

Таким образом, политика антикоммунистического руководства русских эмигрантских колоний Северного Китая по включению эмиграции в процесс строительства «нового порядка» в Восточной Азии, важной частью которого являлось культурное сближение между эмигрантами и народами Восточной Азии, привела к серьезному всплеску просветительно-востоковедческой активности на страницах эмигрантской печати и в деятельности различного рода эмигрантских творческих объединений. Важную роль в пропаганде культурного сближения эмиграции с народами Восточной Азии играли русские профессиональные и непрофессиональные, к каковым необходимо отнести и Серебренниковых, востоковеды, чей интерес к истории и культуре восточноазиатских народов был тем не менее явлением долгосрочным и не связанным с политической конъюнктурой. Благодаря большой работе таких энтузиастов-исследователей, как супруги Серебренниковы, эмигранты, ранее мало контактировавшие с китайской средой и знавшие ее, получили определенные знания о культуре и менталитете жителей Китая и сопредельных с ним стран. Однако сама идея культурного сближения эмиграции с народами Восточной Азии в процессе строительства нового порядка, в которой видели угрозу культурной унификации на японской основе, не

²² НИА. Serebrennikov (I.I.) Papers. Box 1. F. 1-2.

²³ Китай и русская эмиграция в дневниках... С. 136, 137, 139.

²⁴ НИА. Serebrennikov (I.I.) Papers. Box 1. F. 1-2.

²⁵ Хусамутдинов А.А. Русские мысли на китайский лад... С. 82.

²⁶ НИА. Serebrennikov (I.I.) Papers. Box 1. F. 1-2.

²⁷ Ibid.

²⁸ Ibid.

²⁹ Ibid. F. 1-1.

получила широкой поддержки в эмигрантской среде. Свою роль сыграла и ситуация на фронтах мировой войны. Отечественная война советского народа привела к мощному всплеску патриотизма в рядах эмиграции, что только усилило иммунитет к политике про-японских кругов эмигрантской администрации. К концу Второй мировой войны эмигрантская администрация в Северном Китае совершенно отказалась от каких-либо попыток реализации идеи культурного сближения.

Литература

Аурилене Е.Е. Российская диаспора в Китае. 1920–1950-е гг. Хабаровск: Частная коллекция, 2008. 268 с.

Библиография. А.Н. и И.И. Серебренниковы. «Цветы китайской поэзии» // Русский голос. 1939. № 4 (19) (22 янв.).

Голдин В.И. Российская военная эмиграция и советские спецслужбы в 20-е годы XX века. Архангельск: СОЛТИ; СПб.: Полторак, 2010. 576 с.

Дневники И.И. и А.Н. Серебренниковых (1940–1941) / сост. и коммент. А.А. Хисамутдинова // Русская Атлантида. 2019. № 73. С. 3–22; № 74. С. 27–31.

Забияко А.А., Забияко А.П., Леошко С.С., Хисамутдинов А.А. Русский Харбин: опыт жизнестроительства в условиях дальневосточного фронта / под ред. А.П. Забияко. Благовещенск: Амур. гос. ун-т, 2015. 462 с.

Китай и русская эмиграция в дневниках И.И. и А.Н. Серебренниковых: в 5 т. Т. 1. «Пока же мы счастливы тем, что ничто не угрожает нам...» (1919–1934) / сост., вступ. ст., подгот. текста, биограф. словарь и коммент. А.А. Хисамутдинова. М.: РОССПЭН, 2006. 448 с.

Окроков А.В. В боях за Поднебесную. Русский след в Китае. М.: Вече, 2013. 294 с.

Ремнев А.В. Россия Дальнего Востока. Имперская география власти XIX – начала XX веков. Омск: Изд-во ОмГУ, 2004. 552 с.

Смирнов С.В. Русская военная эмиграция в Тяньцзине (1920-е – начало 1940-х гг.) // Клио. 2018. № 4 (136). С. 127–134.

Хисамутдинов А.А. Общество русских ориенталистов в Харбине // Восток. 1999. № 3. С. 104–114.

Хисамутдинов А.А. Русские волны на Пацифике: Из России через Китай, Корею и Японию в Новый Свет. Пекин; Владивосток: Рубеж, 2013. 640 с.

Хисамутдинов А.А. Русские мысли на китайский лад. Владивосток: Изд-во Дальневосточного ун-та, 2019. 273 с.

Шкаренков Л.К. Агония белой эмиграции. М.: Мысль, 1986. 272 с.

References

Aurilene, E.E. (2008). *Rossiyskaya diaspora v Kitae. 1920–1950-e gg.* [Russian Diaspora in China. The 1920s and 1950s]. Khabarovsk, Chastnaya kollektsiya. 268 p.

(1939). Bibliographiya A.N. i I.I. Serebrennikovy. “Tsvety kitayskoy poezii” [Bibliography. A.N. and I.I. Serebrennikov. “Flowers of Chinese Poetry”]. In *Russkiy golos*. Shanghai, 22 January. No. 4 (19).

Goldin, V.I. (2010). *Rossiyskaya voennaya emigratsiya i sovetskie spestsluzhby v 20-e gody XX veka* [Russian Military Emigration and Soviet Special Services in the 20-ies of 20th Century]. Arkhangelsk, Solti, St. Petersburg, Poltorak. 576 p.

Khisamutdinov, A.A. (1999). Obschestvo russkikh orientalistov v Kharbine [Society of Russian Orientalists in Harbin]. In *Vostok*. No. 3, pp. 104–114.

Khisamutdinov, A.A. (Ed. and Comm.). (2019). Dnevniki I.I. and A.N. Serebrennikovykh (1940–1941) [Diaries of I.I. and A.N. Serebrennikov (1940–1941)]. In *Russkaya Atlantida*. No. 73, pp. 3–22; No. 74, pp. 27–31.

Khisamutdinov, A.A. (2019). *Russkie mysli na kitaiskiy lad* [Russian Thoughts in the Chinese Way]. Vladivostok, Publishing House of the Far Eastern University. 273 p.

Khisamutdinov, A.A. (Ed. and Comm.). (2006). *Kitay i russkaya emigratsiya v dnevnikh I.I. i A.N. Serebrennikovykh, 1919–1934 gg.* [China and Russian Emigration in the Diaries of I.I. and A.N. Serebrennikov, 1919–1934:]. Vol. 1. “Poka zhe my schastlivy tem, chto ничто ne ugrozhaet nam...” [“In the Meantime, We are Happy That Nothing Threatens Us...”]. Moscow, ROSSPEN. 448 p.

Khisamutdinov, A.A. (2013). *Russkie volny na Patsifike: Iz Rossii cherez Kitay, Koreyu i Yaponiyu v Novyy Svet* [Russian Waves on Pacifica: From Russia Through China, Korea and Japan to the New World]. Beijing, Vladivostok, Rubezh. 640 p.

Okorokov, A.V. (2013). *V boyah za Podnebesnyu. Russkiy sled v Kitae* [In the Battles for China. Russian Footprint in China]. Moscow, Veche. 294 p.

Remnev, A.V. (2004). *Rossiya Dal'nego Vostoka. Imperskaya geographiya vlasti XIX – nachala XX vekov* [Russia of the Far East. Imperial Geography of Power 19th – Early 20th Centuries]. Omsk, Izdatel'stvo OmGU. 552 p.

Shkarenkov, L.K. (1986). *Agoniya beloy emigratsii* [Agony of White Emigration]. Moscow, Mysl'. 272 p.

Smirnov, S.V. (2018). Russkaya voennaya emigratsiya v Tyan'tsine (1920-e – nachalo 1940-kh gg.) [Russian Military Emigration in Tianjin (1920s – Early 1940s)]. In *Klio*. No. 4 (136), pp. 127–134.

Zabiyako, A.A., Zabiyako, A.P., Levoshko, S.S., Khisamutdinov, A.A. (2015). *Russkiy Harbin: opyt zhiznestroitel'stva v usloviyakh dal'nevostochnogo frontira* [Russian Harbin: the Experience of Life-Building in the Far Eastern Frontier]. Blagoveschensk, Amur State University. 462 p.

Статья поступила в редакцию 30.11.2021 г.

И.В. Реброва*

I.V. Rebrova*

**Места памяти 214 детей
с инвалидностью из Ейского детского
дома Крайсо: публикация
устного интервью с очевидцем
событий 1942 года**

doi:10.31518/2618-9100-2022-1-15

УДК 94(47+57)

Выходные данные для цитирования:

Реброва И.В. Места памяти 214 детей с инвалидностью из Ейского детского дома Крайсо: публикация устного интервью с очевидцем событий 1942 года // Исторический курьер. 2022. № 1 (21). С. 154–171. URL: <http://istkurier.ru/data/2022/ISTKURIER-2022-1-15.pdf>

**Memory Sites of 214 Children
with Disabilities from the Yeysk
Orphanage: an Oral History
Interview with an Eyewitness
of the Events 1942**

doi:10.31518/2618-9100-2022-1-15

How to cite:

Rebrova I.V. Memory Sites of 214 Children with Disabilities from the Yeysk Orphanage: an Oral History Interview with an Eyewitness of the Events 1942 // Historical Courier, 2022, No. 1 (21), pp. 154–171. [Available online: <http://istkurier.ru/data/2022/ISTKURIER-2022-1-15.pdf>]

Abstract. The article presents a publication of an oral history interview with Vladimir Rudenchenko. It was recorded in May, 2018 in the city of Yeysk and became a part of the research project “Remember us...”. The project aims to study the history of mass killings of people with disabilities as one of the victim groups of the Nazi regime in the occupied Russian regions during World War II, as well as memory of these victims in Soviet and modern Russia. The central topic of the interview deals with an attempt to find out the burial site of 214 children with disabilities from the Yeysk orphanage who were killed by members of Sonderkommando 10a Einsatzgruppe D on October 9–10, 1942. Victor Rudenchenko, as a teenager, turned out to be an unwitting witness of the burial of children’s corpses on October 9, 1942. There is a brief description of the history of mass killings in Yeysk and the post-war culture of remembrance of the Nazi victims before the interview publication. The transcription of the interview is provided with historical comments.

Keywords: oral history, World War II, nazi occupation, North Caucasus, victim groups, people with disabilities, memory of World War II, 214 children with disabilities, Yeysk.

The article has been received by the editor on 29.11.2021.

Full text of the article in Russian and references in English are available below.

Аннотация. Статья представляет собой публикацию устного интервью с Владимиром Акимовичем Руденченко, которое было записано автором в мае 2018 г. в городе Ейске в рамках реализации проекта «Помни о нас...», посвященного изучению истории массовых убийств людей с инвалидностью как одной из групп жертв нацистского режима в оккупированных регионах РСФСР в годы Второй мировой войны, а также памяти об этих жертвах в советской и современной России. Центральным сюжетом интервью является попытка установить первоначальное место захоронения 214 детей с инвалидностью – воспитанников Ейского детского дома Крайсо, которые были убиты членами Зондеркоманды 10а Айнзацгруппы Д 9–10 октября 1942 г. В.А. Руденченко, будучи подростком, оказался невольным свидетелем закапывания трупов детей 9 октября 1942 г. Публикацию интервью предваряет краткое описание истории убийств в Ейске и послевоенной культуры памяти о

* **Реброва Ирина Викторовна**, кандидат исторических наук, PhD, Центр изучения антисемитизма при техническом университете Берлина, Берлин, Германия; автор и куратор проекта «Помни о нас...» (<https://nsvictims.ru>), e-mail: irina.rebrova@campus.tu-berlin.de

Rebrova Irina Victorovna, Candidate of Historical Sciences, PhD, Center for Research on Antisemitism TU Berlin, Berlin, Germany; Creator of the project “Remember us...” (<https://nsvictims.ru>), e-mail: irina.rebrova@campus.tu-berlin.de

жертвах нацистов из числа детей с инвалидностью. Транскрипция интервью снабжена необходимыми научными комментариями.

Ключевые слова: устная история, Вторая мировая война, оккупация, Северный Кавказ, группы жертв нацистов, люди с инвалидностью, память о группах жертв, 214 детей с инвалидностью, Ейск.

В 2018 г. в рамках подготовки выставки «Помни о нас...», посвященной истории и памяти о массовых убийствах пациентов психиатрических клиник, детей-инвалидов и врачей-евреев, которые стали жертвами нацистской оккупационной политики на Северном Кавказе в годы Второй мировой войны¹, я впервые побывала в г. Ейске. Убийство 214 детей с инвалидностью из Ейского детского дома Крайсо в октябре 1942 г. членами Зондеркоманды 10а Айнзацгруппы Д (нем. Sonderkommando 10a Einsatzgruppe D) является одним из сюжетов выставки «Помни о нас...»², поэтому в ходе своей поездки я также хотела понять, как в городском пространстве представлена память об этой группе жертв нацистов. Известно, что в послевоенное время в СССР традиционно вспоминали «мирных советских граждан», которые были убиты в период оккупации того или иного советского региона³. Эта форма памяти исключала личностный подход, не придавала значения отдельным группам жертв, не принимала во внимание причины их массовых убийств. Приехав в южный курортный город на Азовском море, я смогла познакомиться с активистами и краеведами, которые уже более десяти лет изучают историю убийства детей с инвалидностью, ежегодно проводят памятные и образовательные мероприятия с городской молодежью. При этом выяснилось, что жертв нацистов в Ейске вспоминают в духе советского времени – как детей, которых «фашисты» лишили будущего, несмотря на то, что источники зафиксировали факт убийства воспитанников детского дома с физическими и психическими особенностями развития. То есть преступление нацистов было направлено на определенную группу населения – людей, в данном случае детей, с инвалидностью, а не против всего советского детства. Также в ходе моей первой поездки в Ейск я столкнулась еще с одной не менее важной проблемой памяти о жертвах нацистов. Неофициально и только внутри довольно узкого круга активистов и краеведов ставится вопрос об установлении места первичного захоронения останков детей в 1942 г., а также подвергается сомнению факт перезахоронения части останков на городское кладбище, где с 1980 г. стоит памятник 214 детям и где в последнее время проводятся ежегодные памятные мероприятия.

Осенью 2019 г. я снова побывала в Ейске. Там состоялось открытие выставки «Помни о нас...», презентация его каталога и научный семинар с участием историков и краеведов Северо-Кавказского региона, которые принимают активное участие в изучении истории преступлений нацистов в отношении людей с инвалидностью в годы Второй мировой войны. Уже известные проблемы памяти о Ейской трагедии стали вновь предметом личных бесед, которые, однако, не переросли в официальную дискуссию. В опубликованной в

¹ Более подробнее см. официальный сайт проекта «Помни о нас...» [Электронный ресурс]. URL: <https://nsvictims.ru> (дата обращения: 09.11.2021).

² «Помни о нас...»: каталог выставки, посвященной памяти пациентов психиатрических клиник, детей-инвалидов и врачей-евреев, убитых в период нацистской оккупации Северного Кавказа. Краснодар, 2019. С. 65–81.

³ Термин «мирные советские граждане» советские власти официально использовали примерно с 1943–1944 гг., чтобы не говорить о массовых убийствах, прежде всего советских евреев, и специфике того, что позже было названо Холокостом. Историки доказывают, что это было вполне осознанное решение членов советского партийного аппарата власти. Также этот обезличенный термин включает и другие группы жертв из числа гражданского населения, в том числе людей с инвалидностью. О формировании термина «мирные советские граждане» в советских СМИ периода войны см.: *Berkhoff K. Motherland in Danger: Soviet Propaganda during World War II*. Cambridge, MA, 2012. С. 149–153, 160–164; *Berkhoff K. Total Annihilation of the Jewish Population: The Holocaust in the Soviet Union, 1941–45* // *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. 2009. No. 10 (1). С. 86–87; *Zeltser A. Differing Views among Red Army Personnel about the Nazi Mass Murder of Jews* // *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. 2014. No. 15 (3). С. 564.

каталоге выставки статье ейских исследователей тема места памяти озвучена, но глубоко не исследована⁴. В 2020 г. я на основе своих к тому времени нескольких поездок в Ейск и более глубокого изучения комплекса документов написала аналитическую статью об истории убийства 214 детей и памяти об этом событии в (пост)советской России, которая была опубликована в тематическом номере журнала «Украина модерна» на украинском языке⁵. В 2021 г. русскоязычная доработанная версия статьи была опубликована в сборнике «Трагедия войны»⁶. В своих публикациях я не использовала записанное мною в 2018 г. интервью с очевидцем военных событий Владимиром Акимовичем Руденченко, который указывает на место первичного захоронения останков детей из Ейского детского дома в период оккупации города. В связи с активизацией работы поисковых отрядов и их вниманием к местам массовых захоронений жертв нацистов из числа гражданского населения⁷ я решила опубликовать это интервью. Для лучшего понимания беседы с Руденченко я кратко изложу историю убийства 214 детей в 1942 г. и опишу основные этапы формирования мест памяти о ейской трагедии в городском пространстве в послевоенное время.

Ейская школа-интернат для глубоко умственно отсталых детей была открыта в 1934 г. В 1939 г. здесь также разместили группу детей-инвалидов с нормальным интеллектом, а само учреждение получило название «Ейский детский дом Краснодарского краевого отдела социального обеспечения (Крайсо)». В конце лета 1941 г. сюда эвакуировали из Симферопольского детского дома № 2 до 100 воспитанников с физическими особенностями развития, полученными в результате заболевания костным туберкулезом. Ейский детский дом располагался в нескольких зданиях. Около 40 лежащих детей с особенностями умственного развития тяжелой формы проживали в одноэтажном корпусе на углу ул. Буденного и Сталина (в настоящее время угол ул. Плеханова и Коммунистическая). До 120 детей с особенностями умственного развития размещались в двух корпусах по ул. Баррикадная, они обучались в специальной школе. Эвакуированных симферопольцев поселили в корпусе на углу ул. Гоголя и Щербиновская (в настоящее время ул. Б. Хмельницкого). Таким образом, в Ейском детском доме Крайсо к октябрю 1942 г. находились на воспитании и лечении около 260 детей в возрасте от 3 до 17 лет⁸.

Летом 1942 г. началось наступление группы армий А Вермахта на территорию Северного Кавказа. Ейск находился в зоне военного управления (нем. *Militärverwaltung*) с 9 августа 1942 г. по 5 февраля 1943 г.⁹ В первые два месяца оккупационные власти не проявляли никакого интереса к детям с инвалидностью из Ейского детского дома Крайсо. Затем, в течение 9 и 10 октября 1942 г., из трех зданий учреждения члены Зондеркоманды 10а Айнзацгруппы Д вывезли и убили большинство воспитанников, которые были захоронены за пределами Ейска¹⁰. Так, 9 октября 1942 г. к корпусу детского дома по ул. Щербиновская, 56 подъехали

⁴ Сидоренко М.Г., Шананин С.П. 214 детей из Ейского детского дома Крайсо: память сильнее времени // «Помни о нас...»: каталог выставки. С. 214–219.

⁵ Реброва І. 214 вихованців Ейського дитячого будинку: історія вбивства і пам'ять про них у (пост)радянській Росії // Україна Модерна. 2020. № 28. С. 138–167.

⁶ Реброва И.В. Убийство 214 воспитанников Ейского детского дома: история событий и память о них в (пост)советской России // Трагедия войны. Гуманитарное измерение вооруженных конфликтов XX века. М., 2021. С. 190–212.

⁷ См., например, публикации в СМИ по Краснодарскому краю: На Кубани нашли останки еще девяти мирных жителей, убитых фашистами в годы войны // Сайт kuban24.tv. 18 июня 2021 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://kuban24.tv/item/na-kubani-na-meste-zahoroneniya-ubityh-mirnyh-zhitelej-nashli-ostanki-9-chelovek> (дата обращения: 22.09.2021). Поисковики обнаружили захоронение жертв нацистов в годы Великой Отечественной войны. Официальный сайт МО Темрюкский район. 4 августа 2021 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.temryuk.ru/presscenter/news/poiskoviki-obn%DF%F7%F1%EC%E8aruzhili-zakhoronenie-zhertv-natsistov-v-gody-velikoy-otechestvennoy-voyny-/> (дата обращения: 09.11.2021).

⁸ «Помни о нас...»: каталог выставки... С. 65.

⁹ Дорошенко А.А. Родина с именем Ейск: история города и района. Ейск, 2018. С. 176; Иванов А.Ф., Сидоренко М.Г. Ейск: Вчера и сегодня: Исторические очерки. Ейск, 2012. С. 89.

¹⁰ Акт комиссии Ейского городского совета от 15 апреля 1943 года // Муниципальное казенное учреждение муниципального образования Ейский район «Архив» (далее МКУ «Архив»). Ф. Р-79. Оп. 3. Д. 415. Л. 10. Более подробно о реконструкции убийства детей с инвалидностью на основе материалов ЧГК и послевоенных судов над нацистскими

две легковые и две грузовые крытые автомашины. Немцы осмотрели детей, затем отдали команду отстранить обслуживающий персонал и посадить воспитанников учреждения в специальные машины-«душегубки» (нем. Gaswagen)¹¹. Таким образом были увезены за город около 140 детей. На следующий день, 10 октября, вновь прибыла «душегубка», куда были погружены дети с особенностями умственного развития и многие из тех, кто успели спрятаться накануне. Машина уехала в сторону садов за город. Всего нацисты вывезли и удушили газами в «душегубке» 214 воспитанников Ейского детского дома¹².

Около 25 детей смогли скрыться и затем уйти на территорию подсобного хозяйства детского дома, где в это время жили и работали несколько старших воспитанников. Всего осталось в живых 46 детей. Точное количество жертв, а также их имена, возраст и другие персональные данные были установлены через несколько дней после событий начала октября 1942 г.: это было нужно для обеспечения выживших воспитанников теплой одеждой и питанием¹³, которые, судя по имеющейся информации, немцев больше не интересовали. Более того, спустя некоторое время дети вернулись в город с территории подсобного хозяйства и продолжили жить и учиться в корпусах детского дома. Таким образом, воспитанники детского дома были убиты в рамках национал-социалистической теории «расовой гигиены». Как и в нацистской Германии, на оккупированных территориях бывшего Советского Союза люди с нарушениями развития рассматривались как «лица, которые не имеют право на существование», как «бесполезные едоки», которые не способны к труду. Таким же было отношение и к нетрудоспособным пациентам специальных лечебных и профилактических учреждений¹⁴. Задачу массового убийства этих групп людей нацистам облегчала изоляция их жертв в специальных учреждениях – Домах инвалидов, детских домах для детей-инвалидов и психиатрических клиниках, большинство из которых не были вовремя эвакуированы.

После освобождения Ейска войсками Красной армии в официальных советских документах первоначально говорилось о расстреле немцами 214 детей. Директора и воспитателей детского дома обвинили в том, что они «не приняли соответствующих мер по сохранению жизни воспитанников»¹⁵. Было возбуждено уголовное дело в отношении врача

преступниками см.: *Риброва И.В.* Убийство 214 воспитанников Ейского детского дома... С. 193–200.

¹¹ Специальные машины-«душегубки» члены Зондеркоманды 10а Айнзацгруппы Д использовали в Краснодарском крае с конца августа 1942 г. по несколько раз в неделю. Это был крытый 6–7-тонный грузовик темно-серого цвета с дизельным двигателем. Машина была обита внутри оцинкованным железом и снабжена в задней части кузова двустворчатой, герметически закрывающейся дверью. На полу кузова имелась решетка, под которой проходила труба с отверстиями, соединявшаяся с выхлопной трубой дизель-мотора, отработанные газы которого, содержащие окись углерода высокой концентрации, поступали в кузов машины и вызывали быстрое отравление запертых там людей. При посадке в машины немцы раздевали свои жертвы, заявляя им, что везут в баню, а вещи остаются для дезинфекции. В машину загружалось до 60–80 человек, все вместе – мужчины, женщины, дети. Простояв несколько минут во дворе гестапо, машина направлялась к противотанковому рву, где производилась разгрузка и закапывание трупов. См.: Судебный процесс по делу о зверствах немецко-фашистских захватчиков и их пособников на территории города Краснодара и Краснодарского края в период их временной оккупации. Краснодар, 1943. С. 13.

¹² Акт ЧГК по г. Ейск от 13 июля 1943 года // Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-7021. Оп. 16. Д. 3. Л. 19.

¹³ Протокол допроса Галины Кочубинской по г. Краснодару от 26 февраля 1970 года // Der Bundesbeauftragte für die Unterlagen des Staatssicherheitsdienstes der ehemaligen Deutschen Demokratischen Republik (Федеральный архив документации Службы государственной безопасности бывшей Германской Демократической Республики, сокр. BStU). MfS HA IX-11. ZUV 43. Bd. 7a. Bl. 163.

¹⁴ История убийства людей с инвалидностью, в том числе пациентов психиатрических клиник, на оккупированных территориях СССР стала предметом научного осмысления историков в последние несколько лет. Наиболее изученными являются преступления нацистов на территории современной Беларуси и Украины. История массовых убийств людей с инвалидностью на территории РСФСР изучается в рамках проекта «Помни о нас...». См.: «Помни о нас...»: каталог выставки...; «Помни о нас...»: люди с инвалидностью – малоизвестные жертвы нацистского режима в оккупированных регионах РСФСР: сб. ст. СПб., 2022.

¹⁵ Решение исполкома горсовета № 102 «О детском доме умственно-отсталых», протокол № 5 от 11–21 марта 1943 года // МКУ «Архив». Ф. Р-79. Оп. 1. Д. 8. Л. 16 об. Цит. по: *Сидоренко М.Г., Шананин С.П.* 214 детей из Ейского детского дома Крайсо... С. 215.

В.В. Аникеева, который «в разговоре с сотрудниками детдома высказывал мнение, что часть детей надо уничтожить как бесполезных для общества и намеревался по этому поводу говорить с кем следует»¹⁶. Члены Ейской комиссии содействия Чрезвычайной государственной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников и причиненного ими ущерба гражданам, колхозам, общественным организациям, государственным предприятиям и учреждениям СССР (далее ЧГК) на основании собранных свидетельств очевидцев провели вскрытие на месте погребения 214 детей-инвалидов. В акте судебно-медицинского осмотра трупов от 15 апреля 1943 г. был установлен факт смерти детей от удушения: «При раскопке могилы размером 4×3 глубина 2 метра нами обнаружено 214 детских трупов мальчиков и девочек в возрасте от 4 до 7 лет (примерно), лежащих беспорядочно друг на друге, большинство из них сцеплены руками попарно. У некоторых в руках были палки и костыли, дети одеты в истлевшие одежды»¹⁷. Впервые о механизме действия машины-«душегубки» будет известно только в ходе расследования на первом открытом судебном процессе против советских коллаборационистов, который проходил в Краснодаре в июле 1943 г. Среди одиннадцати подсудимых, которые выполняли приказы руководства Зондеркоманды 10а, были советские коллаборационисты, ответственные за преступления против отдельных групп гражданского населения в Краснодарском крае (евреев, пациентов Краснодарской психбольницы, Березанской психиатрической колонии, Детской краевой краснодарской психиатрической больницы на хуторе Третья речка Кочеты, партизан и семей коммунистов)¹⁸. Однако на Краснодарском процессе не было тех, кто был причастен к убийствам детей с инвалидностью из Ейского детского дома. Поэтому этот случай там не был озвучен. Лишь в 1961 г. в Ставрополе на скамье подсудимых окажутся пять советских граждан, ответственных за преступления в Ейске, которых приговорят к смертной казни¹⁹.

Таким образом, члены Ейской комиссии содействия ЧГК еще весной 1943 г. зафиксировали факт убийства детей с инвалидностью, они произвели эксгумацию трупов для установления причин смерти. Во всех документах комиссии указывается примерное место обнаружения могилы детей – это территория хутора Широчанка, в юго-восточном направлении от Ейска²⁰ «в непосредственной близости от дороги, идущей от Ростовского рейдера на Симоновку, в расстоянии от Восточных садов города Ейска около 1,5 км»²¹. Более точных координат местонахождения могилы детей в материалах ЧГК нет. После эксгумации тела детей были закопаны в той же общей могиле.

В Ейском историко-краеведческом музее им. В.В. Самсонова имеется фотография 1943 г., на которой изображены, по всей видимости, члены ЧГК (три человека в военной форме, два гражданских лица и один представитель Русской православной церкви). Они стоят у небольшого памятника в виде пирамиды с пятиконечной звездой на фоне молодых деревьев, скорее всего, садов или лесополосы. В задачи ЧГК не входила установка памятников. Более того, в актах местной комиссии содействия ЧГК эта фотография не обнаружена, а информация о факте установки памятника на месте вскрытия могилы не найдена. Массовое захоронение воспитанников Ейского детского дома было вскрыто 15 апреля 1943 г. А уже в начале июля

¹⁶ Докладная записка военного прокурора Северо-Кавказского фронта полковника юстиции Агалакова секретарю Краснодарского краевого комитета ВКП(б) Селезневу от 2 июля 1943 года // Государственный архив Краснодарского края. Ф. Р-897. Оп. 1. Д. 9. Л. 9. Военный трибунал Азовской военной флотилии вынес приговор Аникееву по статье 58-10 часть II (пропаганда или агитация, содержащие призыв к свержению, подрыву или ослаблению Советской власти). Приговор Военного трибунала Азовской военной флотилии Черноморского флота от 30 сентября 1943 года // ГАРФ. Ф. Р-7021. Оп. 148. Д. 29. Л. 30–30 об.

¹⁷ Акт судебно-медицинского осмотра трупов по г. Ейску от 15 апреля 1943 года // ГАРФ. Ф. Р-7021. Оп. 16. Д. 3. Л. 24.

¹⁸ Судебный процесс по делу о зверствах немецко-фашистских захватчиков и их пособников на территории города Краснодара... С. 14–18, 34–35.

¹⁹ Федоровский П. Палачи держат ответ // Ставропольская правда. 1961. 21 июля; Федоровский П. Возмездие // Ставропольская правда. 1961. 29 июля.

²⁰ Акт ЧГК от 13 июля 1943 года по г. Ейску // ГАРФ. Ф. Р-7021. Оп. 16. Д. 3. Л. 19.

²¹ Заявление В. Сидоренко в ЧГК от 12 июля 1943 года по г. Ейску // ГАРФ. Ф. Р-7021. Оп. 16. Д. 3. Л. 5.

1943 г., по свидетельствам очевидцев, «из могилы было вынуто и помещено в гробы более 40 детских трупов в возрасте от 5–6 до 15–16 лет (приблизительно), остальные были погребены на месте их смерти в той же могиле»²². Торжественное частичное перезахоронение останков произошло в первых числах июля 1943 г. в присутствии секретаря городского комитета ВЛКСМ, представителей горкома ВКП(б), школьников, бойцов ейского гарнизона и выживших воспитанников детского дома. Мероприятие было названо «Митинг гнева»²³. Место перезахоронения выбрали в самом центре города, в городском саду (сквере) им. Пушкина, где сразу установили временный деревянный памятник.

В 1944 г. в саду им. Пушкина был открыт кирпичный оштукатуренный памятник в виде плиты с символическим огнем, окруженной оградой. В нише памятника находилась статуя пионера. Таким образом, еще в годы войны центр города с частичным перезахоронением останков стал официальным местом памяти всех 214 детей, ставших жертвами оккупации г. Ейска. Место первичного захоронения постепенно утрачивалось. В 1952 г. памятник был включен в туристический маршрут по городу, а городскому коммунальному хозяйству было поручено осуществлять уход за памятным местом²⁴. Здесь проходили торжественные митинги в годовщину гибели воспитанников Ейского детского дома. Однако к 1957 г. памятник пришел в запустение, фигура пионера была похищена, металлические изделия изломаны²⁵.

В 1963 г. в связи с письмом Министерства культуры РСФСР, определяющим порядок переноса всех братских могил и памятников из городов и крупных поселков на кладбища, Ейский городской исполком принял решение о новом переносе могилы детей из сада им. Пушкина на городской погост. Перезахоронение состоялось ночью и негласно, о чем сообщали ветераны войны в своих письмах-жалобах в Ейский городской комитет КПСС²⁶. В 1964 г. на кладбище, тогда еще на практически пустом поле, установили памятник – прямоугольную плиту, с лицевой стороны обложенную кирпичом. Сверху, над плитой памятника, было изображение знамени, под мемориальной доской – барельеф пионерского значка²⁷. 1 июня 1980 г. в рамках реализации программы мероприятий к 35-й годовщине Победы на городском кладбище установили новый памятник, изготовленный на Краснодарском художественно-производственном комбинате Художественного фонда РСФСР скульптором Ермаковым²⁸. Композиция в виде фигуры девочки-подростка и двухсторонней стены с барельефами, изображающими страдания детей, расположилась на черных плитах. Памятные надписи на одной из сторон памятника сообщают: «В память 214 детям, зверски замученным фашистами 9–10 октября 1942 года» и «Я раненым детством войну проклинаю». С 2012 г. здесь ежегодно проходит акция «Свеча памяти» 9 октября и митинг с участием ветеранов войны и труда 10 октября. Эти мероприятия поддерживаются местной администрацией и посвящены памяти 214 воспитанников детского дома.

При этом до сих пор неясно, состоялось ли официальное перезахоронение более 40 гробов с останками детей из городского сада им. Пушкина на кладбище в 1963 г. Согласно записям в регистрационной книге могил на кладбище, было выделено место под памятник, а не под могилы для детей²⁹. Обследование места захоронения детей-инвалидов в сквере им. Пушкина не проводилось ввиду того, что там, после его реконструкции в 2017–

²² Заявление В. Сидоренко в ЧГК от 12 июля 1943 года по г. Ейску // ГАРФ. Ф. Р-7021. Оп. 16. Д. 3. Л. 5.

²³ «Митинг гнева» // Красный черноморец. 1943. 3 июля. Цит. по: ГАРФ. Ф. Р-7021. Оп. 16. Д. 3. Л. 13.

²⁴ Бельцев Н.В., Иванов А.Ф. Ейск и Ейский район в годы Великой Отечественной войны. Ейск, 2013. С. 78.

²⁵ Самсонов В. Заботиться о памятниках истории // Ейская правда. 1957. 26 апреля.

²⁶ Переписка Леонида Половинкина по памятникам г. Ейска // Архив Ейского историко-краеведческого музея имени В.В. Самсонова (далее ЕИКМ). Переписка по памятникам, бюстам, мемориальным доскам города Ейск и Ейского района с октября 1964 по декабрь 1965 года. Л. 36–42.

²⁷ Сидоренко М.Г., Шананин С.П. 214 детей из Ейского детского дома Крайсо... С. 217–218.

²⁸ Закон № 313-КЗ «О перечне объектов культурного наследия (памятников истории и культуры), расположенных на территории Краснодарского края» (с изм. на 5 октября 2018 г.) от 17 августа 2000 г. [Электронный ресурс] // Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации. URL: <http://docs.cntd.ru/document/460173279> (дата обращения: 09.11.2021).

²⁹ Бельцев Н.В., Иванов А.Ф. Ейск и Ейский район... С. 79.

2018 гг., был установлен новый бюст А.С. Пушкина, положена плитка и обустроена детская площадка³⁰, которая пользуется популярностью у горожан.

Таким образом, спустя почти 80 лет после массового убийства детей из Ейского детского дома Крайсо, несмотря на проведение ежегодных памятных мероприятий на городском кладбище, где установлен памятник погибшим детям, многочисленные публикации на местном уровне, в том числе издание документальной повести Леонида Дворникова – одного из спасшихся подростков³¹, до сих пор существуют лакуны памяти. Главной проблемой оказалось определение первоначального места захоронения трупов детей, которых не расстреляли, а отравили газами в специальной машине-«душегубке»: это значит, что за послевоенное время тела разложились, а металлоискатели применять не имеет смысла, так как пули или гильзы не могут быть найдены. К тому же границы поселений и сельских угодий за послевоенные десятилетия существенно изменились, поэтому ориентироваться на общую информацию в официальных источниках 1940-х гг. – акты местной комиссии содействия ЧГК – не представляется возможным. Свидетели, которые могли что-то помнить о периоде оккупации, сейчас в преклонном возрасте, и местные власти не готовы доверять их рассказам.

В последние несколько лет тема памяти ейских детей с инвалидностью стала все чаще звучать в новостных СМИ. Буквально накануне открытия выставки «Помни о нас...» в Ейске в 2019 г. Управление ФСБ по Краснодарскому краю рассекретило несколько документов, касающихся этой темы³². Один из них представляет наибольшую ценность: это рукописный список погибших с указанием их национальности и степени инвалидности. Ранее были известны только имена и возраст детей, их инвалидность в доступных с 1943 г. списках не называлась. Важно подчеркнуть, что впервые на государственном уровне по федеральным каналам и в Интернете прозвучала официальная информация о том, что нацисты убили детей с инвалидностью³³. Через две недели после открытия выставки «Помни о нас...» в Ейске Следственный комитет РФ возбудил уголовное дело по факту участия нацистов в убийстве детей с инвалидностью из Ейского детского дома Крайсо³⁴. В СМИ были опубликованы фамилии немцев, причастных к убийству, и которые, по мнению следствия, не понесли уголовного наказания. Из трех упоминаемых фамилий ввиду того, что они были записаны в русской транслитерации и, скорее всего, на слух, удалось идентифицировать только одного человека – немецкого доктора Штрауха (нем. Strauch), имя которого значится в следственных документах одного из многочисленных послевоенных судебных процессов над бывшими нацистскими преступниками в Западной Германии³⁵.

³⁰ Глава города доложил о проделанной работе по благоустройству территории города Ейска за 2014–2018 годы // Новости Ейска. 12 апреля 2019 года [Электронный ресурс]. URL: <http://www.deleysk.ru/news/12370> (дата обращения: 09.11.2021); За последние два года на реализацию проекта «Формирование современной городской среды» были затрачены более 100 млн руб. // Новости Ейска. 12 апреля 2019 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.deleysk.ru/news/12385> (дата обращения: 09.11.2021).

³¹ См.: Сидоренко М.Г. Судьба 214 детей глазами очевидца // Деловой Ейск. 2012. 5 сентября; Дворников Л.В. От имени погибших: документальная повесть. Краснодар, 2016.

³² В России опубликованы документы об убийстве 214 детей в Ейске в годы Великой Отечественной войны // РИА Новости. 7 октября 2019 года [Электронный ресурс]. URL: <https://ria.ru/20191007/1559498762.html> (дата обращения: 22.01.2022); Закопанные или задушенные: новые детали казни 214 детей в годы войны // РИА Новости. 7 октября 2019 года [Электронный ресурс]. URL: <https://ria.ru/20191007/1559490596.html> (дата обращения: 09.11.2021).

³³ Артеменко А., Новикова Е. и др. Специальный репортаж для «Новости 24». Телекомпания «Крым 24». Выпуск от 8 октября 2019 года [Электронный ресурс]. URL: <http://crimea24.tv/content/novosti-24-vypusk-2000-081019> (дата обращения: 09.11.2021); Николаева М. Сюжет о мероприятиях в Ейске 9 октября 2019 г. в новостной программе «Факты 24». Телеканал «Кубань 24». Выпуск от 10 октября 2019 г. [Электронный ресурс]. URL: https://www.youtube.com/watch?v=ZYNeY2h_sqk&list=PLh0eWlCoAdz4eMnJHjYdZvCVzomX4YfFA (дата обращения: 09.11.2021).

³⁴ Следственный комитет начал расследовать убийство 214 детей в Ейске нацистами [Электронный ресурс] // РИА Новости. 30 октября 2019 г. URL: <https://ria.ru/20191030/1560393095.html> (дата обращения: 09.11.2021).

³⁵ См: StA München (Государственный архив г. Мюнхена). Staatsanwaltschaft. 33416.

Повышенное внимание общественности к истории массового убийства детей с инвалидностью подтолкнуло членов поисковых отрядов начать поиск первичного места их захоронения. В результате двух поездок и опросов свидетелей летом 2020 г., имена которых в СМИ не называются, председатель совета Краснодарского регионального отделения «Поискового движения России» Александр Шепелев заявил о «локализации места возможного нахождения первоначального захоронения». По его словам, массовое захоронение находится юго-восточнее города Ейска, в 1,5 км на юг от дороги Р-250 (Старощербиновская – Ейск), рядом с поселками Широчанка и Симоновка³⁶. Тем не менее останки детей из Ейского детского дома Крайсо по состоянию на начало 2022 г. так и не были найдены.

Еще в 2018 г., во время моей самой первой поездки в Ейск, я познакомилась с одним из исследователей своей родословной и истории семьи³⁷, часто посещавшим тогда МКУ «Архив», Владимиром Акимовичем Руденченко 1934 года рождения. Вместе с другими подростками он оказался невольным свидетелем закапывания трупов детей с инвалидностью: 9 октября 1942 г. они пасли коров недалеко от места совершения преступления. Владимир Акимович в своих воспоминаниях достаточно подробно рассказывает и указывает место предполагаемого захоронения. Он неоднократно беседовал с местными журналистами и краеведами, написал несколько статей в ейские газеты³⁸ и даже составил схему предполагаемого места захоронения трупов.

Я решила записать с В.А. Руденченко устное интервью. Мы встретились 23 мая 2018 г. около его частного дома и вместе с сотрудником МКУ «Архив» Сергеем Шананиным и редактором газеты «Деловой Ейск» Александром Дорошенко поехали в сторону поселка Широчанка, где сейчас расположены дачные участки. Там Владимир Акимович подробно показал и рассказал, что он помнит о событиях оккупации и конкретно о 9 октября 1942 г. Интервью длилось 25 минут. По форме это тематическое интервью: все мои вопросы носили уточняющий характер и были связаны только с попыткой реконструировать события 9 октября 1942 г., которые запомнил собеседник. Наша беседа была записана на диктофон и снята на видео. Это интервью ранее нигде не было использовано, поэтому я приняла решение опубликовать транскрипцию интервью, снабдив текст научными комментариями. Расшифровку беседы выполнила Галина Реброва. Мои вопросы выделены курсивом, необходимые пояснения речи рассказчика приведены в квадратных скобках. Я благодарю Сергея Шананина за краеведческое и историческое консультирование в рамках подготовки этой публикации.

* * *

³⁶ Юркова А. В Ейске установили место захоронения убитых 214 детдомовцев // Российская газета. 27 ноября 2020 г. URL: <https://rg.ru/2020/11/27/reg-ufo/v-ejske-ustanovili-mesto-zahoroneniia-ubityh-214-detdomovcev.html> (дата обращения: 09.11.2021).

³⁷ В.А. Руденченко по матери происходит от известной в Ейске купеческой и мещанской семьи Марасиных, которая с середины XIX в. и до 1920 г. владела кирпичными заводами в г. Ейске.

³⁸ См.: Шекера Т. Распахали память // Приазовские степи. 2013. 30 мая; Руденченко В. Школьные годы чудесные // Приазовские степи. 2009. 25 июня; Руденченко В. Жаркое лето 1942 года // Совет Приазовья. 2017. 3–9 августа.

Интервью с Руденченко Владимиром Акимовичем

– *Представьтесь, как вас зовут.*

– Руденченко Владимир Акимович.

– *Какого вы года рождения?*

– Я [19]34 года рождения, 4 февраля. Родился я вот здесь, на этой окраине, которая называлась «Сады» и «Кирпичики» [район современных ул. Щорса и Коммунистической, в южной части г. Ейска].

– *А можете показать, где это, примерно в каком районе?*

– Мы отъехали от того района, это сейчас слева от нас, [где] старые дачи. Это старые дачи [показывает]. Раньше, когда мы здесь [жили], это поле было больше [имеет в виду, что поселок Широчанка³⁹ разросся за счет поля после войны], и кое-кто из ребят городских гонял коров на выпас вот сюда, в эту широкую лесополосу. Как велись подготовительные работы этого поля для обороны города Ейска [до начала оккупации в годы Второй мировой войны], нам это все приходилось видеть, потому что нам никто не мешал смотреть, кто копает, кто роет окопы, кто роет траншеи. Видели, как привезли три колпака бетонных [имеет в виду ДОТы]⁴⁰, в разных местах их поставили.

– *А когда оккупация началась, сколько вам было лет?*

– Неполные 9 лет. Когда в августе месяце [1942 г.] пришли фашисты, то мне, конечно, было неполных 9 лет. Но все упиралось в то, что мы же в детстве дурака не валяли. Все время были, даже в возрасте шести-семи лет, мы занимались простым делом. Коров могли пасти, коровам запас травы нарвать мешок тоже могли, т.е. выполняли определенные работы, когда это нужно было делать и помогать родителям. Жили мы вот на этой окраине, от кругового перекрестка, где улица Щорса, а это все [показывает] были фруктовые сады, виноградники. А это поле было пустое [показывает в сторону лимана⁴¹], поэтому его использовали, как и эту всю территорию, для того, чтобы создать линию обороны. Сколько было нарыто окопов, сколько траншей, никто их не считал, для этого были специалисты военного дела.

– *Кто траншеи копал? Советские солдаты?*

– Советские солдаты, конечно. Мы даже видели такие факты, как они сами себе еду готовили.

– *Это еще до прихода немцев?*

– Ну, ясное дело. Это же вот, смотрите, эти пакеты такие промасленные, да там каша какая-то. Брикеты разламывают, в котелок воды налили, на огне тут же себе греют. Каша растворилась как-то, и ели. Даже нас пробовали угощать, но против нашей домашней еды это было невкусно.

³⁹ Широчанка – поселок в Ейском районе Краснодарского края, входит в Ейское городское поселение, граничит на северо-западе с г. Ейском.

⁴⁰ ДОТ – долговременная огневая точка (иногда долговременная оборонительная точка) – отдельное малое капитальное фортификационное сооружение из прочных материалов, предназначенное для долговременной обороны и стрельбы различными огневыми средствами из защищенного помещения (боевого каземата). ДОТы строились из монолитного или сборного железобетона, камня на растворе, железных балок с арматурой и броневых закрытий.

⁴¹ Лиман – залив с извилистыми невысокими берегами при впадении реки в море. Ейский лиман является заливом Азовского моря.

– А с кем вы сюда бежали?

– О, ну у нас же пацанов много было. Коров мы пасли целой чередой такой. Даже вот там были ребята городские. Помнится, Сергей Радченко был, еще с одной кличкой был такой полный парень, старше меня, по-моему, ему было лет 11, он имел кличку Антей. Поэтому, что здесь делалось, мы видели. И вот в один прекрасный день мы гоним в очередной раз коров сюда вот [показывает], в этом направлении, [и видим, как] вырубает несколько деревьев в этой широкой лесополосе.

– А как она называлась, эта лесополоса?

– Ну, просто обыкновенная лесополоса, но она самая широкая в этом районе, это подтвердят вам по документам, и она проходит и обрывается около поселка Симоновка, а это от города где-то 11 или даже 12,5 км⁴². Поэтому, когда мы в очередной раз гоним коров, помимо того, что тут что-то делают работы инженерные, мы вдруг видим: вырубает деревья, энное количество, на какой-то площади выкорчевывают пни там и все остальное. Дальше гоним коров. Они уже орудут лопатами что-то, ну яму роют, для нас это яма была. Оказалось, что была вырыта огромная яма.

– Уже немцы, получается, вырыли ее?

– Да ну что вы, в самом деле, ну это ж подготовительная обстановка идет.

– Это мы еще про [19]41 год говорим?

– Нет, [19]42, июль месяц, вот поле боя готовится. Вдруг уже видим, что начали углублять эту яму. Грунт выбрасывают на три стороны, а с одной стороны, вот именно отсюда [показывает], делают пологий съезд туда, но для чего, мы не знали. Проходят дни, когда эта яма была вырыта и подготовлена, как положено, они ее частично еще срубленными ветками с боков как-то замаскировали. В очередной наш прогон коров мы видим, что там стоит какая-то техника. Ну, у нас же соображение есть, что это машина ЗИС-5⁴³, а других машин, кроме как полуторка ЗИС-5, мы тогда и не имели. А на ней – зачехленная установка с этим колпаком. Это оказалась прожекторная установка. И она стояла там, эта техника. Ночами они [красноармейцы] что-то шарили этим лучом, пытались летавшие немецкие самолеты искать в ночном небе. Эта процедура у них была, кажется, военная. Вот это все мы видели. Когда фашисты [войска Вермахта] поперли на Ейск, в наступление, значит, был практически хороший бой...

– Откуда они [войска противника] шли вообще?

– От Александровки, ну, со стороны Краснодар, от Староминской там, от Щербиновки⁴⁴. Как они наступали, мы, пацаны, это не видели. Я со своей семьей – мама с нами, двумя детьми (сестренке моей два года, мне – неполных девять лет), соседская семья Савченковых – тетя Клава с тремя детьми (один вообще грудной Ваня был). Вот мы [находились] в подвале, в дедовском шикарном, он очень такой капитальный. Мы вот эти два дня, когда тут шла бойня, разрывы, взрывы, свистит, гудит... кто по ком больше стрелял, мы не знали, мы в отсидке были двое суток.

⁴² Поселок Симоновка в настоящее время входит в состав Красноармейского сельского поселения Ейского района и находится в 13 км к югу от г. Ейска.

⁴³ ЗИС-5, или «трехтонка», – советский среднетоннажный грузовой автомобиль грузоподъемностью 3 т. Это был второй по массовости (после ГАЗ-АА) грузовик 1930–1940-х гг., один из основных транспортных автомобилей Красной армии во время Второй мировой войны.

⁴⁴ Село Александровка, станицы Щербиновская и Староминская – населенные пункты на севере Краснодарского края, расположены к юго-востоку от Ейска.

– Это какой месяц был?

– Это было 7–8 августа [19]42 года⁴⁵. В конечном счете 8 августа, уже поздним вечером, бой стихает. Грохота этого не слышно, разрывы уменьшаются и прочее. Видим мы окраину [города Ейск], вернее, в направлении Широчанки с нашей окраины, зарево какое-то. Что горит? Мы ничего этого не знали. Это потом выяснилось, что горели две крайние хаты на Широчанке.

– Широчанка находится в той стороне [показывает]?

– Это все новые дома, [раньше] тут было поле, тут пусто было. Потом мы узнаем, что сгорели две крайние хаты Широчанки, сгорела ветряная мельница – стояла на обрыве. Это было потом. Вечером 8 [августа 1942 г.] все затихло. Когда наступила ночь – вообще никаких выстрелов, тем более что мы же в подвале сидели, спали там. А утро раннее – прекрасный рассвет, все кругом: фрукты спелые, на фруктовых деревьях птички чирикают. Все, тишина. Мы, тут живущие, мы в садах были фруктовых. Куда мы? – На ветки. Сливы рвем, абрикосы рвем, ну виноград, конечно, еще зеленый, потому что еще 8 августа. Это было вечером, а утром 9 августа картина такая, что мы уже нахватались фруктов. И вдруг мы слышим ненашу речь. Перекликаются люди в этих садах – идет народ не наш, немцы. Слово короткое для нас было, потом мы стали называть их фашистами.

– А почему, кстати?

– Ну как-то проще было говорить немцы. Немцы. Для нас все были немцы. Оказалось, по документам потом – на наш Ейск шла группа фашистов, это были наемники-румыны, армия румынская подключена была и, плюс ко всему, это полк СС⁴⁶.

– То есть в период оккупации называли всех немцами?

– Это для нас были все немцы. Единственно, что мы потом узнаем такую картину, когда уже немцы хозяйничают [хозяйничают], к нам во двор [они] приходили дважды в августе месяце, я не скажу, то ли в середине августа, то ли в конце. Дважды они приходили: «яйки, млеко, млако» – молоко давай. А что мать, она, мать, вся тряслась, с погреба доставала и отдавала. Они без всякого спроса один раз, по-моему, три курицы, головы им открутили, во что-то затолкали, в какой-то мешок, и унесли со двора, один раз четыре.

– А у вас они жили?

– Нет, нет, нет. И получилось так, что только дважды приходили эти мародеры. Во второй приход они в кладовке увидели, что у нас там на стенке закреплен, подвешен велосипед, на котором шины были негодные. Они его оттуда вытащили, дураки. Ну и что? Зачем тащили, если можно было сразу увидеть, что там шины негодные. Вытащили во двор, посмотрели, что на нем ехать нельзя, бросили его, он остался. Я потом, уже в конце войны, когда покрышки где-то купили, им пользовался. Вот так вот и пришли фашисты. А потом наступила такая картина: вот это вот все поле, оно окроплено не только кровью погибших наших солдат, которых вечерами поздними благодарные жители Широчанки – старики там, кто бабки, подростки участвовали (я этой процедуры не видел) – погибших наших воинов подобрали на этом поле брани.

⁴⁵ Бой за Ейск происходил с 6 по 8 августа 1942 г. между полком румынской кавалерии, усиленным немецкими частями, с одной стороны, и батальонами морской пехоты Азовской военной флотилии и батальоном НКВД – с другой. Ейск был оккупирован немецко-румынскими войсками с 9 августа 1942 г. по 5 февраля 1943 г.

⁴⁶ Участие в боях под Ейском полка СС встречается только в ссылках на «Отчет о боевой деятельности Азовской военной флотилии Черноморского флота с 1 июля по 2 сентября 1942 года». См.: Российский государственный архив Военно-Морского Флота (РГАВМФ). Ф. 957. Оп. 42. Д. 1. Л. 70.

– *При отступлении вот этих воинов подобрали?*

– Нет, но наши ночью с 8 до 9 [августа 1942 г.] ушли в сторону Приморско-Ахтарской станицы на переправу и дальше⁴⁷. А погибших воинов вот жители благодарные собрали на телегах, свезли на наше Широчанское кладбище и там вырыли братскую могилу, и 30 тел там захоронено наших погибших воинов.

– *Которые погибли при отступлении?*

– При бое за город Ейск, 7 и 8 августа [1942 г.], вот тут грохотало, стреляло, взрывалось. Кто больше стрелял, мы не знали, мы сидели в подвале. После того как жизнь началась другая в городе [имеется в виду в период оккупации], мы знаем, что коммунисты попались, комсомольцы, кто там еще, евреев они выискивали⁴⁸.

– *А как? Приказы какие-то отдавали?*

– Вот этого я не знаю.

– *Почему знаете, что евреев выискивали?*

– А потому что мы знали, что евреев, во-первых, еще до прихода немцев в Ейск, все кто практически смог из еврейской нации покинуть город – это я знаю. Моя родная тетка – большевичка Руденченко (она была заместителем секретаря ВКП(б) нашего города Ейска), она с партийным архивом была эвакуирована до этих боевых действий в сторону, туда, где Азербайджан, на южную куда-то территорию. Сейчас не помню. Где-то адрес есть. И евреи покидали этот город, это мы по разговорам знаем.

– *А много было евреев до войны, не знаете?*

– Говорят, что в Ейске жило много евреев, очень много.

– *А наверное, пришли еще потом [эвакуированные или беженцы после начала войны]?*

– Нет. Ну, ведется разговор. Все уперлось в то, что вот эти комсомольцы, коммунисты, евреи и все остальные, кого здесь расстреливали, у этих могил, я вам еще раз повторяю, что это поле окроплено не только кровью тридцати наших погибших солдат, там были и солдаты, и матросы флотилии, короче говоря, 30 человек погибло. А потом уже, когда была оккупация шестимесячная, поздними вечерами почему-то привозили сюда, в могилы. Та-та-та... упал человек, чуть лопата...

– *То есть вот здесь, где мы стоим, это лесополоса была?*

– Вот-вот, она пошла туда [показывает], а это поле чистое было, поэтому оно окроплено и кровью расстрелянных ейчан. А ейчане – это все наши, кто там были: комсомольцы... не имеет значения. Это наши жители... Дальше картинку, которую, вот что мы видели. Вот мы пасем коров. Вот...

– *А вы продолжаете пасти этих коров?*

– Конечно. Нам не мешает ничего, пожалуйста.

⁴⁷ В настоящее время Приморско-Ахтарск – курортный город на территории Краснодарского края, находится на юге от Ейска и омывается водами Азовского моря.

⁴⁸ Существует несколько версий о количестве погибших советских граждан на территории г. Ейск во время оккупации. Наиболее правдоподобная – это версия о гибели 69 гражданских лиц (существуют акты эксгумации и пофамильные списки) и 214 детей-инвалидов, воспитанников детского дома. МКУ «Архив». Ф. Р-600. Оп. 3. Д. 1. Л. 1–7. См. также: Шананин С.П. Жизнь мирных жителей г. Ейска во время немецко-румынской оккупации (август 1942 – февраль 1943 годов) // Уроки Холокоста и оккупации: судьбы медицинских работников и практики выживания на территориях СССР: сб. мат-лов Междунар. науч.-практ. конф. Ставрополь, 2019. С. 77–83.

– В оккупацию тоже? Они [немцы] не забрали этих коров?

– Не забрали. Я же вам рассказал, как приходили там – «млеко давай, масло давай».

– А корову не забрали? Они не забрали этих коров у вас?

– Корову не брали, слава богу, не брали. Я таких случаев на окраине, чтобы немцы забрали корову, такого не было... Вот это старые дачи – это был треугольный лес. Или по документам они есть, наверное, это был лесопитомник, в котором выращивали молодые деревья и кустарник для озеленения городской территории, поэтому он назывался лесопитомником правильно, а мы называли его треугольный лес, потому что он был широким и уходил клином.

– А этих подстанций же [которые стоят сейчас в поле] не было, конечно?

– Да нет, это же пустота, да что вы, в самом деле... А начиналась эта полоса где-то тут, за этой опорой, напротив лесопитомника... И вот мы утром гоним коров, немцы хозяйничают, мы мимо этой ямы, которая в лесополосе, погнали [коров] туда в поселок, где-то на расстоянии [от лесополосы и ямы]. Тем более это лесополоса, а это сплошное поле. Это уже было, наверное, то ли конец, то ли начало октября [1942 г.]. Что это конкретно 9 октября, мы этого не знали⁴⁹. Пасем коров. Вдруг мы видим (вот с этой же стороны видимость нормальная), мы видим, что пришла машина-будка. Для нас, для пацанов, это была машина-будка, мы ничего больше не знали, мы не просто видели, что это грузовик, а это что-то вот такое [показывает].

– Это день был? День получается?

– Ну, я время не знаю. Это под вечер было, то ли после обеда в три часа, в пять часов... Я этого не знаю, не помню. Факт то, что это был конец дня.

– То есть вам уже назад своих коров нужно гнать было?

– Ну, вечером, когда солнце садится к горизонту, мы гоним коров по домам. И вот мы, стоя на каком-то расстоянии, в метрах 120–150, видим, что пришла машина-будка вот сюда, в этот район [показывает].

– А дорога такая же была, как сейчас?

– Грунтовая была, ну земля. В конечном счете мы видели, что эта машина сдала задом или передом, трудно это вспоминать, что машина эта в лесополосу заехала. Она как раз заехала задом в эту яму, там же вот такой съезд.

– То есть вот лесополоса [показывает] и, получается, там яма?

– Конечно, я же вам так и рассказал.

– А здесь поля?

– А это поля. И вот когда мы увидели, что пришла будка, что она там остановилась. Потом она заехала в лесополосу, все это с какого-то расстояния нам, пацанам, видно: кому – 11 [лет], кому – 9 [лет], вот Антей был – тот постарше паренек был, он кличку такую имел «Антей», потому что он сильный парень был городской. У нас задача такая: вечером гоним коров, а в голове у нас же у всех крутится: «А чего туда [машина] заезжала, чего туда заезжала будка?». Ну вот картина такая: туда гоним коров – коровы идут впереди нас, обратно гоним коров – они опять впереди нас. Коровы идут по-над лесополосой, а мы за ними следуем. Когда дошли до того места, приблизительно где вот этот заезд был в лесополосу, где была эта яма, то мы сразу туда – туда же машина заезжала, в лесополосу, где яма.

⁴⁹ Члены Зондеркоманды 10а Айнзацгруппы Д, согласно акту ЧГК, вывезли 214 детей с инвалидностью из Ейского детского дома Крайсо в специальных машинах-«душегубках» 9 и 10 октября 1942 г.

Туда не надо было далеко [идти], [яму] было с дороги видно. Мы только туда ткнулись, а там лежат мертвые. Ну что дальше, значит, было?

– *Незаконные трупы лежат?*

– Нет. Мы рванули от того места. Когда кто-то закричал «мертвые», никто там не рассматривал ничего: какие там лежат, сколько их лежит, как они лежат. При первых криках «мертвые», ну, тут рванули, даже и коров обогнали, потому что все смотрим друг на друга: «Что случилось? Откуда мертвые?». После того, сколько мы еще пасли коров, наша задача была – это было страшное место, мы коров обгоняли вот так [показывает] – по этому пустому полю, обходили это место и к этому месту никто из нас туда больше не подходил.

– *То есть теоретически это вот на этом пятачке где-то?*

– Вот, где-то вот тут это было. Понимаете? Это сейчас невозможно определить. Мы просто, извините за грубость, мы настолько Иваны, не помнящие родства, мы даже тогда, когда весной вот это наступило [имеет в виду работу ЧГК по раскапыванию массовых захоронений после освобождения Ейска весной-летом 1943 г.]. Ну, опять же, мы это не видели. Это же первое, что мы увидели, больше все, больше мы не видели ни второй приезд этой будки, мы не знали... это никто не знал, это потом разошлось.

– *То есть в народе эту машину называли будкой?*

– Да это мы, пацаны, называли так. Мы первое что увидели, что мы увидели. Пасем коров, вдруг приехала машина-будка, это не грузовик пришел, который имеет кабину и кузов, а это что-то накрыто – будка-машина, мы ее так и называли, а потом оказалось – это будка, это «душегубка», но мы такого слова не знали, мы ничего такого не знали. А потом был еще второй привоз сюда [жертв].

– *А родителям рассказали?*

– Кто, мы? Конечно. Это действительно было, когда мы увидели нескольких мертвых... Вот когда мы хороним одного человека, вы же представляете, какое это состояние и прочее, а когда вы со стороны увидели, что там мертвые лежат и сколько их лежит, вы же представляете, какой это испуг в наших детских мозгах. Мне этот испуг потом бабушка Кущикха [производное имя от фамилии бабушки] вправила, ну это не так важно [имеет в виду снятие испуга народными средствами]. Вот второй приезд когда был этих «душегубок», мы это не видели.

– *Может, вы второй и видели, а не первый?*

– Нет, нет, нет. Ну до этого ж яма была пустая. Вот до сегодняшнего вечера, будем говорить. Вчера мы пасли коров – яма пустая. Мы гоним – яма эта пустая, обратно гоним – яма пустая. Ну, а когда по времени мы гоним по той же дороге вечером, а там уже лежат мертвые.

– *Так, получается, вот на этом поле одни люди – партизаны и...*

– Так не было. Какие там партизаны? Это были погибшие воины.

– *Воины, а потом расстрелянные ейчане?*

– Да, ейчане. Вон там они, а эти вон там [показывает]. А эта яма потом стала могилой. Вот эта яма, или правильно она называется капонир⁵⁰ на военно-инженерном языке, стала могилой для этих детей, но для нас она была ямой.

– *Как вы сказали – капонир?*

⁵⁰ Капонир – вид военно-инженерного сооружения, по форме больше всего напоминающего окоп.

– Ну, это такое сооружение, где можно в землю загнать самолет, вырыть если и накрыть сверху маскировочной сеткой. Самолет стоит на ровном поле в яме, а над ним в этой яме натянута сетка маскировочная. Самолета не видно. Потом сетку убирают и самолет летит.

– *И потом часть детей [из 214 воспитанников Ейского детского дома] забрали отсюда?*

– Эти дети так и лежат здесь.

– *Никто их не прикопал?*

– Нет, их прикопали, насколько грунта много, я не знаю. Но эти дети лежат осень [1942 г.]. Наступила зима, а зима была – зимы были жуткие. Лед на Азовском море, на Азовском заливе был такой, что немцы из города нашего убежали, вот третьего числа [3 февраля 1943 г.] уже немцев не было в Ейске. Они по льду, вся техника ушла. Лед был страшный. Все ушли без единого выстрела. Еще был такой человек, который жил на окраине, Воробьев Михаил Иванович, он в пригородном совхозе работал трактористом, он был свидетелем того, что погибших румын и немцев похоронили около газовой заправки около Широчанки на высоте над железной дорогой. Было 14 крестов. Похороны я эти не видел, мы потом только узнали, что было 14 крестов⁵¹. Когда оттаяла земля, в конце марта или в начале апреля [1943 г.], наши руководители приняли решение вскрывать захоронения в окопах с расстрелянными ейчанами. Когда, какого числа было вскрытие могилы детей, я не знаю, мы не видели ничего, так как холодная была еще весна, но земля уже оттаяла. Памятников никаких там не было. Когда начали открывать грунт в этой яме, то смогли взять только 48 тел детей, т.е. их брали и у них рука еще держалась и нога, а ниже уже нельзя было брать.

– *То есть вы хотите сказать, что перезахоронили прямо после освобождения Ейска?*

– Да нет. Освободили в феврале [1943 г.], а вскрывали могилу в середине апреля.

– *Ну, все равно в [19]43 году, а не, например, в [19]50-х годах?*

– Ну, конечно. Тела. Мы это не видели, это слухи накручивали ейчане: «Детей везут в сквер Пушкина».

– *То есть все знали, что этих детей [из Ейского детского дома Крайсо] убили?*

– Конечно, ейчане все знали.

– *А то, что они больные были [с инвалидностью], тоже все знали или нет?*

– Все знали.

– *А вы с ними общались, с этими детьми? Они же вашего возраста примерно были?*

– Когда уже я учился в 11-й школе, которая на [улице] Сергея Романа сейчас⁵², тогда это была улица Верхняя, но это [19]44 год или [19]45. Картина такая, что там, из этого детского дома, кто был на костыле, учился в школе этой, но он же не инвалид был лежащий, он ходячий был, или у кого руки не было – у него одна рука была, они все учились в этой школе. Это же история этой школы, если посмотреть, то там это же все отражено, что это дети из этого детского дома, они там учились с определенного возраста.

– *А откуда вы знаете, что только 48 тел там перезахоронили?*

– Да мы тогда ничего этого не знали. Мы только знали, что пошел слух, что детей перезахоранивают в центр города. Как это делалось, в какое время, кто делал? Мы этого ничего

⁵¹ После оккупации эксгумация тел немецких и румынских военнослужащих в этом месте, у поселка Широчанка, не производилась.

⁵² В этой школе вместе с местными ейскими детьми учились и дети-инвалиды из Ейского детского дома Крайсо с нормальным интеллектом.

не знали. Ну, вы должны знать, что сквер Пушкина наш, в центре [города Ейск], немцы во время оккупации использовали его для захоронения своих сограждан немецких: кто был с ранениями – умер или, может, от болезни. Вот там было 9 крестов с касками в сквере Пушкина. Весной [19]43 года, тоже как это делалось, опять по слуху разошлось по Ейску, немцев этих выкопали, кресты убрали, [тела] выкопали.

– А куда их закопали?

– А вот смотрите, окраина, где госпиталь у нас сейчас военный, он есть, только он сейчас окружен [ограждением], а за госпиталем был пустырь вон там [показывает]. По словам очевидцев вырыли где-то в каком-то месте яму и извлеченных этих 9 гробов с останками туда в эту яму закопали. Кто свидетель этого, я не знаю, но это слухи о том, что выкопанных немцев из сквера Пушкина захоронили за госпиталем⁵³.

– А детей туда [в сквере им. Пушкина] похоронили?

– А детей захоронили в сквере Пушкина.

– По сути, на этом месте [на месте выкопанных немецких гробов]?

– Ну, я не знаю. Там могилы ж были в разных местах. А детей как-то же вырыли, это же захоронение, ну оно как-то отдельно. Почему потом стало известно, что только 48 тел взяли, потому что за счет морозов грунт сверху как-то промерз и проморозил энные слои лежащих детей этих, а ниже уже нельзя было брать: вот там руку брали, а она отрывалась, я так полагаю, поэтому туда перенесли на сквер Пушкина только 48 тел, а остальные кости лежат здесь, вот тут – где оно, это вот место? Никто не поставил ни креста, ни пирамидки.

– А вот есть фотография военного времени, что люди стоят, видели такую?⁵⁴

– Все снимочки касаются сквера Пушкина.

– Вы думаете?

– Не путайте с этим делом. Тут не было ничего и близко.

– А когда комиссия [ЧГК] приезжала, и они же где-то...

– Вот этого я тут ничего не знаю. Я даже могу вам найти – автор Климентьев из нашего музея, где он написал, это его строчки там есть: насколько мы не по-человечески поступили, что мы даже вот после этого изъятия тел на этом месте не поставили даже простенькой пирамидки, чтобы обозначить это трагическое место⁵⁵.

– Ясно, понятно. То есть получается, что здесь [похоронена часть детей] и часть в сквере Пушкина и все?

– В сквере Пушкина сперва поставили временный обелиск, а потом простенький памятник поставили. Было написано: «Здесь покоится прах 214 детей». Потом со сквера перетащили на кладбище, и там такой же памятник, на котором написано: «Здесь покоится прах 214 детей». 48 тел по документам зафиксировано, что только 48 тел из лесополосы взяли.

– Ясно, большое спасибо за беседу и важную информацию.

[Конец интервью]

⁵³ На самом деле останки немцев перехоронили на окраине снесенного в 1983 г. Хорошиловского кладбища, сейчас на этом месте пустырь: Интервью с В.Я. Свитинько // Сайт газеты Деловой Ейск. 14 апреля 2018 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.deleysk.ru/news/9265> (дата обращения: 29.09.2021).

⁵⁴ Имеется в виду фотография 1943 г. из фондов Ейского историко-краеведческого музея, о которой речь шла в предисловии к публикации интервью.

⁵⁵ Климентьев Г. С любовью о Ейске. Краснодар, 1998. С. 160–162.

Литература

Бельцев Н.В., Иванов А.Ф. Ейск и Ейский район в годы Великой Отечественной войны. Ейск: Издание МБУ «Ейский историко-краеведческий музей», 2013. 148 с.

Дворников Л.В. От имени погибших: документальная повесть. Краснодар: Периодика Кубани, 2016. 352 с.

Дорошенко А.А. Родина с именем Ейск: история города и района. Ейск, 2018. 256 с.

Иванов А.Ф., Сидоренко М.Г. Ейск: Вчера и сегодня: Исторические очерки. Ейск: Югполиграф, 2012. 152 с.

Климентьев Г. С любовью о Ейске. Краснодар: Краснодарское книжное издательство, 1998. 168 с.

Реброва И.В. Убийство 214 воспитанников Ейского детского дома: история событий и память о них в (пост)советской России // Трагедия войны. Гуманитарное измерение вооруженных конфликтов XX века / под ред. К.А. Пахалюка. М.: Российское военно-историческое общество, Яуза-каталог, 2021. С. 190–212.

Реброва І. 214 вихованців Єйського дитячого будинку: історія вбивства і пам'ять про них у (пост)радянській Росії // Україна Модерна. 2020. № 28. С. 138–167.

Сидоренко М.Г., Шананин С.П. 214 детей из Ейского детского дома Крайсо: память сильнее времени // «Помни о нас...»: каталог выставки, посвященной памяти пациентов психиатрических клиник, детей-инвалидов и врачей-евреев, убитых в период нацистской оккупации Северного Кавказа / под ред. И.В. Ребровой. Краснодар: ЭдАрт принт, 2019. С. 214–219.

Шананин С.П. Жизнь мирных жителей г. Ейска во время немецко-румынской оккупации (август 1942 – февраль 1943 годов) // Уроки Холокоста и оккупации: судьбы медицинских работников и практики выживания на территориях СССР: сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф.; под ред. А.В. Карташева. Ставрополь: Издательство СтГМУ, 2019. С. 77–83.

Berkhoff K. Total Annihilation of the Jewish Population: The Holocaust in the Soviet Media, 1941–45 // *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. 2009. № 10 (1). С. 61–105.

Zeltser A. Differing Views among Red Army Personnel about the Nazi Mass Murder of Jews // *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. 2014. № 15 (3). С. 563–590.

Berkhoff K. Motherland in Danger: Soviet Propaganda during World War II. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2012.

References

Bel'cev, N.V., Ivanov, A.F. (2013). Eysk i Eyskiy rayon v gody Velikoy Otechestvennoy voyny [Yeysk and the Yeysk Region During the Great Patriotic War]. Eysk, Izdanie MBU "Eyskiy istoriko-kraevedcheskiy muzey". 148 p.

Berkhoff, K. (2009). Total Annihilation of the Jewish Population: The Holocaust in the Soviet Media, 1941–45. In *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. No. 10 (1), pp. 61–105.

Berkhoff, K. (2012). Motherland in Danger: Soviet Propaganda during World War II. Cambridge, MA, Harvard University Press. 407 p.

Doroshenko, A.A. (2018). Rodina s imenem Eysk: istoriya goroda i rayona [Homeland with the Name Yeysk: The History of the City and the Region]. Eysk. 256 p.

Dvornikov, L.V. (2016). Ot imeni pogibshih: dokumental'naya povest' [On Behalf of the Dead: A Documentary Story]. Krasnodar, Periodika Kubani. 352 p.

Ivanov, A.F., Sidorenko, M.G. (2012). Eysk: Vchera i segodnya: Istoricheskie ocherki [Yeysk: Yesterday and Today: Historical Essays]. Eysk, Yugpoligraf. 152 p.

Kliment'ev, G. (1998). S lyubov'yu o Eyske [With Love About Yeysk]. Krasnodar, Krasnodarskoe knizhnoe izdatel'stvo. 168 p.

Rebrova, I.V. (2021). Ubiystvo 214 vospitannikov Eyskogo detskogo doma: istoriya sobytiy i pamyat' o nih v (post)sovetskoy Rossii [The Murder of 214 Pupils of the Yeysk Orphanage: The

History of Events and Their Memory in (Post) Soviet Russia]. In *Tragediya voyny. Gumanitarnoe izmerenie vooruzhennykh konfliktov XX veka*. Moscow, Rossiyskoe voenno-istoricheskoe obshchestvo, YAUza-katalog, pp. 190–212.

Rebrova, I.V. (2020). 214 vihovanciv Єjs'kogo dityachogo budinku: istoriya vbivstva i pam'yat' pro nih u (post)rad'yans'kiy Rosii [214 Vikhovantsivs of the Yeysk Childish Booth: The History of Vivivation and Memory of Them in (Post) Radian Russia]. In *Ukraina Moderna*. No. 28, pp. 138–167.

Shananin, S.P. (2019). Zhizn' mirnykh zhiteley g. Ejska vo vremya nemecko-rumynskoy okkupacii (avgust 1942–fevral' 1943 godov) [The Life of Civilians in the City of Yeysk During the German-Romanian Occupation (August 1942–February 1943)]. In *Uroki Holokosta i okkupacii: sud'by medicinskih rabotnikov i praktiki vyzhivaniya na territoriyah SSSR: sbornik materialov Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferencii, pod red. A.V. Kartasheva*. Stavropol', Izdatel'stvo StGMU, pp. 77–83.

Sidorenko, M.G., Shananin, S.P. (2019). 214 detey iz Eyskogo detskogo doma Krayso: pamyat' sil'nee vremeni [214 Children From the Yeysk Orphanage Kreiso: Memory is Stronger Than Time]. In *"Pomni o nas...": katalog vystavki, posvyashchennoy pamyati pacientov psihiatricheskikh klinik, detey-invalidov i vrachey-evreev, ubitykh v period nacistiskoy okkupacii Severnogo Kavkaza*. Krasnodar, EdArt print, pp. 214–219.

Zeltser, A. (2014). Differing Views among Red Army Personnel about the Nazi Mass Murder of Jews. In *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. No. 15 (3), pp. 563–590.

Статья поступила в редакцию 29.01.2022 г.

А.В. Власов*

A.V. Vlasov*

**Поиск собственной
идентичности: коммуникативная
и культурная память в мемуарах
сотрудников Советской военной
администрации в Германии**

doi:10.31518/2618-9100-2022-1-16

УДК 94(47).084.8/084.9

Выходные данные для цитирования:

Власов А.В. Поиск собственной идентичности: коммуникативная и культурная память в мемуарах сотрудников Советской военной администрации в Германии // Исторический курьер. 2022. № 1 (21). С. 172–183. URL: <http://istkurier.ru/data/2022/ISTKURIER-2022-1-16.pdf>

**The Search for One's Own
Identity: Communicative
and Cultural Memory in the Memoirs
of Employees of the Soviet Military
Administration in Germany**

doi:10.31518/2618-9100-2022-1-0

How to cite:

Vlasov A.V. The Search for One's Own Identity: Communicative and Cultural Memory in the Memoirs of Employees of the Soviet Military Administration in Germany // Historical Courier, 2022, No. 1 (21), pp. 172–183. [Available online: <http://istkurier.ru/data/2022/ISTKURIER-2022-1-16.pdf>]

Abstract. This article presents an analysis of the peculiarities of articulation of the identity of employees of the Soviet military Administration in Germany within the framework of communicative and cultural memory. This study was conducted on the basis of personal sources (memoirs, diaries and interviews) created by the employees themselves after their service or work in the administration. The results of the process of creating these sources are also presented as an example of transformation of communicative memory into cultural memory. The methodology of the research was based on the concept of communicative and cultural memory by Jan Assman. In the course of the study, it was possible to identify such features of articulation of identity as the representation of oneself as “neo-Decembrists”, involvement in the creation of the GDR, the opposition of the “socialist” and “capitalist”, etc. The complexity of the study of identity and its articulation is described using the categorical “plurality” of the individual aspect of “I-identity” or the multivariate “I-identity” of the Soviet person. The functioning of the communicative memory of the administration staff was complicated by the socio-political processes in the USSR in the 1940s and 1950s, the small number of this socio-territorial community, its dispersion across the country, etc. All these circumstances led to an accelerated transformation of communicative memory of the post-war experience of service and work in East Germany into cultural memory, recorded, among other things, in the memoirs of employees. Articulation of one's own identity within this framework of memory was accompanied by a gradual and inevitable disappearance.

Keywords: Soviet military administration in Germany, cultural memory, communicative memory, identity, East Germany, USSR, post-war time, memory studies.

The article has been received by the editor on 07.11.2021.

Full text of the article in Russian and references in English are available below.

Аннотация. В данной статье представлен анализ особенностей артикуляции идентичности сотрудников советской военной администрации в Германии в рамках коммуникативной и культурной памяти. Данное исследование было проведено на основе источников личного происхождения (воспоминаний, дневников и интервью), созданных самими сотрудниками после их службы или работы в администрации. Также представлены результаты

* Власов Алексей Владимирович, аспирант, Саратовский национальный исследовательский государственный университет, Саратов, Россия, e-mail: aleksvlasov3007@gmail.com

Vlasov Alexey Vladimirovich, Graduate Student, Saratov National Research State University, Saratov, Russia, e-mail: aleksvlasov3007@gmail.com

процесса создания данных источников как пример трансформации коммуникативной памяти в культурную память. Методологическая база исследования опиралась на концепцию коммуникативной и культурной памяти Яна Ассмана. В ходе исследования удалось выявить такие особенности артикуляции идентичности, как представления себя «неодекабристами», сопричастность к созданию ГДР, противопоставление «социалистического» и «капиталистического» и т.д. Сложность исследования идентичности и ее артикуляции описана с помощью категориальной «множественности» индивидуального аспекта «я-идентичности» или поливариантной «я-идентичности» советского человека. Функционирование коммуникативной памяти сотрудников администрации было осложнено общественно-политическими процессами в СССР в 1940-е и 1950-е гг., малочисленностью данной социально-территориальной общности, ее рассеянностью по стране и т.д. Все эти обстоятельства привели к ускоренной трансформации коммуникативной памяти о послевоенном опыте службы и работы в Восточной Германии в культурную память, зафиксированной в том числе в мемуарах сотрудников. Артикуляция собственной идентичности в этих рамках памяти сопровождалась постепенным и неизбежным исчезновением.

Ключевые слова: Советская военная администрация в Германии, культурная память, коммуникативная память, идентичность, Восточная Германия, СССР, послевоенное время, исследования памяти.

«Антропологический поворот» в гуманитарных и социальных науках во второй половине XX в. привел к формированию различных подходов и направлений. Среди них достойное место занимает *memory studies*¹. Выбор «памяти» как нового трансдисциплинарного объекта для исследования был предопределен возникшим противопоставлением/взаимодополнением истории и памяти, социальной и культурной обусловленностью ее формирования, кризисом «больших нарративов», пробуждением внимания к социальным группам, ранее обойденным вниманием исследователей или не имевшим собственного «голоса» и т.д.

Формирование нового исследовательского поля привело к расширению круга проблем, открывающихся в ходе взаимодействия исследователей с историческими источниками, и актуализации историко-культурного наследия общества. В этих же рамках находится изучение истории и деятельности Советской военной администрации в Германии, которое пережило бум «архивной революции» 1990-х и 2000-х гг., но не решило все исследовательские вопросы.

Объектом исследования в данной статье является идентичность сотрудников Советской военной администрации в Германии (далее – СВАГ), а предметом – особенности артикуляции этой идентичности в рамках коммуникативной и культурной памяти.

Методологической базой исследования является концепция коммуникативной и культурной памяти Яна Ассмана, которая находится на стыке социологии и культурологии². Прежде чем приступить к описанию исследования, необходимо охарактеризовать понятийно-категориальный аппарат этой концепции (культурную и коммуникативную память, индивидуальную и коллективную идентичность).

Согласно Я. Ассману, идентичность представляет собой совокупность знания, сознания и рефлексии, которая находит выражение в определенной культуре³. Понятие идентичности у него раскрывается через осознание этого состояния: личность должна осознавать саму себя точно так же, как и социальная группа. При этом «я-идентичность», состоящая из индивидуальной и личной идентичности, формируется извне вовнутрь, т.е. в процессе социальных взаимодействий и коммуникации внутри группы, к которой она себя относит и которая ее

¹ Васильев А.Г. *Memory studies: единство парадигмы – многообразие объектов* (обзор англоязычных книг по истории памяти) // Новое литературное обозрение. 2012. № 5 (117). С. 461–480.

² Ассман Я. *Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности*. М., 2004.

³ Там же. С. 139–154.

признает. Таким образом, «я-идентичность» социально и культурно детерминирована. Коллективная, или «мы-идентичность», не существует вне индивидуумов, которые образуют и воплощают это «мы». Она существует в индивидуальном и коллективном сознании. Обе идентичности взаимозависимы и определяют друг друга.

Если индивидуальная – «это создавшийся и упрочившийся в сознании индивида образ индивидуальных черт, отличающих его от всех (“релевантных”) остальных, руководимое телесностью сознание своего несводимого своеобразия, своей уникальности и незаменяемости», то личная – «это, напротив воплощение всех ролей, свойств и компетенций, которые приобретает отдельный человек через вхождение в конкретную данность общественного устройства». Оба аспекта идентичности возникают в сознании, которое формируется и специфически определяется языком, представлениями, ценностями и нормами данной культуры и эпохи. При этом оба аспекта «я-идентичности» опираются на биологическую природу человека, а коллективная идентичность полностью является социальным конструктом⁴. Преимуществом и недостатком такого положения коллективной идентичности является состояние ее жизнеспособности и актуальности в сознании членов социальной группы.

Таким образом, осознание своей коллективной идентичности основывается на ощущении сопричастности к определенной социальной группе, участии «в общем знании и общей памяти, которые сообщаются через говорение на одном языке или, говоря шире, через использование общей системы символов»⁵.

Формирование и сохранение идентичности являются основными функциями памяти. Развивая концепцию «коллективной памяти» М. Хальбвакса, Я. Ассман предлагает свою концепцию коммуникативной и культурной памяти. Коммуникативная память относится к воспоминаниям о недавнем прошлом, которые человек разделяет со своими современниками. Такая память возникает и исчезает вместе со своими носителями, основывается на личной коммуникации и непосредственном биографическом опыте, охватывает 3–4 поколения, т.е. 80 лет. В коммуникативной памяти каждый член социальной группы считается в равной мере компетентным и сопричастным. Знание, о котором идет здесь речь, приобретает вместе с языком и повседневной коммуникацией⁶.

Культурная память, по мнению Я. Ассмана, направлена на фиксированные моменты в прошлом, которое предстает перед нами в виде символических фигур воспоминания. Функционирование культурной памяти в обществе и социальной группе осуществляется с помощью особых носителей и специальных институтов. Распространение культурной памяти не осуществляется само по себе, а требует специальной заботы, что приводит к контролю за ее распространением и, самое главное, к обязательному участию в ней или отказу от участия. В противоположность общераспространенной причастности к коммуникативной памяти, причастность к культурной памяти всегда дифференцирована⁷. Теперь же перейдем к объекту и предмету данного исследования.

После Великой Отечественной войны часть Красной армии дислоцировалась в Восточной Германии для выполнения союзнических договоренностей, зафиксированных на Ялтинской и Потсдамских конференциях, на заседаниях Европейской консультативной комиссии, созданной после Московской конференции министров иностранных дел СССР, США и Великобритании в октябре 1943 г. В мае-июне 1945 г. были созданы Группа советских оккупационных войск в Германии (ГСОВГ) и Советская военная администрация в Германии.

⁴ Андерсон Б. Воображаемые сообщества: Размышления об истоках и распространении национализма. М., 2001; Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М., 1995; и др.

⁵ Ассман Я. Культурная память... С. 149.

⁶ Там же. С. 54–56.

⁷ Там же. С. 52–59.

Советская военная администрация в Германии насчитывала в разные годы своего существования (1945–1949 гг.) от 30 до 50 тыс. сотрудников (военнослужащих и вольнонаемных)⁸. Для этого контингента советских людей, большинство из которых были участниками Великой Отечественной войны, возвращение в мирную жизнь было сопряжено с несением службы или работой на территории Советской зоны оккупации Германии, где им пришлось примерить на себе роль гражданской администрации в чуждом и буржуазном мире. Проживая в «маленьком СССР» в центре Европы⁹, военнослужащие получили опыт повседневной жизни, который был далек от советских лекал и вступал с ними в противоречие. Обретение этого опыта происходило на фоне тяжелого перехода к мирной жизни и продолжительной разлуки с Родиной.

После окончания оккупации в СССР вернулось свыше 50 тысяч военнослужащих и вольнонаемных, проработавших в Германии от нескольких месяцев до нескольких лет и сформировавших свою уникальную идентичность, которая нуждалась в осмыслении и сохранении после распада этой социально-территориальной общности.

Особенности артикуляции идентичности сотрудников СВАГ были выявлены на основе источников личного происхождения – воспоминаний, написанных самими сотрудниками после их службы или работы в СВАГ.

После демобилизации и возвращения в СССР процесс индивидуальной и коллективной идентификации сотрудников СВАГ был сломлен общественными и политическими процессами рубежа 1940-х и 1950-х гг. (борьба с инакомыслием, космополитизмом, шпиономания, «суды чести» и т.д.), которые не могли допустить чрезмерного влияния советских граждан, оказавшихся в буржуазном мире, и должны были мобилизовать население и нормализовать общество (введение новых образцов, норм и правил поведения, нового языка)¹⁰.

Возвращение сотрудников СВАГ в советскую повседневность из Восточной Германии в разгар этих процессов не могло не породить желания представить их как потенциальных «неодекабристов»¹¹. Феномен послевоенного «неодекабризма», который мог быть среди всех советских военнослужащих в 1944–1945 гг., в отечественной историографии уже был подвергнут обоснованной критике¹². Большой соблазн представляет собой распространение этого концепта на сотрудников СВАГ, которые более интенсивно и более продолжительно могли подвергнуться влиянию «демократического импульса». Более того, этот концепт озвучивался и самими сотрудниками, особенно связанными с интеллектуальной деятельностью, как в период работы в СВАГ, так и после нее.

Известный историк-германист, бывший сотрудник Управления пропаганды (информации) СВАГ Я.С. Драбкин в интервью Н.П. Тимофеевой вспоминал: «Нас же демобилизовали, выбросили, выселили всех сразу. <...> А так – “Ух!” и никаких связей с ГДР многие годы. Иосиф Виссарионович боялся нас, увидевших что-то за границей. Декабристов он боялся. Они до Франции в войну дошли. И принесли в Россию 1825 год. А здесь вообще – буржуазное влияние. Ясно, что оно должно было на нас быть. Пятно на нас было»¹³. Свою историю отправки в СССР излагает и другой сотрудник этого подразделения Б.Г. Тартаковский: «Ко мне был приставлен до отъезда (чтобы, не дай бог, не сбежал в Западный Берлин) так сказать “ментор”. На счастье, им был “назначен” мой хороший приятель, прекрасный

⁸ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-7317. Оп. 48. Д. 1а. Л. 1–57.

⁹ Козлов В.А., Козлова М.Е. «Маленький СССР» и его обитатели: Очерки социальной истории советского оккупационного сообщества в Германии. 1945–1949. М., 2021.

¹⁰ Кимерлинг А.С. Выполнять и лукавить: политические кампании поздней сталинской эпохи. М., 2017.

¹¹ Юдин К.А. Роль органов государственной безопасности (НКВД / НКГБ – МГБ СССР в информационно-политическом обеспечении сталинского режима (1940–1950-е гг.) // Государство, общество, церковь в истории России XX–XXI веков: мат-лы XV Междунар. науч. конф. (Иваново, 23–24 марта 2016 г.). Ч. 2. Иванов, 2016. С. 740–749.

¹² Зубкова Е.Ю. Послевоенное советское общество: политика и повседневность. 1945–1953. М., 1999. С. 3234.

¹³ Интервью с участником войны, д.и.н., профессором Яковом Самойловичем Драбкиным. Декабрь 2007 (интервьюер Н.П. Тимофеева) // «Свой – другой – чужой»: парадоксы взаимовосприятия русских и немцев в контексте истории XX в.: материалы конференции. Воронеж, 2014. С. 133.

человек, с которым мы поддерживали дружеские отношения в Москве до самой его ранней смерти, Павел Лозневой. Не забуду, как он тогда сказал мне: “Когда я окажусь в таком же положении, как ты сейчас, я хотел бы, чтобы ко мне приставили кого-то вроде меня...”¹⁴. Иначе это было сформулировано Г. Климовым, который после побега на Запад заявил: «Каждый советский человек, увидевший Европу своими глазами – это потерянный для советской власти гражданин. Он, как механизм, продолжает исполнять свои функции, но яд познания истины не прошел бесследно»¹⁵.

Вышеприведенные цитаты иллюстрируют сложное отношение советской власти к своим сотрудникам, служившим на территории Восточной Германии после войны, однако понятие «страха перед данным контингентом» для советской власти как перед потенциальными «неодекабристами» вряд ли применимо. Об особой реинтеграции, культивации данной коллективной идентичности и коммуникативной памяти, формировании особых коммеморативных практик для этой социальной общности не могло быть и речи. Перед государством стояли задачи управления памятью о Великой Отечественной войне и селекции локальных коммеморативных практик о ней. Память о Великой Отечественной войне и послевоенных событиях, по замыслу советского руководства, представляла собой прославление советской военной мощи, партийно-государственного руководства и в первую очередь вождя, рождение сверхдержавы и создание Ялтинско-Потсдамской системы международных отношений. Индивидуальное участие в этом процессе было практически невозможным, а артикуляция своей коллективной идентичности после войны в течение двух десятилетий была невозможной.

По мнению В.А. Козлова и М.Е. Козловой, представление сотрудников СВАГ как «неодекабристов» является ложным и спекулятивным¹⁶. Во-первых, «проявления “вольнодумства” имели место на всем протяжении советской истории»¹⁷. Во-вторых, «наивно считать те или иные проявления недовольства, даже сопровождаемые критикой в адрес “начальства”, “неодекабризмом”, т.е. осознанным стремлением к изменению общественных порядков или хотя бы невнятным выражением этого стремления», скорее «определение придумала сама власть, обратившая после войны острие своей критики и репрессий против “преклонения перед границей” и “космополитизма”». Тем не менее миф об этом состоянии оказался чрезвычайно живучим в индивидуальном и коллективном сознании самих сотрудников, а стремление не подвергать себя опасности разрушало коммуникацию между бывшими сотрудниками, которые оказались разбросаны по всей территории СССР. Невозможность коммуникации для поддержания своей коллективной идентичности подкреплялась другими личными заботами сотрудников СВАГ.

Оформление коллективной идентичности и коммуникация между сотрудниками СВАГ упиралась также в то обстоятельство, что в Восточной Германии оказались абсолютно разные люди, для которых служба и работа в Советской оккупационной зоне либо очередной этап в биографии, либо огромный социальный и культурный капитал, попавший в «руки» молодого советского человека, только окончившего школу или вуз и начавшего свой жизненный путь в советском обществе. Среди них и заместители министров, и высшие офицеры, и рядовые сотрудники Главного Политического управления РККА¹⁸, и люди из «глубинки» и т.д., которых объединяло только общее присутствие в определенный момент на определенной территории при определенных обстоятельствах. Кажущаяся на первый взгляд гомогенность социальной группы превращается в гетерогенную социальную общность. Таким образом, перед нами категориальная «множественность» индивидуального

¹⁴ Тартаковский Б.Г. ВСЁ ЭТО БЫЛО. Воспоминания об исчезающем поколении. М., 2005. С. 286–287.

¹⁵ Климов Г. Песнь победителя. Краснодар, 2002. С. 279.

¹⁶ Козлов В.А., Козлова М.Е. Поздний сталинизм как идеологическая практика. Партийная жизнь советских коммунистов в оккупированной Германии. 1945–1949 гг. // Исследования по истории русской мысли. Ежегодник 2018. М., 2018. С. 304–305.

¹⁷ Костырченко Г.В. Сталин против «космополитов». Власть и еврейская интеллигенция в СССР. М., 2010. С. 117.

¹⁸ С 1946 г. – Главное политическое управление Вооруженных Сил СССР.

аспекта «я-идентичности», по Я. Ассману, или поливариантная «я-идентичность» советского человека.

Во-первых, коллективная идентичность определялась не самой службой в СВАГ, а по службе и работе в конкретных управлениях и отделах, где поддерживалась устойчивая межличностная коммуникация¹⁹. Во-вторых, коллективная идентичность сотрудников СВАГ растворялась среди остальных, сформированных по территориальному, профессиональному, биографическому и другим принципам. В-третьих, элемент индивидуального аспекта «я-идентичности» в виде службы в СВАГ был имплантирован в жизненные траектории многих сотрудников²⁰. Опыт пребывания в Германии был востребован военными после их демобилизации и устройстве в послевоенной жизни Советского Союза. Многие сотрудники уже там, в Германии, испытывали влечение к исторической науке, журналистике, немецкой литературе, культуре и истории Германии, ее связям с СССР. Поэтому неудивительно, что из офицеров СВАГ вышла плеяда известных российских историков-германистов: Е.А. Бродский, М.И. Семиряга, А.А. Галкин, Я.С. Драбкин, В.Д. Кульбакин и В.А. Ермолаев. Советская журналистика и филология обогатились такими именами, как В.В. Чубинский и Е.А. Кацева. В.А. Ермолаев писал: «Мой интерес к исторической науке проявлялся главным образом в том, что во время своих путешествий по Восточному и Западному Берлину я заходил в букинистические лавки и покупал интересующие меня книги. Но я пытался соприкоснуться и с самой наукой. Однажды я отправился в университет и попал на лекцию Бетгена, курс истории средневекового Средиземноморья»²¹. Конфуз, который пережил А.А. Галкин в связи с его неподготовленностью к интервью с Конрадом Аденауэром, стимулировал составление библиотеки по проблеме, ставшей в итоге темой кандидатской диссертации ученого²².

Повсеместная актуализация воспоминания о Великой Отечественной войне в 1960-е и 1970-е гг. усилиями советской власти и советского общества совпадает также с формированием полноценной коммуникативной памяти сотрудников СВАГ и одновременно с появлением культурной памяти о советской оккупации Восточной Германии, так как она была неотъемлемой частью окончания Великой Отечественной войны. Данный процесс связан с совпадением множества факторов. Во-первых, советское государство превращается в «диктатуру воспоминаний» (*Erinnerungsdiktatur*), используя память о великих достижениях эпохи сталинизма – победу во Второй мировой войне и создание основ социалистического строительства – в качестве главных стратегий регенерации доверия масс к режиму и легитимации²³, особенно это касалось подрастающего поколения, лично не знакомого с войной, но причастного к ней в рамках коммуникативной памяти. Во-вторых, необходимость поддержания престижа СССР в мировой политике в условиях новых международных вызовов. В-третьих, рост запроса советского общества на увеличение коммеморативных практик и появление новых коммеморативных инициатив. В-четвертых, постепенное угасание военного поколения и «живой» памяти о Великой Отечественной войне, у самих же ветеранов в этот период появилось гораздо больше времени для досуга и размышления над своим опытом.

¹⁹ Бубнов Н.А. «Дневник военного редактора». Воспоминания, копии дневниковых записей. Авториз. Машинопись // ГАРФ. Ф. Р-8127. Оп. 1. Д. 33. Л. 381–386; Кацева Е.А. Мой личный военный трофей: Повесть о жизни. СПб., 2005.

²⁰ Тимофеева Н.П. Война и послевоенное пребывание за границей как катализатор личного самоопределения офицеров Советской военной администрации в Германии, 1945–1949 гг. // Человек и личность в истории России, конец XIX–XX век: мат-лы междунар. colloquium (Санкт-Петербург, 7–10 июня 2010 г.). СПб., 2013. С. 345–56.

²¹ Ермолаев В.А. «Без гнева и пристрастия»: Записки историка. Саратов, 2009. С. 290–291.

²² Интервью Н.П. Тимофеевой с А.А. Галкиным, декабрь 2007 – январь 2008 // Scherstjanoi E. Sieger leben in Deutschland. Fragmente einer ungeübten Rückschau. Zum Alltag sowjetischer Besatzer in Ostdeutschland 1945–1949. Gransee, 2020. S. 149–168.

²³ Merl S. Politische Kommunikation in der Diktatur. Deutschland und die Sowjetunion im Vergleich. Göttingen, 2012. S. 53, 114–120; Jones P. Myth, Memory, Trauma: Rethinking the Stalinist Past in the Soviet Union, 1953–1970. London, 2013. P. 239–257.

Изменение советской мемориальной политики привело к «мемориальному буму»: было издано множество воспоминаний офицеров высшего и среднего звена, которые являлись участниками Великой Отечественной войны и сотрудниками СВАГ²⁴. Именно они в глазах фронтового поколения и населения СССР выглядели теми доверительными и осведомленными лицами, в трудах которых была отражена история их страны и которые могли профессионально работать с культурной памятью. Эти мемуары становились одним из воплощений культурной памяти как о самой войне, так и о последующей борьбе за «единую, независимую, демократическую, миролюбивую Германию»²⁵. Параллельно «мемориальному буму» устанавливается целая сеть коммуникаций между бывшими сотрудниками СВАГ и их немецкими коллегами из ГДР. Бывшие сотрудники СВАГ становятся «выездными», участвуют в советско-германских конференциях и исследованиях, т.е. пространство коммуникативной памяти функционирует наравне со складыванием культурной памяти. Примечательна здесь цитата из воспоминаний Е.А. Бродского: «Прошли десятилетия, но я по-прежнему поддерживаю дружеские связи с семьями уже умерших боевых товарищей, однополчанами и немецкими соратниками, с которыми свела меня жизнь в незабываемые фронтовые годы и необычный период в Берлине, в немалой степени определившие мои дальнейшие общественные и научные интересы»²⁶.

Одновременное сосуществование коммуникативной и культурной памяти о послевоенных событиях в Германии характеризуется повышенным вниманием к двум сюжетам, которые олицетворяют «я-идентичность» и «мы-идентичность» сотрудников СВАГ.

Первый из них – это сопричастность к созданию ГДР и борьбе за мирное устройство в Восточной и Центральной Европе. Рождение нового государства в условиях обостряющейся «холодной войны» сопровождалось созданием культа освобождения немецкого народа от «гитлеровского фашизма» и освободительной миссии Красной армии в Восточной Европе, антифашистской демократии и т.д.²⁷ Еще в 1951 г. был издан исторический роман В.Н. Собко (начальник отдела культуры газеты «Советское слово» в СВАГ) с соответствующим названием «Залог мира», который был удостоен Сталинской премии третьей степени за 1950 г.²⁸ Содержание воспоминаний и оценки исторических событий укладывалось в мемориальные нарративы СССР и ГДР²⁹. Показательна в этом отношении аннотация воспоминаний К. Исабаева: «Автор поставил перед собой сложную, но благородную задачу: рассказать своим землякам о немецком народе, о встающей из руин фашизма – новой социалистической Германии, о победе могучих сил мира и социализма над силами реакции и войны»³⁰. С одной стороны, «я-идентичность» бывших сотрудников СВАГ растворялась в ритуализованных манифестациях германо-советской дружбы, а с другой – «мы-идентичность» бывших сотрудников СВАГ актуализировалась и становилась востребованной в культурной политике СССР и ГДР.

Второй сюжет ведет свое происхождение еще с существования СВАГ и нашел свое отражение в многочисленных документах и периодических источниках. Речь идет об идеологическом противостоянии между социалистическим и капиталистическим блоками, которое выражалось в оппозиции «свой-чужой» во всех возможных сферах. Такая оппозиция позволяла поддерживать устойчивость коллективной идентичности, противопоставляя ее остальным, на протяжении длительного времени и закрепила в культурной памяти. Все «социалистическое» автоматически становилось прогрессивным и гуманным, тогда как

²⁴ См., например: *Котляр Н.М.* Именем закона. М., 1981; *Боков Ф.Е.* Весна победы. М., 1985; *Колесниченко И.С.* Битва после войны. М., 1987; *Tjulanow S.* Deutschland nach dem Kriege (1945–1945). Berlin, 1987; и мн. др.

²⁵ *Кирсанов А.В.* Борьба за единую, независимую, демократическую, миролюбивую Германию. М., 1951.

²⁶ *Бродский Е.А.* Это известно немногим. Красногорск, 1996. С. 317.

²⁷ *Флакке М., Шмигельт У.* Германская Демократическая рспублика. Из мрака к звездам: государство в духе антифашизма // Память о войне 60 лет спустя: Россия, Германия, Европа. М., 2005. С. 118–135.

²⁸ *Собко В.Н.* Залог мира. Таллин, 1951.

²⁹ *Kampfgefährten Weggenossen. Erinnerungen deutscher und sowjetischer Genossen an die ersten Jahre der antifaschistisch-demokratischen Umwälzung in Dresden.* Berlin, 1974.

³⁰ *Исабаев К.* Последние сутки. Записки работника советской комендатуры. Алма-Ата, 1973.

«буржуазное» или «капиталистическое» – пагубным и опасным. Характерными являются следующие рассуждения: «В советском секторе работают заводы и фабрики. Работают некоторые театры, кино. В западных секторах – американском, английском и французском – лихорадка ночной жизни. Появились бесчисленные кабаре, ночные ресторанчики»³¹ и «Все это [гуманитарная помощь населению от СССР] необычно было для западного журналиста, для европейского обывателя, привыкшего мыслить категориями личного интереса, масштабами “моей выгоды”. Для советского человека это было нормой поведения, нормой его нравственной сути. Этим-то и отличается социалистическая мораль от капиталистической»³².

Такое противопоставление доходило даже до понятия «оккупация»: «Другими словами, в понятие “оккупация” мы вкладываем совершенно иное, чем буржуазные страны, классовое содержание»³³. Например, крупный историк ГДР Стефан Дёрнберг, некогда работавший корреспондентом в газетах, издаваемых в СВАГ, в своем труде «Краткая история ГДР», вышедшем в 1971 г., писал: «Впервые в истории функции оккупационной державы с 1945 г. выполняло социалистическое государство. В его оккупационной политике, в деятельности СВАГ наглядно, в особых условиях проявилось превосходство социализма над капитализмом, гуманистическая сущность социализма, пролетарский интернационализм, ленинские принципы внешней политики Советского Союза»³⁴. Почти дословное совпадение присутствует и в воспоминаниях сотрудника СВАГ В.Е. Скоробогатова: «Но вот крутой зигзаг истории и финал войны потребовали, чтобы на чужую территорию, во имя идеи справедливости, пришли воины, воспитанные в духе великих гуманных идей ленинизма, в духе глубочайшего уважения к человеку, ненависти к злу и насилию. В Германию вступили и остались советские войска. И смысл слова “оккупация” стал совершенно иным»³⁵.

«Множественность» индивидуального аспекта «я-идентичности», малочисленность сотрудников СВАГ в рамках всей страны и их рассеянность по всей стране привели к тому, что Я.С. Драбкин в интервью не без длительной рефлексии резюмировал: «Сообщества советских офицеров, которые были в Германии, не сложилось. Мы были раздроблены, разогнаны по разным местам. ... Нет, у нас сопротивления сталинизму не было. Нас была-то горстка людей в советской администрации, те, кто, скажем, из группы Тюльпанова больше всего занимался немцами. Другие же вообще занимались чем угодно. И оккупационной политикой, и не политикой, а хозяйством. ... Ведь в отделе работали люди, которые и немецкого языка не знали, партийные, надзиратели или исполнители, или что угодно. У Тюльпанова заместители не знали немецкого языка. Его ругали за то, что половину он набрал евреев, и за это его проверяли и хотели снять»³⁶.

Таким образом, на примере издания и содержания воспоминаний бывших сотрудников СВАГ можно проследить особенности артикуляции индивидуальной и коллективной идентичности в рамках коммуникативной и культурной памяти. В нашей коллекции свыше 50 источников личного происхождения (воспоминания, дневники и интервью), которые позволяют сделать некоторые выводы. Функционирование коммуникативной памяти о службе и работе СВАГ было осложнено общественно-политической ситуацией в СССР в 1940-е и 1950-е гг., а также «множественностью» индивидуального аспекта «я-идентичности», рассеянностью сотрудников после работы по стране и их переключением на другие сферы личной и общественной жизни. Необходимость и желание актуализации опыта работы и службы в СВАГ появились у сотрудников в период изменения мемориальной политики СССР, направленной на ускорение трансформации коммуникативной памяти о Великой Отечественной войне в культурную память. Эта тенденция стала нарастать к 1980-м гг., когда был достигнут

³¹ Верников С.М. Записки военного переводчика. Свердловск, 1977. С. 101.

³² Котилов А.Г. Записки военного коменданта Берлина. М., 2016. С. 49–50.

³³ Боков Ф.Е. Весна победы... С. 379.

³⁴ Дёрнберг С. Краткая история ГДР. М., 1971. С. 36–37.

³⁵ Скоробогатов В.Е. Отгремели залпы. Репортаж через годы. Алма-Ата, 1976. С. 123.

³⁶ Интервью с участником войны, д.и.н., профессором Яковом Самойловичем Драбкиным. Декабрь 2007 (интервьюер Н.П. Тимофеева)... С. 138.

40-летний рубеж, согласно которому, по Я. Ассману, «живое воспоминание оказывается под угрозой исчезновения и насущной проблемой становятся формы культурной памяти о прошлом»³⁷. При этом данный рубеж совпал с началом перестройки и исчезновением цензуры в печатных изданиях. В дальнейшем уже в ходе «архивной революции» 1990-х и 2000-х годов темы, связанные со СВАГ, стали достоянием культурной памяти. Продолжение выхода различных воспоминаний и интервью с бывшими сотрудниками обогащали представления об их индивидуальной и коллективной идентичности, некоторые особенности артикуляции которых удалось рассмотреть в данной статье.

Литература

Андерсон Б. Воображаемые сообщества: Размышления об истоках и распространении национализма. М.: Канон-Пресс-Ц; Кучково поле, 2001. 286 с.

Ассман Я. Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М.: Языки славянской культуры, 2004. 363 с.

Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: Московский философский фонд, 1995. 322 с.

Боков Ф.Е. Весна победы. М.: Мысль, 1985. 416 с.

Бродский Е.А. Это известно немногим. Красногорск: Мемориальный музей немецких антифашистов, 1996. 392 с.

Васильев А.Г. Memory studies: единство парадигмы – многообразие объектов (обзор англоязычных книг по истории памяти) // Новое литературное обозрение. 2012. № 5 (117). С. 461–480.

Верников С.М. Записки военного переводчика. Свердловск: Среднеуральское книжное издательство, 1977. 136 с.

Дёрнберг С. Краткая история ГДР. М.: Мысль, 1971. 542 с.

Ермолаев В.А. «Без гнева и пристрастия»: Записки историка. Саратов: Издательство Саратовского университета, 2009. 563 с.

Зубкова Е.Ю. Послевоенное советское общество: политика и повседневность. 1945–1953. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1999. 229 с.

Интервью с участником войны, д.и.н., профессором Яковом Самойловичем Драбкиным. Декабрь 2007 (интервьюер Н.П. Тимофеева) // «Свой – другой – чужой»: парадоксы взаимовосприятия русских и немцев в контексте истории XX в.: материалы конференции. Воронеж: Наука-Юнипресс, 2014. С. 119–141.

Исабаев К. Последние сутки. Записки работника советской комендатуры. Алма-Ата: Жазушы, 1973. 208 с.

Кацева Е.А. Мой личный военный трофей: Повесть о жизни. СПб.: Изд-во Сергея Ходова, 2005. 253 с.

Кимерлинг А.С. Выполнять и лукавить: политические кампании поздней сталинской эпохи. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2017. 210 с.

Кирсанов А.В. Борьба за единую, независимую, демократическую, миролюбивую Германию. М.: Госполитиздат, 1951. 120 с.

Климов Г. Песнь победителя. Краснодар: Пересвет, 2002. 688 с.

Козлов В.А., Козлова М.Е. «Маленький СССР» и его обитатели: Очерки социальной истории советского оккупационного сообщества в Германии. 1945–1949. М.: Новое литературное обозрение. 2021. 288 с.

Козлов В.А., Козлова М.Е. Поздний сталинизм как идеологическая практика. Партийная жизнь советских коммунистов в оккупированной Германии. 1945–1949 гг. // Исследования по истории русской мысли. Ежегодник. 2018. М.: Модест Колеров, 2018. С. 298–415.

Колесниченко И.С. Битва после войны. М.: Воениздат, 1987. 238 с.

³⁷ Ассман Я. Культурная память... С. 11.

Костырченко Г.В. Сталин против «космополитов». Власть и еврейская интеллигенция в СССР. М.: Фонд первого Президента России Б.Н. Ельцина, 2010. 415 с.

Котилов А.Г. Записки военного коменданта Берлина. М.: Вече, 2016. 382 с.

Котляр Н.М. Именем закона. М.: Воениздат, 1981. 221 с.

Скоробогатов В.Е. Отгребели залпы. Репортаж через годы. Алма-Ата: Казахстан, 1976. 231 с.

Собко В.Н. Залог мира. Таллин: Эстонское государственное издательство, 1951. 332 с.

Тартаковский Б.Г. ВСЁ ЭТО БЫЛО... Воспоминания об исчезающем поколении. М.: АИРО-XX, 2005. 446 с.

Тимофеева Н.П. Война и послевоенное пребывание за границей как катализатор личного самоопределения офицеров Советской военной администрации в Германии, 1945–1949 гг. // Человек и личность в истории России, конец XIX – XX век: мат-лы междунар. colloquium (Санкт-Петербург, 7–10 июня 2010 г.). СПб.: Нестор-история, 2013. С. 345–356.

Флакке М., Шмигельт У. Германская Демократическая Республика. Из мрака к звездам: государство в духе антифашизма // Память о войне 60 лет спустя: Россия, Германия, Европа. М.: Новое литературное обозрение, 2005. С. 118–135.

Юдин К.А. Роль органов государственной безопасности (НКВД / НКГБ – МГБ СССР в информационно-политическом обеспечении сталинского режима (1940–1950-е гг.) // Государство, общество, церковь в истории России XX–XXI веков: мат-лы XV Междунар. науч. конф. (Иваново, 23–24 марта 2016 г.). Ч. 2. Иваново: Ивановский государственный университет, 2016. С. 740–749.

Jones P. Myth, Memory, Trauma: Rethinking the Stalinist Past in the Soviet Union, 1953–1970. New Haven; London: Yale University Press, 2013. 362 p.

Kampfgefährten Weggenossen. Erinnerungen deutscher und sowjetischer Genossen an die ersten Jahre der antifaschistisch-demokratischen Umwälzung in Dresden. Berlin: Dietz, 1974. 439 s.

Merl S. Politische Kommunikation in der Diktatur. Deutschland und die Sowjetunion im Vergleich. Göttingen, 2012. 184 s.

Scherstjanoi E. Sieger leben in Deutschland. Fragmente einer ungeübten Rückschau. Zum Alltag sowjetischer Besatzer in Ostdeutschland 1945–1949. Gransee: Edition Schwarzdruck, 2020. S. 149–168.

Tjulpanow S. Deutschland nach dem Kriege (1945–1945). Berlin, 1987. 357 s.

References

(1974). Kampfgefährten Weggenossen. Erinnerungen deutscher und sowjetischer Genossen an die ersten Jahre der antifaschistisch-demokratischen Umwälzung in Dresden. Berlin, Dietz. 439 s.

Anderson, B. (2001). *Voobrazhaemye soobshchestva: Razmyshleniya ob istokakh i rasprostraneni natsionalizma* [Imaginary Communities: Reflections on the Origins and Spread of Nationalism]. Moscow, Kanon-Press-TS, Kuchkovo pole. 286 p.

Assman, Ya. (2004). *Kul'turnaya pamyat': Pis'mo, pamyat' o proshlom i politicheskaya identichnost' v vysokikh kul'turakh drevnosti* [Cultural Memory: Writing, Memory of the Past and Political Identity in the High Cultures of Antiquity]. Moscow, Yazyki slavyanskoy kul'tury. 363 p.

Berger, P., Lukman, T. (1995). *Sotsial'noe konstruirovaniye real'nosti. Traktat po sotsiologii znaniya* [Social Construction of Reality. A Treatise on the Sociology of Knowledge]. Moscow, Moskovskiy filosofskiy fond. 322 p.

Bokov, F.E. (1985). *Vesna pobedy* [Spring of Victory]. Moscow, Mysl'. 416 p.

Brodskiy, E.A. (1996). *Ehto izvestno nemnogim* [Few People Know This]. Krasnogorsk, Memorial'nyy muzey nemetskikh antifashistov. 392 p.

Dernberg, S. (1971). *Kratkaya istoriya GDR* [A Brief History of the GDR]. Moscow, Mysl'. 542 p.

Ermolaev, V.A. (2009). *“Bez gneva i pristrastiya”: Zapiski istorika* [“Without Anger and Partiality”: Notes of a Historian]. Saratov, Izdatel'stvo Saratovskogo Universiteta. 563 p.

Flakke, M., Shmigel't U. (2005). *Germanskaya Demokraticeskaya Respublika. Iz mraka k zvezdam: gosudarstvo v dukhe antifashizma* [The German Democratic Republic. From Darkness to the Stars: the State in the Spirit of Anti-Fascism]. In *Pamyat' o voyne 60 let spustya: Rossiya, Germaniya, Evropa*. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, pp. 118–135.

(2014). Interv'yū s uchastnikom voyny, d.i.n., professorom Yakovom Samoilovichem Drabkinym. Dekabr' 2007 (interv'yuer N.P. Timofeeva) [Interview with a Participant of the War, Doctor of Historical Sciences, Professor Yakov Samoilovich Drabkin. December 2007 (interviewer N.P. Timofeeva)]. In *"Svoy-drugoy-chuzhoy": paradoksy vzaimovospriyatiya russkikh i nemtsev v kontekste istorii XX veka: materialy konferentsii*. Voronezh, Nauka-Yunipress, pp. 119–141.

Isabaev, K. (1973). *Poslednie sutki. Zapiski rabotnika sovetskoy komendatury* [The Last Day. Notes of an Employee of the Soviet Commandant's Office]. Alma-Ata, Zhazushy. 208 p.

Jones, P. (2013). *Myth, memory, trauma: rethinking the Stalinist past in the Soviet Union, 1953–1970*. New Haven, London, Yale University Press. 362 p.

Katseva, E.A. (2005). *Moy lichnyy voennyi trofey: Povest' o zhizni* [My Personal War Trophy: A Tale of Life]. Sankt-Peterburg, Izdatel'stvo Sergeya Khodova. 253 p.

Kimerling, A.S. (2017). *Vypolnyat' i lukavit': politicheskie kampanii pozdney stalinskoj ehpokhi* [To Carry Out and to Deceive: Political Campaigns of the Late Stalinist Era]. Moscow, Izdatel'skiy dom Vysshey shkoly ehkonomiki. 210 p.

Kirsanov, A.V. (1951). *Bor'ba za edinuyu, nezavisimuyu, demokraticeskuyu, mirolubivuyu Germaniyu* [The Struggle for a United, Independent, Democratic, Peace-Loving Germany]. Moscow, Gospolitizdat. 120 p.

Klimov, G. (2002). *Pesn' pobeditelya* [The Winner's Song]. Krasnodar, Peresvet. 688 p.

Kolesnichenko, I.S. (1987). *Bitva posle voyny* [The Battle After the War]. Moscow, Voenizdat. 238 p.

Kostyrchenko, G.V. (2010). *Stalin protiv "kosmopolitov". Vlast' i evreyskaya intelligentsiya v SSSR* [Stalin is Against the "Cosmopolitans". The Government and the Jewish Intelligentsia in the USSR]. Moscow, Russian political encyclopedia (ROSSPEN), Fond pervogo Prezidenta Rossii B.N. El'tsina. 415 p.

Kotikov, A.G. (2016). *Zapiski voennogo komendanta Berlina* [Notes of the Military Commandant of Berlin]. Moscow, Veche. 382 p.

Kotlyar, N.M. (1981). *Imenem zakona* [In the Name of the Law]. Moscow, Voenizdat. 221 p.

Kozlov, V.A., Kozlova, M.E. (2018). *Pozdnyy stalinizm kak ideologicheskaya praktika. Partiynaya zhizn' sovetskikh kommunistov v okkupirovannoy Germanii. 1945–1949 gg.* [Late Stalinism as an Ideological Practice. The Party Life of Soviet Communists in Occupied Germany. 1945–1949]. In *Issledovaniya po istorii russkoy mysli. Ezhegodnik*. Moscow, Modest Kolerov., pp. 298–415.

Kozlov, V.A., Kozlova, M.E. (2021). *"Malen'kiy SSSR" i ego obitateli: Ocherki sotsial'noy istorii sovetskogo okkupatsionnogo soobshchestva v Germanii. 1945–1949* ["Little USSR" and Its Inhabitants: Essays on the Social History of the Soviet Occupation Community in Germany. 1945–1949]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie. 288 p.

Merl, S. (2012). *Politische Kommunikation in der Diktatur. Deutschland und die Sowjetunion im Vergleich*. Göttingen, Wallstein Verlag. 184 s.

Scherstjanoi, E. (2020). *Sieger leben in Deutschland. Fragmente einer ungeübten Rückschau. Zum Alltag sowjetischer Besatzer in Ostdeutschland 1945–1949*. Gransee, Edition Schwarzdruck, ss. 149–168.

Skorobogatov, V.E. (1976). *Otgremeli zalpy. Reportazh cherez gody* [Volleys Died Down. Reportage Through the Years]. Alma-Ata, Kazakhstan. 231 s.

Sobko, V.N. (1951). *Zalog mira* [Pledge of Peace]. Tallin, Ehstonskoe gosudarstvennoe izdatel'stvo. 332 p.

Tartakovskiy, B.G. (2005). *VSYO ETO BYLO... Vospominaniya ob ischezayushchem pokolenii* [IT ALL HAPPENED... Memories of a Disappearing Generation]. Moscow, AIRO-XX. 446 p.

Timofeeva, N.P. (2013). Voyna i poslevoennoe prebyvanie za granitsey kak katalizator lichnogo samoopredeleniya ofitserov Sovetskoy voennoy administratsii v Germanii, 1945–1949 gg. [War and Post-War Stay Abroad as a Catalyst for Personal Self-Determination of Officers of the Soviet Military Administration in Germany, 1945–1949]. In *Chelovek i lichnost' v istorii Rossii, konets XIX – XX vek: materialy mezhdunarodnogo kollokviuma (Sankt-Peterburg, 7–10 iyunya 2010 goda)*. Sankt-Peterburg, Nestor-istoriya, pp. 345–356.

Tjulpanow, S. (1987). *Deutschland nach dem Kriege (1945–1945)*. Berlin, Dietz Verlag. 357 s.

Vasil'ev, A.G. (2012). Memory studies: edinstvo paradigmy – mnogoobrazie ob'ektov (obzor angloyazychnykh knig po istorii pamyati) [Memory Studies: Unity of Paradigm – Diversity of Objects (Review of English-Language Books on the History of Memory)]. In *Novoe literaturnoe obozrenie*. No. 5 (117), pp. 461–480.

Vernikov, S.M. (1977). *Zapiski voennogo perevodchika* [Notes of a Military Translator]. Sverdlovsk, Sredneural'skoe knizhnoe izdatel'stvo. 136 p.

Yudin, K.A. (2016). Rol' organov gosudarstvennoy bezopasnosti (NKVD / NKGB – MGB SSSR v informatsionno-politicheskom obespechenii stalinskogo rezhima (1940–1950-e gg.) [The Role of State Security Agencies (NKVD/NKGB-MGB of the USSR in the Information and Political Support of the Stalinist Regime (1940s–1950s)]. In *Gosudarstvo, obshchestvo, tserkov' v istorii Rossii XX–XXI vekov: materialy XV mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii. Ivanovo, 23–24 marta 2016 g.* Part 2. Ivanovo, Ivanovskiy gosudarstvennyy universitet, pp. 740–749.

Zubkova, E.Yu. (1999). *Poslevoennoe sovetskoe obshchestvo: politika i povsednevnost'. 1945–1953* [Post-War Soviet Society: Politics and Everyday Life. 1945–1953.]. Moscow, Rossiyskaya politicheskaya ehntsiklopediya (ROSSPEN). 229 p.

Статья поступила в редакцию 07.11.2021 г.

А.М. Аблажей
Н.Н. Аблажей*

A.M. Ablazhey
N.N. Ablazhey*

**Эвенкийская ГЭС:
«за» и «против» (к истории
обсуждения мегапроекта)**

doi:10.31518/2618-9100-2022-1-17

УДК 316.35

Выходные данные для цитирования:

Аблажей А.М., Аблажей Н.Н. Эвенкийская ГЭС: «за» и «против» (к истории обсуждения мегапроекта) // Исторический курьер. 2022. № 1 (21). С. 184–216. URL: <http://istkurier.ru/data/2022/ISTKURIER-2022-1-17.pdf>

**Evenki Hydroelectric Power Station:
“For” and “Against” (to the History
of the Debates on This Mega-Project)**

doi:10.31518/2618-9100-2022-1-17

How to cite:

Ablazhey A.M., Ablazhey N.N. Evenki Hydroelectric Power Station: “For” and “Against” (to the History of the Debates on This Mega-Project) // Historical Courier, 2022, No. 1 (21), pp. 184–216. [Available online: <http://istkurier.ru/data/2022/ISTKURIER-2022-1-17.pdf>]

Abstract. This documentary publication is a transcript of public hearings on the discussion of the preliminary version of the EIA (“Environmental Impact Assessment”) of the project for the construction of a hydroelectric power station on the river Lower Tunguska in the Evenk municipal district of the Krasnoyarsk Territory (September 19, 2009). Such a procedure is an obligatory stage in the design and further construction of large economic facilities that involve serious interference into the environment, a change in the trajectory of economic development, large-scale migration processes, etc. In the case of the Evenk hydroelectric power station, which became the reincarnation of the Soviet project for the construction of the Turukhansk station, all these would have been of the extremely large-scale character, taking into consideration specific natural conditions, established economic practices and the ethnic structure of the population. No less significant is the fact that there is an opportunity to compare the organization and main trends in the public debates regarding the project, as it happened in the late Soviet and post-Soviet stages of the history of our country. A feature of the discussion that took place was the fact that the expert community was also divided into sharply opposed groups. Some experts strongly opposed the construction of the station, referring primarily to environmental and humanitarian risks as arguments (mostly from the point of view of the interests of the indigenous population of the territory). Others, based also on environmental considerations, expressed the exact opposite view. The public hearings resulted in the clearly expressed opinion of the population, including the leadership of the district, containing the categorical rejection of an idea of building the Evenk hydroelectric power station. It should be noted that, in addition to purely economic and environmental considerations, in the formation of such a position, the importance of a “sense of belonging” to the territory of residence was clearly indicated. The phenomenon of local identity was clearly manifested, which at some points of the debates turned out to be even a more significant factor than economic or environmental considerations.

Keywords: mega-project, hydroelectric power station, Evenkia, indigenous population, traditional economy, ecology, public hearings.

The article has been received by the editor on 01.12.2021.

Full text of the article in Russian and references in English are available below.

* **Аблажей Анатолий Михайлович**, кандидат философских наук, Институт философии и права Сибирского отделения Российской академии наук, Новосибирск, Россия, e-mail: ablazhey@academ.org

Ablazhey Anatoly Mikhaylovich, Candidate of Philosophy, Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russia, e-mail: ablazhey@academ.org

Аблажей Наталья Николаевна, доктор исторических наук, Институт истории Сибирского отделения Российской академии наук, Новосибирск, Россия, e-mail: ablazhey@academ.org

Ablazhey Natalia Nikolaevna, Doctor of Historical Sciences, Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Science, Novosibirsk, Russia, e-mail: ablazhey@academ.org

Аннотация. Настоящая документальная публикация представляет собой стенограмму общественных слушаний по обсуждению предварительного варианта ОВОС («Оценка воздействия на окружающую среду») по проекту строительства ГЭС на р. Нижняя Тунгуска в Эвенкийском муниципальном районе Красноярского края (19 сентября 2009 г.). Подобная процедура является обязательным этапом проектирования и дальнейшего строительства крупных экономических объектов, предполагающих серьезное вмешательство в окружающую среду, смену траектории экономического развития, масштабные миграционные процессы и т.д. В случае с Эвенкийской ГЭС, ставшей реинкарнацией советского проекта строительства Туруханской станции, все это носило бы чрезвычайно масштабный характер, учитывая специфические природные условия, сложившиеся практики хозяйственной деятельности и этническую структуру населения. Не менее значимо также то обстоятельство, что мы имеем возможность сравнить организацию и основные тренды общественного обсуждения проекта, как это происходило на позднесоветском и постсоветском этапах истории нашей страны. Особенностью состоявшейся дискуссии стало то обстоятельство, что экспертное сообщество также разделилось на резко противопоставленные друг другу лагеря. Часть экспертов выступила резко против строительства станции, приводя в качестве аргументов экологические и гуманитарные риски (прежде всего с точки зрения интересов коренного населения территории). Другие, основываясь также на экологических соображениях, высказывали прямо противоположное мнение. Итогом общественных слушаний стало четко прозвучавшее мнение населения, включая руководство района, о категорическом неприятии идеи строительства Эвенкийской ГЭС. Отметим, что, помимо сугубо экономических и экологических соображений, при формировании подобной позиции явно обозначилась важность «чувства принадлежности» к территории проживания, ярко проявился феномен местной идентичности, который в отдельные моменты дискуссии оказывался даже более значимым фактором, чем экономические или экологические соображения.

Ключевые слова: мегапроект, гидроэлектростанция, Эвенкия, коренное население, традиционное хозяйство, экология, общественные слушания.

Уникальность проекта строительства гигантской гидроэлектростанции на р. Нижняя Тунгуска заключается, во-первых, в том, что его история начиналась еще в 1960-е гг., а закончилась только в конце 2000-х гг., во-вторых, в наличии того обстоятельства, что и в 1988, и в 2008 г. имела место широкая общественная дискуссия, позволившая зафиксировать наличие сформировавшихся позиций и перечня аргументов, которыми оперировали участники дебатов¹. Напомним, что первая попытка общественной экспертизы проекта станции закончилась отказом от ее строительства, поскольку госэкспертиза вынесла отрицательное заключение по проекту, основываясь в том числе и на результатах социологического исследования мнения населения. Тем не менее в середине 2000-х гг. идея строительства станции, переименованной из Туруханской в Эвенкийскую, снова стала актуальной. Руководство крупнейших госкомпаний – «РАО ЕЭС» и «РусГидро» – считало ее возведение одним из своих главных приоритетов. В случае реализации проекта Эвенкийская ГЭС стала бы крупнейшей ГЭС России и одной из самых крупных в мире. Проектная установленная мощность ГЭС – от 8 до 12 ГВт, среднегодовая выработка – 46 млрд кВт·ч (больше, чем у всего Волжско-Камского каскада ГЭС). Плотина ГЭС должна создать Эвенкийское (Туруханское) водохранилище площадью 9 400 кв. км и длиной около 1 200 км.

Дискуссия относительно проекта станции на этот раз включала в качестве обязательного этапа процедуру обсуждения ОВОС («Оценки воздействия на окружающую среду») в ходе общественных слушаний, что предполагало проведение целого ряда исследований. В «Техническом задании» на проведение ОВОС предусматривалось проведение целого

¹ Аблажей А.М., Аблажей Н.Н. Эвенкийская ГЭС 20 лет спустя: опыт социальной оценки мега-проекта // Становление индустриально-урбанистического общества в Урало-Сибирском регионе. Подходы, исследования, результаты: мат-лы межрегион. науч.-практ. конф. Новосибирск, 2010. С. 99–109.

комплекса изысканий с целью составления прогноза состояния атмосферы и гидросферы, территории, изучение базовых характеристик геологической среды, растительного и животного мира, ихтиофауны и рыбного хозяйства, сложившихся практик хозяйственной деятельности, включая традиционное природопользование, в том числе оленеводство, обследование нынешних и перспективных (в случае строительства станции) условий проживания и здоровья населения. В рамках этой части работ вновь было проведено социологическое исследование с целью выяснения мнения населения о возможном возведении станции².

Важно отметить тот факт, что в продолжавшейся несколько лет дискуссии участвовали не только непосредственно заинтересованные стороны (гидростроители и местное сообщество), но и эксперты из числа экономистов, географов, экологов, этнологов и пр. При этом экспертное сообщество разделилось на резко противопоставленные друг другу лагеря. Одна его часть выступила резко против строительства станции, приводя в качестве аргументов прежде всего экологические и гуманитарные риски (в первую очередь с точки зрения интересов коренного населения территории). Другая, основываясь также на экологических соображениях, высказывала прямо противоположное мнение: «...строительство Эвенкийской ГЭС не принесет неразрешимых экологических проблем... [более того] природоохранный эффект от строительства Эвенкийской ГЭС оценивается в 1 миллиард долларов в год... возражения экологов связаны с предполагаемым ими изменением климата при строительстве водохранилища, возможном ущербе природным экосистемам – флоре и фауне региона. Основные претензии – изменение микроклимата, возможное затопление леса, гибель рыбы. Но любые оценки экологических последствий и какого-либо негативного эффекта твердого основания на сегодня не имеют. Изыскания и исследования продолжаются, но уже сейчас можно сказать, что расположение водохранилища в малонаселенном районе практически сведет на нет неблагоприятные последствия изменения микроклимата... затопливаемый лес низкого качества и не имеет промышленного значения... что касается Нижней Тунгуски, то ее ихтиофауна достаточно бедна вследствие того, что вода реки соленая. По этой же причине в этом районе обитает мало животных»³. Что касается противоположной позиции, приведем мнение известного специалиста в области эколого-географических аспектов строительства крупных ГЭС на Российском Севере Л.М. Малик: «Создание крупных равнинных водохранилищ, особенно на приустьевых участках рек, неприемлемо с точки зрения экологии, экономики и возникновения социальных проблем»⁴.

В условиях резкого противостояния сторонников и противников строительства ГЭС решающее слово оставалось за местным населением. Оно высказало свое мнение в конце сентября 2009 г., когда в административном центре района – п.г.т. Тура были проведены общественные слушания по обсуждению ОВОС. Стенограмма состоявшейся дискуссии, в ходе которой четко обозначились аргументы, с одной стороны, заказчика («РусГидро») и проектировщика («Ленгидропроект») станции, с другой – местной власти и рядового населения, приводится ниже.

Итогом общественных слушаний стало четко прозвучавшее мнение населения, включая руководство района, о категорическом неприятии идеи строительства Эвенкийской ГЭС. Отметим, что, помимо сугубо экономических и экологических соображений, при формировании подобной позиции явно обозначилась важность «чувства принадлежности к земле», феномена местной идентичности⁵.

² Ушаков Д.В., Плюснин Ю.М., Аблажей А.М. Социально-экологические проблемы коренного населения Эвенкии в свете возможного строительства гидроэлектростанции на Нижней Тунгуске // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер.: Философия. 2012. Т. 10. Вып. 1. С. 64–72.

³ Эвенкийская жизнь. 10 апреля 2008 г. URL: http://www.evenkya.ru/infoeg/life/evenkiyskaya_ges_nachat_konstruktivnyy_dialog.html (дата обращения: 23.01.2022).

⁴ Малик Л.М. Географо-гидрологическая оценка последствий создания крупных гидроэлектростанций на севере Российской Федерации // Вопросы географии (Издание Московского отделения Русского географического общества). Сб. 133: Географо-гидрологические исследования. М., 2012. С. 347.

⁵ Ablazhey A.M., Campbell Cr.R. Identity, Community and Belonging (on the Example of Kezhemsky & Evenkiysky Municipal Districts of Krasnoyarsk Krai) // Журнал Сибирского федерального университета. Гуманитарные науки. 2018. Т. 11, № 4. С. 526–533.

ПРОТОКОЛ
общественных слушаний
по предварительному варианту материалов
«Оценки воздействия на окружающую среду
Эвенкийского гидроузла» (ОВОС)

Место	проведения:	п.г.т.	Тура
Дата: 18 сентября 2009 г.			
Начало:			16-00
Окончание: 21-25			

Вступительное слово главы Муниципального образования п.г.т. Тура. **Мукто Игорь Валерьевич.**

Пожалуйста, рассаживайтесь дорогие друзья, уважаемые участники общественных слушаний. Сегодня, 18 сентября 2009 г., проводятся общественные слушания по Предварительному варианту материалов «Оценки воздействия на окружающую среду строительства Эвенкийского гидроузла на реке Нижняя Тунгуска». Вести общественные слушания буду я, Мукто Игорь Валерьевич, глава Муниципального образования поселка городского типа Тура. Для ведения протокола и дальнейшей обработки его, нужно создать протокольную группу. По предварительным договоренностям, предлагаю следующий состав:

1. от инициатора проекта – Ефимов Владислав Сергеевич, ОАО «РусГидро», руководитель Дирекции по взаимодействию с органами власти Сибирского федерального округа;
2. от Заказчика – Анциферова Наталья Игоревна, главный эксперт ЗАО «ГидроИнжиниринг Сибирь»;
3. от Исполнителя – Иванов Виталий Михайлович, главный инженер проекта по водохранилищам ОАО «Ленгидропроект»;
4. от поселка Тура – Кокорина Лариса Викторовна, член рабочей группы;
5. Сутягина Алина Григорьевна – член общественной организации «Нёрамни»;
6. Фещук Валентина Ивановна – член рабочей группы;
7. Жукова Ирина Владимировна – член молодежного общественного движения «За будущее Эвенкии».

Какие-нибудь еще предложения будут?

Ответ из зала. Нет.

Мукто И.В. Спасибо, названных товарищей прошу сесть за стол, где находится протокольная группа. Хочу Вам напомнить, дорогие друзья, что в соответствии с «Положением об оценке воздействия намечаемой хозяйственной деятельности на окружающую среду в Российской Федерации», порядок проведения общественных слушаний определяется органами самоуправления. Распоряжением Главы Администрации пгт. Тура № 398-Р от 2 сентября 2009 года назначены общественные слушания, в связи с этим создана рабочая группа, которая занималась подготовкой к проведению общественных слушаний, всеми организационными вопросами. Этой же группой, кстати, проводилась и регистрация участников общественных слушаний, все вы это видели.

Дорогие друзья, согласно данным регистрации, в работе общественных слушаний принимают участие 206 участников. Также на общественных слушаниях присутствуют:

1. Бардюков Вадим Григорьевич – генеральный директор ОАО «Нижне-Курейская ГЭС»;
2. Бычко Михаил Александрович – начальник Департамента проектно-изыскательских работ Дивизиона Сибирь ОАО «УК ГидроОГК»;
3. Третьяк Наталья Юрьевна – главный эксперт Департамента проектно-изыскательских работ ОАО «УК ГидроОГК»;

4. Озорнин Андрей Владимирович – ОАО «РусГидро», эксперт Дирекции по взаимодействию с органами власти Сибирского федерального округа;
5. Агашкина Татьяна Геннадьевна – главный эксперт ДЦК ОАО «РусГидро»;
6. Анциферова Наталья Игоревна – главный эксперт ЗАО «ГидроИнжиниринг Сибирь»;
7. Андреева Любовь Егоровна – главный специалист ОАО «Ленгидропроект»;
8. Львовский Владимир Анатольевич – заместитель главного инженера – начальник ОПП ОАО «Ленгидропроект»;
9. Мирзаев Андрей Яковлевич – начальник отдела водохранилищ и охраны окружающей среды ОАО «Ленгидропроект»;
10. Шишкин Александр Сергеевич – д.б.н., зам. директора Института леса им. В.Н. Сукачева СО РАН, зав. лабораторией техногенных лесных экосистем;
11. Зиновьев Александр Тимофеевич – к.ф.-м.н., зав. лабораторией гидрологии и геоинформатики Института водных и экологических проблем СО РАН;
12. Куницкий Виктор Владимирович – д.г.н., зав. лабораторией региональной геоэкологии и криолитологии Институт мерзлотоведения им. П.И. Мельникова СО РАН;
13. Москвичев Владимир Викторович – д.т.н., профессор, заместитель председателя Президиума Красноярского научного центра СО РАН;
14. Морозова Ольга Григорьевна – д.б.н., проф. Сибирского федерального университета, Независимая общественная экологическая палата;
15. Иванов Антон Петрович – главный специалист отдела проектного сопровождения Министерства инвестиционной политики Красноярского края;
16. Кельберг Геннадий Васильевич – начальник отдела сохранения биологического разнообразия Министерства природных ресурсов и лесного комплекса Красноярского края;
17. Ильичев Вячеслав Алексеевич – к.х.н., ведущий научный сотрудник ОАО «ВНИПИПромтехнология»;
18. Пальчин Семен Яковлевич – заместитель Уполномоченного по правам человека коренных народов в Красноярском крае;
19. Стрижова Татьяна Алексеевна – к.г.н., ведущий специалист ООО «Бюро экологического и социального консалтинга»;
20. Котова Мария Васильевна – ведущий специалист ООО «Бюро экологического и социального консалтинга»;
21. Чечеткин Владимир Афанасьевич – ведущий специалист ООО «Бюро экологического и социального консалтинга»;
22. Колесникова Наталья Вячеславовна – специалист ООО «Бюро экологического и социального консалтинга»;
23. Суворов Петр Иванович – Глава Эвенкийского муниципального района (ЭМР);
24. Малаший Ярослав Романович – Глава администрации ЭМР.

Уважаемые друзья, для полного представления информации местному населению о намерениях строить Эвенкийскую ГЭС на Нижней Тунгуске были открыты общественные приемные во всех поселениях Илимпейской группы. Обсуждение началось в 2008 г. Многие из вас помнят, что в прошлом (2008) г. в июне месяце у нас проводились слушания по ТЗ (техзаданию). И за 30 дней до ОС (общественных слушаний) во всех средствах массовой информации различного уровня: «Эвенкийская жизнь», газеты «Труд» и «Красноярский рабочий», были опубликованы объявления. Материалы и их резюме были также выложены в общественных приемных.

Я предлагаю следующий регламент: выступление представителя от заказчика до 20 минут, вопросы, ответы до 5 минут, выступления от 5 до 10 минут максимум. Все спорные вопросы я предлагаю выносить на открытое голосование и считать принятым, если проголосовало 50 % и один голос. Какие-нибудь еще предложения есть у вас?

Вопрос из зала. Как будем считать?

Мукто И.В. У нас есть протокольная группа.

Предлагается следующая повестка. Выступления представителя Заказчика. Выступать будут Бычко Михаил Александрович, затем Третьяк Наталья Юрьевна, Львовский Владимир Анатольевич, Мирзаев Андрей Яковлевич. Выступать они будут по очереди, плавно один вопрос будет переходить в другой – освещение всей темы. Но я думаю, лучше будет, [если] они будут выступать один за другим, затем будет приходить другой. Представляться. Мы будем задавать вопрос – ответ, по классической схеме. После всех выступлений предлагаю «вопрос – ответ», дискуссии, в ходе которых можно проекты решения выслушать и всякие предложения, которые будут от вас. Затем, от рабочей группы мне поступило письмо; была создана рабочая группа, которая попросила включить в протокол результаты анкетирования сегодня. Значит, запретить анкетирование не могу, это считаю тоже некорректным. Поэтому предлагаю провести анкетирование, которым будет заниматься рабочая группа, и в конце уже всех наших выступлений заслушать итоги анкетирования и затем заслушаем резюме наших общественных слушаний. Всех устраивает такой порядок работы?

Из зала. Да!

Мукто И.В. Все, большое спасибо, переходим к рассмотрению вопросов повестки дня. По первому вопросу слово предлагается Бычко Михаилу Александровичу, начальнику Департамента проектно-изыскательских работ Дивизиона Сибирь ОАО «УК ГидроОГК».

Бычко Михаил Александрович. Добрый день, уважаемые жители поселка Тура. Сегодняшние слушания проходят в очень тяжелые дни. Все потрясены трагедией, произошедшей на Саяно-Шушенской ГЭС. Погибли наши коллеги. Сейчас мы все ждем результаты расследования причин аварии. Безусловно, случившееся существенно повлияет на подходы к проектированию, строительству и эксплуатации гидроэлектростанций. Об этом уже на этапе расследования заявил глава Ростехнадзора. Будут внесены изменения в нормативную базу, в требования к надежности и безопасности сложных промышленных объектов, в требования к безопасности персонала. С учетом итогов расследования станция будет восстановлена. Эвенкийская ГЭС, о которой пойдет речь сегодня, это объект, находящийся на стадии инвестиционного замысла – предпроектной стадии, когда основное внимание сосредоточено на обосновании необходимости ее создания и оценке влияния проекта на окружающую среду. Ранее Президент в ежегодном послании Федеральному Собранию говорил о необходимости развития гидроэнергетики и строительстве крупных гидроэлектростанций в Сибири и на Дальнем Востоке. События на СШГЭС, когда энергосистема потеряла почти четыре с половиной ГВт мощности, еще раз показали, насколько важно иметь резерв в энергосистеме. Об этом Премьер-министр Путин говорил на заседании Правительства, посвященном обсуждению Энергетической стратегии России до 2030 г.: «...важно снимать инфраструктурные ограничения, прежде всего в энергетике. Проект «Стратегии» предполагает, что к 2030 г. резерв мощности в энергосистеме страны должен быть где-то на уровне 17 %, при этом мы обязательно должны менять структуру энергобаланса за счет увеличения доли энергии, полученной с использованием возобновляемых источников, прежде всего гидроэлектростанций. Это позволит обеспечить надежную работу энергосистемы, создаст условия для развития отечественной промышленности, обеспечит энергонезависимость страны, позволит решить геополитические задачи».

Проект [строительства Эвенкийской ГЭС] был включен в одобренную Правительством РФ Генеральную схему размещения объектов энергетики до 2020 года. Многие здесь помнят – мы приезжали в июле, проводили слушания по Техническому заданию, которое здесь обсуждалось ранее. Сегодня мы много нового узнали, что позволит ответить на ваши вопросы. Надеюсь, у вас уже появились вопросы. Мы получили достаточно много мнений: как против строительства ГЭС, так и «за». Это еще раз говорит о том, что вопрос очень важен, как для населения района, так и для страны. И не зря мы занимаемся тем, что изучаем. Благодарю вас за то, что вы все пришли и благодарю администрацию за организацию слушаний на высоком уровне. Дальше продолжат мои коллеги, которые будут говорить о процедуре и о результатах научных исследованиях, которые проводились.

Мукто И.В. Слово предоставляется Третьяк Наталье Юрьевне, главному эксперту Департамента проектно-изыскательских работ ОАО «РусГидро».

Третьяк Наталья Юрьевна. Презентация доклада (отсутствует).

Прежде чем начать говорить об ОВОС, я бы хотела заострить ваше внимание на том, на какой стадии находится этот проект. Существует три стадии проектирования: 1. обоснование инвестиций, 2. проект и 3. рабочая документация. На стадии «Обоснования инвестиций» принимается решение об основных параметрах объекта, оценивается влияние проекта на окружающую среду и человека, предварительно оценивается стоимость объекта. На стадии «Проект» происходит детальная разработка обоснованного на предыдущей стадии решения. Проект проходит государственную экспертизу, которая проверяет соответствие проектных решений установленным нормам и правилам. После положительного заключения Государственной экспертизы начинается строительство и на этой стадии начинается рабочее проектирование – очень детальное проектирование – узлы, соединения и т.д. Сейчас мы заканчиваем стадию «Обоснование инвестиций». Для этой стадии разработан ОВОС: научные исследования по всем аспектам социальной среды (демография, социальные условия проживания, этнические особенности) и окружающей среды (атмосфера, вода, почвы, растительный и животный мир). Эти исследования проводились учеными научно-исследовательских институтов отделений Академии наук Сибири. Сегодня представители этих институтов присутствуют здесь, чтобы квалифицированно ответить на все ваши вопросы. Кроме документа ОВОС, российским законодательством узаконена процедура ОВОС. То есть мы должны довести до общественности всю информацию по проекту и доложить вам о результатах проведенных исследований. Первый приезд к вам в рамках реализации этой Процедуры ОВОС состоялся в апреле 2008 г. когда мы рассказывали вам о наших намерениях начать процедуру ОВОС. Второй раз мы встречались с вами в июле 2008 г. для обсуждения ТЗ на ОВОС. По вашим замечаниям (около 60) техническое задание было откорректировано и по нему начали свои исследования НИИ. Теперь мы встречаемся в третий раз и хотим доложить вам о предварительных результатах проведенных исследований. Я еще раз хочу заострить ваше внимание, что сегодня мы будем обсуждать первую редакцию ОВОС (она официально так и называется – Предварительный вариант материалов ОВОС). Почему так? Потому что это не окончательный документ, вы его изучили, сейчас вы будете критиковать этот документ. Давать свои замечания, комментарии. И по вашей критике, замечаниям и предложениям мы будем дорабатывать эту первую редакцию ОВОС.

Львовский Владимир Анатольевич, заместитель главного инженера – начальник ОПП ОАО «Ленгидропроект». Презентация доклада (отсутствует).

Мирзаев Андрей Яковлевич, начальник отдела водохранилищ и охраны окружающей среды ОАО «Ленгидропроект». Презентация доклада (отсутствует).

Вопрос. Агеев Александр Николаевич. У меня такой вопрос: здесь, в вашем труде, не прозвучала оценка экспертизы Сибирского отделения Академии наук 1988 г. В частности, там затронуто три момента, которые рекомендовано в дальнейшем, при разработке ТЭО, рассмотреть более детально. Первый вопрос – исключить полностью уровень НПУ 200 м, даже не рассматривать больше, а у вас тут об этом даже не слова. Второй – с нижним бьефом разобраться, с этими паводками, вплоть до проведения опытных работ, их опробовать на существующих станциях, и только после этого рассматривать отметки НПУ 140 метров и 110 м. И третий вопрос – какая лесосводка рекомендуется. Там была полная лесосводка. У вас вообще там все затапливается, кроме мизера, который вырубается, вот такие вопросы, кто ответит?

Ответ. Иванов Виталий Михайлович, главный инженер проекта по водохранилищам ОАО «Ленгидропроект». Спасибо за вопрос. Первое – по отметкам. Диапазон смотрелся исходя из современных условий. Да, отметки смотрелись в диапазоне от 120 до 210 м и 200-ая отметка предъявлена на обсуждения и выбрана как основная для анализа в рамках оценки воздействия. По экономическим показателям это оптимальный вариант, по социальным, по природным воздействиям – это на данный момент рассматривается как вариант

максимальный и наиболее жесткий. Это один из принципов, заложенных в действующее природоохранное законодательство: рассматривать на этом этапе наиболее жесткий сценарий воздействия на окружающую среду, в том числе как природную, так и социальную составляющие. Если будет принято решение о других отметках, имея тот исходный материал, можно работать по той отметке, которая будет выбрана по природным и социальным условиям. Далее, по второму вопросу, по нижнему бьефу: Андрей Яковлевич Мирзаев, здесь на нижнем бьефе не столь сильно останавливался, как это обсуждалось вчера на слушаниях в с. Туруханск, потому что для них это наиболее актуально, они в зоне воздействия нижнего бьефа. Исследование по техническим решениям: выполнялось в свое время моделирование, еще ВНИИГ Веденеева [АО «Всероссийский научно-исследовательский институт гидротехники имени Б.Е. Веденеева», входит в структуру «РусГидро»] делал. Сейчас было рассмотрено более 24 конструкций плотины и конструктивных решений, в том числе с разными условиями сброса воды: только через донные отверстия, через поверхностный водосброс, в сочетании тех и других. На данный момент выбраны три варианта, которые наиболее надежны, они имеют примерно близкие экономические показатели. В дальнейшем – если будет стадия проектирования, естественно, будет решаться этот вопрос с привлечением специалистов, ведущих ученых, не только «Ленгидропроекта», но и науки, которая работает на этих объектах, и проводит модельные испытания. Этот вопрос никуда не упущен. Говорилось уже, что река [Нижняя] Тунгуска уникальная в этом плане, что большие расходы, этому вопросу уделялось большое внимание. Третье – по лесосоводке. Вариант полной лесосводки, когда из зоны водохранилища может быть вывезена товарная древесина порядка 21,7 миллиона куб. метров. Он тоже прорабатывается. Но ситуация такая: во-первых, влияние лесосводки неоднозначно, так как в криолитозоне идет нарушение почвенного покрова, здесь скрывать нечего. Экономически – свodka 1 куба леса и доставка его хотя бы в устье Нижней Тунгуски [обойдется], как минимум, в 7 тыс. рублей за 1 м. куб. Рыночная цена этого леса, к сожалению, в разы ниже. Но по поводу лесных ресурсов. Сейчас в ОВОС предусмотрены мероприятия на 222 тыс. га по содействию лесовозобновлению на других территориях, это первое. И второе – из зоны затопления предлагается взять 4,5 млн куб. леса, на участках, где это позволит минимизировать как затраты, так и влияние на природу. Так как лесовозные дороги и другие воздействия нужно учитывать на этих участках, безусловно, до того, как они будут затоплены. Вот, еще Александр Сергеевич Шишкин, заместитель директора Института леса им. Сукачева, добавит.

Комментарий. Шишкин Александр Сергеевич. Лесосводка обосновывается качеством воды водохранилища. Сейчас доказано по всем данным, что полная лесосводка дает только 3 % загрязнения, смысла в таких тратах на полную лесосводку нет. При лесосводке разрушается мерзлота, из нее потом гораздо больше будет идти органики и качество вод из-за этого ухудшится.

Шум в зале

Мукто И.В. Давайте не будем перебивать, сказали – сказали. Следующий вопрос задавайте, пожалуйста. Одного человека мы «загоним» и он уже не будет отвечать.

Вопрос. Увачан Станислав. Я бы хотел уточнить – проводись ли исследования результатов подземных ядерных взрывов? Четырех ядерных взрывов, три из которых попадают в зону затопления. Были ли проведены какие-то экспертизы? Мы же знаем, как это все делалось в начале 70-х годов: мешок цемента, две лопаты песка – и все. Если там что-то было, ядерные отходы вылетят – мало не покажется. Чернобыль будет в ауте.

Ответ. Ильичев Вячеслав Алексеевич, к.х.н., ведущий научный сотрудник ОАО «ВНИПИПромтехнология». Я представляю институт «ВНИПИПромтехнология», сейчас корпорация РосАтом, ранее Министерство атомной энергетики. Институт занимался проведением всех ядерных взрывов в Советском Союзе, как военных, так и мирных, исследованием радиационной обстановки во время взрыва и после взрыва, и всех тех последствий, т.е. взрывных полигонов. Эта работа продолжается и сейчас нашим институтом. Привлекались к этому радиевые институты, Институт геофизики Академии наук, медиков и т.д. Все четыре

взрыва, которые здесь проводились, были камуфлетные, выхода радиоактивности не было абсолютно никакого, выхода активности не ожидали. Скважины цементировали полностью, от точки заложения до устья скважины на поверхности. Цемент все-таки разрушается, поэтому на двух ближайших скважинах бралась на анализы вода из зоны взрыва. На двух скважинах появилась вода, которая содержит 600 беккерелей трития (норма – 7 600 беккерелей на литр), то есть в 12 раз меньше нормы, но скважины нужно «лечить». Никакого воздействия на выход водохранилища не будет. Если мы всю активность извлечем и сбросим в водохранилище, активность будет ниже допустимой нормы (7 600 бкр/литр). Лопатой никто ничего не закидывал. Объект наблюдался и наблюдается сейчас. У вас обследовался поселок, по всем дорогам ездили товарищи, средняя мощность – 9 микрорентген в час, на месте 11 микрорентген в час, в Красноярском крае в среднем 15–17 микрорентген в час. Загрязнения грунта, растительности в районе проведения взрыва не обнаружено, отбирались пробы всего, что только можно, техногенных радионуклидов нет.

Мукто И.В. Спасибо, следующий вопрос.

Вопрос. Ковалев Алексей Васильевич, охотовед. Почему-то нам сейчас предоставили данные о вреде землям, в том числе землям с/х назначения, [но] там не было информации об оленьих пастбищах, которые неминуемо уйдут под воду. Почему кто-то не считает эти земли землями сельхозназначения. Я не против Института леса, который якобы проводил какие-то исследования в области охотничьего хозяйства, но почему-то более уважаемые охотничьи организации, например, Институт охотничьего хозяйства и звероводства в Кирове, к этому моменту не привлечен, и у меня много вопросов об ущербе угодьям в связи со строительством ГЭС.

Аплодисменты в зале

Ответ. Стрижова Татьяна Алексеевна. Оценка ущерба оленьим пастбищам, охотничьим угодьям и промысловым животным проводилась на современных данных 2008 г., представленных как раз кировским институтом. Во-первых, в настоящее время все оленьи пастбища не выделены в отдельную категорию и относятся к землям лесного фонда. Тем не менее, все пастбища были выделены и откартированы. Удалось восстановить тот пастбищный резерв, который существовал [до] 1989 года и который сегодня. Часть архивов утеряна при объединении ЭАО [Эвенкийского автономного округа] и Красноярского края. Все карты мы восстанавливали по беседам с охотниками, часть по данным статистики и т.д. Если до 1989 г. здесь выпасалось до 30 тысяч оленей, то сейчас в окрестностях села Туточнаны выпасается небольшое стадо родовой общины «Гугара» и стадо в окрестностях села Нидым. Эти оленьи пастбища также учтены. Несомненно, если потребуется, то ущерб оленеводам будет компенсироваться.

Комментарий. Шустройская Светлана Сергеевна, преподаватель. Я, правда, живу здесь мало, но приехала сюда, т.к. Эвенкия – чистейший, с экологической точки зрения, регион России. Я приехала жить и работать, меня эта местность очаровала. Когда я услышала о создании Эвенкийской ГЭС, народ местный волнуется, я прислушалась к мнению. Мне пришлось встретиться с другими людьми, уважаемыми, защитниками природы, экологии. Думаю, что выражу мнение большей части населения. Я приехала сюда не просто так, я приехала жить и работать. Меня волнуют не олени, я их пока еще не видела, а здоровье местного населения. Я уже побывала в местной больнице, обратила внимание на информацию, что большое количество людей уже больны сейчас, на данном этапе. Болеют легочными заболеваниями, достаточно распространен туберкулез, при условии, что экосистему никто не нарушал. Но я считаю, что открытие Эвенкийской ГЭС – это принесение в жертву жителей Эвенкии во имя обеспечения электроэнергией, которая пойдет в другие регионы. Мы работаем в школе, учим детей, а зачем же мы тогда говорим о патриотизме, зачем мы говорим о сохранении окружающей среды, если своим молчанием соглашаемся на уничтожение Эвенкии. Такого красивого места больше нигде не найдешь. Хорошо, говорили о хозяйственной стороне, как это хорошо и что принесет. Но я уже человек, которому не 20 лет и не 30 лет, и прекрасно понимаю, что хозяйственная деятельность не всегда идет

по-хозяйски. Мы все знаем – бесплатный сыр только в мышеловке. Я не думаю, что здесь все будет процветать. Для того, чтобы поднять здоровье местного населения, уж никак не идет на пользу, если все затопится водой. Сами сказали, что поднимется уровень туманов, то есть вместо сухой зимы будет сырая зима, а что останется потомкам, а будут ли эти потомки? Ведь недаром каждое лето стараются уехать из региона, чтобы поправить свое здоровье. А потом не поможет никакая больница. Я считаю, что нельзя допустить, чтобы вымер народ, нужно сохранить малые народы Крайнего Севера и других жителей Эвенкии. Народ будет дряхлый, хилый, если не будет здоровья, не будет никакого процветания, а если уничтожить – то, простите, это пахнет геноцидом.

Мукто И.В. Вопрос был длинный, но я понял, что ее заботит здоровье населения.

Аплодисменты в зале

Ответ. Андреева Любовь Егоровна («Ленгидропроект»). Хотелось бы сказать несколько слов о влиянии на здоровье населения. Во-первых, как уже рассказывали, исследованием занимался Новосибирский НИИ гигиены, не в первый раз и не на первом объекте и выводы о влиянии следующие: во-первых, воздействие качества воды на здоровье населения при создании водохранилища и некоторые изменения качества воды практически не влияют на здоровье, поскольку при создании ГЭС для населения организуется централизованное водопользование и соответствующая водоподготовка и очистка воды. Второе, воздействие микроклимата значительного влияния на здоровье иметь не будет, как отмечалось в докладе, основные изменения происходят в узкой прибрежной полосе водохранилища, 400 м полоса – максимальное воздействие. При создании такого водохранилища – узкого, каньонного типа, воздействие на микроклимат незначительно, а тем более в зимний период, когда река и водохранилище будут покрыты льдом. На несколько процентов изменится летняя влажность воздуха, на 1,6 градуса температура. Такие изменения не влекут значительного воздействия. По суровости погоды – регион относится к суровым, но микроклиматических изменений по категории суровости погоды не будет.

Вопрос (вопрос с места). Вы читали отчет?

Шум в зале

Мукто И.В. Подождите.

Ответ. Андреева Любовь Егоровна. Я вам говорю о медицинских вопросах, а не о всех остальных рассуждениях НИИ Гигиены.

Комментарий. Староворцева Марина Владимировна. Хотя у нас и вопрос и ответ, но некоторые ответы нужно комментировать, потому что они немного неточны. Есть «Заключение» НИИ Гигиены – прогноз строительства Эвенкийской ГЭС не имеет положительного потенциала обеспечения санитарно-эпидемиологического благополучия населения Эвенкии. Вот это заключение.

Аплодисменты и шум в зале

Мукто И.В. Я вас попросил уважать друг друга, даже если вам кажется, что вас обманывают. Я сейчас выступаю как житель поселка Тура. Когда повышается влажность, повышается уровень заболевания бронхо-легочной системы. Учитывая то, что наше население подвержено этим заболеваниям, высока вероятность риска. К пневмониям, бронхиту и прочим добавится бронхиальная астма. Вот и все. Это я серьезно говорю. Если сдвигается на 2 недели время замерзания реки, то погода будет холодная, но парить будет. Это я вам говорю как житель поселка Тура, дальше думайте сами, все, спасибо.

Аплодисменты в зале

Вопрос. Репин Вячеслав Викторович (Председатель молодежно-общественного движения «За будущее Эвенкии»). Здравствуйте, участники общественных слушаний. У меня три небольших вопроса. Первый вопрос: в ОВОС указано, что проводились какие-то социологические исследования, но, одновременно, официальное социологическое анкетирование показало, что 85 % высказались отрицательно о строительстве ГЭС, об этом ничего не сказано, а результаты не попали в материалы. [Второй вопрос]: в ОВОС дано отрицательное заключение по строительству плотины на 59 км от устья, зачем оно попадает в мате-

риалы ОВОС? Получается какое-то захламление материалов. Третий вопрос: в первом томе ОВОС на странице 225 написано, что «...в случае потепления климата деструктивные криогенные процессы будут развиваться катастрофически...». Поскольку потепление климата идет, то мерзлота будет таять, почему нам предлагают проект, [не исключающий] разрушения плотины, которое будет нести катастрофические последствия для Эвенкии?

Мукто И.В. Давайте по одному вопросу. Лучше сорок раз по разу, чем ни разу сорок раз.

Ответ. Стрижова Татьяна Алексеевна. Действительно, в рамках ОВОС было выполнено социологическое исследование территории, хотя нормативно-правовая база не требует проведения такой процедуры. Тем не менее, чтобы выяснить мнение жителей относительно строительства гидроузла, их взгляд на нынешнее проживание, такая процедура была проведена, и это показано в ОВОС. И действительно, мы получили данные, что 87 % жителей против строительства гидроузла. И о том, что Вы получили 85 %, известно из СМИ, это даже ниже наших данных – 87 %, поэтому мы включили свои собственные данные. Это означает, что вы подтвердили те данные, которые получили мы. Ваши данные нам не были представлены. Я ответила на первый вопрос?

Ответ. Львовский Владимир Анатольевич. В соответствии с ТЗ и законодательством, должна быть представлена вариантная разработка, именно поэтому присутствует 59 км. По техническим соображениям на предварительных стадиях всегда смотрятся несколько вариантов гидроузла. 2–3 створа, оценивали в каждом из них возможность строительства, были выполнены экономические оценки. Нами рекомендуется 120 км и это лишь вариантность и разноплановость разработки, а не захламление ОВОСа.

Ответ. Куницкий Виктор Владимирович (Институт мерзлотоведения). По данным нашего института, вопрос о катастрофичности криогенных процессов, которые могут проявиться вдоль береговой линии водохранилища в случае, если среднегодовая температура повысится на 1,5 градуса по прогнозу Воейкова: в чем катастрофичность процессов? Если мы рассмотрим берега будущего водохранилища, то 75 % берегов принадлежат к категории абразионно-денудационных, 20 % – стабильные берега и только 5 % береговой линии в льдистых породах, которые при потеплении климата будут активно разрушаться, вплоть до катастрофических скоростей. Что это за скорости – 4 метра в год? Берег может отступить на 200 метров. За 50 лет, эксплуатации водохранилища берег может отступить на 200 метров. По нашей оценке – это [не] катастрофа. Вы считаете 200 метров, это катастрофа?

Из зала: Да.

Ответ. Куницкий. Отдельные участки – 5 %, поэтому мы вкладываем это в понятие «катастрофическое».

Шум в зале

Ответ. Куницкий. Почему мы употребили данное определение? Потому что с подобными скоростями происходит разрушение льдистых берегов морей – Карского, Лаптевых, Восточно-Сибирского.

Из зала. Там никто не живет.

Ответ. Куницкий. Живут, к сожалению, живут, малочисленные народы Севера. На побережье проживают.

Вопрос из зала. На каком материале вы сделали эти выводы?

Ответ. Куницкий. Использовались геологические карты масштаба 1 : 200 000 серии «Тунгусской», там есть данные о четвертичных отложениях, и мы знаем, что ледниковые отложения в данном районе – это разновидности пород с повышенной льдистостью, по данным Игарской станции, которая здесь проводила исследования. Станция нашего института.

Вопрос из зала. А трещиноватость, трещины, какие основания?

Мукто И.В. Ты потом отдельно задай вопрос, ты сейчас начинаешь разговаривать, ты геолог.

Ответ. Куницкий. Мы рассматривали мерзлотные процессы, которые развиваются в горных породах в связи с изменением фазового состояния.

Вопрос. Канашкин Михаил Борисович, житель поселка Тура. В кратком отчете написано, что в зоне затопления формально отсутствует зона традиционного природопользования. 8 мая 2009 г. председатель Правительства РФ В.В. Путин подписал документ, [в соответствии с которым] территория Эвенкийского округа полностью отнесена к территории традиционного природопользования. У меня вопрос: Вы не согласны с распоряжением правительства?

Аплодисменты в зале

Ответ. Стрижова Т.А. Вы знаете, что исследования проводились в 2008 году, когда постановления еще не было и когда основные материалы ОВОС были завершены и переданы Заказчику и соисполнителям для уточнения. Мы сочли некорректным указывать в ОВОС одно, а в Резюме другое. Мы знаем об изменениях законодательства и отслеживаем его изменение. Мы указали, что это [законодательная] база несовершенная и об этом писали. Мы отслеживаем изменения законодательства.

Из зала. Вы нам солгали?

Ответ. Стрижова Т.А. Нет, мы вам не солгали. И сейчас идет подготовка и развитие нормативно-правовой базы, и вносить ежемесячные изменения мы в отчет не можем. В 2008 г. этого постановления не было, идут постоянные изменения нормативно-правовой базы. После этих слушаний раздел по нормативно-правовой базе будет откорректирован в этом отчете.

Мукто И.В. Господин Беляков, у Вас есть вопросы? Я вижу, что уже идут. Уступите место девушке.

Вопрос. Александрова Екатерина. После сегодняшнего представления, я не поняла экономическое обоснование, не поняла, [почему] именно Эвенкийская ГЭС нужна сегодня стране? Говорите, энергия пойдет в другие территории, то есть это Тюмень. Если у вас обращение тюменских нефтяников, которые хотят нашу энергию, [то] наша страна большая и почему, если Тюмени нужна энергия, не найти место, где можно построить ГЭС? Второе: у нас есть печальный опыт строительства Богучанской ГЭС, 30 лет продолжается строительство, сегодня жители страдают от последствий долгостроя, минимальные компенсации не оправдываются, потому что 20-тилетние страдания жителей ничем не компенсируются. Корпорация строит производственный объект, что касается социальной инфраструктуры – это дело относится к государству, а государство говорит, [что] у него не хватает бюджетных средств, на этом основании население не получает то, что вы сегодня красиво так обещаете. Будет построено, то и то, а кто это будет строить? «РусГидро»?

Мукто И.В. Не нужно с места кричать, давайте уважать друг друга.

Ответ. Бычко Михаил Александрович (Департамент проектно-изыскательских работ Дивизиона Сибирь ОАО «УК ГидроОГК»). Что касается передачи электроэнергии в Тюмень, мы же работаем не в расчете на то, что завтра придут строители и начнут строить, мы же работаем на далекую перспективу, при прогнозе электропотребления учитываются те данные, которые мы получаем из института «Энергосетьпроект», ФСК, Министерства энергетики. И естественно это процесс живой, он корректируется – потребление падает, мы выходим из кризиса, президент говорит, потребности растут. Это далекая стадия, далеко до точки принятия решения о строительстве. Мы должны иметь пакет проектов, которые будут готовы к реализации. Может, к тому моменту, допустим, [важнее будет] строить не Эвенкийскую ГЭС, а, вероятней всего, Нижне-Курейскую, а может быть, Мотыгинскую и др. Что касается проекта Богучанской ГЭС. В 2006 году компания «РусГидро» вошла в этот проект в партнерстве с компанией Русал. До этого мы не занимались этим объектом. Мы начали её строить в 2006 году, и у нас были разногласия. Вы читаете прессу, следите за новостями. После катастрофы на Саяно-Шушенской ГЭС премьер-министр как первоочередную поставил задачу о введении [Богучанской] станции в срок, в 2010 г. Были проблемы с

графиком. Мы наверстываем то, что могли упустить, и пустим в тот срок, который указан в постановлении. Нет сейчас проблем с финансированием. Я ответил на ваш вопрос?

Шум из зала. Компенсации населению.

Ответ. Бычко Михаил Александрович. То, что касается подготовки инфраструктурных объектов зоны водохранилища, за это несет ответственность [Красноярский] край. У краевого правительства [на это] заложены в бюджете средства.

Вопрос. Беляков Владимир Александрович. Первое, с чего начнем. В прошлом году, когда здесь уже заседали, я задал один вопрос: когда рассматриваются такие глобальные проекты, берется альтернатива, нам объяснили, что это на стадии обоснования инвестиций, то есть сколько это стоит и сколько нужно денег. Почему альтернативой не рассмотрели угольную промышленность Канско-Ачинска? В деньгах, скажите, сколько стоит 12 агрегатов и сколько стоит ГЭС? Вы мне в деньгах скажите? Вы делаете обоснование инвестиций, сколько нужно денег, вопрос отпадет, заданный год назад. Вы не ответили на вопрос, заданный год назад.

Шум из зала

Ответ. Львовский Владимир Анатольевич. Может, это не очень отчетливо прозвучало, но сравнение эффективности производства электроэнергии на ГЭС и тепловой станции [приводилось].

Вопрос. Беляков Владимир Александрович. Вы ответьте, сколько это стоит? Давайте не будем. Эффективность – это другая тема. Я спрашиваю – сколько это стоит? Ответьте конкретно на вопрос.

Ответ. Львовский Владимир Анатольевич. Объект стоит порядка 600 миллиардов.

Беляков Владимир Александрович. Сколько стоит 12 узлов ТЭЦ?

Ответ. Львовский Владимир Анатольевич. 12 агрегатов ТЭЦ стоит, возможно, дешевле.

Вопрос. Беляков Владимир Александрович. Вы мне скажите, сколько это стоит? Мы сейчас обсуждаем сколько это стоит.

Ответ. Львовский Владимир Анатольевич. Мы обсуждаем ОВОС, который является приложением к обоснованию инвестиций.

Аплодисменты

Вопрос. Беляков Владимир Александрович. Короче. Я не прав?

Из зала. Прав, прав.

Вопрос. Беляков Владимир Александрович. Пример обмана населения. Мне не дают сейчас говорить.

Аплодисменты

Мукто И.В. Выступления потом.

Вопрос. Харченко Мария. Добрый день, я ученица Туринской средней школы и от лица детей хочу спросить тех, кто хочет построить эту электростанцию: почему мы должны терять свою малую Родину, чтобы европейская часть жила лучше нас?

Аплодисменты

Из зала. Выгонять их нужно отсюда.

Мукто И.В. Тамара, не устраивай клоунаду. Я тебе говорю, не устраивай клоунаду, здесь общественные слушания, а не цирк.

Из зала. Дети меня поддержат.

Ответ. Иванов Виталий Михайлович (ГИП по водохранилищам). Во-первых, по поводу того, почему нужно в Тюмень что-то давать, когда в Эвенкии нет. Или вы хотели спросить, почему вы должны лишаться своей территорией ради Тюмени?

Комментарий. Мукто И.В. Вопрос был задан так: почему ради кого-то, ради чего-то [мы] должны терять свою малую родину?

Ответ. Иванов Виталий Михайлович. Вопрос [уже] пытались осветить выступающие товарищи. Проблема в том, что России для развития нужна энергия, чтобы РФ сохраняла свою роль как государство. Мы рассматриваем предложение, что объект «Эвенкийская

ГЭС» – это экономически эффективный объект, все материалы будут переданы и решение будет приниматься взвешенное по всем параметрам. Второе, я бы хотел сказать, вот ученица, наверное, уже старших классов. Сколько старших сестер братьев возвращаются после учебы? Хорошо у них с работой здесь?

Выкрики из зала: Да, хорошо.

Ответ. Иванов Виталий Михайлович. Социологический опрос показал другие несколько данные по тому, какая удовлетворенность современным состоянием жизни. По здоровью сказано, что показатель по туберкулезу, к сожалению, настолько страшный, что его озвучивать никто не решается. Решать эту проблему нужно, независимо от того, будет проект или нет. Если будет строительства, мы готовы включиться в эту проблему, если нет – готовы отдать все материалы. Нужно искать выходы из этой проблемы.

Выкрики из зала

Комментарий. Мукто И.В. Не надо с места кричать. Я говорю не для того, чтобы кого-то приподнять или затопить. По туберкулезу: это социальное заболевание, в Красноярском крае заболеваемость превышает среднестатистические нормативы в 2,5 раза. Особые условия, холодный климат, большое количество зон и та обстановка, которая у нас была начиная с 90-х годов. Все отлично это знают, это хорошо на здоровье не повлияло. Давайте не будем сравнивать с Норвегией и Швецией. Африка – туберкулез, то же самое, это проблема социальная и туберкулез там тоже. Давайте не будем передергивать немножко. Я хотел бы дать слово Марине Шевченко. Их рабочая группа вышла с инициативой провести анкетирование, так как народ устает и все больше начинается брожение.

Шевченко Марина Сергеевна Уважаемые участники общественных слушаний! Рабочая группа по организации и проведению общественных слушаний в поселке Тура приняла решение об анкетировании участников общественных слушаний с целью определить отношение жителей поселка Тура к предлагаемому проекту строительства Эвенкийской ГЭС. Анкетирование граждан будет проведено сегодня, то есть сейчас, 18 сентября 2009 года, в поселке Тура, во время общественных слушаний по предварительному варианту «Материалов оценки воздействия на окружающую среду» Эвенкийского гидроузла. В анкетировании принимают участие участники общественных слушаний, анкеты раздаются членами рабочей группы, в случае, если участник допустил ошибку, он вправе обратиться с просьбой к членам рабочей группы выдать новую анкету, взамен использованной. Заполненные анкеты сдаются членам рабочей группы и итоги подводятся и озвучиваются во время процедуры ОС.

Мукто И.В. После процедуры ОС.

Шевченко Марина Сергеевна. После процедуры. Наша рабочая группа просит включить результаты в протокол ОС. Сейчас члены рабочей группы пройдут и раздадут анкеты по рядам. В таком же порядке они их соберут.

Вопрос. Беланин Виктор Николаевич. Здесь присутствуют многие, кто был на прошлых публичных слушаниях, когда мы обсуждал проект технического задания на ОВОС. Как вы помните и не дадите мне соврать, тому совещанию предшествовала публикация в газете «Эвенкийская жизнь», где от имени «РусГидро» была заявлена информация, что миллионы и миллионы получают местные бюджеты. Тогда я попросил разработчиков и тех кто будет заниматься ОВОС, не вводить в заблуждение местное самоуправление и разъяснить нам в ОВОС уровни и объемы налогов. Сейчас я в резюме читаю, что налоговые поступления коренным образом улучшат структуру бюджетов Эвенкийского и Туруханского района. Сколько все-таки получит бюджет Туры в период строительства и эксплуатации? Если можно, к одному году приведите.

Ответ. Иванов Виталий Михайлович. Этот вопрос был услышан, ему было посвящено специальное исследование, были проштудированы Налоговый и Бюджетный кодексы, выполнены оценки по тому, какие виды платежей осуществляют строящиеся гидроузлы в настоящее время и что положено по законодательству. Еще раз озвучу те цифры, которые были включены в материалы ОВОС во 2-й книге. За период строительства ожидаемая вели-

чина налоговых платежей – 35 млрд рублей, что по распределению эти налоги включают как краевую долю, так и долю муниципального района и, собственно, долю муниципальных образований. Введена статья 58-я в Бюджетном кодексе с 01.01.2009, в соответствии с которой указано, что доходы, которые поступают в консолидированный бюджет региона, но заработаны на территории муниципального образования, могут до 100 % быть перечислены в бюджет муниципального образования. Задача перераспределения этих сумм – задача не наша, а законодательной власти, власти краевой и вашей муниципальной власти. По эксплуатационному периоду суммы значительно больше, поступления от объекта при 49 млрд киловатт часов: он платит налог на прибыль, массу других платежей, в том числе амортизационные платежи: было озвучено 600 млрд рублей, по нормативу стоимость амортизации 2,2 %. В частности, например, если исследовать стоимость земель [которые пойдут на объекты] энергетики на территории ЭМР, то под гидроузлом земли будут давать району 67 млн в год, это одна из тех составляющих, не самая большая, зато стабильная. Естественно, крупная составляющая – подоходный налог. Понимаете, 10 тыс. человек в период строительства будут работать не за 5–6 тысяч и 2 тыс. в период эксплуатации. Собственно на ГЭС [будет] 900 сотрудников, они будут получать заработную плату, отчисления от подоходного налога будут идти в бюджет.

Комментарий. Виктор Николаевич Беланин. На вопрос вы мне не ответили, сколько в бюджет Туры?

Мукто И.В. Тут же было сказано про бюджет, считай. Про налоги поговорили, почему строится ГЭС, про соцпрос и здоровье поговорили, про что еще вопросы?

Вопрос. Владимир Тимофеевич. Мое детство прошло на берегах [Енисея]. До появления Красноярского водохранилища были стабильные снеговые покрытия, были снега и мы катались на лыжах, сейчас территория, прилегающая к Красноярскому морю, не имеет снежного покрова, нет снега, лыжи не покупают. Вот этот вопрос рассматривают?

Ответ. Ефимов Владислав Сергеевич. Я житель Дивногорска, у меня лыжи есть – как горные, так и беговые. Все нормально на территории.

Вопрос. Владимир Александров. Мы все ждем баржу, ждем продукты, нету воды, а как же потом будут баржи ходить. Самолеты все будут возить? Зарплату нам никто не подымет, северные не добавит, я ничего не выигрываю, если появится ГЭС. Я только буду платить за свой счет, если только не появиться 80 % надбавки от РусГидро. ГЭС будет стоять за мой счет, кто-то будет на перевалке зарабатывать. А я буду терять. В данный момент ваши впечатления – вы заходили в магазины? И как будет потом, будет дешевле или еще дороже? Мы прослушали, как будет здесь прекрасно жить, давайте посмотрим, что у нас будет. По схеме доставки грузов. Судоходство будет дорогое, нас нерентабельно здесь держать. Мы лишаемся всех поселков по Эвенкии, даже если они будут перенесены на высокие неблагоприятные отметки, по схеме доставки грузов: зимника мы лишаемся, север мы теряем. Судоходства мы лишаемся, нас просто нерентабельно будет здесь содержать. Мы теряем Илимпию, как здесь будет?

Ответ. Иванов Виталий Михайлович. Вопросами водного транспорта занимался «Легипроречтранс». По Енисею судоходная глубина сохраняется. На участке от Тунгуски до створа: определенные проблемы будут от устья до створа в начальный период строительства – для решения [этой проблемы будет] строиться автодорога (120 км). На створе перевалка [грузов] предусмотрена обязательно, рассматриваются вопросы о включении затрат по перевалке в тариф, далее предусмотрены затраты в смете на обоснование инвестиций [для] приобретения флота всех видов. Предусмотрено строительство причальных сооружений в сельских поселениях. Так как флот будет составлять несколько десятков единиц, около 36 единиц, то, естественно, ремонтная база, как на створе, так и в Туре. Затраты в смету заложены. Сейчас у вас стоимость северного завоза всего в 3 раза дешевле, чем самолетом. При нормальной воднотранспортной схеме разница на порядок, как минимум. По данным Енисейречфлота, у вас гарантия – 26 дней, мы знаем, что сейчас не может пройти Большой порог судно. При создании водохранилища 110–140 дней [будут] пригодны для плавания,

безусловно. По зимникам – ситуация никоим образом не меняется, на водохранилище и на притоках из-за снижения скоростей течения лед будет более толстый и надежный. Льда не будет в нижнем бьефе на участке нескольких десятков километров. Кислокан и Юкта сдвижку стоков не ощутят. Здесь работают две вещи: с одной стороны, уменьшаются скорости, с другой – увеличивается объем воды.

Мукто И.В. Какова будет транспортная схема? Я, честно говоря, не понял. Простите меня, у нас два способа доставки: это зимник и речфлот. Авиация привозит определенные виды продуктов. У нас зимник: сдвигается время замораживания, на 2–3 недели укорачивается зимник, начинает развиваться малый флот. У нас основное время только зима, как это будет работать? У нас основное время года это зима – как будут работать зимники?

Ответ. Иванов Виталий Михайлович. Две недели задержки не влияют на зимники, зимники работают в декабре. По перевалке, еще раз – доставка по Енисею, до 120 км, как сейчас есть проблемы – суда проводят туером. Будет другая проблема – [перевалка], разгружаться груз. Этот груз можно будет везти не 2–3 недели. С конца июня по сентябрь – октябрь можно будет возить и спокойно это доставить.

Мукто И.В. Увеличиваются сроки навигации.

Вопрос. Попов Владимир Владимирович, пенсионер. Я второй год наблюдаю эти слушания, наша администрация и представители «РусГидро» обходят один вопрос стороной. По законодательству есть одно мероприятие, итоги которого обязательны к исполнению. Мне бы очень хотелось, чтобы сейчас был проведен референдум.

Из зала. Этот вопрос на референдум мы не вправе выносить. Это не вопрос референдума.

Ответ. Бокова Лидия Алексеевна. Есть федеральный закон, есть закон Красноярского края о местном референдуме, мы вынуждены Вам отказать. На референдум вопросы о строительстве ГЭС не выносятся. Вот общественный опрос, публичный вопрос, анкетирование.

Мукто И.В. Давайте так, мы сами с собой не будем спорить, а будем задавать вопросы заказчику.

Вопрос. Гаврат Евгений Павлович. Дело в том, что нашей Туре 85 лет, мы потихонечку строили, строили, наши дети учатся в новой школе, лечатся в больнице. Вопрос: кто потом построит все данные объекты и те объекты, куда мы лично вкладывали свои средства, кто построит и в течение какого периода будет построено и чьи это будут финансирования?

Аплодисменты

Ответ. Иванов Виталий Михайлович. Строительство такое будет выполнено, если это понадобится в рамках подготовки зоны водохранилища, деньги федеральные, руководить строительством будет [Красноярский] край, будет закон по этой теме, без закона ничего не будет, потери все будут, безусловно, возмещены, по нормам, которые есть. Если у вас по факту есть превышение, тогда по факту, это предусмотрено в смете. Предполагается строительство, от начального периода строительства до решения о заполнении водохранилища строить будут в том числе ваши люди. [Но] этих людей просто не хватит.

Вопрос. Атоловиченко Людмила Афанасьевна. Нас всех собираются затопить, лично я хочу задать такой вопрос, а как вы поступите с нашей памятью? Я имею в виду захоронения родных и предков. Вот, вывезенные отсюда, за 1000 км, мы уже не сможем следить и ухаживать за могилами, а затопленные могилы – это попрание нашей памяти.

Аплодисменты

Ответ. Иванов Виталий Михайлович. Память бесценна и это вопрос, который не в наших силах решить. По санитарным нормам предусмотрены все мероприятия, по законодательству вопросы захоронения отданы на муниципальный уровень. Куда и кого перенести – это будет решаться муниципальными органами и дирекцией, которая будет создана для подготовки водохранилища. Это будет решаться по каждому захоронению в соответствии с законодательством. И санитарными нормами.

Вопрос. Крейндин Михаил (Общественная экологическая организация «Гринпис России», г. Москва). Я хотел бы услышать ответ на самый первый вопрос, который был здесь

задан. Я его еще раз продублирую – вопрос о выводах экспертной комиссии, экспертизе, которая была проведена Сибирским отделением АН в 1988 г. Чтобы не быть голословным, я хочу зачитать, что написано в резюме нетехнического характера на стр. 9–10: «Экспертная комиссия после всестороннего изучения пакета проектной документации выделила ряд замечаний к ТЭО... рекомендуется усилить социальную компоненту в ТЭО». Постановление Президиума [Сибирского отделения] АН от 11 сентября 1988 г.: указано, что «НПУ 200 метров из рассмотренных ТЭО следует исключить». Почему эти выводы, а также другие замечания комиссия не отражены в материалах ОВОС?

Аплодисменты

Ответ. Иванов Виталий Михайлович. В рамках ОВОС мы брали отметку 200 метров именно потому, что это максимально возможное воздействие, что нам предписывается природоохранным законодательством, которое действует начиная с 1991 года (закон «Об охране окружающей природной среды»), затем 2002 г. «Об охране окружающей среды». Презумпция виновности сохраняется для всех технических проектов и принцип оценки по максимальным воздействиям сохраняется.

Ответ. Третьяк Наталья Юрьевна. Потому что по ОВОСу мы должны взять максимум, и посчитать максимальный ущерб, взяли 200 отметку и посчитали максимальный ущерб, это не значит отметка 200 будет в проекте дальше отметки 140 или 110. Мы посчитали максимальный ущерб.

Ответ. Москвичев Владимир Викторович (Красноярский научный центр СО РАН). Дорогие земляки, добрый вечер. Неоднозначно, говорю, неоднозначно мнение Сибирского отделения по поводу строительства Эвенкийской ГЭС, что вынудило меня встать и сказать. Да, по поводу Туруханской ГЭС Сибирское отделение высказалось категорически отрицательно. [Но] энергетическая безопасность России – глобальный вопрос, вопрос не жителей даже Туры, так скажем. Поймите, я, как человек, родившийся на Сибирской территории, родившийся в районе Туруханского района – я против, как чиновник, понимающий и принимающий в каком-то смысле решения, я скажу, [что] этот вопрос подлежит очень тщательной проработке. Сейчас тот вариант ОВОСа, который предоставлен, очень слабый, 100-процентно слабый. Жители задавали правильные вопросы, на них нет ответа в ОВОСе. Нужно дать определенное время людям, которые этим занимаются. В силу должностных обязанностей и в силу профессиональных интересов, прекрасно знаю про взрывы, про рыбное хозяйство, дорогие мои друзья, если не дать людям нормально сделать это – тоже будет неправильно. Мы заложники определенной ситуации. Мы должны электроэнергетику развивать. Это тоже такие вещи, которые мы должны как-то принимать. Когда строили Красноярскую ГЭС, расчет полыньи был, что до Красноярска не дотянется, но я как житель Красноярска вижу эту полынью на 300–340 км. Что произошло с Саяно-Шушенской ГЭС – это тоже проблема, у нас же в руках был космос, атомная энергетика и гидроэнергетика. По всем позициям мы начали проваливаться. Инженерия вдруг просела, гидроэнергетики, но прогресс не остановить. Если мы не будем это делать, то мы окажемся на обочине всего процесса. Я прекрасно знаю, что такое техногенные аварии и техносфера. К слушаниям [нужно] отнестись серьезно, без шапкозакидательства. Давайте примем одно решение – что слушания состоялись, обсудили. Нужно заставить правительство наше российское, Госдуму, здесь, отсюда высказать [им] требования по совершенствованию нормативно-правовой базы по гидростроительству. Она у нас с 40-х – 50-х годов не менялась. СНиПы отменили, а технологические регламенты не ввели, поэтому тут у нас полный беспредел. Люди, которые будут проектировать будущую станцию, не имеют возможности по законодательной базе расчетов. Я непосредственно занимался аварией на Саяно-Шушенской ГЭС: очень слабое [проектирование], ошибок много. Был в Новом Орлеане, через год [там дамбу] снесло. Поэтому оценки рисков нужно требовать с представителей «РусГидро», с правительства. ОВОС они делают, а у нас нет нормативно-правовой базы для проведения ОВОС в стране, они делают ОВОС от души, пытаются нас успокоить. Юридически в нашей стране нет документа, которые регламентирует процедуры ОВОС, чтобы результаты слушаний были

доведены до правительства Красноярского края, там проблем много, масса проблем, но эти ключевые моменты нужно отразить в нашем решении. С правительства требовать усовершенствования нормативно-правовой базы. Оценки рисков нужно требовать с представителей «РусГидро» до строительства. Вот это мы должны зафиксировать в нашем решении.

Мукто И.В. Пожалуйста вопрос.

Выступление. Станислав [Отчество и фамилия отсутствует. – *Авт.*] Это войдет в протокол ОС (передает в протокольную группу Обращение). Я бы хотел зачитать заключение: «строительство ГЭС нарушит права и выбор коренного населения; в то же время строительство ГЭС не является экономически обоснованным и экологическим безопасным». Мы, жители Эвенкии, не против наращивания гидроэлектромощностей РФ, мы не противники России, но не с таким экологическим [ущербом]. От строительства ГЭС следует отказаться.

Вопрос. Паслюк Лидия Александровна, поселок Тутончаны. Я являюсь противником ГЭС, так как считаю, что Эвенкию нужно сохранить такой, какая она есть. У меня возник вопрос по переселению: вы говорили, что стоимость жилья будет компенсироваться и земли будут выкупаться, а вы знаете, что в деревнях стоимость жилья не более 150 тысяч, это максимум, а земли в собственности у нас вообще нет, мы просто на ней живем.

Ответ. Иванов Виталий Михайлович. Компенсироваться по нормам, на человека полагается 33 кв. м, на семью из трех человек другой показатель, порядка 18 метров на человека и это будет построено по той цене, по которой можно построить жилье, которое будет соответствовать климатическим нормам. Будут строить из дерева, как было испокон веков. По земле вопрос, безусловно, острый, но тут [вообще] много вопросов, опять же по охотничьим угодьям, в связи с новым законом об охоте. Предполагается создание юридической поддержки населения, чтобы они могли оформить это, будет сделана оценка в соответствии с гражданским законодательством. Вы нанимаете независимого оценщика или компании. Эти вопросы [успешно] решаются по другим объектам, например, недавно закончилось строительство в Дагестане, вы знаете, как на Кавказе относятся к земле, эти вопросы удалось решить и урегулировать, так что здесь вопросы будут решаться цивилизованно в рамках законодательства.

Вопрос. Паслюк Лидия Александровна. Еще вопрос. Во-первых, мы не менее трепетно относимся к своей земле, чем на Кавказе. Почему вы не рассматриваете альтернативные источники энергии? Солнце, ветер

Ответ. Иванов Виталий Михайлович. Вы, очевидно, не читали наших материалов. Рассмотрен вариант полного замещения станции на Канско-Ачинских углях. Там выполнены расчеты по всем видам воздействий.

Вопрос. Вы, наверное, не поняли. Я имею в виду ветер, солнце.

Ответ. Иванов Виталий Михайлович. По ветру, у нас, к сожалению, на большей части территории нет ветропарков. Эти территории имеются по побережью Северного Ледовитого океана, есть отдельные участки на Камчатке и пр. По солнцу – вы знаете, где мы живем. Евросоюз планирует вложить в Африку 4 млрд евро чтобы качать солнечную энергию из Африки.

Ответ. Морозова Ольга Григорьевна, эксперт Независимой палаты при СФУ. У меня есть цикл лекций по экологии, где освещаются проблемы и энергетики. В данном случае термин альтернативный – это обозначает только другой и не более выгодный или более лёгкий и вообще не бесплатный [способ получения энергии]. Вот почему: возьмем ветровую энергетику, лопасти ветряков выполнены из алюминия, а алюминий – это наш Красноярский алюминиевый комбинат, который заливают нас стаканом бензопирена (это вещество, которое вызывает раковые заболевания) в сутки на 4 км кв., поэтому получается, что альтернативная энергетика на ветряных двигателях также вредна и опасна. Что касается солнечной, то поверхность зеркал солнечных батарей выполнена из хрома и никеля. Они производятся на Норильском комбинате, а г. Норильск сегодня на первом месте на планете по загрязнению. Таким образом, я хочу сказать, что в природе существуют экологи-

ческие законы, которые не подвластны человеку, он их не может изменить. Законы эти таковы – ничто не дается даром. Как правильно было сказано, нет бесплатного сыра, [только] в мышеловке. Любая энергетика стоит очень дорого: и денег и человеческих жизней. Это проблема всего человечества, и не нам решать, что мы будем делать или развиваться дальше или уйдем жить в лес без энергии. К сожалению, мы не можем повернуться вспять, ваши дети учатся в наших институтах и прогресс человечества так устроен, что мы движемся вперед и вверх, прогресс необходим. И весь вопрос сегодня, насколько нам нужно рискнуть своей жизнью, своим здоровьем, сколько нужно вложить денег за то, что мы имеем этот комфорт. Наша цивилизация построена на электричестве и другой способ добычи электричества, атомный, он более опасен, вы это знаете. И сегодня мы должны решать, насколько мы должны собой рисковать для того, чтобы получить этот комфорт. Это страшная трагедия человечества сегодня. Это экологическая проблема всего человечества. И вот по этому пути нужно идти при разрешении таких проблем, а путь один – только компромисс. Нужно оценить, что человек будет иметь при строительстве того или иного объекта и что он потеряет. Сегодня было очень «жарко», «остро», но проблема еще острее, если иметь в виду все, что я сказала. Спасибо за внимание!

Комментарий. Малаший Я.Р. В конце прошлого года я принимал участие в заседании правительства Красноярского края, где рассматривался вопрос о территориальном планировании Красноярского края. План принят с поправкой: Эвенкийской ГЭС там нет. Вчера я подписал постановление, по которому в градостроительном плане территориального планирования Эвенкийского муниципального округа Эвенкийской ГЭС нет. У меня вопрос: включено ли в градостроительный план Красноярского края и в план территориального развития строительство Эвенкийской ГЭС? Если включен, то когда? И еще, для справки. Я знаю цифры по бюджету: 260 млн рублей – это собственные доходы ЭМР, наши расходы – 4 млрд. Все остальное нам дает сейчас край. И когда спрашивали, сколько получит район и Тура денег от строительства – давайте будем честными и скажем, что сельские поселки не получают ни копейки. Тура не получит ничего, ЭМР получит 67 млн рублей – это цифра, которая прозвучала ранее. Будут еще какие-то небольшие платежи, отчисления, а остальные платежи пойдут в край. И когда мы отстаиваем свою позицию, вы должны понять, что мы не просто такие вот вредные и не хотим прогресса – когда нас понимают и дают, а когда мы не доказываем – денег не дают. Есть собственные доходы, мы ими распоряжаемся. А когда их нет – приходится просить у «дяди». Спасибо.

Ефимов В.С. Как правильно было сказано, просить у «дяди», когда есть собственная база, не надо. Когда территория на 94 % датирована – это значит, что территория практически полностью бюджетная. Поэтому нужно иметь свою ресурсную базу. Вот сейчас мы предлагаем вам – давайте сделаем свою ресурсную базу. Во-вторых, как уже сказали, с этого года поменялась нормативная база, теперь можно получить деньги от субъекта федерации на свою территорию, правильно их распределить и такая возможность у вас теперь есть. По территориальному планированию: при правительстве Красноярского края создана рабочая группа по решению вопросов, которые возникают при обсуждении строительства Эвенкийской ГЭС. На последнем заседании под председательством вице-премьера, с участием министра архитектуры и строительства, было принято следующее решение: сейчас, коль в схеме территориального планирования не предусмотрено строительство ЭвГЭС, пошли на компромисс. На территории, которая подвержена затоплению, не будет рассматриваться строительство никаких объектов и финансирование на эту территорию выделяться не будет.

Из зала. это шантаж. *Шум.*

Ефимов В.С. Нет, нет, абсолютно нет, здесь есть две альтернативы. Как это записано в плане развития: «включить Эвенкийскую ГЭС при положительном заключении ГГЭ».

Вопрос. Владимир Александрович. Вы строитель? Я инженер-строитель по профессии. Строительства ГЭС просто не будет! Это большая афера и её просто не будет. Технология строительства влечёт за собой использование развитой инфраструктуры. Как строилась

Красноярская ГЭС, Братская ГЭС? Требуется много ресурсов и финансов, и тогда их строила вся страна. Инфраструктура находилась рядом. Там прокладывали ветки дорог. Здесь тысячи километров! Технология строительства бетонной плотины такова, что цемент марки 700, 800 от цементного завода должен быть доставлен до места строительства плотины в течение суток, иначе он будет застывать. Значит должна быть инфраструктура – ж/д и минимум цементный завод. Не говоря о металлопрокате. Т.е. должна быть создана инфраструктура в крае, которая могла бы непрерывно обеспечивать строительство. Это требует таких затрат! То, что говорили – это, извините, обман. С инфраструктурой, чтобы её строить, она потянет за триллион долларов. Это афера определенной группы лиц, возможно, возле правительства, чтобы получить первоначальные деньги для «РусГидро». И здесь строители почему-то сидят, лукавят, особенно в Красноярском крае. А теперь они нас и шантажируют «мы вам не дадим строить объекты в прибрежной полосе». И ГЭС этой не будет еще в течение 20 лет.

Мукто И.В. Спасибо. Вопросы еще есть?

Реплика (не представился). При строительстве Эвенкийской ГЭС, следующим этапом будет освоение Подкаменной Тунгуски, ниже Байкита 50 км. Байкитяне – готовьтесь.

Ответ. Ефимов В.С. Все объекты есть в генеральной схеме распределения энерго-объектов. В схеме советских времен на территории Эвенкии не одна, а 10 ГЭС. Сейчас этого нет и в том числе там, где вы говорите.

Шум.

Мукто И.В. Давайте не будем в базар превращать слушания.

Вопрос. Людмила [отчество и фамилия отсутствует. – *Авт.*]. А почему именно мы должны рисковать ради чужого комфорта? Ответ: а потому что мы самый обширный, но малочисленный пункт, который можно легко выкинуть.

Аплодисменты

Мукто И.В. Вопросы будут?

Вопрос. (ФИО не представился) Я бы хотел услышать, проводился ли расчет прорыва волны в случае аварии на Эвенкийской ГЭС?

Ответ. Львовский В.А. Расчет волны прорыва не проводился, согласно стадии проектирования этого пока не нужно.

Вопрос. Шкарадюк Игорь Эдуардович. К вопросу о надежности ГЭС и волны прорыва, о деструктивных криогенных факторах. Уважаемого товарища из института мерзлотоведения попрошу обратить внимание, что деструктивные криогенные процессы в районе инженерных сооружений приводят к катастрофе (разрушение 200 м у плотины – это обрушение). Что касается изменений температуры, на графике температур в теле Богучанской ГЭС, который опубликован в журнале «Гидротехническое строительство» в 2007 г., видно, что происходит повышение температуры за 6 лет на 2 %, через несколько лет плотина прогреется и начнет растапливать мерзлоту под собой. Как вы могли в этих условиях не рассматривать и не просчитывать чрезвычайные ситуации?

Ответ. Львовский В.А. Сооружения, о которых мы сегодня говорим, размещаются на прочных скальных породах, долеритах. В русловой части существует талик с оттаявшими породами, там, где примыкание к берегам, весь рыхлый льдистый грунт убирается, это заложено в конструкции. Эти апробированные решения позволяли на предварительном этапе проектирования не выполнять расчеты по волне прорыва. В дальнейшем такие расчеты, безусловно, будут выполняться.

Вопрос. (геолог [ФИО отсутствуют. – *Авт.*]). Я разговаривал с бурильщиками, которые проводили бурение у Большого порога, где планируется строительство ГЭС. Мне сказали так: базальтовые породы они только на поверхности, ниже наносной грунт, никакая ГЭС воды большого порога не выдержит. Это так?

Ответ. Львовский В.А. Это не совсем так. Створ расположен ниже порога. У нас были инженерные изыскания, бурились глубинные скважины, если бы мы имели такую информацию, как Вы говорите, мы бы сразу ушли от этого места. Нет, у нас нет информа-

ции о наличии прослоев рыхлых пород. Это подтверждено нашими бурильщиками. Подчеркиваю, створ ниже порога.

Мукто И.В. Извините дорогие друзья, часть специалистов нас должна покинуть, давайте попрощаемся с ними и поблагодарим их.

Комментарий. Агеев А.Н. Я прочитал все материалы, все три тома и зафиксировал свою оценку, хочу приложить свои замечания к протоколу. Я коротко. Я уже спрашивал про результаты экспертизы Сибирского [отделения] РАН. Но ответа не получил. У авторов работ было мало времени, а если учитывать уникальность и грандиозность строительства, из 19 организаций по ОВОС использовали только 6 по списку литературы, я его прикладываю. Острая нехватка фактических материалов. Некачественное освещение материалов, за исключением хозяйственной деятельности, социальных вопросов, социально-этнических особенностей. В связи с низкой инженерно-геологической, инженерно-криологической изученностью и отсутствием картографического материала нужного масштаба, не обоснованы выводы и высказывания. Игнорируется тектоническая трещиноватость и др. Игнорируется протаивание. Бурением фиксировались зоны трещиноватости. Водоем будет растеплять грунт на несколько километров. Образуются талики на 5 км и даже 15 км. Подавление рассолов не поддается никакой критике. Все хотят изучить дальше, на стадии строительства, а нужно изучать сейчас, чтобы нам всем не было плохо. Какой вывод? Следует признать, что авторам не удалось доказать экологическую безопасность строительства обоих вариантов гидроузла.

Аплодисменты

Мукто В.М. Часть специалистов нас покидает.

Вопрос. Репин Вячеслав. У меня такой вопрос. Одним из главных подрядчиков является ООО «Бюро экологического и социального консалтинга». Наши друзья, коллеги недавно сделали запрос. Оказывается, очень авторитетное бюро организовано в 2007 г. в августе месяце. Уставной капитал 10 тысяч и 3 учредителя. Где ваш авторитет при разработке такого сложного вопроса?

Ответ. Стрижова Т.А. Это не очень относится к материалам ОВОС, но если есть вопрос, я готова на него ответить. Итак, действительно – «Бюро экологического и социального консалтинга» создано недавно, это менеджерская консалтинговая фирма, которая пользуется услугами привлеченных экспертов достаточно высокого уровня. Мы приглашаем экспертов достаточно высокого уровня, специалистов из академических институтов, проектных институтов, для разработки, и пока нареканий по нашим разработкам не было. Вот и сегодня это тоже прозвучало, что те вопросы, которые разрабатывали мы, пока по ним не было проблем. Я не исключаю, что такие вопросы могут появиться, и снова мы будем приглашать специалистов и работать. Это новая форма консалтинговых услуг. Не обязательно иметь большой проектный Институт, где работает более 100–200 человек, достаточно [штата] 12 человек, чтобы сделать хорошую работу. Мы работаем на услугах привлеченных специалистов.

Вопрос. Сулягина Алина Григорьевна. Сейчас было озвучено, что вы привлекаете институты? Скажите, пожалуйста, проводилась ли этнологическая экспертиза, и какие институты привлекались?

Ответ. Стрижова Т.А. Дело в том, что на этнологическую экспертизу подается полный проектный документ, законодательно этнологическая экспертиза пока не утверждена, повторяю, на экспертизу подается полный проектный документ, мы разработали части раздела ОВОС, подавать часть разделов ОВОС нельзя. Рекомендация об этнологической экспертизе ОВОС прозвучала уже дважды, сегодня и вчера в Туруханске. Вы сегодня озвучили, и действительно, эта часть должна быть подвергнута если не этнологической экспертизе, которая законодательно не утверждена, то грамотному и внимательному рассмотрению и анализу соответствующими институтами после подготовки материалов ОВОС. Что лучше предоставить: отдельные наработки и разработки, или цельный документ, из которого видна вся концепция развития территории? Я думаю, что последнее.

Вопрос. Львова Валентина Ивановна. Когда слушала Мирзаева, вспомнила роман Гоголя «Мертвые души», был помещик...Манилов, так вот этот доклад мне показался точно маниловский, он намечтал там что-то, наделал и предлагает нам жить. Как воду опреснять, кто будет платить? Оказывается, мы сами будем платить. Нам ни одного ватта электроэнергии не дают, а как мы будем строить новые предприятия? Еле-еле хватает на сегодняшние постройки. Получается, что вы нас обманывает, вводите в заблуждения. От Красноярска нам ничего не будет, мы знаем, что такое Красноярск. Он нам ничем не поможет. Вот забрать, пожалуйста.

Ответ. Иванов Виталий Михайлович. Я – заместитель Мирзаева, начальника отдела водохранилищ. Хочу сказать за Андрей Яковлевича, что он 8 лет проработал на строительстве Колымской ГЭС, которая сдана в эксплуатацию, опыт определенный у него есть и проживания на севере тоже.

Ответ. Стрижова Т.А. Сегодня неоднократно упоминалось о тех просьбах, с которыми вы обращаетесь в Красноярск, у вас бюджет дотационный, 4 млрд руб. Наш анализ показал следующее. К сожалению или к счастью, мы его делали в докризисный период, произошла мировая финансовая катастрофа, не мне вам рассказывать. И сегодня вектор развития периферийных экономических регионов, таких, каким является анклав Эвенкия, очень проблематичный. Все, что сегодня говорили в комментариях – уровень жизни, мало энергии, вы не можете развиваться, плохое здоровья и т.д. И чтобы обеспечить минимальный уровень жизни, соответствующий требованиям ООН, а это здоровье, образование, транспортная доступность, и др., для того, чтобы вы хотя бы это имели, ваш бюджет должен быть увеличен в 5 раз – вот тогда есть надежда у вас и ваших детей. Государство не будет увеличивать дотации в 5 раз. В этом я сомневаюсь. Может быть, 500 млн руб. в год в ближайшие 2–3 года Вам и будут добавлять, потом вы выйдете на «плато». Я вас не запугиваю и не шантажирую, я за ГЭС вас не агитирую, я вам рассказываю, что мы получили в результате социально-экономического анализа, что не входит в ОВОС, потому что это попутная информация. Итак, надеяться на дотации государства, а у вас 95 % зависимость от государства, государство может и будет помогать. Я не буду сейчас отвечать за правительство края и РФ, как оно будет поддерживать жизнь таких периферийных, очень сложных районов. Либо это будет увеличение дотации, причем серьезное увеличение дотации, если Россия сможет подняться после кризиса так, чтобы вам помогать, но достигнуть уровня, когда у вас было 30 тысяч оленей, едва ли. Сегодня не хватает кадров оленеводов, даже если завтра бы началось строительство крупного нефтехимического, газового комплекса, и даже если инвестор готов будет завезти 10–15 тысяч оленей, я сомневаюсь, что найдутся кадры, которые смогут обслужить это стадо. Сегодня эвенку, судя по нашему социологическому опросу, не выгодно заниматься оленеводством, они не хотят кочевать, они хотят жить в нормальных условиях. Нужно мясо, пошли 3 оленя диких забили, не хватает – еще одного. Те проекты, которые сегодня предлагаются, не всегда выдерживают критику. Вот, например, последний проект устойчивого развития Эвенкии, который появился в Интернете на сайтах. Глубокого анализа, конечно нет, но это нормально. Люди не должны обладать информацией, но вывод: финансовая составляющая региона – продажа мехового сырья, разведение риса и т.д. Поверьте, можно забить и продать всего оленя и не закрыть 10-ю часть бюджета. То, что каждый регион – большой или маленький, субъект федерации или муниципальное образование, должен разрабатывать новую программу экономического развития – это несомненно. Программа развития до 2017 г.: над ней трудились вы, ваши аналитики, ваши экономисты, положили на нее время, но вы прекрасно понимаете, что после кризиса эта программа требует пересмотра. Еще раз повторяю, будете просить – будут давать. Не отсохнет рука просящего и дающего. Но это будут такие минимумы, что ваше ветхое жилье, которое по поселениям Илимпийской группы составляет 70–80 % будет таким на многие годы вперед, потому что нет таких денег, чтобы изменить это. Люди как пользовались уличным туалетом, так и будут пользоваться. Нужен компромисс. Сегодня нужна новая стратегия развития Эвенкии. И как государство будет выходить из этой ситуации –

я не знаю. Либо будет увеличивать дотации, либо предлагать крупные инвестиционные проекты. Здесь правильно выступила профессор – нужен компромисс. Нужно что-то дать, чтобы получить. Во время прошлых общественных слушаний Игорь Валерьевич правильно заметил, территория не изучалась многие годы. Эта территория, получается, пионерного освоения. Когда планировали Туруханскую ГЭС – только тогда государство отправило науку и хоть что-то получили из информации. И сейчас, именно в рамках эвенкийского проекта (будет он, не будет) получен такой объем информации – социальной, экономической. Построен вектор развития. Этой информацией может воспользоваться руководство вашего региона, чтобы выстроить вектор развития, с ГЭС или без ГЭС.

Вопрос. Юлия Владимировна. Ваше выступление меня оскорбило как жителя Туры, и всех, кто здесь родился и воспитывает своих детей. Меня оскорбило, что такие заявления делают представители «РусГидро», по поводу – сколько мы ездим в край просим, сколько мы будем просить, будут ли наши оленеводы пасти оленей или нет, это решать не вам, а нам, жителям этой земли. Все-таки «РусГидро» приехали сейчас с готовым ОВОСом или Вы будете его еще дорабатывать, изучать, проводить какие-то исследования? Вы нам привезли ОВОС готовый или нет? О чем мы здесь говорим, что выслушиваем? Этот ваш окончательный вариант? У вас сроки оговариваются?

Ответ. Иванов Виталий Михайлович. Дорабатывать, естественно будем, дополнительные исследования только по тем вопросам, без которых не обойтись, это будет зависеть от количества замечаний, которые поступят не только от вас, но и от органов надзора. Разосланы эти материалы по 49 адресам.

Юлия Владимировна. У вас какие-нибудь сроки оговариваются?

Ответ. В течение 30 дней мы принимаем замечания, ориентировочная дата завершения работ – 15 февраля. Могут быть причины, по которым мы задержим.

Юлия Владимировна. Этот окончательный вариант мы еще каким-нибудь образом будем заслушивать?

Ответ. Иванов Виталий Михайлович. Нет, слушать вы не будете, если только вы пригласите, чтобы вам какие-то вопросы осветили дополнительно.

Юлия Владимировна. И вы считаете, что за эти 15 дней вы дадите исчерпывающие ответы и сделаете исчерпывающие исследования?

Иванов Виталий Михайлович. С 15 октября до 15 февраля 3 месяца.

Юлия Владимировна. Вам не хватило года, чтобы сделать достаточно исследований, и найти ответы на те вопросы, которые были заданы год назад. И вы сейчас к нам приехали и говорите, что нужно еще исследовать, еще и еще. Каждый раз приезжаете и «лечите» обещаниями, я на территории Туры и на территории района не заметила, что вы что-то изучали. Вы подняли книжки, залезли в Интернет, списали и привезли, нате, господа, читайте, вы думаете, что мы дураки что ли?

Ответ. Иванов Виталий Михайлович. Территория огромная и вы могли не заметить всех, кто работал. Был запрос от вашего руководства, по каждой субподрядной организации, когда и где она работала, сколько они занимались. Эти 3 месяца будут посвящены уже систематизации и уточнению моментов, которые выявились в ходе слушаний.

Вопрос. Юлия Владимировна. В прошлый раз на общественных слушаниях у меня был вопрос – «РусГидро» гарантирует пересадку растений, которые занесены в Красную книгу? Вы посчитали сколько это будет стоить?

Ответ. Иванов Виталий Михайлович. Деньги заложены, оценка есть. Ущерб оценивается укрупненно. Это входит в лесохозяйственные мероприятия, вся сумма будет порядка 16 миллиардов рублей. Конечный распорядитель – Министерство природных ресурсов Красноярского края.

Юлия Владимировна. А кто будет заниматься пересадкой, «РусГидро»?

Иванов Виталий Михайлович. Нет, конечно. Еще хотел отметить по поводу красно-книжных растений: исчезающих видов нет, есть редкие.

Вопрос. Крейндин М. Каким образом будет компенсироваться уничтожение нетронутых, малонарушенных, практически не затронутых хозяйственной деятельностью высокопродуктивных лесов? Как это согласуется с действующим законодательством и принципами, заложенными в этом законодательстве?

Ответ. Иванов В.М. Ключевое мероприятие – повысить производительность, чтобы восполнить утраченный ресурс. Вы хорошо знакомы с заключением СО РАН 1988 г. Там было одно из предложений: рассмотреть среди возможных вариантов компенсацию теряемых лесов, вариант лесовосстановления на территории европейской части Советского Союза. По лесам, которые здесь. На Бурейском водохранилище институтом леса проводятся исследования последние 2 года, до этого на протяжении почти 10 лет проводились исследования на одном из крупнейших водохранилищ Дальнего Востока –Зейском. Исследования проводились по вопросу о том, как изменяется лесная растительность в условиях изменения климата в прибрежной полосе (до 4 км). Полученные выводы ученых говорят о том, что на этой территории происходит прирост ускоренными темпами. На Бурейском водохранилище исследования показали неоднозначный результат по березе – там такого не происходит, по хвойным породам есть разные результаты, по лиственнице получен однозначный вывод – прирост ускоряется. В прибрежной полосе в значительной степени все будет восполнено. Качество лесов изменится в лучшую сторону.

Мукто И.В. Еще есть вопросы? Подготовьте вопросы, потом будут выступления.

Шкародюк М. Какие мероприятия будут проводиться по компенсациям ущерба населению? Вы выразили сомнение, что край будет дотировать Эвенкию. Вы можете обеспечить выделение этих средств, после того, как будет принято решение о строительстве ГЭС?

Ответ. Иванов В.М. Обеспечить может та электроэнергия, которая будет вырабатываться на ГЭС.

Шкародюк М. Кто будет финансировать данные экологические мероприятия – федеральный бюджет или «РусГидро»? Если РусГидро, то это должно быть закреплено юридически на бумаге.

Ответ. Иванов В.М. В нашей стране тогда можно ничего не строить и ни в кого не верить. В принципе, это должно быть профинансировано из федерального бюджета. Вы знаете, что гидроэнергетические ресурсы, за исключением изолированных систем, находятся в собственности государства, и никто менять это соотношение не вправе. 62 % акций РусГидро в руках государства. Меньшим оно не может быть по Закону об электроэнергетике.

Мукто И.В. Выступления ограничим 5-ю минутами. Все выступили или еще кто-то хочет сказать?

Вопрос. Петров Николай Петрович – Вадим Григорьевич (Бардюков) уехал. Я хотел бы его спросить. Когда его назначали с Хантайской на Курейскую ГЭС, то он говорил, что тогда была проблема реализации электроэнергии. Это его слова. Я думаю и сейчас эта проблема сохранилась. Второй момент – Богучанская ГЭС. Строительство, насколько оно необходимо. И еще в случае строительства Эвенкийской ГЭС – после начала затопления никто из нас здесь не остается. Электроэнергия у нас очень дорогая, потому что вырабатывается дизельными электростанциями. А завоз? Если в Красноярске загрузил Маклаков, пусть прямым ходом, прошло 2 недели. Если перевалка и содержание флота – увеличивается стоимость завоза. И если сегодня 1 литр горючего в среднем стоит 22 рубля, то после перекрытия русла будет стоить 120 руб. Кто после перекрытия будет за такие деньги покупать

Ответ. Ефимов В.С. По поводу дефицита или избытка электроэнергии – Таймырская энергосистема, куда входит Курейская ГЭС – это изолированная система. Что же предлагается с Эвенкийской ГЭС? Вся система, которая у нас от Урала до Дальнего Востока, она закольцована, то есть где бы ни была пиковая или внештатная ситуация электроэнергия будет поступать из другого конца страны. Эвенкийская ГЭС входит в закольцованную систему. Имею в виду обеспечение электроэнергией всей страны по схеме развития. Электроэнергия не доходит до населенных пунктов Эвенкии. Это так по двум причинам:

во-первых, от территории – Красноярского края нет предложений, и во-вторых, сейчас самое время дать свои предложения о том, что есть населенные пункты, где электроэнергия очень дорогая. Мы можем включить строительство новых энергетических объектов в этот проект и обеспечить любой населенный пункт электроэнергией. У нас у единственной страны нет линий постоянного тока. Они есть везде, а у нас нет. Почему ГЭС, а не атомная станция, угольная и т.д.? Каждая станция имеет свое предназначение. Атомная станция все, что вырабатывает, отдает в базу, в сеть. Она не может быть заглушена, приостановлена. Для того, чтобы ТЭЦ выдавала больше или меньше электроэнергии – для этого нужны сутки. Когда напряжение скачет, покрывать пиковую нагрузку, как в максимуме, так и в минимуме, могут только ГЭС. Можно построить много атомных станций, ТЭЦ, но качество электроэнергии регулируется только ГЭС.

Реплика из зала. Опять нас уводят в сторону. На Западе используется до 85 % гидроресурсов, у нас всего лишь 18 %. Но строительство этих гигантов – это все равно, что рубить сук, на котором сидим. Мы ограничиваем возможность небольших ГЭС, что как раз делается на Западе и таким образом используется весь гидроресурс. При строительстве больших ГЭС использовать этот ресурс невозможно.

Выступление. Ковалев. Все, что говорили здесь строители – меня не убедило. Ни в чем абсолютно. Я только еще больше заволновался. Особенно, когда они сказали, что использовали материалы из кировского Института охотничьего хозяйства. Получается, что исследования по ОВОС проведены кабинетно, где-то там нашли, напечатали и нам привезли. Я совершенно уверен, что нас дурачат. Материалы ОВОС оговаривают благоприятное воздействие на социально-экономическую ситуацию, говорится об опережающем развитии объектов, о многом. Я говорю и надеюсь на понимание всех присутствующих. Если случится строительство ГЭС, то нарушатся пищевые биологические цепочки, которые складывались у нас на протяжении тысяч лет. Кто из уехавших на материк прожил больше 10 лет? Наш организм адаптирован к жизни в таких условиях. Человек правильно питается там, где живет. Под воду уйдут земли сельхозназначения, ягельные пастбища на 8 тыс. голов оленей из которых мы употребляем 2 тыс. ежегодно. В какую сумму вы оцениваете такую радость? Я не думаю, что деньги здесь уместны вообще. Я категорически против ухода в другой мир. Я хочу вместе с вами и оленями жить на этой земле как можно дольше. Строительство ГЭС на нашей Тунгуске – экологическая бомба замедленного действия. Пусть свое слово скажут ученые-медики.

Мукто И.В. У нас осталось совсем немного времени. Подведем итог прениям.

Крейндлин М. Мы раньше вели много переговоров с «РусГидро», теперь прекратили. «РусГидро» любит обвинять всех в экстремизме, продаже мировому империализму. А сама при этом торгует акциями на лондонской бирже. Нашими коллегами проведен расчет возможного ущерба растительному и животному миру от строительства Эвенкийской ГЭС. По их расчету, сумма ущерба составит 4 трлн 194 млрд 114 млн 779 тыс. 854 руб. Это порядка 50 % от реального ущерба. Надеемся эти расчеты приложить к протоколу. Также в ФЗ «Об охране окружающей среды» ст. 3 приведены принципы хозяйственной деятельности на территории РФ (читает пункты статьи); соблюдение прав человека, презумпция экологической опасности, приоритет сохранения естественных экологических систем. По нашему мнению, по итогам изучения материалов ОВОС, указанные принципы нарушаются. Наша консолидированная позиция – мы против строительства ГЭС. Это строительство противоречит действующему законодательству РФ, международным конвенциям. Строительство ГЭС – недопустимо. Мы довели эту информацию до правительства и доводим ее до участников ОС.

Выступление. Сулягина А.Г. Я выслушала выступления и пришла к выводу о недопустимости строительства ГЭС. Это угроза затопления обширных участков земли. Считаем реализацию проекта недопустимой и нарушающей конституционные права граждан России, а также права КМНС. Рекомендуем реализовать нулевой вариант – отказ от намеченной деятельности. То, что касается этнологической экспертизы, что нигде это не закреп-

лено, Татьяна Алексеевна сказала. Это неправильно Этнологическая экспертиза законодательно закреплена для территорий, где проживают КМНС.

Выступление. Шкарадюк. В журнале «Электроэнергетика» опубликована статья, где вариант с Эвенкийской ГЭС дает самую высокую стоимость киловаттчаса. Лучше реконструировать мощности, чем строить новые. А в программе развития энергетики заложено строительство 60 ГЭС – от Кольского полуострова до Чукотки. Некоторые станции не вызывают возражений, например Нижне-Курейская ГЭС. Эвенкийская ГЭС вызвала самое пристальное внимание, поскольку ее строительство грозит экологической опасностью, а в случае аварии на ней – катастрофой. По всем остальным гидроузлам готовы разговаривать и обсуждать. Однако «РусГидро» отказалась от обсуждения. Экологи настоятельно рекомендуют рассмотреть возобновляемые источники электроэнергии. Когда «РусГидро» из всех вариантов выбрало 200-метровую отметку, она сама себя загнала в угол. Остается нулевой вариант.

Мукто И.В. Переходим к итогам анкетирования.

Из зала. Осталась четвертая часть в зале.

Ефимов В.С. Мы не можем перейти к процессу анкетирования, поскольку не закрыли слушания. Дело в том, что цель ОС – это получение вопросов и ответов. Если только мы говорим, что в это время мы занимались анкетированием, это значит, что мы прослушали часть вопросов и ответов. И как только мы заполнили анкеты до того, как слушания закончились. Давайте же определим, что же здесь было. Давайте закроем общественные слушания и перейдем к анкетам.

Мукто И.В. Подождите! Ну что, Марина Владимировна?

Марина Владимировна. Мы сейчас заслушаем итоги анкетирования и эти анкеты приложим к протоколу, и затем уже перейдем к заключительной части ОС.

Из зала. Да так мы будем сидеть до ночи!

Мукто И.В. Да ради Бога.

Из зала. Давайте проголосуем.

Ефимов В.С. Голосовать, наверное можно, но тогда в протоколе надо отметить особое мнение, что мы еще не закрыли ОС, не получили всю информацию. Что такое опрос? Это такое заключение на основе полученной информации.

Мукто И.В. Мы получили информацию. Мы закрываем слушания, по итогам ОС даем в протокол результаты анкетирования. Довольны вы?

Марина Владимировна. Нет, нет! Нужно подвести сначала итоги анкетирования, приложить их к протоколу. Давайте голосовать.

Мукто И.В. Мы приложим их.

Шкарадюк. Это имеет значение, если люди в ходе ОС изменили свое отношение к проекту, если у кого-то мнение изменилось. Ответы закончились и вопросы закончились.

Мукто И.В. Давайте подведем итоги анкетирования и расходимся по домам. Кто не хочет – остается здесь. Пожалуйста, Петр Иванович.

Суворов П.И. Добрый вечер, уважаемые жители Туры! Я хотел бы сказать 2–3 слова. Во-первых. Здесь было много предложений в адрес руководства Эвенкии, по поводу того, как мы живем, как ходим с протянутой рукой. Пока правительство края нам средства дает. Да, мы живем так, как живем. «РусГидро» и строители плотины не добавляют нам существенных доходов в наш бюджет для того, чтобы мы стали жить лучше. И это факт. Я хотел бы довести до вас следующий вопрос – вот сейчас проходят общественные слушания. Я понимаю так – ОС завершились, мы приняли резолюцию, внесли предложения в проект ОВОС. Дальше «РусГидро» вместе со структурным подразделением, нанятым ими, пошли его дорабатывать и отдали на гос. экспертизу, которая там приняла свое решение. И нас с вами уже никто ни о чем спрашивать не будет. И мы никогда больше не будем услышаны. На этом поставлена точка. По закону ответили на заданные вопросы, полностью ответили или нет – это надо смотреть только на сайте «РусГидро», в лучшем случае ЭМР и все. Я предлагаю следующее – мы внесли предложения, компания «РусГидро» услышала, мы их

запротоколировали и передали компании на доработку проекта ОВОС. А вот когда они его доработают (мы сделаем перерыв в наших общественных слушаниях) – они снова к нам придут и мы его снова взвешенно еще раз обсудим. Сегодня мы можем все политически продекларировать, поставить себе галочку. Мы выполнили свои обязательства и с чистой совестью пошли спать. А что из этих вещей получится – мы не будем знать. Я считаю, что это неправильно. Хочу, чтобы все услышали мое предложение и как-то на него отреагировали. Лучше бы положительно. Зато вы, Александр Николаевич, отдали ваши предложения, их проанализируют – и ОВОС будет доработан. И к нам снова придет компания и скажет: «А.Н., вы были правы – мы проработали их. Или неправы». Чего мы сегодня добились, отдав свои предложения – не знаю. Хоть убейте. Отдадим – ничего не увидим и ничего не услышим.

Мукто И.В. Насколько я понял, предложение Петра Ивановича – это сделать первым заседанием.

Шум из зала. Заседание прерывается. Потом второе. Или просто перерыв?

Виктор Иванович. Товарищи, я хочу внести ясность со своей стороны. Потому, что здесь общественные слушания, а не заседание.

Шум в зале. Чтобы сделать те изменения и дополнения, которые я считаю необходимыми, над этим ОВОС нужно лет 15 работать. Причем не тут и не в Интернете, а с магниторазведкой, с бурмашинами. Это не реализуемо.

Мукто И.В. Виктор Иванович, перестаньте, пожалуйста.

Из зала. Слушания не прошли.

Мукто И.В. Виктор Иванович. Понятно, что они не сделают.

Из зала. Чьи проблемы? Твои, что ли? Мне не понятна ситуация.

Из зала. Вот этот пассаж он сделал. Он ничем не закреплен. Через месяц они придут обратно. Откуда я знаю слово вот этого товарища. Я его первый раз вижу. Где документальное подтверждение?

Сутягина А.Г. Я считаю.

Шум в зале

Сутягина А.Г. Можно мне сказать? ОВОС неготовый и признать слушания вообще недействительными. Какие еще тут могут быть вопросы?

Шум в зале

Сутягина А.Г. Но материалы – они недостоверны. В них не вся информация об ОВОС.

Шум в зале

Сутягина А.Г. Я сегодня поняла: на сегодняшний день им нужен результат, что слушания состоялись, остальное больше им ничего не нужно. И слушания считать несостоявшимися.

Мукто И.В. Общественные слушания состоялись и делать...

Шум в зале

Ефимов В.С. Дело в том, что ОВОС – это не документ сегодняшнего дня. Он не закроется и через год. Он не закроется даже тогда... Представьте – ГЭС построили. Он не закроется и тогда, а перейдет в следующую стадию – мониторинга. И через 15 лет ОВОС. Это проектная стадия.

Суворов П.И. Нет – подождите. Давайте тогда уточним, что мы сейчас рассматривали. По законодательству вы привезли и разместили материалы ОВОС.

Котова М.В. Предварительные материалы!

Суворов П.И. Еще будет вариант? Т.е. вариант больше обсуждаться не будет. Это ваши слова. Уважаемый главный инженер сказал, что 18 августа в общественные приемные сельских поселений поступили материалы ОВОС. Рабочий материал. Спустя месяц по федеральному законодательству проходят в сельских поселениях ОС этого рабочего материала. Вы его назовите предварительный ОВОС, рабочий ОВОС... Как угодно его называй, но по законодательству это ОВОС.

Ефимов В.С. Нет, это рассмотрение предварительного ОВОС.

Суворов П.И. Предварительный ОВОС. Вот сегодня мы его обсудим во всех сельских поселениях и вы его дальше отдадите на доработку и в Главгосэкспертизу, для того чтобы те сказали...

Ефимов В.С. Нет, нет...

Суворов П.И. Добро или не добро.

Шум в зале

Ефимов В.С. Сейчас что такое ОВОС? Общественные обсуждения: вопрос, ответ, обсуждение – после того, как получили вопросы. Везде открыты общественные приемные, будут работать еще 30 дней. Будут приниматься замечания и предложения, которые будут вноситься в материалы ОВОС. Затем можете нас приглашать. Если хотите.

Суворов П.И. Можем приглашать. Если хотите, но по федеральному законодательству... Если бы ОС сегодня здесь не прошли – ничего бы не было. По закону, нельзя делать дальше проект, если народ его не обсудил. Можно говорить: «Нет плотине!», не строить плотины, но законодательно это не закреплено. В протокол войдут и будут приняты только предложения, что это в проекте не учтено, это нужно доработать, что-нибудь еще... Над этим «РусГидро» будет работать. А то, что мы примем решение не строить плотину – не в рамках правового поля это. Понимаете, с этим никто считаться не будет. А вот если мы сейчас свои предложения оформим и отдадим компании, чтобы она их доработала, в ходе общественных слушаний сделать перерыв до того времени, как компания будет готова их с нами обсудить. Вот это будет в рамках правового поля. Потому что в ФЗ нигде не записано, что мы не имеем права делать перерыв на неопределенный срок в проведении ОС. Мы в рамках правового поля сегодня, высказали свои замечания и делаем перерыв. Предложили компании их доработать.

Сутягина А.Г. Можно мне сказать по поводу правового поля? На сегодняшний день утверждено Положение об ОВОС. Вот у меня приказ. Пункт 3.3.1 – окончательный вариант по оценке воздействия по ОВОС готовится на основе предварительного варианта материалов. Вот это и есть окончательный вариант.

Стрижова Т.А. Уважаемые участники! Если сейчас это не процедура слушаний, то Ваши предложения не будут внесены в протокол. Полагаете ли вы, что компания будет учитывать эти замечания?

Шум в зале

Мукто И.В. Татьяна Алексеевна! У нас начались ОС. Один день состоялись.

Стрижова Т.А. Извините, а что делать после перерыва? На каком основании Компания будет дорабатывать. Петр Иванович, вот вы задали вопрос. Компания должна вернуться и продолжить работу. Т.е. результаты слушаний, которые мы прикладываем и результаты анкетирования, о чем мы договорились на собрании, все выступления, которые были сегодня здесь, о чем мы договорились на собрании, оформляем протокол в 8-ми экземплярах, подшиваем – это и есть формализованное завершение этапа слушаний по предварительной оценке. Компания может быть профинансирована дальше, во всяком случае, проектный институт. Представьте, проектный институт вернулся без формального документа – это как должно быть оформлено? Тут, Петр Иванович, вы совершенно правильно сказали, что люди хотят услышать замечания.

Шум в зале

Мукто И.В. Давайте заслушаем результаты анкетирования.

Шевченко Мария Сергеевна. В анкетировании приняли участие 221 человек, из них: 4 – «за» строительство ГЭС (1,8 %), 8 – не определились (3,6 %), остальные «против» – 209 человек (94,6 %). Передаю анкеты в протокольную рабочую группу.

Мукто И.В. Уважаемые участники общественных слушаний! Поступило несколько предложений. Ставлю на голосование. Общественные слушания заканчиваем или делаем перерыв в общественных слушаниях. Еще какие-нибудь предложения будут? Со мной согласны? Ставлю на голосование два варианта.

Малаший Я.Р. Уважаемые коллеги! Хотел бы обратить ваше внимание на один момент. Нам представлен ОВОС на НПУ 200 м. Как сказали – это максимальный ущерб, который может быть нанесен окружающей среде. К сожалению, в предварительном ТЗ было 2 варианта – 110 м и 200 м. Предлагаю записать в протоколе, чтобы компания представила ОВОС на НПУ 110 м. и мы сможем, может быть, после этого определить, что последствия для окружающей среды плохие при отметке НПУ 200 м, но с учетом того, что стране нужна электроэнергия и нужно развиваться, но при НПУ на 110 м воздействие минимальное на окружающую среду. Это мог бы быть как компромиссный вариант, который, возможно, устроил бы при получении соответствующих материалов. Предлагаю записать, что компания должна представить ОВОС при НПУ 110 м.

ФИО не прозвучало. Мы спорим про ОВОС. Но ОВОС фактически не сделан. Учесть результаты Сибирского отделения. Не рассматривать вообще 200 НПУ. Нужно провести тщательную работу по варианту 110 м.

Крейндлин М. Я просто хотел отразить чисто юридические вещи. Моя позиция следующая: как ни странно, моя позиция в том, что общественные слушания сейчас надо провести чисто юридически. Потому что общественные слушания проводятся по предварительным материалам. К сожалению, когда раньше действовал федеральный Закон об экологической экспертизе, собственно процедура ОВОС проводилась на разных стадиях проектирования – на стадии обоснования инвестиций, стадии проекта, рабочей документации. Поэтому ОВОС был стабильным. Сегодня, в связи с изменениями законодательства, ОС проводятся один раз по предварительным материалам. Это требование процедуры ОВОС. Я согласен с Татьяной Алексеевной, чтобы все было абсолютно юридически грамотно, надо, чтобы слушания состоялись. А с чем я не согласен? Что ОВОС (общественные слушания) это только вопросы и ответы. П 4.9. положения об ОВОС говорит, что «заказчик обеспечивает проведение ОС по планируемой деятельности с составлением протокола, там четко фиксируются вопросы общественности, а так же предмет разногласий между сторонами, если таковые будут выявлены». Если у вас есть несогласие с позицией заказчика – компанией «РусГидро», то такие моменты должны быть обязательно зафиксированы в протоколе.

Мукто И.В. Если я правильно понимаю выступление экологов, то они предлагают эти общественные слушания закрыть и в протоколе отразить мнение населения. Правильно?

Беланин Виктор Николаевич Я тоже держу в руках этот документ. Заказчик обязан обеспечить по закону полноту и достоверность представленной к обсуждению информации. Тут достоверность и полноту заказчик не обеспечил. Поэтому органы местного самоуправления определяют порядок проведения общественных слушаний. Заказчик обеспечивает проведение этих общественных слушаний и на уровне местного самоуправления, граждан и общественных организаций подписывает протокол. Как только это случится, заказчик забудет про нас, просто напрочь. Поэтому предлагаю не подписывать этот протокол, разойтись с миром и дать понять заказчику, что полнота и достоверность информации не обеспечена.

Мукто И.В. Виктор Николаевич, я не понял, что сказать, что ОС не состоялись?

Беланин Виктор Николаевич Они представили нам информацию. Мы послушали ее и разошлись. Все.

Мукто И.В. Нет, подождите. Я не понял. Что значит все?

Беланин Виктор Николаевич. Я предлагаю не подписывать протокол. Не оформлять это протоколом.

Мукто И.В. Нет, Виктор Николаевич, как это не подписывать, как это протокол не оформлять? Нужен какой-то документ о том, что состоялось.

Сутягина А.Г. Надо принять решение, что в связи с тем, что не полностью была представлена информация, ОС признать несостоявшимися.

Шум в зале

Сутягина А.Г. Достоверную информацию мы так и не получили. Мы должны принять решение. Я предлагаю: из-за того, что информация была представлена не полностью и недостоверно – признать ОС несостоявшимися.

Староворцева М. В. Уважаемые, самые стойкие участники ОС! Я приветствую вас. Когда мы готовились к ОС, у нас был один вариант завершения ОС. Петр Иванович испортил нам все карты. Поэтому как альтернативу – и волки сыты и овцы целы – я хочу зачитать проект результативного документа, который мы должны все-таки принять. Мы же для чего-то здесь собирались, для чего-то четыре часа находились (*реплика из зала – пять часов*). Предлагается вот такой вариант. Нам надо создать группу из числа участников ОС, его [документ] доработать, поскольку протокольная группа не имеет на это полномочий. Она просто фиксирует то, что происходит на ОС. Я на ходу сочиняла. «Мы, участники ОС, граждане РФ, жители п. Тура, по предварительным материалам ОВОС, заслушав доклад «РусГидро», выступления участников, учитывая мнения жителей п. Тура ЭМР, выраженное в ходе анкетирования (мы настаивали, чтобы проведение анкетирования было включено именно до завершения процедуры ОС и показывало сколько процентов у нас ответили против строительства ЭвГЭС), осознавая свою гражданскую ответственность перед нынешним и будущим поколением, свое право на жизнь в экологически безопасных условиях, констатируем, что в ходе подготовки материалов к ОС ОАО «РусГидро» не обеспечило использование информации для оценки воздействия проекта на окружающую среду в т.ч. заключений экспертной комиссии СО РАН», о чем весь вечер говорили. Все равно [по итогам] сегодняшнего заседания, общественных слушаний должны принять какое-то решение, мы не можем так просто встать и уйти из этого зала, поэтому давайте сюда в эти три пункта ещё что-то добавим, что там предлагается ещё. У меня все, давайте обсудим.

Мукто И.В. Марина Владимировна нормально написала.

Беланин В.Н. Если принять это решение, я тоже участвовал в подготовке этого решения, сегодня будет у представителей заказчика протокол, плохой, хороший, отрицательный или положительный, на основании которого они могут провести экологическую экспертизу и принимать решение о строительстве без нашего участия. Наши права остаются здесь только в течение 30 дней, в это время мы можем направлять замечания и предложения по доработке этих материалов, причём никакого контроля с нашей стороны не будет. Я все-таки предлагаю, как и Алина Григорьевна, признать слушания, как не обладающие полнотой информации, несостоявшимися.

Мукто И.В. Несостоявшиеся – первое, второе – Петра Ивановича, сделать перерыв, и Марины Владимировны, третье.

Староворцева М.В. Я предложила вот это (проект результативного документа), но в эти пункты надо добавить ещё.

Мукто И.В. Марина Владимировна, мы закрываем слушания, но принимаем ваш документ в протокол.

Староворцева М.В. Я не знаю, закрываем мы слушания или нет.

Ефимов. В.С. Я хочу сказать, что на наших слушаниях присутствовали члены правительства, представители РАН на которых вы ссылаетесь, поэтому хотите вы этого или не хотите, протокол будет, в протоколе будет просто написано то решение, которое сейчас озвучено. Подпишут протокол члены той группы, которую вы избрали перед началом слушаний, в полном составе или не в полном. Спасибо.

Сутягина А.Г. Протокол будет подписан, но какое будет принято решение от присутствующих на слушаниях.

Ефимов. В.С. Слушания принятие решений не предусматривают.

Из зала. А с какой целью вы тогда проводите слушания?

Крейндлин М. В соответствии с положением об ОВОС «протокол подписывается представителем органов исполнительной власти местного самоуправления, граждан, общественных организаций, заказчика» поэтому предложение уважаемого представителя

«РусГидро», что протокол будет подписан или не подписан: если протокол будет подписан только представителем «РусГидро» он не будет действителен. Я прошу это иметь в виду.

Ефимов В.С. Он будет подписан не только представителями «РусГидро», а еще представителями науки, правительства.

Крейндлин М. Нет, он должен быть подписан представителями общественности и граждан.

Шум в зале

Беляков Виктор Николаевич. Уважаемые представители «РусГидро, вы сейчас как-то плюнули всем, кто здесь сидел и слушал ваши замечания четыре часа, вот прямо в лицо, понимаете, что вы сейчас совершили.

Ефимов В.С. Я думаю, что плевок все-таки был с вашей стороны.

Беляков В.Н. С нашей? Значит, смотрите, протокол подписывается представителями органов исполнительной власти и местного самоуправления, граждан и представителем заказчика. Подписывайте!

Сутягина А.Г. В таком случае мы можем уйти все. Если там наше мнение не учитывается.

Ефимов В.С. Ваше мнение учитывается как раз.

Шум из зала. Давайте уходим.

Мукта И.В. Подождите, подождите.

Шум в зале

Крейндлин М. Я прошу последнее выступление господина Ефимова тоже внести в протокол.

Стрижова Т.А. В какой протокол, если вы не хотите его подписывать!

Сутягина А.Г. Уважаемые участники общественных слушаний, эти три пункта, которые я зачитала. Там в решении запишем: добавить четвертый пункт – «РусГидро» подготовить материалы ОВОС строительства Эвенкийской ГЭС для НПУ 110, то есть пусть они нам разрабатывают другой ОВОС.

Стрижова Т.А. Я признаю полностью все предложения и то решение, которое было изложено и подготовлено вашей группой с совершенно верными замечаниями. Единственное, что сейчас протокольной группе (если мы считаем, что общественное обсуждение проекта предварительного варианта материалов ОВОС Эвенкийской ГЭС и форма общественных слушаний состоялись), мы вносим все предложения. Нравятся они нам или не нравятся. Мы тут все не стесняемся в выражениях, поэтому давайте будем уважать друг друга и занесем всё в протокол максимально. Я за то, чтобы в протоколе было все.

Мукто И.В. Татьяна Алексеевна, поступили следующие предложения: первое – считать ОС несостоявшимися, второе – сделать перерыв, третье – считать состоявшимися, но внести то, что Марина Владимировна предлагала. Прошу не уходить. Правильно я понял? Давайте тогда голосовать.

Шум в зале. Уже многие ушли... Нет счетной комиссии...

Мукто И.В. Прошу проголосовать. Кто за то, чтобы считать слушания несостоявшимися?

Кто за то, чтобы сделать перерыв в слушаниях и продолжить их после окончательной подготовки всех материалов по результатам наших замечаний? Кто за то, чтобы слушания признать состоявшимися и внести все предложения Марины Владимировны?

Шум в зале. Мукто И.В. пересчитывает поднятые руки.

Мукто И.В. Итак из тех, кто остался, мы имеем. Короче, за несостоявшиеся ОС – 22. 9 за вариант, предложенный Суворовым – перерыв. И за вариант Марины Владимировны – 11. Большинство из оставшихся здесь – 22 человека против. В начале слушаний было принято решение все спорные вопросы выносить на голосование и считать принятыми, если за них проголосовало 50 процентов + один голос.

Стрижова Т.А. Это неправильно! Если 200 человек ушло и 22 человека выразили их мнение это считается все-таки некорректно по отношению к тем, кто ушел. Поэтому я еще раз призываю встать на законодательную основу. Нам ничто не противоречит сейчас

признать эти слушания состоявшимися и принять озвученное решение, которое очень непростое для заказчика, очень болезненное, внести в протокол результаты анкетирования и чтобы они завтра формально были доведены до руководства компании. Ведь неужели этого всего не состоялось. Мы как будем доводить до руководства вопросы жителей, как будем учитывать их в материалах ОВОС, если нет официального документа.

Мукто И.В. Те 200 человек, которые ушли, они либо все для себя поняли, либо им стало неинтересно. Те, кто остался, те решили. Большинство считает слушания несостоявшимися. Все! Я больше ничего говорить не собираюсь, большое спасибо всем за участие. Все, всего хорошего. Протокольная группа оставайтесь.

Из зала. А зачем оставаться? Документ чего будет?

Сутягина А.Г. Не надо! Протокола не будет, но решение будет, что слушания не состоялись, вы предоставили недостоверную информацию.

Стрижова Т.А. Сейчас ведется протокол ОС, а в результате будет написано, что они не состоялись?

Сутягина А.Г. В конце, да.

Из зала. Если мы составим хоть какой-нибудь протокол, им этого достаточно. Ничего не будем подписывать.

Сутягина А.Г. Вы хотите вырвать протокол любой ценой. Не будем ничего подписывать!

Стрижова Т.А. Нет, мы хотим соблюсти закон и зафиксировать то, что действительно состоялось, ради чего приходили сегодня более 200 людей, выступали, готовились, оставляли свои замечания. К вам приехали специалисты, ученые, правительство. Были даны подробные ответы на все вопросы. Все это мы и хотим зафиксировать.

Участники слушаний расходятся.

Перечень разногласий

От лица членов протокольной группы – Ефимова В.С., Анциферовой Н.И, Иванова В.М. и в соответствии с п. 4.9 «Положения об ОВОС..» в настоящий протокол общественных слушаний по Предварительному варианту материалов ОВОС Эвенкийского гидроузла на реке Нижняя Тунгуска включаем следующий **«Перечень разногласий»:**

1. В голосовании по процедуре завершения общественных слушаний приняли участие 36 человек из 206 человек, зарегистрированных на начало ОС и из 221 участвовавших в анкетировании (информация Председателя ОС Мукто И.В. и Председателя Рабочей группы Шевченко М.С.), что противоречит регламенту проведения подобных общественных мероприятий.

2. Подсчет голосов по вопросу завершения процедуры общественных слушаний осуществлялся Председателем Мукто И.В., а по утвержденному регламенту подсчет должна была осуществлять протокольная группа.

3. Вопреки мнению членов протокольной группы Ефимова В.С., Анциферовой Н.И, Иванова В.М. результаты анкетирования участников слушаний в количестве 221 человека были озвучены до завершения официальной процедуры общественных слушаний без предусмотренного утвержденным регламентом слушаний голосования по спорному вопросу.

4. Члены протокольной группы от п.г.т. Тура отказались от совместной работы над итоговым протоколом общественных слушаний.

5. Решение о прекращении полномочий протокольной группы не принималось и не выносилось на голосование.

6. Членам протокольной группы от Инициатора, Заказчика и Исполнителя не были представлены следующие материалы: списки зарегистрированных участников общественных слушаний; материалы анкетирования; письменные официальные заявления; предложения, выступления, замечания, озвученные и переданные участниками слушаний для включения в состав протокола и другие приложения.

Литература

Аблажей А.М., Аблажей Н.Н. Эвенкийская ГЭС 20 лет спустя: опыт социальной оценки мега-проекта // Становление индустриально-урбанистического общества в Урало-Сибирском регионе. Подходы, исследования, результаты: материалы межрегиональной науч.-практ. конф. Новосибирск: Параллель, 2010. С. 99–109.

Малик Л.М. Географо-гидрологическая оценка последствий создания крупных гидроэлектростанций на севере Российской Федерации // Вопросы географии (Издание Московского отделения Русского географического общества). Сб. 133: Географо-гидрологические исследования. М., 2012. С. 347.

Ушаков Д.В., Плюснин Ю.М., Аблажей А.М. Социально-экологические проблемы коренного населения Эвенкии в свете возможного строительства гидроэлектростанции на Нижней Тунгуске // Вестник НГУ. Сер.: Философия. 2012. Т. 10. Вып. 1. С. 64–72.

Эвенкийская жизнь. 10 апреля 2008 г. [Электронный ресурс]. URL: http://www.evenkya.ru/infoeg/life/evenkiyskaya_ges_nachat_konstruktivnyy_dialog.html (дата обращения: 23.11.2021).

Ablazhey A.M., Campbell Cr.R. Identity, Community and Belonging (on the Example of Kezhemsky & Evenkiysky Municipal Districts of Krasnoyarsk Krai) // Журнал Сибирского федерального университета. Гуманитарные науки. 2018. Т. 11, № 4. С. 526–533.

References

Ablazhey, A.M., Ablazhey, N.N. (2010). Evenkiyskaya GES 20 let spustya: opyt sotsial'noy otsenki mega-proekta [Evenk HPS 20 Years Later: Experience in Social Evaluation of a Mega-Project]. In *Stanovlenie industrial'no-urbanisticheskogo obshchestva v Uralo-Sibirskom regione. Podkhody, issledovaniya, rezul'taty*. Novosibirsk, Parallel', pp. 99–109.

Ablazhey, A.M., Campbell, Cr.R. (2018). Identity, Community and Belonging (on the Example of Kezhemsky & Evenkiysky Municipal Districts of Krasnoyarsk Krai). In *Zhurnal Sibirskogo federal'nogo universiteta. Gumanitarnye nauki*. Vol. 11, No. 4, pp. 526–533.

Evenkiyskaya zhizn'. 10 aprelya 2008 g. [Evenki Life. April 10, 2008]. Available at: URL: http://www.evenkya.ru/infoeg/life/evenkiyskaya_ges_nachat_konstruktivnyy_dialog.html (date of access 23.11.2021).

Malik, L.M. (2012). Geografo-gidrologicheskaya otsenka posledstviy sozdaniya krupnykh gidroelektrostantsiy na severe Rossiyskoy Federatsii [Geographic and Hydrological Assessment of the Consequences of Creating Large Hydroelectric Power Plants in the North of the Russian Federation]. In *Voprosy geografii (Izdanie Moskovskogo otdeleniya Russkogo geograficheskogo obshchestva)*. Sb. 133: *Geografo-gidrologicheskie issledovaniya*. Moscow, p. 347.

Ushakov, D.V., Plyusnin, Yu.M., Ablazhey, A.M. (2012). Sotsialno-ekologicheskie problemy korennoy naseleniya Evenkii v svete vozmozhnogo stroitelstva gidroelektrostantsii na Nizhney Tunguske [Socio-Ecological Problems of the Indigenous Population of Evenkia in the Light of the Possible Construction of a Hydroelectric Power Station on the Lower Tunguska]. In *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filosofiya*. Vol. 10, Iss. 1, pp. 64–72.

Статья поступила в редакцию 01.12.2021 г.

Е.Н. Крякин*

E.N. Kryakin*

**«Евреям в Советском Союзе быть!»
Проблема выбора жизненного
пути советского еврейства в годы
поздней перестройки****

**“Jews in the Soviet Union to Be!”
The Problem of Choosing the Path
of Life of Soviet Jewry in the Years
of Late Perestroika****

doi:10.31518/2618-9100-2022-1-18

doi:10.31518/2618-9100-2022-1-18

УДК 93

Выходные данные для цитирования:

How to cite:

Крякин Е.Н. «Евреям в Советском Союзе быть!» Проблема выбора жизненного пути советского еврейства в годы поздней перестройки // Исторический курьер. 2022. № 1 (21). С. 217–225. URL: <http://istkurier.ru/data/2022/ISTKURIER-2022-1-18.pdf>

Kryakin E.N. “Jews in the Soviet Union to Be!” The Problem of Choosing the Path of Life of Soviet Jewry in the Years of Late Perestroika // Historical Courier, 2022, No. 1 (21), pp. 217–225. [Available online: <http://istkurier.ru/data/2022/ISTKURIER-2022-1-18.pdf>]

Abstract. Since 1968, Jews have been able to leave the USSR as part of repatriation to Israel. The restrictions imposed on this process made it impossible to repatriate the entire Jewish population of the USSR. In 1976, M.A. Chlenov voiced the idea of the possibility of developing an independent Jewish culture in the USSR in a dialogue with the Soviet authorities. In the 1970s, this idea seemed hardly achievable, but the political shifts after 1985 revived the frozen processes of an independent national life. Soviet Jews got an opportunity to develop their independent culture outside of repatriation, to remain themselves while still living in the Soviet Union. The article shows that this was not a consequence of the assimilation of Soviet Jewry, but aliyah was not perceived as the only possible option for the development of Jewish life.

Keywords: Soviet Jewry, repatriation, aliyah, social organization, Vaad USSR, Perestroika, M. Members, communities, Jews.

The article has been received by the editor on 01.12.2021.

Full text of the article in Russian and references in English are available below.

Аннотация. С 1968 г. евреи получили возможность выезда из СССР в рамках репатриации в Израиль. Ограничения, налагаемые на этот процесс, делали невозможным репатриацию всего еврейского населения СССР. В 1976 г. М.А. Членов озвучил мысль о возможности развития независимой еврейской культуры в диалоге с советской властью. В 1970-е гг. эта идея казалось малодостижимой, но политические сдвиги после 1985 г. оживили замороженные процессы независимой национальной жизни. Советские евреи получили возможность развивать свою культуру вне репатриации, возможность оставаться евреями, оставаясь в Советском Союзе. В статье показано, что это не было следствием ассимиляции советского еврейства, но алия не воспринималась как единственный возможный вариант развития еврейской жизни.

Ключевые слова: советское еврейство, репатриация, алия, национальные общественные организации, Ваад СССР, перестройка, М. Членов, национальные общины, евреи.

* Крякин Евгений Николаевич, кандидат исторических наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия, e-mail: ekryakin@hse.ru

Kryakin Evgeny Nikolaevich, Candidate of Historical Sciences, National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia, e-mail: ekryakin@hse.ru

** Сбор архивных материалов был проведен в ходе работы автора в рамках исследовательского семинара «Евреи “застоя” и “перелома” (1971–1992)», организованного Еврейским музеем и центром толерантности в 2021 г.

The collection of archival materials was carried out during the author's work in the framework of the research seminar “Jews of Stagnation and Fracture (1971–1992)”, organized by the Jewish Museum and the Tolerance Center in 2021.

До 1968 г. фактически не существовало отлаженных механизмов эмиграции евреев из СССР. Есть данные о 16 выданных советскими уполномоченными органами разрешениях на выезд с 1948 по 1952 г. в государство Израиль¹ и нескольких сотнях таких разрешений, выданных в 1950-е гг.² Ситуацию осложняли непростые советско-израильские отношения.

В 1968 г. евреи получили возможность выезда из СССР для воссоединения с родственниками. Выезд был ограничен, необходимо было иметь нотариально заверенное приглашение от родственников, проживающих в Израиле, письменно объяснить пути попадания туда родственников и на основании этого получить выездную визу в Отделе виз и регистрации (ОВИР)³. Отъезд из СССР был возможен только в рамках репатриации в одну сторону, без возможности возвращения обратно. Часть советских евреев, желавших выехать из СССР для воссоединения с родственниками, не получила в ОВИР выездной визы, сформировалось явление «отказников», желавших репатриироваться, но получивших отказ на выезд по тем или иным причинам.

Движение «отказников» в 1970-х – первой половине 1980-х гг. не имело возможностей институционального оформления, однако многие из них имели активную гражданскую позицию, искали формы, позволявшие заявить о проблемах, добиться выезда. Благодаря их активной позиции в 1970-е гг. могло казаться, что все еврейское население рано или поздно планирует покинуть Советский Союз, однако советское еврейство не было однородным. Различия в видении путей устройства жизни были как среди тех, кто уезжал, так и среди тех, кто оставался. Для получивших разрешение на выезд уже в начале 1970-х гг. Израиль стал не единственной точкой отправления. С 1971 г. начался процесс эмиграции евреев в Соединенные Штаты Америки, минуя Израиль. Этот феномен получил название «ношрим», с иврита «отпавшие»⁴. Эмиграция теперь означала не только репатриацию.

Оставшиеся в СССР евреи тоже были неоднородны: «отказники» боролись за выезд, часть советских евреев выступила за развитие еврейской культуры «здесь», в Советском Союзе, ощущая себя частью многонационального советского народа. В 1975 г. появились две условные группы: «политиков», планировавших бороться за право выезда, и «культурников», ставивших цель развития еврейской культуры вне репатриации. Этот феномен подробно описан в работе Юрия Кошаровского⁵.

Состоявшийся в 1976 г. в Москве симпозиум по еврейской культуре показал более сложный характер дифференциации советского еврейства по вопросам видения своей дальнейшей жизни. Докладчиками были представлены четыре вектора развития советского еврейства: поддержка алии, выезда евреев в Израиль (Престин, Абрамович, Цили Райтбурд), развитие еврейской культуры в СССР на базе диалога с властью (Михаил Членов), еще два докладчика видели развитие культуры в религиозном ключе⁶. Развитие независимой еврейской культуры в диалоге с советской властью в этот период казалось маловероятным.

Среди выступавших были не только «отказники». Михаил Членов не подавал заявление на выезд, тем не менее занимал активную позицию, для него алия была важной, но не единственной формой существования еврейского населения⁷. В условиях отсутствия возможностей институционализации еврейской жизни он искал легальные пути развития

¹ Советско-израильские отношения: сборник документов. М., 2000. Т. 1: 1941–1953. С. 343–344.

² Говрин Й. Израильско-советские отношения. 1953–1967. М., 1994.

³ Goldman M.F. United States Policy and Soviet Jewish Emigration from Nixon to Bush // Jews and Jewish Life in Russia and the Soviet Union. London, 1995.

⁴ Кошаровский Ю. Мы снова евреи: очерки по истории сионистского движения в бывшем Советском Союзе. 2007 [Электронный ресурс]. URL: <http://kosharovsky.com/интервью> (дата обращения: 23.11.2021).

⁵ Кошаровский Ю. Мы снова евреи: очерки по истории сионистского движения...

⁶ Там же.

⁷ Полевые материалы автора. Интервью члена Президиума Всемирной сионистской организации М.А. Членова. Июль 2021 г. (информанты: М.А. Членов, 1940 г.р., г. Москва, интервьюеры Е. Заболотых, Е. Крякин, С. Падалко).

еврейской культуры. В 1980 г. при участии М. Членова была проведена историко-этнографическая комиссия и проведено анкетирование советских евреев, впервые получены ценные статистические материалы о численности и самоидентификации евреев в СССР⁸.

Политические реформы перестройки, с одной стороны, дали возможность легализации еврейских организаций, способствовали оживлению еврейской общественной жизни, с другой – открыли возможности для широкой эмиграции. В 1988 г. из СССР выехало 18 961 чел., в 1989 г. – уже 71 005. В 1990 г. был отмечен наибольший отток в 228 400 чел., из которых большая часть направилась в Израиль (183 400 чел.), нарушив сложившуюся ранее тенденцию, когда отток в США превышал отток в Израиль. Такая ситуация сложилась потому, что в этом году уехали бывшие «отказники», ожидавшие выезда в отдельных случаях десятки лет. Тем не менее часть еврейского населения осталась в СССР и приняла участие в развитии независимой еврейской культуры, идеи которой сформулировал М. Членов во второй половине 1970-х гг.

Задача настоящей статьи – показать на новых архивных материалах архива Федерации Еврейских организаций и общин – Ваад России, как формировалась и укреплялась идея продолжения жизни советского еврейства в Советском Союзе на фоне массовой алии 1989–1990 гг., с одной стороны, и глобальных политических реформ перестройки с другой.

В качестве источников использованы материалы архива Ваад России и интервью Михаила Членова, участника исследовательского семинара «Евреи “застоя” и “перелома”» Еврейского музея и центра толерантности, приведенное летом 2021 г.

Еврейское независимое движение в год поздней перестройки мало исследовано в современной отечественной и зарубежной историографии, более подробно описан период до середины 1980-х гг. Исследователей интересовали проблемы еврейского диссидентства после ВОВ⁹, проблемы отъезда евреев из СССР в 1970–1980-е гг.¹⁰, изучались формы общественной активности советского еврейства¹¹. Проблема соотношения алии и ношрим описана в работах Юрия Кошаровского¹², их ценность заключается в использовании большого количества интервью участников событий, лидеров независимого еврейского движения, что, безусловно, является ценным материалом, но требует привлечения и других источников. В ряде работ описаны практики еврейского диссидентства в первой половине 1980-х гг. и деятельность «отказников»¹³, а также действия советской власти в отношении «отказников»¹⁴. В работах уделено внимание приемам советской прессы, освещавшей проблему эмиграции¹⁵, и отношение к проблеме в американской прессе¹⁶. Менее исследована тема алии 1989–1990 гг., институционализация еврейской общественной жизни в позднюю перестройку, вопросы определения части советского еврейства себя как элемента советского общества, невозможного в отрыве от него, проблемы выбора дальнейшего пути советского еврейства, исключавшие эмиграцию.

⁸ Кошаровский Ю. Мы снова евреи: очерки по истории сионистского движения...

⁹ Бельская Л., Зингер Б. Наперекор: Еврейское национальное движение в СССР и его идеология (1945–1976 гг.). Минск, 2004.

¹⁰ Еврейская эмиграция в свете новых документов. Тель-Авив, 1998.

¹¹ Королева Л.А., Молькин А.Н. Еврейская оппозиция в СССР. 1950–1970-е гг. // Современные проблемы науки и образования, 2015. № 1 [Электронный ресурс]. URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=18743> (дата обращения: 24.11.2021).

¹² Кошаровский Ю. Мы снова евреи: очерки по истории сионистского движения...

¹³ Гордеева И.И. Отказники, евреи, расчеты, космополиты: Проблема социальной базы независимого мира движения в СССР 1980-х годов // Труды по еврейской истории и культуре. М., 2017. С. 177–194.

¹⁴ Обшивалкин М.Ю., Вазерова А.Г. Преследования евреев-отказников в СССР в конце 1970-х гг. (по материалам «Вестей из СССР») // Современные научные исследования и инновации. 2015. № 4. Ч. 2 [Электронный ресурс]. URL: <https://web.snauka.ru/issues/2015/04/50442> (дата обращения: 24.11.2021).

¹⁵ Стровский Д.Л. Тема репатриации евреев из СССР в советских СМИ как проявление медиапропаганды 1970-х годов (на примере газеты «Известия») // Гуманитарный вектор. 2020. № 5. С. 135–148.

¹⁶ Антошин В.А., Стровский Д.Л. Эмиграция евреев из Советского Союза в 1960–1970-е гг. на страницах американской прессы // Вестник Российского университета дружбы народов. 2018. Т. 17, № 2. С. 320–356.

Перестройка стимулировала интеграцию и институционализацию внутри советского еврейства, дала возможности развитию независимой национальной еврейской культуры в диалоге с государственной властью. Идею продолжения жизни евреев в СССР, высказанную М. Членовым в 1976 г., не разделяли ни на Западе, так как это определенным образом рушило сложившееся представление о советских евреях, ни в самом СССР в среде «отказников». Однако ограничения, налагаемые на алию советскими властями, все еще делали невозможным репатриацию всего еврейского населения СССР. Михаил Членов в интервью вспоминает: «В 1970-е годы речь шла не о культуре, а о продолжении жизни еврейского населения в СССР. В 1970-е годы мы не знали о том, что СССР кончится, мы не задавались таким вопросом. Для меня было ясно, что алия – это важное судьбоносное решение, но была проблема, что тут останется какое-то количество населения, эту проблему разделяли все, будет ли эта культура или нет – это еще был вопрос»¹⁷. Нужно было организовать жизнь тех, кто останется.

В интервью Юрию Кошаровскому активист еврейского независимого движения Александр Шмуклер отметил: «Я отдаю должное Членову, который 20 лет назад утверждал, что какая бы алия ни была, евреи будут продолжать жить в советском пространстве, – он не предполагал развала Союза, – и приступил к закладыванию основ еврейской национальной жизни в перестроечных условиях Советского Союза. И оказался прав»¹⁸. Эти шаги стали возможны с началом перестройки.

Либерализация второй половины 1980-х гг. прямым образом повлияла на жизнь советских евреев, был снят ряд запретов и ограничений, оживилась общественная жизнь за счет освобождения из заключения лидеров «отказников». По воспоминаниям Михаила Членова, «реальная перестройка начинается в конце 1986 г., то, что было в 1985–1986 гг. – это была предыстория перестройки, которая еще не проявила себя как судьбоносная реформа, что-то малопонятное. В 1987 г. вышли на свободу все политзаключенные, в том числе и еврейские, которые носили название “узники Сиона”, устраивали банкеты в их честь, встречи, посиделки»¹⁹. В еврейское общество вернулись его наиболее активные участники.

Лидеры отказного движения искали пути включения в общественную жизнь, пути обсуждения происходящих политических и социальных сдвигов: «Лето 87 года, мы начинаем собираться, мы – это группа в первую очередь лидеров старого отказного движения: Виктор Львович Брейловский, впоследствии министр Израильского правительства, Иосиф Бегун, Игорь Губерман. Мы сидели и обсуждали, что вообще происходит. Началось что-то явно новое»²⁰. Эти дискуссии стали важным шагом будущей институционализации еврейской общественной жизни.

Важной составляющей обсуждений на первых этапах было создание организации, которая бы защищала культурные права советских евреев: «Бегун говорит, давайте создадим организацию. Мы спрашиваем – чем будем заниматься? Мы это обсуждаем полушутя. Ну вот приходит к нам Рабинович и говорит: мне не дают танцевать еврейские танцы, тогда мы заявляем, Рабиновичу не дают танцевать еврейские танцы, а если Рабинович говорит нам, что хочет танцевать, но не умеет – это не к нам»²¹. Важно было очертить возможности, которые получало еврейское движение с расширением демократизации.

Летом 1987 г. политическая ситуация менялась быстро, политические процессы ускорялись, в обществе зарождалась неуверенность и боязнь перемен, что нашло отражение в росте антисемитизма. Членов вспоминает: «Договорились о том, что соберемся осенью, а потом подумаем, что делать. Пока мы разъезжаемся, появляется беспокойство общее, возникает новая форма антисемитизма, общественная форма в виде общества “Память”, они начинают распространять магнитофонные записи, кассеты про жидомасонский заговор. Народ

¹⁷ Полевые материалы автора. Интервью члена Президиума Всемирной сионистской организации М.А. Членова...

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же.

²¹ Там же.

немного возбуждается от этого, в том числе и еврейский»²². С точки зрения деятелей общества «Память», еврейство было актором всех негативных судьбоносных поворотов в истории России XX в. Такая форма антисемитизма способствовала более скорой и широкой консолидации еврейской общественности для принятия общих решений, так как появилась общая опасность.

После 1987 г. возникло несколько независимых общественных организаций, в Москве появились Еврейская культурная ассоциация «Культурный центр имени С. Михоэлса», общество еврейской культуры «Шолом», общества еврейской культуры в других городах и республиках СССР²³. В этот период не существовало какой-либо единой еврейской ассоциации, еврейские организации возникали хаотично, их появление было ответом на новые вызовы и возможности. Лидеры этих объединений понимали историческую важность момента.

19 марта 1989 г. в Ленинграде прошло первое учредительное собрание Ленинградского еврейского культурного общества. Выступавший там доктор исторических наук Н.В. Юхневой отметил: «Сейчас происходят очень важные и совершенно удивительные события в жизни евреев нашей страны. Я думаю, что можно говорить о первых шагах национального возрождения или, если быть более осторожным в определениях, о национальном пробуждении. Это кажется чудом»²⁴. Н.В. Юхневой отметил важность движения «отказников», на опыте которых следовало развивать еврейскую жизнь.

По мере продвижения реформ перестройки, открытия государственных границ, продвижения идей нового мышления советское еврейство втягивалось в жизнь мирового еврейства. В 1989 г. в Риге прошел симпозиум «Юридические аспекты и проблемы отказа». Михаил Членов отметил, что «это был первый раз, когда участвовали приехавшие “отказники” уже из Израиля. Это была фантастика. Наши друзья, которые уехали, смогли присутствовать. Те “отказники”, которые оставались в СССР, не участвовали»²⁵. «Отказников», оставшихся в СССР, продолжала интересовать алия, и они сконцентрировались на получении возможности выезда для себя и своих семей. Нестабильность, которой пугали реформы перестройки и рост антисемитизма, только усилила этот процесс. Членов вспоминает, что «в 1988 г. снимаются ограничения на эмиграцию, началась массовая эмиграция, начался массовый исход, “отказники” сразу мне сказали, что антисемитизм – это не наше дело, потому что мы хотим уехать»²⁶. С их точки зрения Израиль оставался единственным безопасным для евреев государством и бороться с новой волной антисемитизма в СССР было бесполезно.

На фоне быстрорастущего числа еврейских организаций и объединений появилась попытка собрать общую всесоюзную ассоциацию для координирования и обсуждения общих решений. Первым шагом в этом направлении стал Рижский круглый стол по проблеме советского еврейства, созданный по инициативе Латвийского общества еврейской культуры и Еврейской культурной ассоциации.

По материалам итогового документа круглого стола, проведенного 21–22 мая 1989 г., видно, что еврейская общественность позитивно восприняла начало политических реформ М.С. Горбачева: «Начавшаяся перестройка создала предпосылки для развития независимого еврейского движения, стремящегося формулировать национальные права и интересы советских евреев, повсеместно возникают разнообразные еврейские организации, общества, группы, религиозные общины, активировалась эмиграция»²⁷. Здесь же была озвучена идея

²² Полевые материалы автора. Интервью члена Президиума Всемирной сионистской организации М.А. Членова...

²³ Кошаровский Ю. Мы снова евреи: очерки по истории сионистского движения...

²⁴ Архив Межрегиональной общественной организации «Федерация еврейских организаций и общин – Ваад (совет)» (Архив Ваад). Ф. 1. Оп. 1. Д. 16. Информационный бюллетень № 16 Черновицкого еврейского общественно-культурного фонда. г. Черновцы, 1989 г. Л. 32.

²⁵ Полевые материалы автора. Интервью члена Президиума Всемирной сионистской организации М.А. Членова...

²⁶ Там же.

²⁷ Архив Ваад. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1. Съезд еврейских организаций и общин СССР. Пресс-бюллетень № 1. 18 декабря 1989 г. г. Москва. Л. 3.

создания культурной национальной автономии и начала широкого диалога с властью, был назначен съезд представителей всех еврейских организаций на декабрь 1989 г. Созданный на Рижском столе Коронационный совет из представителей многих региональных организаций стал основой, на которой формируется Ваад – конфедерация еврейских организаций и общин СССР.

Ассоциация еврейских организаций, первый учредительный съезд которой пришел в декабре 1989 г., получила название Ваад СССР. В проекте программы Ваад, который был принят на съезде, ассоциация ставила главной своей целью преодоление разрыва, образовавшегося между советскими евреями и остальными евреями мира. Организация поддерживала возможность репатриации, в то же время отмечалось, что деятельность ассоциации прежде всего касается вопросов, связанных с жизнью евреев в СССР²⁸.

Первый Учредительный съезд Ваада состоялся в Москве в помещении Дома кино 18–22 декабря 1989 г. По данным Юрия Кошаровского, на съезде было зарегистрировано 414 делегатов из 77 городов СССР, представляющих 204 организации. Присутствовали зарубежные гости, съезд посетили представители «Джойнта», Всемирного еврейского конгресса, Еврейского Агентства и других мировых еврейских организаций²⁹. Несмотря на одобрение проведения официальными властями СССР, а по мнению М. Членова, лично М.С. Горбачевым³⁰, официальные лица проигнорировали съезд Ваад, хотя были приглашены. В прессе съезд не был широко освещен.

Важным вопросом съезда стала проблема репатриации евреев в Израиль. В первый день работы съезда М. Членов отметил, что «возможно советские евреи вступили в последнюю фазу своего существования, но фаза эта – длительный процесс, и мы должны быть озабочены тем, чтобы что-то сделать для тех, у кого случилось так, что они остались, и для тех, у кого случилось так, что они уехали»³¹. Отъезд всех советских евреев из СССР и в этот период представлялся маловероятным.

Изменился социальный состав репатриантов, теперь в их число входили так называемые «тихие евреи», который еще недавно не заявляли о своей национальной идентичности. М. Членов отметил, что рост эмиграции 1989 г. связан не с желанием поиска своей идентичности, а вызван страхом перед неизменностью реформ перестройки: «Чем выше ассимилирован еврей, тем выше вероятность его отъезда. Эти люди совсем недавно и не помышляли об эмиграции по национальным мотивам. Это вызвано страхом перед политической нестабильностью»³². К этому времени стало окончательно ясно, что реформы перестройки имеют глобальный характер.

Участники съезда выступали за возможность самостоятельного выбора жизненного пути еврейства СССР: «Алия поставила практически перед каждой семьей вопрос о том, как она будет существовать дальше. Более того, алия дала пример того, как можно уезжать, но и того, как можно, оставаясь, оставаться евреем»³³. Алия не представлялась единственной формой дальнейшей жизни советских евреев, но выбор в пользу алии уважался президиумом Ваад как значимое решение в судьбе репатриантов.

Активизация общественной жизни советского еврейства открывала большие возможности для развития национальной культуры в СССР: «В последние десятилетия хоть и робко, но стали складываться какие-то формы еврейской общественной жизни, еврейская культура вобрала в себя на русском субстрате старое местечковое наследие, современную израильскую культуру и влияние галутной американской жизни»³⁴. Советская еврейская культура имела особый колорит как часть российской и советской культуры.

²⁸ Архив Ваад. Ф. 2. Оп. 1. Д. 2. Протоколы первого съезда Ваад СССР. Л. 22–33.

²⁹ Кошаровский Ю. Мы снова евреи: очерки по истории сионистского движения...

³⁰ Полевые материалы автора. Интервью члена Президиума Всемирной сионистской организации М.А. Членова...

³¹ Архив Ваад. Ф. 2. Оп. 1. Д. 2. Протоколы первого съезда Ваад СССР. Выступление М.А. Членова на Пленарном заседании съезда Ваад. Л. 15.

³² Там же.

³³ Там же. Л. 16.

³⁴ Там же.

В организационно-структурном плане съезд Ваад во многом был продуктом своей эпохи. Главным учредительным органом объявлялся Съезд ассоциации еврейских общин, в его ведении были основные решения. Материалы первого съезда показывают неоднородность еврейского общества, оно было «плюралистическим по целому ряду параметров: социальному, политическому, этническому, культурному, языковому, религиозному»³⁵. На съезде звучали разные мнения, была возможность высказать полярное видение проблем, не все участники были согласны с идеей продолжения существования еврейской культуры в СССР, многими такая идея воспринималась в штыки, не все были согласны с идеей создания Ваада вообще.

На третьем дне съезда президент Союза сионистов Иргун Циони Лев Городецкий раскритиковал президиум, обвинив его в попытке узурпации главенствующей роли в советском еврействе. По своим функциям Ваад с точки зрения Городецкого должен был исполнять исключительно обслуживание алии: «Здесь нас собрали на импровизированное шоу, призванное создать очередной мыльный пузырь в виде Ваад. Организаторы получают право представлять советских евреев за рубежом, что, видимо, и является их основной целью. Мы предлагаем использовать съезд для реальной помощи людям. Евреям не нужна здесь попытка реанимации галутной культуры. Люди голосуют ногами. Мы предлагаем создать Всееврейский комитет по репатриации, задачами которого будут пропаганда сионизма и изучение иврита, помощь в получении вызовов»³⁶. Мнение Льва Городецкого было выслушано и учтено, что показывает высокий уровень демократичности, заложенный в основании создаваемой ассоциации.

Мнения, высказанные на съезде, вполне отражали весь спектр идей советского еврейства того периода. Съезд критиковали за антидемократичность: «Создаваемая структура приобретает функции министерства. Стоит ли создавать постоянный президиум, ведь работать в нем смогут только москвичи, что нарушает принцип демократии»³⁷. Делегаты съезда спорили о родине советского еврейства, о том, может ли съезд представлять интересы всех советских евреев. В пользу алии высказывались опасения о будущем экономическом коллапсе в СССР: «Национальные проблемы и распад Империи зашли так далеко, что нет гарантий того, что Советский Союз в состоянии продвигаться без катаклизмов»³⁸.

Съезд дал уникальный шанс высказаться различным категориям советской еврейской общественности, иногда это происходило в нарушение регламента, желание высказать свою точку зрения порой лишало возможности слушать других. Материалы съезда полны таких примеров:

«– Уважаемый Сергей, прошу прощения! Вы обещали выступить очень коротко с вашим приветствием!

– У меня осталось всего две страницы!

– Дать слово?

– Нет, нет! – выкрики из зала.

– Две страницы – это еще десять минут. Тут очень много желающих выступить. Понимаете?

– Да пусть выступит человек! – выкрики из зала»³⁹.

Такие обсуждения были маркером переломной эпохи, маркером гласности, дискуссии в период поздней перестройки шли на всех уровнях сложного и неоднородного советского общества, телевидение транслировало выступление делегатов Первого Съезда народных депутатов СССР, дискуссии становились ожесточеннее, обнажали общественные проблемы,

³⁵ Архив Ваад. Ф. 2. Оп. 1. Д. 2. Протоколы первого съезда Ваад СССР... Л. 17.

³⁶ Архив Ваад. Ф. 2. Оп. 1. Д. 2. Протоколы первого съезда Ваад СССР. Выступление президента Иргун Циони Льва Городецкого. 21 декабря 1989 г. Л. 349.

³⁷ Архив Ваад. Ф. 2. Оп. 1. Д. 2. Протоколы первого съезда Ваад СССР. Л. 223.

³⁸ Там же. Л. 235.

³⁹ Там же. Л. 332.

вместе с этим таяли надежды на скорейшее их решение. Еврейская общественная жизнь демонстрировала общие для всех советских народов процессы, но наиболее ярко и выпукло.

Выстраивать диалог в такой ситуации было делом трудным, все же первый съезд пришел к единому мнению по ряду вопросов. Был принят устав Ваад как общесоюзной добровольной демократической организации, цель которой – выживание евреев СССР в качестве национального, религиозного и культурного целого, реинтеграция евреев СССР в еврейский народ, способствование разнообразию форм общинной жизни и национальной культурной автономии евреев в различных регионах СССР⁴⁰. Оформился большой план действий.

По итогам съезда Ваад принял объемную и масштабную программу, на исполнение которой были необходимы большие средства, большие материальные и человеческие ресурсы. Изыскивать средства на реализацию программы в условиях усугубляющейся политической и экономической катастрофы было сложно, ставка делалась на энтузиазм организаторов, который был иссякаем. Этим обуславливаются сложности, возникшие в дальнейшей деятельности Ваад. Нечем было покрывать транспортные, офисные, представительские расходы, не считая проектов, которые Ваад наметил к осуществлению.

Все же благодаря деятельности Ваад на фоне глобальных политических изменений, происходивших в СССР, стало возможным развитие национальной еврейской культуры вне репатриации – это способствовало продолжению и развитию еврейской жизни в СССР вне угрозы ассимиляции, с осознанием своей идентичности. Появилась возможность оставаться евреем, оставаясь в СССР.

Литература

Антошин В.А., Стровский Д.Л. Эмиграция евреев из Советского Союза в 1960–1970-е гг. на страницах американской прессы // Вестник Российского университета дружбы народов. 2018. Т. 17, № 2. С. 320–356.

Беленькая Л., Зингер Б. Наперекор: Еврейское национальное движение в СССР и его идеология (1945–1976 гг.). Минск: МЕТ, 2004. С. 122.

Говрин Й. Израильско-советские отношения. 1953–1967 гг. М.: Прогресс, 1994. С. 148.

Гордеева И.И. Отказники, евреи, расчеты, космополиты: Проблема социальной базы независимого мира движения в СССР 1980-х годов // Труды по еврейской истории и культуре. Академическая серия. Вып. 54. М.: Сэфер, 2017. С. 177–194.

Еврейская эмиграция в свете новых документов / под ред. Б. Морозова. Тель-Авив: ЦХСД, Тель-Авивский университет, 1998. 559 с.

Королева Л.А., Молькин А.Н. Еврейская оппозиция в СССР. 1950–1970-е гг. // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 1 [Электронный ресурс]. URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=18743> (дата обращения: 24.11.2021).

Кошаровский Ю. Мы снова евреи: очерки по истории сионистского движения в бывшем Советском Союзе [Электронный ресурс]. URL: <http://kosharovsky.com/интервью> (дата обращения: 23.11.2021).

Обшивалкин М.Ю., Вазерова А.Г. Преследования евреев-отказников в СССР в конце 1970-х гг. (по материалам «Вестей из СССР») // Современные научные исследования и инновации. 2015. № 4. Ч. 2 [Электронный ресурс]. URL: <https://web.snauka.ru/issues/2015/04/50442> (дата обращения: 24.01.2021).

Стровский Д.Л. Тема репатриации евреев из СССР в советских СМИ как проявление медиапропаганды 1970-х годов (на примере газеты «Известия») // Гуманитарный вектор. 2020. № 5. С. 135–148.

Goldman M.F. United States Policy and Soviet Jewish Emigration from Nixon to Bush // Jews and Jewish Life in Russia and the Soviet Union. London: Frank Cass, 1995. 359 p.

⁴⁰ Архив Ваад. Ф. 2. Оп. 1. Д. 2. Протоколы первого съезда Ваад СССР. Программа Ваад.

References

Antoshin, V.A., Strovskiy, D.L. (2018). Emigraciya evreev iz Sovetskogo Soyuza v 1960–1970-e gg. na stranitsakh amerikanskoy pressy [Journal Emigration from the Soviet Union in the 1960s–1970s. On the Press Sensors Page]. In *Vestnik Rossiyskogo Universiteta Druzhby Narodov*. No. 2, pp. 320–356.

Belenkaya, L., Zinger, B. (2018). Naperekor: Evreyskoe natsionalnoe dvizhenie v SSSR i ego ideologiya (1945–1976 gg.) [In Defiance: Jewish National Movement in the USSR and its Ideology (1945–1976)]. Minsk, MET. 122 p.

Goldman, M.F. (1995). United States Policy and Soviet Jewish Emigration from Nixon to Bush. In *Jews and Jewish Life in Russia and the Soviet Union*. London: Frank Cass. 359 p.

Gordeeva, I.I. (2017). Otkazniki, evrei, raschety, kosmopolity. Problema sotsialnoy bazy nezavisimogo mira dvizheniya v SSSR 1980-kh godov [The Problem of the Social Base of the Independent World Movement in the USSR in the 1980s]. In *Trudy po evreyskoy istorii i kulture*. No. 54, pp. 117–194.

Govrin, I. (1994). Izrailsko-sovetskie otnosheniya. 1953–1967 gg. [Israeli-Soviet Relations. 1953–1967s]. Moscow, Progress. 148 p.

Koroleva, L.A., Molkin, A.N. (Ed.) Evreyskaya oppositsiya v SSSR. 1950–1970-e gg. [Jewish Opposition in the USSR. 1950s–1970s]. In *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya*. Available at: URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=18743> (data of access 24.11.2021).

Kosharovskiy, Yu. (Ed.). “Mi snova evrei” Ocherki po istorii sionistskogo dvizheniya v byvshem Sovetskom Soyuze [We Are Jews Again: Essays on the History of the Zionist Movement in the Former Soviet Union]. Available at: URL: <http://kosharovsky.com/интервью> (data of access 23.11.2021).

Morozov, B. (Eds.). (1998). Evreyskaya emigratsiya v svete novikh dokumentov [Jewish Emigration in the Light of New Documents]. Tel-Aviv, CHSD, Tel-Aviv’s University. 559 p.

Obshivalkin, M.Yu., Vazerovala, A.G. Presledovaniya evreev-otkaznikov v SSSR v kontse 1970-kh gg. (po materialam “Vestey iz SSSR”) [The Persecution of Jewish Refuseniks in the USSR in the Late 1970s. (Based on materials from “News from the USSR”)]. In *Sovremennye nauchnye issledovaniya i innovatsii*. Available at: URL: <https://web.snauka.ru/issues/2015/04/50442> (data of access 24.11.2021).

Strovskiy, D.L. (2020). Tema repatriatsii evreev iz SSSR v sovetskikh SMI kak proyavlenie mediapropagandy 1970-kh godov (na primere gazety “Izvestiya”) [The Theme of the Repatriation of Jews from the USSR in the Soviet Media as a Manifestation of Media Propaganda of the 1970s (on the Example of the Izvestia Newspaper)]. In *Gumanitarnyy vektor*. No. 5, pp. 135–148.

Статья поступила в редакцию 01.12.2021 г.

С.С. Падалко*

S.S. Padalko*

**Материальное еврейское
наследие Краснодара******The Material Jewish
Heritage of Krasnodar****

doi:10.31518/2618-9100-2022-1-19

doi:10.31518/2618-9100-2022-1-19

УДК 908

Выходные данные для цитирования:

How to cite:

Падалко С.С. Материальное еврейское наследие Краснодара // Исторический курьер. 2022. № 1 (21). С. 226–232. URL: <http://istkurier.ru/data/2022/ISTKURIER-2022-1-19.pdf>

Padalko S.S. The Material Jewish Heritage of Krasnodar // Historical Courier, 2022, No. 1 (21), pp. 226–232. [Available online: <http://istkurier.ru/data/2022/ISTKURIER-2022-1-19.pdf>]

Abstract. The article analyzes the objects of the material Jewish heritage of Krasnodar. It is shown that the most significant of the cultural monuments for modern Jewish organizations and communities are the historical building of the synagogue and the site of the Jewish cemetery in the city center. The study demonstrates how these objects become symbolically significant and influence the formation of continuity and group identity of the Jews of Krasnodar. Also, attention is paid to the list of objects of cultural heritage of the region and the process of registering monuments of Jewish culture in this list. The author comes to the conclusion that due to the limited number of Jews in the city, throughout the entire historical period, the number of monuments of Jewish history and culture is also relatively small, therefore, the remaining objects acquire even greater historical weight. This fact is confirmed by the fact that the building of the synagogue is under the protection of the state, and the cemetery site is undergoing the registration procedure, thus the significance of the objects is confirmed by the regional and city authorities.

Keywords: Jews of Krasnodar, synagogue, Jewish cemetery, material heritage, cultural heritage sites.

The article has been received by the editor on 25.11.2021.

Full text of the article in Russian and references in English are available below.

Аннотация. В статье анализируются объекты материального еврейского наследия Краснодара. Показано, что наиболее значимыми из числа памятников культуры для современных еврейских организаций и общин являются историческое здание синагоги и участок еврейского кладбища в центре города. Исследование демонстрирует, как данные объекты становятся символически значимыми и влияют на формирование преемственности и групповой идентичности евреев Краснодара. Также уделено внимание списку объектов культурного наследия края и процессу регистрации памятников еврейской культуры в этом перечне. Автор приходит к выводу, что ввиду ограниченного числа евреев в городе на протяжении всего исторического периода в городе не появилось большого числа памятников еврейской истории и культуры, поэтому оставшиеся объекты обретают еще больший исторический вес. Данный факт подтверждается тем, что здание синагоги находится под защитой государства, а участок кладбища проходит процедуру регистрации, тем самым значимость объектов подтверждается региональными и городскими властями.

* **Падалко Семен Сергеевич**, магистрант, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия, e-mail: semenpadalko14@gmail.com

Padalko Semen Sergeevich, Master's Student, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia, e-mail: semenpadalko14@gmail.com

** Исследование было проведено в рамках программы стипендий Исследовательского центра Частного учреждения культуры «Еврейский музей и Центр толерантности» (Москва) при финансовой поддержке А.И. Клячина.

The study was conducted within the framework of the scholarship program of the Research Center of the Private Cultural Institution "Jewish Museum and Tolerance Center" (Moscow) with the financial support of A.I. Klyachin.

Ключевые слова: евреи Краснодара, синагога, еврейское кладбище, материальное наследие, объекты культурного наследия.

В настоящий момент на территории Краснодара в список объектов культурного наследия города отнесено 505 пунктов. Он включает различные наименования объектов, прежде всего памятников архитектуры, таких как жилые и доходные дома, здания производственного (фабрики, типографии и т.д.) и общественного (лечебницы, гимназии, библиотеки и т.д.) значения, памятные места, скульптуры и другие объекты, которые могут быть отнесены к таковым в соответствии с Федеральным законом от 25 июня 2002 г. № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации».

Безусловно, государство является одним из основных акторов, которые в рамках законодательства стараются обеспечить сохранность исторической памяти, однако следует обратить внимание на то, кто и каким образом от лица общественности выступает за сохранение и передачу исторической и социальной памяти как о духовной, так и материальной культуре города. В центре внимания статьи несколько объектов, которые можно маркировать «памятниками еврейской культуры» Краснодара, и те отношения, возникающие в области их сохранения, популяризации и использования как объектов еврейского культурного наследия.

Приведенный выше перечень официально зафиксированных и охраняемых законом объектов культурного наследия является основной точкой отсчета нашего исследования, поскольку признание со стороны органов региональной и муниципальной власти того или иного объекта, по мнению автора статьи, можно считать наиболее авторитетной и институционализированной формой охраны коллективной памяти. Именно поэтому многие гражданские активисты стараются внести и зафиксировать памятник, который с их точки зрения считается важным для истории города и/или истории национального сообщества, живущего в этом городе. Таковым сообществом мы рассматриваем евреев города Краснодара, которые в течение нескольких последних лет предпринимают попытки по включению небольшого участка еврейского кладбища в список объектов культурного значения.

С другой стороны, данный перечень можно считать условным, поскольку он не является исчерпывающим. Органы, ответственные за исполнение законодательства по охране памятников, постоянно проводят работу по выявлению новых объектов. В то же время некоторые из числа включенных в список памятников из него исключаются. Еще один аспект, который стоит выделить, – подавляющее большинство объектов в этом перечне этнически не маркируются в названии. В краснодарском списке только несколько объектов имеют прямое указание на национальную принадлежность, таковыми являются Армянская школа им. Б.В. Чарачева (1907–1910 гг.), Дом Армянского благотворительного общества (1911 г.), Армянское церковно-приходское попечительство (1913 г.), Эллинское училище с домовою церковью (около 1900 г.). Также маркировать несколько объектов можно с конфессиональной точки: так, например, отождествить с историей немецкой общины города можно Евангелистско-лютеранскую церковь (1894 г.), другим примером является синагога (1881 г.). Отметим, что это единственный памятник еврейской истории города, включенный в перечень.

Можно задаться вопросом о необходимости этнического и конфессионального маркера в названии объекта в тексте официального документа. Вероятно, сильной необходимости в этом нет. Однако это становится важным, когда современные национальные сообщества в публичном пространстве апеллируют к материальным памятникам города как местам, связанным с национальной историей этого сообщества в городе, тем самым подчеркивая свою «древность» и преемственность.

Так, например, на VI Фестивале еврейской культуры (Краснодар, 14 октября 2018 г.) демонстрировалась презентация, несколько слайдов которой были посвящены истории евреев на Кубани. К числу материальных еврейских (иудейских) объектов были отнесены:

хазарские надгробия Таманского п-ова, здания дореволюционной и современной синагоги, участок еврейского кладбища, дом, в котором жил С.Я. Маршак в 1920–1922 гг., особняк С.С. Бейма (Краснодар)¹. Схожим примером также является интервью бывшего главы (до мая 2021 г.) Краснодарской ортодоксальной иудейской общины: «Понятно, что если в городе есть старое еврейское кладбище, то, значит, община была большой. Потому что там, где есть евреи, не всегда есть еврейское кладбище. Но раз оно есть и в былые времена занимало не один квартал, а гораздо больше, то, соответственно, и община была немаленькой»². К этим же памятникам обращаются активисты еврейской общины в телесюжете «Ода народу» краснодарской телекомпании, посвященной евреям Кубани³. С одной стороны, в этом процессе мы можем усмотреть форму репрезентации коллектива через привязку его к конкретному объекту. С другой, способ формирования и упрочения социальной памяти «той социальной группой, которую она сплавивает»⁴. Таким образом, можно сказать, что этническая маркировка памятника культуры прежде всего необходима самому национальному сообществу для укрепления своей идентичности. Большинство упоминаемых исторических памятников, безусловно, относится к еврейской истории города, хотя некоторую фактологическую точность необходимо внести. Конечно, хазарские надгробия, которые датируются археологами VIII–IX вв., нельзя отнести к еврейским или же иудейским памятникам. В том контексте, в котором этот факт приводится, усматривается одна из функций социальной памяти, согласно которой общество уходит в мифы и легенды, позволяющие себя идентифицировать и выстроить ценностно-смысловую ориентацию повседневной жизни⁵. В Краснодаре количество памятников еврейского наследия невелико, данный факт отмечался исследователями ранее⁶. Причину данного состояния следует искать в истории евреев города. Первые архивные упоминания об евреях на Кубани относятся к 1829 г. Однако точно проследить, с какого момента зарождается еврейская община Екатеринодара (с 1920 г. – Краснодар), невозможно. Нам известно, что в 1880-е гг. в Екатеринодаре уже существовало здание синагоги⁷ (рис. 1) и участок еврейского кладбища, границы которого обозначены на городской карте 1888 г., составленной краеведом Е.Д. Фелицыным (рис. 2). Архивные источники свидетельствуют также о прокатившемся по городу в октябре 1905 г. еврейском погроме, в котором постра-

Рис. 1. Здание синагоги, 1881 г.

¹ ПМА – полевые материалы автора, этнографическое исследование еврейской общины Краснодара, ноябрь 2017 г., март 2020 г., июль 2021 г., Краснодар.

² Интервью с главой еврейской общины Краснодара / В. Дереза, Е. Синеок // Юга.ру [Электронный ресурс]. URL: <https://www.yuga.ru/articles/society/8938.html> (дата обращения: 05.11.2021).

³ Телевизионный сюжет «Ода народу. Евреи» // Краснодар24 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=CP1slekF3kA> (дата обращения: 05.11.2021).

⁴ Романовская Е.В. История и память // Власть. 2012. № 9. С. 80–82.

⁵ Касьянов В.В., Чупрынников С.А. Историческая память, социальная память: диалектика взаимодействия // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2020. № 4 (269). С. 57.

⁶ Кирей Н.И. Евреи Краснодарского края // Бюллетень: Антропология, Меньшинства, Мультикультурализм. 2000. Вып. 2. С. 134–144.

⁷ Бондарь В.В. Екатеринодарская синагога – памятник истории и культуры столицы казачьего края // Религиозная и национально-культурная политика государственной власти в Российской империи. М.; Краснодар, 2015. С. 248–256.

дали семьи многих видных еврейских деятелей кубанской столицы⁸. В дореволюционный период в Екатеринодаре не существовало четко очерченного «еврейского» района. «Звезда Давида» на фасадах домов дореволюционного Екатеринодара краеведами никогда не отмечалась⁹. Еврейское население было малозаметным в общей массе населения: его численность, по данным на 1897 г., составляла менее 1 % городского населения¹⁰.

В советский период евреи города также не оставили существенный материальный след. Существование религиозной общины в советский период прерывалось разного рода катаклизмами. Благодаря проводившейся политике коренизации и просвещения национальных меньшинств в 1923 г. в Краснодаре открылась еврейская национальная школа. По заключению Краснодарского крайисполкома синагогу закрыли в 1936 г.¹¹ Вновь зарегистрировать общину евреи Краснодара сумели в 1946 г., но уже в 1950 г. она была снята с регистрации¹². В 1964 г. было закрыто еврейское кладбище, большую часть территории которого отдали под городскую застройку.

Вследствие ревитализации еврейской жизни в постсоветской России в Краснодаре после длительного перерыва в декабре 1992 г. была открыта религиозная община «Макор», в 1993 г. зарегистрировано общество еврейской культуры «Шалом», в 1997 г. – еврейская благотворительная организация «Хэсэд-Тиква». В 2002 г. была зарегистрирована община ортодоксального иудаизма, субъект Федерации еврейских общин России.

Благодаря деятельности новых институций еврейской общины удалось как создать новые объекты, так и запустить процесс сохранения еврейского наследия города. Наиболее наглядно продемонстрировать процессы стоит при помощи двух кейсов.

Кейс 1. Синагога. Мы уже не раз упоминали, что среди объектов наследия наиболее сильно выделяется здание синагоги. Акцент на ней сделан неслучайно. Существование еврейской общины, даже численно небольшой, было невозможно без существования молитвенного дома. Поэтому евреи в разных городах империи, даже находясь нелегально за пределами черты оседлости, стремились организовать молитвенное помещение или же его возвести. Первоначально в Екатеринодаре существовало здание деревянной синагоги, однако затем было построено каменное здание, которое сохранилось до наших дней. В постсоветское время иудейская религиозная община «Макор» также оказалась в ситуации отсутствия своего собственного помещения. Отчасти эту проблему община решала при помощи городских властей, занимая пространство в муниципальных организациях, например, в

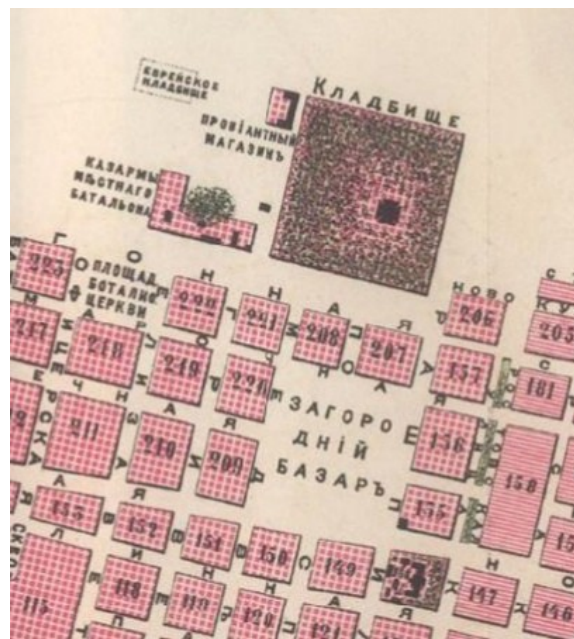

Рис. 2. Еврейское кладбище на карте 1888 г.

⁸ Марков В.Н. Антисемитизм на Кубани: Екатеринодарский погром 1905 г. // Социальные науки и социальные технологии в России. Вып. 2. Майкоп, 2007. С. 18–24.

⁹ Казачек Е. Евреи Кубанской области в XIX–XX веках: историко-культурный аспект // Грани 2002: материалы научной сессии ФИСМО. Краснодар, 2002. С. 101–116.

¹⁰ Норкина Е.С. Еврейская община за чертой оседлости во второй половине XIX – начале XX вв. (на примере еврейской общины Екатеринодара) // Былые годы. 2019. Вып. 51. С. 296–305.

¹¹ Колесов В.И. Преодолевая черту: страницы истории еврейской общины Екатеринодара – Краснодара // Екатеринодар – Краснодар: 140 лет городского самоуправления. История и современность: мат-лы межрегион. науч.-практ. конф. Краснодар, 2007. С. 54–58.

¹² Колесов В.И. Сталинский религиозный «ренессанс» и общины иудейского вероисповедания в Краснодарском крае (1945–1950-е гг.) // Historica Caucasia: Региональный исторический сборник научных статей. 2004. Вып. 3. С. 23–29.

Краснодарском доме ученых и инженеров, где община проводила праздники¹³. Также была возможность проводить праздники в помещении Краснодарского центра национальных культур, где получило свой кабинет общество еврейской культуры «Шалом».

Но необходимость иметь собственное здание оставалась. Созданная в 2002 г. община ортодоксального иудаизма предприняла попытку возвращения исторического здания синагоги. Отметим, что в 1990-е и начале 2000-х гг. во многих городах России шел процесс возвращения исторических зданий синагог¹⁴. В некоторых городах, где не сохранилось зданий, городские власти передавали другие строения на правах долгосрочной аренды: например, в Екатеринбурге также была другая форма выделения земельных участков религиозным общинам под строительство.

Однако религиозной общине в Краснодаре не удалось вернуть прежнее здание, расположенное на улице Ленина, 39. В настоящий момент в нем располагается Управление Федеральной службы государственной регистрации, кадастра и картографии по Краснодарскому краю. Получить землю под застройку также не удалось. Во время интервью один собеседник указал, *«что проект новой синагоги не прошел общественные слушания, проект зарубили – не разрешили»*¹⁵.

Вопрос синагоги в конечном итоге был решен другим способом – благодаря спонсорской помощи религиозной общине удалось выкупить земельный участок с недостроенным строением в центре города, расположенный на улице Кузнечная, 27. Затем община на протяжении нескольких лет постепенно достраивала здание, и в 2013 г. состоялось торжественное открытие новой синагоги (рис. 3). Так на карте города появился новый еврейский культовый объект.

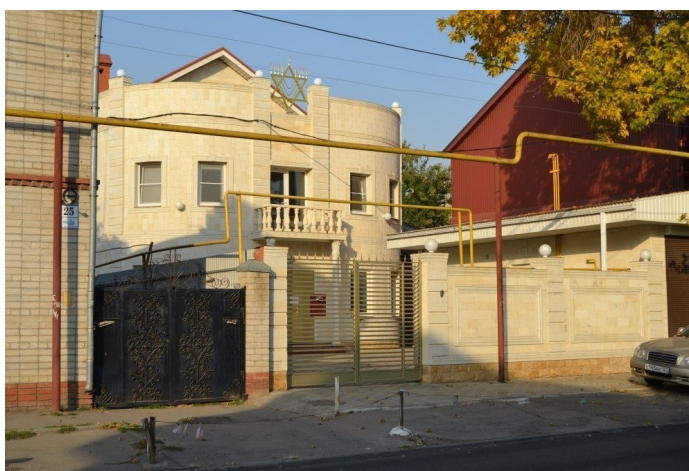

Рис. 3. Современная синагога, открыта в 2013 г.

Кейс 2. Еврейское кладбище. Не менее важным объектом является сохранившийся участок еврейского кладбища. В конце 1990-х гг. еврейскому сообществу города пришлось вступить в борьбу за сохранение данного объекта наследия. Поводом к тому послужило то, что данный участок городские власти намеревались отдать под застройку, однако его удалось сохранить и впоследствии привести в порядок. Статус территории кладбища удалось закрепить ортодоксальной общине в 2007 г., заключив с муниципалитетом договор о восстановлении и сохранении кладбища¹⁶. Так, по периметру было установлено ограждение, а силами общины удается поддерживать участок в чистоте. При том что в процессе уборки территории задействованы не только члены религиозной общины, но и волонтеры других еврейских организаций Краснодара¹⁷.

Однако еврейские активисты не остановились на достигнутом статусе и продолжили юридическое закрепление территории, результатом усилий стало включение в июне 2019 г. кладбища в перечень выявленных объектов культурного наследия Краснодарского края¹⁸. Согласно закону «Об объектах культурного наследия», включение в данный перечень явля-

¹³ ПМА. Интервью Информант 1 (дата записи: 21.07.2021); Интервью Информант 2 (дата записи: 07.07.2021).

¹⁴ ФЕОР за 20 лет возвратили 23 исторические синагоги // РИА Новости [Электронный ресурс]. URL: <https://ria.ru/20200129/1564001470.html> (дата обращения: 05.11.2021).

¹⁵ ПМА. Информант 3 (дата записи: 07.07.2021).

¹⁶ Еврейское кладбище в Краснодаре: мифы и легенды самого закрытого городского погоста / В. Приходько // VK PRESS [Электронный ресурс]. URL: <https://www.vkpress.ru/kultura/evreyskoe-kladbishche-v-krasnodare-mify-i-legendy-samogo-zakrytogo-gorodskogo-pogosta/?id=121196> (дата обращения: 05.11.2021).

¹⁷ «Здесь вместо цветов на могилу кладут камни». История Еврейского кладбища Краснодара // Юга.ру [Электронный ресурс] URL: <https://www.yuga.ru/articles/society/8843.html> (дата обращения: 05.11.2021).

ется промежуточным этапом. Теперь необходимо дожидаться проведения историко-культурной экспертизы и окончательного решения о включении в список объектов культурного наследия края.

Таким образом, материальное еврейское наследие Краснодара можно представить следующим образом. В силу исторических факторов объекты, которые мы можем отнести к категории материального еврейского наследия, немногочисленны. Поэтому сохранившиеся памятники обладают существенной символической ценностью, так как позволяют современному еврейскому сообществу города обосновать свою историческую преемственность еврейской общине и при этом укрепить чувство этнической идентичности. При этом мы видим, что еврейское наследие города становится важным и в общем культурно-историческом плане, так как со стороны региональных органов власти памятники еврейской культуры признаются наследием края и оберегаются на законодательном уровне. Наиболее важными объектами становятся историческое здание синагоги и еврейское кладбище города.

Литература

Бондарь В.В. Екатеринодарская синагога – памятник истории и культуры столицы казачьего края // *Религиозная и национально-культурная политика государственной власти в Российской империи*. М.; Краснодар: Принт-сервис групп, 2015. С. 248–256.

Казачек Е. Евреи Кубанской области в XIX–XX веках: историко-культурный аспект // *Грани 2002: материалы научной сессии ФИСМО*. Краснодар: Кубанский государственный университет, 2002. С. 101–116.

Касьянов В.В., Чупрынников С.А. Историческая память, социальная память: диалектика взаимодействия // *Вестник Адыгейского государственного университета*. Сер. 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2020. № 4 (269). С. 54–61.

Кирей Н.И. Евреи Краснодарского края // *Бюллетень: Антропология, Меньшинства, Мультикультурализм*. 2000. Вып. 2. С. 134–144.

Колесов В.И. Преодолевая черту: страницы истории еврейской общины Екатеринодара – Краснодара // *Екатеринодар – Краснодар: 140 лет городского самоуправления. История и современность: материалы межрегиональной науч.-практ. конф.* Краснодар, 2007. С. 54–58.

Колесов В.И. Сталинский религиозный «ренессанс» и общины иудейского вероисповедания в Краснодарском крае (1945–1950-е гг.) // *Historica Caucasica: Региональный исторический сборник научных статей*. 2004. Вып. 3. С. 23–29.

Норкина Е.С. Еврейская община за чертой оседлости во второй половине XIX – начале XX вв. (на примере еврейской общины Екатеринодара) // *Былые годы*. 2019. Вып. 51. С. 296–305.

Романовская Е.В. История и память // *Власть*. 2012. № 9. С. 80–82.

References

Bondar', V.V. (2015). *Ekaterinodarskaya sinagoga – Pamyatnik istorii i kul'tury stolitsy kazach'ego kraia* [Ekaterinodar Synagogue a Monument of History and Culture of the Capital of the Cossack Region]. In *Religioznaya i natsional'no-kul'turnaya politika gosudarstvennoy vlasti v Rossiyskoy imperii*. Moscow, pp. 248–256.

Kazachek, E. (2002). *Evrei Kubanskoy oblasti v XIX–XX vekah: istoriko-kul'turnyy aspekt* [Jews in the Kuban Area in the 19th–20th Centuries: Historical-Cultural Aspect]. In *Grani 2002: sbornik statey*. Krasnodar, pp. 101–116.

¹⁸ Приказ администрации Краснодарского края от 25.06.2019 № 91-кн «О включении объектов, обладающих признаками объектов культурного наследия, в перечень выявленных объектов культурного наследия Краснодарского края» // Сайт Администрации Краснодарского края [Электронный ресурс]. URL: <https://admkrasnodar.ru/content/1287/show/486123/> (дата обращения: 05.11.2021).

Kas'yanov, V.V., Chuprynnikov, S.A. (2020). Istoricheskaya pamyat', sotsial'naya pamyat': dialektika vzaimodeystviya [Historical Memory, Social Memory: Dialectics of Interaction]. In *Vestnik Adygeyskogo gosudarstvennogo universiteta*. No. 4, pp. 54–61.

Kirey, N.I., (2000). Evrei Krasnodarskogo kraya [Jews of the Krasnodar Region]. In *Biulleten': Antropologiya, Men'shinstva, Mul'tikul'turalizm*. No. 2, pp. 134–144.

Kolesov, V.I. (2007). Preodolevaya chertu: stranitsy istorii evreyskoy obshchiny Ekaterinodara – Krasnodara [Crossing the Line: Pages of the History of the Jewish Community of Ekaterinodar-Krasnodar]. In *Ekaterinodar – Krasnodar: 140 let gorodskogo samoupravleniya. Istoriya i sovremennost'. sbornik statey*. Krasnodar, pp. 54–58.

Kolesov, V.I. (2004). Stalinskiy religioznyy “renessans” i obshchiny iudeyskogo veroispovedaniya v Krasnodarskom krae (1945–1950-ye gg.) [Stalin's Religious “Renaissance” and Jewish Communities in the Krasnodar Region (1945–1950)]. In *Historica Caucasica*. No. 3, pp. 23–29.

Norkina, E.S. (2019). Evreyskaya obshchina za chertoy osedlosti vo vtoroy polovine XIX – nachale XX vv. (na primere evreyskoy obshchiny Ekaterinodara) [The Jewish Community Beyond the Pale of Settlement in Late 19th – the Beginning of the 20th Centuries: the Case of Ekaterinodar]. In *Bylye gody*. Vol. 51, pp. 296–305.

Romanovskaya, E.V. (2012). Istoriya i pamyat' [History and Memory]. In *Vlast'*. No. 9, pp. 80–82.

Статья поступила в редакцию 25.11.2021 г.

Ушла из жизни профессор Виктория Сливовская

27 декабря 2021 года ушла из жизни Виктория Сливовская – профессор, доктор исторических наук, почетный доктор Российской академии наук, многолетний сопредседатель Российско-польской комиссии историков Российской академии наук и Польской академии наук, выдающийся ученый, легендарный деятель науки, человек высоких нравственных качеств и твердых убеждений. Ее долгий жизненный путь представляет собой пример беззаветного служения и беззаветной преданности науке.

Виктория Сливовская являлась, пожалуй, самым известным и уважаемым польским историком в России на протяжении последнего полувека.

В. Сливовская появилась на свет в Варшаве 26 июня 1931 г. в семье антиквара и библиофила Д. Левин-Ласки. Но вскоре мирное счастливое детство сменилось самым страшным, что можно себе представить – ужасами нацизма и холокоста. Виктория вместе со своей семьей оказалась в Варшавском гетто и, казалось, девочку

ожидала неминуемая гибель. 31 августа 1942 г. на глазах одиннадцатилетней Виси фашистскими оккупантами была убита ее мать, сама она чудом выжила во время облавы. Спасение организовала родная тетка – по новым документам на имя Виктории Заленской девочку вывезли из гетто.

После окончания лицея в Варшаве в 1949 г. Виктория поступила на исторический факультет Ленинградского государственного педагогического института им. А.И. Герцена, с отличием его окончила и вернулась в Польшу уже в качестве молодого перспективного ученого-историка. В России Виктория вышла замуж за однокурсника Рене Сливовского (1930–2015), будущего видного ученого-литературоведа, а также впоследствии и соавтора многих ее работ. Научно-творческое сотрудничество двух ученых стало залогом междисциплинарного подхода в их трудах. Научные интересы Виктории сформировались еще в студенческие годы – это история Польши и России XIX в., общественно-политическое движение XIX в., польско-российские общественно-политические и культурные связи и взаимовлияние, история ссылки (особенно польской ссылки в Сибирь).

В 1953 г. молодой историк Виктория Сливовская поступила в аспирантуру, ее научным руководителем стал профессор Стефан Кеневич (1907–1992, с 1970 г. академик ПАН). С этого времени научная биография В. Сливовской была теснейшим образом связана с Институтом истории Польской Академии наук, с его становлением и развитием – здесь она проработала более пятидесяти лет, пройдя путь от аспирантки до заведующего сектором, став выдающимся источниковедом и археографом.

В 1963 г. В. Сливовская защитила диссертацию о петрашевцах, издав через год по ее материалам свою первую монографию «Дело петрашевцев». Но настоящим научным бестселлером стала вышедшая из-под ее пера первая научная биография Николая I на польском языке «Николай I и его эпоха (1825–1855)» (1965). Огромное значение в своей научной деятельности В. Сливовская уделяла публикации источников. Ее первым опытом стала публикация «Воспоминаний революционера» П. Кропоткина (1959) и двухтомника «Памятники декабристов» (1960). В 1960–1980-е гг. В. Сливовская активно переводит на

польский язык и публикует памятники русской мемуаристики, а в 1990-е гг. и позже ее особенное внимание привлекают сибирские воспоминания поляков.

Виктория Сливовская как составитель и член главной редакции активно работала в советско-польском проекте по публикации серии «Восстание 1863 года. Материалы и документы» (1961–1994, 30 томов). Под фактическим руководством профессора В. Сливовской с 1978 г. выходило в свет многотомное советско-польское документальное издание «Польское освободительное движение и общественно-культурные связи в XIX веке. Исследования и материалы», благодаря которому в научный оборот было введено множество ценных материалов из российских архивов. В рамках этой академической серии был издан биографический справочник «Участники освободительных движений в 1832–1855 годах. (Королевство Польское)» (1990), и с этого времени В. Сливовская с огромным интересом погружается в историческую биографику, начинает систематизировать личные данные и посвящает свой исследовательский потенциал важнейшему направлению современной исторической науки – составлению биографических справочников и словарей. В. Сливовская работала методологию составления биографических справочников, в которой нашли отражение как принципы советской школы (В.А. Дьяков), так и традиции польской исторической биографики XIX – первой трети XX в. Благодаря профессору Сливовской в Институте истории ПАН была составлена уникальная персональная картотека польских ссыльных. В 1998 г. В. Сливовская опубликовала большой биографический словарь «Польские ссыльные в Российской империи в первой половине XIX века», включающий 2 674 персоналии (вместе с приложениями – информацию о 3 500 ссыльных).

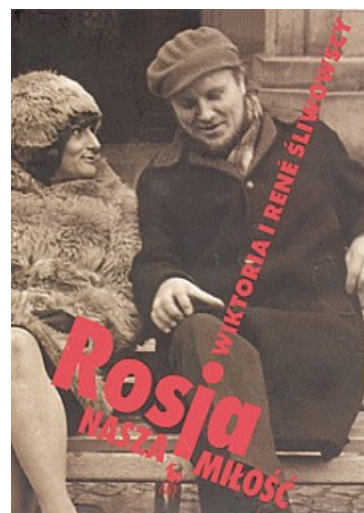
С середины 1950-х гг. Виктория Сливовская вела важную работу, направленную на интеграцию научных школ – она знакомила польских исследователей с достижениями советской исторической науки, регулярно подготавливая аналитические обзоры исследований по общественно-политической истории XIX в. Среди ее рецензий стоит отметить очерки, посвященные трудам М.В. Нечкиной, И.А. Федосова, П.Н. Олышанского, С.Б. Окуня, И.В. Пороха, Н.Я. Эйдельмана, Н.М. Пирумовой и др.

В числе работ профессора В. Сливовской, изданных уже в XXI в., необходимо отметить монографию «Побеги из Сибири» (2005) и публикацию дневников Ю.Г. Сабиньского (2009): сегодня оба этих труда, чрезвычайно важных для отечественной науки, переведены на русский язык. Виктория Сливовская всегда занимала твердую позицию против вульгаризации и политизации исторической науки, особенно в контексте проблематики изучения каторги и ссылки, критикуя мифологизированные и идеологизированные подходы, призывая всегда разделять правду и ложь, твердо и точно опираться на источники.

Нельзя не отметить духовный авторитет Виктории Сливовской. В 1990-е гг., продолжая активно заниматься научными исследованиями, она готовит к печати документальный сборник «Дети холокоста говорят...», продолжением которого стало издание «Черный год... черные годы...» (составление и комментарии В. Сливовской, 1993) – этими публикациями профессор Сливовская выразила свою общественную позицию в посткоммунистической Польше. В 2008 г. выходит книга объективных и честных воспоминаний Виктории и Рене

Виктория Сливовская.
Побеги из Сибири
(Санкт-Петербург, 2014)

Виктория и Рене Сливовские.
Россия – наша любовь
(Варшава, 2008)

Слизовских «Россия – наша любовь», в которой их частная жизнь предстает в контексте широкой картины жизни научной и творческой элиты Советского Союза.

Виктория Слизовская вписала свое имя в историю исторической науки, для которой сделала чрезвычайно много. А в наших сердцах она навсегда останется как чрезвычайно добрый, одухотворенный, отзывчивый человек со светлым характером, как духовно-нравственный образец в науке и в жизни, как личность, наделенная огромной силой духа.

*Е.Н. Туманик,
канд. ист. наук,
Новосибирская государственная
консерватория им. М.И. Глинки*

Памяти Наталии Николаевны Родигиной

19 февраля 2022 г. ушла из жизни Наталия Николаевна Родигина.

Наталия Николаевна родилась в г. Рыльске Курской области. В 1992 г. окончила исторический факультет Новосибирского государственного педагогического института.

В 1997 г. защитила кандидатскую диссертацию в Институте истории СО РАН по теме «Сибирское переселение в общественном сознании россиян второй половины XIX в.» (научный руководитель – д-р ист. наук, профессор Е.И. Соловьева). В 2006 г. защитила докторскую диссертацию «Образ Сибири в русской журнальной прессе второй половины XIX – начала XX в.» (научный консультант – д-р ист. наук, профессор В.А. Зверев). В 2009 г. получила звание профессора.

С 1996 г. Наталия Николаевна преподавала в Новосибирском государственном педагогическом университете, в последние годы жизни – профессором кафедры отечественной и всеобщей истории. С 2013 г. работала профессором кафедры теории и истории журналистики Новосибирского государ-

ственного университета, с 2019 г. – ведущим научным сотрудником сектора археографии и источниковедения Института истории СО РАН.

Область ее научных интересов была чрезвычайно широка: образ Сибири в общественном мнении второй половины XIX – начале XX в., репрезентации региона в детской литературе 1880–1980-х гг., интеллектуальная история, эго-документы русских интеллектуалов второй половины XIX в., история отечественной журналистики второй половины XIX–XX вв., репрезентации образа Сибири в делопроизводственных документах XIX в.

Начав с изучения переселенческого движения в Сибирь, она получила известность как яркий специалист по интеллектуальной истории и имагологии. В научном сообществе высоко ценится ее монография ««Другая Россия»: образ Сибири в русской журнальной прессе второй половины XIX – начала XX века», составленный под ее руководством указатель публикаций о Сибири в русской журнальной прессе конца имперского периода («Тема Сибири в русской журнальной прессе второй половины XIX – начала XX в.: аннотированный библиографический указатель»), коллективные монографии, подготовленные при ее активном участии, в том числе «The Russian Cold: Histories of Ice, Frost and Snow» (Ed. by J. Herzberg, A. Renner, I. Schierle. N-Y, Oxford. Berghahn Books, 2021).

Наталия Николаевна Родигина вела большую научно-организационную работу. Она была членом международных исследовательских организаций: BASEES (Британской Ассоциации Славянских и Восточноевропейских исследований), IABA (Европейской ассоциации автобиографических исследований), РОИИ (Российского общества интеллектуальной истории), состояла в редакционных коллегиях журналов «AvtobiografiЯ» (Университет Падуи, Италия), «Вестник Новосибирского государственного университета. Серия История. Филология» (Новосибирский государственный университет), «Гуманитарные науки в Сибири» (Институт истории СО РАН).

Профессиональный авторитет, широкая известность и получившие признание научные труды Наталии Николаевны сделали ее чрезвычайно востребованной при подготовке специалистов высокого уровня. Она являлась заместителем председателя Объединенного совета по

защите кандидатских и докторских диссертаций по историческим наукам, созданного при Омском педагогическом университете, членом совета по защите кандидатских и докторских диссертаций по историческим наукам, созданного при Институте истории СО РАН, членом совета по защите кандидатских и докторских диссертаций по филологическим наукам, созданного при Новосибирском педагогическом университете. Наталия Николаевна была членом ряда оргкомитетов международных и всероссийских научных и научно-практических конференций. Как профессор НГПУ и НГУ она многие годы читала оригинальные авторские курсы, руководила магистерскими программами, дипломными и магистерскими работами. Под ее руководством было подготовлено и успешно защищено шесть кандидатских диссертаций.

За безупречную научно-преподавательскую деятельность Наталия Николаевна награждалась почетными грамотами Министерства образования Российской Федерации, губернатора Новосибирской области, мэра г. Новосибирска, памятными знаками к 80-летию Новосибирской области, 125-летию г. Новосибирска. В 2014 г. ей было присвоено звание «Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации», в 2021 г. – почетного профессора Новосибирского государственного педагогического университета.

Коллектив Института истории СО РАН выражает свои искренние соболезнования родным и близким Наталии Николаевны.

Светлая память о замечательном, сердечном и отзывчивом человеке, блестящем, талантливом ученом навсегда сохранится в наших сердцах.